

1

15 - 44

67

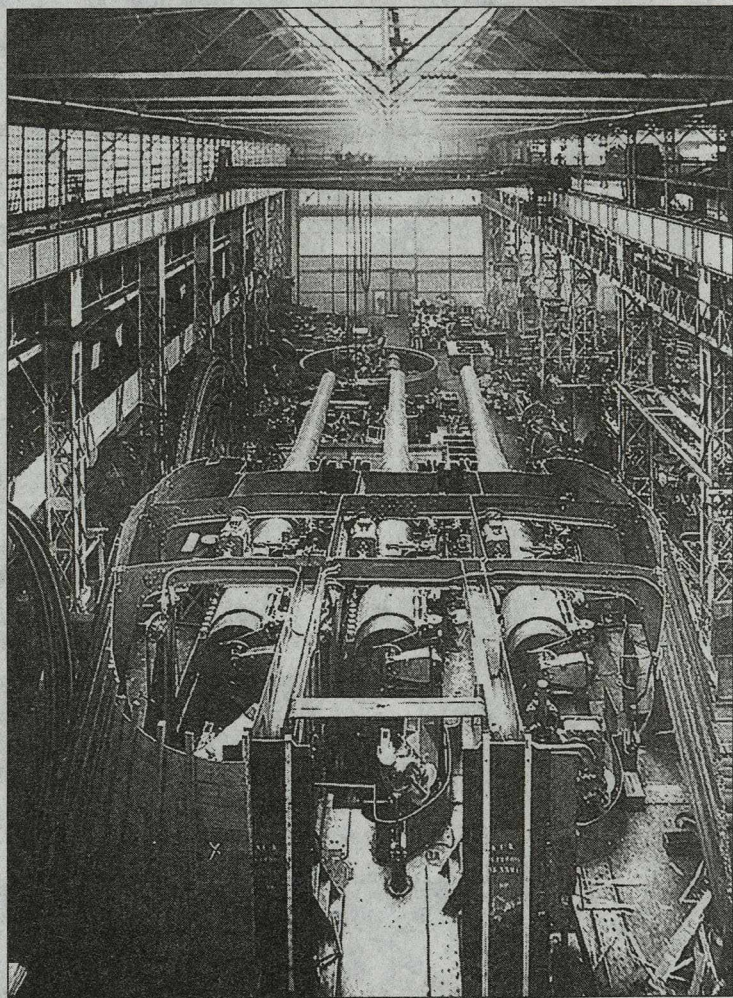
ир Поликарпов

РУССКАЯ ВОЕННО-ПРОМЫШЛЕННАЯ ПОЛИТИКА 1914—1917

Государственные задачи и частные интересы

РУССКАЯ ВОЕННО-ПРОМЫШЛЕННАЯ ПОЛИТИКА
1914—1917

1 $\frac{15-44}{67}$

75225

Владимир Поликарпов

РУССКАЯ ВОЕННО-ПРОМЫШЛЕННАЯ ПОЛИТИКА

1914—1917

Государственные задачи
и частные интересы

Москва
ЦЕНТРОЛИГРАФ

УДК 94(47).083
ББК 63.3(2)524
П50

РОССИЙСКАЯ
ГОСУДАРСТВЕННАЯ
БИБЛИОТЕКА

12682-15

Охраняется законодательством РФ
о защите интеллектуальных прав.

Воспроизведение всей книги или любой ее части
воспрещается без письменного разрешения издателя.

Любые попытки нарушения закона
будут преследоваться в судебном порядке.

*Оформление художника
Е.Ю. Шурлаповой*

Поликарпов В.В.
П50 Русская военно-промышленная политика. 1914—
1917. Государственные задачи и частные интересы. —
М.: ЗАО Издательство Центрполиграф, 2015. — 383 с.

ISBN 978-5-227-06136-2

Состояние военной промышленности может служить показателем уровня экономического и культурного развития страны. Насколько успешно Российская империя снабжала свою армию винтовками, оружием, боеприпасами? Чем были вызваны провалы в этой области? В какой мере удавалось возместить недостающее союзническими поставками? Поиск ответа на эти вопросы до сих пор является исследовательской задачей. Требуется отделить точно установленные данные, обоснованные источниками факты от надуманных построений, проследить реальную судьбу крупных замыслов и проектов, взаимодействие государственных структур и независимой от власти общественной инициативы. Развитие военной промышленности рассматривается в книге в связи с политическими и стратегическими решениями, в свете духовных традиций русской монархии.

Книга рассчитана на специалистов в области военной и экономической истории, а также на всех, кто интересуется историей российских вооруженных сил, причинами кризиса власти накануне 1917 года.

УДК 94(47).083
ББК 63.3(2)524

2012068609

ISBN 978-5-227-06136-2

© Поликарпов В.В., 2015
© ЗАО «Издательство
Центрполиграф», 2015
© Художественное оформление,
ЗАО «Издательство
Центрполиграф», 2015

ОТ АВТОРА

Состояние военно-промышленного производства России в 1914—1917 гг. представляет интерес не только ввиду важности этой хозяйственно-политической сферы для исхода борьбы на Восточном, или Русском, фронте Первой мировой войны и для судьбы империи, но и в более общем плане. Военное производство, являясь средоточием высших технических достижений, отражает уровень развития и возможности общества в целом. Итоговое напряжение этого ресурса жизнеспособности режима показательно для объективно значимой, разноплановой оценки всего пройденного государством пути. Но это же создает и трудности при выяснении взаимосвязи экономических, политических и социально-структурных факторов назревавшего кризиса.

Развитие военной техники, производство вооружений, деятельность занятых в нем специалистов и рабочих, а также взаимоотношения государственных органов с частной инициативой и общественными силами в условиях тяжелейших испытаний — все это изучает российская (а прежде — советская) и зарубежная историография, накопив за истекшие сто лет немалый запас фактических сведений и опыт исследования источников. Некоторые выявившиеся сложные проблемы традиционно порождают разногласия, свидетельствующие об актуальности затрагиваемых тем.

В качестве одного из таких спорных вопросов сохраняет свое значение общая оценка способности внутреннего производства удовлетворить потребности вооруженных сил.

Существующие представления иногда резко расходятся, что вызывает необходимость привлечь дополнительные материалы, проясняющие картину, и здесь до полного, окончательного результата еще далеко. То же можно сказать и о соотношении производства боевых средств внутри России с заграничным снабжением. Несмотря на значительное внимание, издавна уделяемое этой стороне вопроса, многие количественные, статистические характеристики лишены убедительности вследствие отсутствия вполне надежных источников и из-за влияния идеологических пристрастий на истолкование имеющихся данных.

Остро дискуссионным является освещение сотрудничества с властью «общественных» организаций и предпринимательских кругов, а также сравнение эффективности хозяйствования государственных и частных военных заводов. Эти аспекты также имеют свою идеологическую подоплеку, и она влияет на использование чрезвычайно сложных, в значительной мере фальсифицированных источников.

Военная обстановка произвела ускоренный, революционный по сути, пересмотр отношения и высшей власти, и низов общества к одному из главных устоев государственного порядка — принципу неприкосновенности права собственности. В официальной идеологии этому принципу издавна противостояла еще более непреложная вера в самобытность архаической традиции, признававшей частное владение военными предприятиями не правом, а условной привилегией. Вопреки распространенному в последнее время мнению, отхода от этой веры и традиции, признаков какой-то модернизации правового режима не наблюдалось. Наоборот, самодержавие в годы войны отбросило последние буржуазные «предрассудки» и энергично пользовалось чрезвычайной обстановкой для присвоения военных предприятий путем экспроприаций. Власть, сознавая всю зажигательность такого примера для неимущих, не смогла удержаться от опасного соблазна и создавала зримые прецеденты произвольной перекройки имущественных прав. Ее действия вызвали в разных концах империи мощный отклик в виде движения рабочих с требованием отнять военные заводы у рыцарей наживы.

Вместилищем и итогом накопившихся в литературе противоречий служит тема кризиса, постигшего российскую экономику в военных условиях. Еще в советское время, сорок лет назад, тема эта стала казаться «заезженной», что провоцировало утверждать противоположное: страна переживала стремительный, «взрывной» рост, отсюда и болезненные явления в ее развитии, принимаемые ошибочно за упадок. Сложилось преобладающее мнение, что на третий год войны русская армия не только обладала численной мощью, но и едва ли не превосходила другие армии по техническому оснащению — результат того, что произошел необыкновенный экономический подъем. Такая точка зрения широко представлена в новейшей российской литературе. В ней «все активнее звучит постановка вопроса о том, что причины русских революций 1917 г. надо искать не в провале, а в успехах модернизации, в трудностях перехода от традиционного общества к современному, которые в силу ряда причин оказались непреодолимыми»¹. В том же направлении решают этот вопрос многие историки за рубежом: «Россия не рухнула экономически. Самодержавие потерпело скорее политический крах»; более того, хозяйственный кризис в то время «не являлся кризисом упадка», «это был больше кризис роста»².

В зарубежной литературе версия о «созидательной» стороне войны восходит к старым работам берлинского профессора Вернера Зомбарта; она отвечала задачам Третьего рейха в его подготовке ко Второй мировой войне. В 1940—1960-х гг. эта идея была критически рассмотрена историка-

¹ *Россия в Первой мировой войне. 1914—1918. Энциклопедия в трех томах.* М., 2014. Т. 1. С. 11.

² *Holquist P. Making War, Forging Revolution. Russia's Continuum of Crisis, 1914—1921.* Cambridge (Mass.), 2005. P. 45; *Keegan J. Der Erste Weltkrieg. Eine europäische Tragödie.* 3. Aufl. Hamburg, 2004. S. 386, 616. Дж. Киган опирается на «убедительное» заключение Н. Стоуна, автора «обязательной», «лучшей» работы о Восточном фронте (*Stone N. The Eastern Front, 1914—1917.* N.Y., 1975. P. 208, 209, 211), а П. Холквист также и на П.Б. Струве. Но Струве высказывал и противоположное мнение: война расстроила экономическую жизнь страны, в частности, он отмечал «сокращение промышленного производства на 15—20%» (цит. по: *Корицкий Э.Б., Ниницева Г.В., Шетов В.Х. Концепция централизма и демократии в российской истории хозяйствования 20—30-х годов.* СПб., 2000. С. 56).

ми США, Франции и Англии, и теперь на Западе специалисты по истории Первой мировой войны полагают, что утверждения о позитивном влиянии войны являются «грубым преувеличением»¹. В советских условиях 1970-х и последующих лет возрождение подобного подхода было связано с общей актуализацией военно-патриотических установок и проявилось в исследованиях историков как раз по проблематике Первой мировой войны. Известно, что в 1972—1974 гг. именно на участке истории Восточного фронта мировой войны был произведен идеологический прорыв: центральная власть, недовольная успехом солженицынского «Августа 1914 года» с его «безотрадным» изображением царской военной машины, повернула руль пропаганды. Был организован выпуск стотысячными тиражами и продвижение к массовому читателю книг Барбары Такман «Августовские пушки» (сокращенный популярный перевод) и Н.Н. Яковлева «1 августа 1914»². Военно-экономическая мощь и международная роль Российской империи стали рассматриваться в целом в «оптимистическом» духе. Насажде-ние «оптимистического» истолкования сопровождалось усилением цензурного давления. Аппаратному разгрому подверглось в 1971—1973 гг. так называемое «новое направление» в Институте истории СССР — проявившая строптивость группа наиболее компетентных специалистов, занимавшихся изучением экономических и военно-политических аспектов русской истории начала XX века («школа А.Л. Сидорова»).

Как отметил спустя четверть века после этого поворота Д. Сондерс, западная литература, подобно поздней советской, изображала развитие Российской империи в радужных тонах: «новейшие англоязычные работы копируют всю целиком советскую историографию с ее тенденцией под-

¹ *Winter J.M.* Introduction. The Economic and Social History of War // *War and Economic Development. Essays in Memory of David Joslin.* Cambridge U.P., 1975. P. 4—6; *De Groot G.J.* The First World War. Basingstoke, 2001. P. 154—155.

² *Ганелин Р.Ш.* Политические ситуации конца XX — начала XXI в. и исторические оценки причин гибели царизма // *Первая мировая война и конец Российской империи.* СПб., 2014. Т. 3. Февральская революция. С. 16—31.

черкивать то, что прогрессировало, за счет того, что оставалось неизменным»; в этих работах «искусственное выпячивание» явлений социально-экономического обновления производится «в ущерб изучению традиционализма, инерции и отсталости»¹.

«Применимость тезиса об отсталости России» до сих пор является вопросом, который волнует многих наших историков, отвергающих этот «стереотип»². Но сторонники более радикальной «формулы российского движения по пути общественного прогресса», не удовлетворяясь этим, предлагают и вовсе не стремиться к «простому сопоставлению с другими странами», а направлять внимание на иное — «выявление самобытности сил» России. «Сила страны — в числе ее жителей», а их в Российской империи было «больше, чем в Англии, Германии и Франции, вместе взятых, и в полтора раза больше, чем в США»³.

Столь непростая идейная предыстория проблемы побуждает с осторожностью воспринимать те или иные оценки и обобщения.

В исследованиях о русской экономической жизни 1914—1917 гг. ряд внешне вполне конкретных данных, перетекающих из одной работы в другую, утвердившихся в статусе хрестоматийных, не выдерживают проверки по источникам. Многое здесь берет начало из появившейся в 1975 году книги о русском Восточном фронте профессора Нормана Стоуна с изобилующими в ней недостоверными фактами и натянутыми цифрами. В самое последнее время шумную рекламу в России получил опыт статистико-экономического обобщения — совершенно несостоятельная в отношении периода 1914—1917 гг. работа «Первая мировая война, Гражданская война и восстановление: национальный доход России в 1913—1928 гг.» (М., 2013). В совокупности усилия авторов этой новой работы, А. Маркевича и М. Харрисона, а также Н. Стоуна и историков, использующих его данные,

¹ *Saunders D. The Static Society: Patterns of Work in the Later Russian Empire // Reinterpreting Russia. London, 1999. P. 127, 136—137.*

² *Опыт мировых войн в истории России: Сб. ст. Челябинск, 2007. С. 10. Предисловие.*

³ *Новейшая история отечества. XX век: Учебник для вузов. М., 1998. Т. 1. С. 4, 7.*

сводятся к изображению благотворного влияния военных условий на хозяйственное развитие страны и направлены в конечном счете на разъяснение полезных сторон милитаристской политики и самой войны.

Заслуживают обсуждения не только те или иные эмпирические сведения и их происхождение, но в некоторых случаях также и общий подход к предмету. Речь идет о понимании социального смысла военно-промышленной деятельности, функций государственного аппарата в этой области. Здесь предмет исследований легко обращается в поле пропаганды идей шовинизма, милитаризма, государственничества. Именно под ее влиянием накапливаются искаженные и тенденциозно подобранные фактические данные, формируется в целом превратная картина, служащая исторической апологии военно-полицейской бюрократии. Такого рода апология милитаристской и репрессивной политики выражается, в частности, в затушевывании провалов в снабжении фронта; любая независимая от власти общественная инициатива или организация рассматриваются как прикрытие подрывной работы; в массовых протестах усматриваются изменнические происки. Как показано ниже, становясь на такой путь, историография усваивает вульгаризированные методы работы с источниками и деградирует.

Все это говорит об острой нужде в систематическом рассмотрении надежности используемых сведений. Для движения вперед сейчас нередко может быть полезнее даже не «ввести в научный оборот» какие-то неизвестные источники и факты, а, наоборот, постараться удалить из обращения необоснованные построения, понять их происхождение. В этом и заключается смысл данной работы, имеющей характер попытки по возможности разобраться, чем мы располагаем, с чем можно идти дальше.

Автор также надеется, что она послужит знаком благодарной памяти о Рафаиле Шоломовиче Ганелине (1926—2014), всегда деятельно поддерживавшем этот замысел.

1. Производство вооружения как проблема в литературе и обществе

Военную промышленность рассматривают как составную часть международной системы угрозы и военных конфликтов; продукция ее, пишет П. Гэтрелл, либо используется для разрушительных действий, либо хранится в запасе до истечения срока годности. Хозяйственная и политическая практика своего времени заставляла различать используемые в военных целях производства, обособляя среди них изготовление собственно боевых средств — вооружения, боеприпасов, всего того, что идет на уничтожение людей, разрушение материальных ценностей и ни на что иное не пригодно. «Ни в одном имуществе его военный характер не выражается столь рельефно, как в имуществе артиллерийском, — утверждал в своем курсе лекций Е.К. Смысловский, — так как основным его назначением является поражение живой силы и разрушение всяких мертвых сооружений, хотя бы весьма полезных и необходимых для мирных целей, то есть деятельность не только не нужная для мирного времени, но и составляющая преступление»¹. Свою характеристику Гэтрелл раскрывает с экономической точки зрения: военная продукция не предназначена для производительного использования и столь же непригодна как средство личного потребления². Она представляет собой, таким образом, изготовленные для государства непосредственные потребительные стоимо-

¹ Смысловский Е. Артиллерийское снабжение: Очерк курса. М., 1925. С. 170.

² Gatrell P. Government, Industry and Rearmament in Russia, 1900—1914. The Last Argument of Tsarism. Cambridge U.P., 1994. P. 5—6. См. также: Кравченко Г.С. Экономика СССР в годы Великой Отечественной войны. М., 1970. С. 17.

сти — специфические предметы потребления, которые необходимы исключительно военному аппарату власти и выпадают из процесса обращения капитала¹.

Не учитывая этого, П.П. Маслов, много размышлявший об общественном значении военной экономики, в свое время ошибочно полагал, что и в военном производстве кругооборот капитала нормально замыкается, раз государство приобретает, оплачивает изготовленное (в своей или другой стране) вооружение². Но здесь действуют взаимосвязи «принципиально иные, нежели в обычном экономическом процессе», потому что постоянное возобновление средств борьбы, подача оружия достигаются «не в процессе конечного военного потребления, а в новом производственном процессе, поглощающем очередную часть сил и средств общества». В момент изготовления военно-промышленной продукции прекращается обращение ее стоимости; затем «воспроизводится лишь потребность» в ней³. Только отчасти Маслов был прав: предметы, приготовленные, казалось бы, для снабжения армии, но пригодные и для личного потребления, принципиально не отличаются от продукции гражданского назначения. Для определения же их действительного места в экономических процессах мало знать, на что они пригодны в принципе: на первый план выступает характер фактического их использования, все зависит от того, поступили ли они на деле в конечном счете в личное потребление полезного работника, то есть продолжают участвовать в обращении стоимостей, или же пропали, достались какому-нибудь унтеру Пришибееву⁴.

Наряду с артиллерийскими заводами и арсеналами, вообще специальными предприятиями — поставщиками военных ведомств, в снабжении вооруженных сил участвовали

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 46. Ч. 1. С. 457—459; Шигалин Г. Промышленность в условиях войны. М., 1930. С. 35.

² Маслов П. 1) Основы экономической политики. М.; Л., 1926. С. 46; 2) Проблема продукции (Еще о социальной проблеме). Пг.; М., [1923]. С. 41—42.

³ Кузык Б.Н. Экономика военной сферы. М., 2006. С. 41.

⁴ См. Бухарин Н.И. Экономика переходного периода. М., 1920. С. 38—39; Смысловский Е. Артиллерийское снабжение. С. 181; Кравченко Г.С. Указ. соч. С. 17; Хошимура Ш. Теория воспроизводства и накопления капитала. М., 1978. С. 60.

еще и многие другие предприятия, чуть ли не целиком крупнейшие отрасли промышленности, вплоть до текстильной. В исследованиях о военно-экономическом потенциале касаться производства предметов, не предназначенных именно для военно-государственного потребления, оказывается неизбежным. В трудах о военной экономике А.Л. Сидорова, К.Н. Тарновского, П. Гэттрелла и других историков соответствующее внимание уделено топливной, химической промышленности, металлургии и прочим номинально (и отчасти действительно) гражданским отраслям хозяйства.

Изолированному рассмотрению военного хозяйства препятствует также действовавшая статистическая классификация: специальные военные производства в ней, как правило, вовсе не фигурировали, скрытые в рубриках машиностроения, химии и других промышленных отраслей. На несовершенство принятой статистической классификации с точки зрения историка указал А.Л. Сидоров, не удовлетворенный подсчетами Н.Я. Воробьева: этот статистик «причисляет к “государственной обороне” только снаряды, оружие и другие предметы разрушения, а все остальные предметы, которые могли употребляться для мирного обихода, исключены, — писал Сидоров. — ...Получается довольно странная картина: пушка — предмет обороны, а металл и уголь, употребленные при ее приготовлении, — предметы мирного потребления»¹. Критическая мысль выражена здесь не вполне отчетливо, но правомерно: без искажения сути дела хозяйственные ресурсы, направленные на производство вооружения, не могут выпасть из рассмотрения.

Обращение исследователей к вопросу о месте, весомости военной индустрии в жизни империи породило разногласие в оценках того влияния, какое оказала на общее состояние экономики предвоенная гонка вооружений, — о роли ее в создании наблюдавшегося промышленного оживления и подъема. По мнению ряда авторов, происходившее в 1912—1914 гг. вовлечение все более обширного круга предприятий в исполнение военных заказов не имело решающего

¹ Сидоров А.Л. Влияние империалистической войны на экономику России // Очерки по истории Октябрьской революции. М.; Л., 1927. Т. 1. С. 92.

значения, промышленный подъем имел в основе естественные рыночно-конъюнктурные процессы. Другие же считают, что именно бросив на вооружения средства, собранные благодаря удачным урожаям и высоким мировым ценам на хлеб, а также путем внешних займов, правительство вызвало промышленное оживление и рост.

Действительно, российская индустрия получила от военных ведомств столько заказов, что оказалась не в состоянии покрыть их запросы. Выступая перед промышленниками в мае 1914 г., министр С.И. Тимашев указывал на появление «сильно приподнятого спроса, на который промышленность ответить не может». Этот «колоссальный, быть может, беспремерный в истории нашей промышленности» спрос, сказал министр торговли и промышленности, «как вы знаете, прежде всего и главным образом вызывается крупными заказами казны. Мы имеем перед собою на полмиллиарда заказов по программе [военного] судостроения, огромные расходы на перевооружение армии, постройку [стратегических] железных дорог, коих разрешено на сумму свыше 700 млн руб., портостроительство... Ответить на такой спрос сразу, без подготовки совершенно невозможно»¹. На этой основе, по существу, складывалось то, что ныне нередко именуют командной экономикой.

Состоялись огромные по российским масштабам бюджетные ассигнования. Получив все мыслимые военные заказы и авансы, дельцы спешно возводили новые предприятия, расширяли существующие; сооружали верфи. Размах этой деятельности превысил внутренние возможности и ресурсы: и металла и топлива не доставало, нехватку приходилось покрывать беспошлинным ввозом, с ущербом для таможенных доходов бюджета. Частные и казенные заводы, принявшие артиллерийские заказы, в том числе Петроградский оружейный, Путиловский, Обуховский, срывали сроки, опаздывая на многие месяцы — уже и во время войны; не справлялось с обязательствами акционерное общество, взявшееся соорудить в Царицыне крупнейший в империи завод тяжелых орудий. Часть военных и морских заказов

¹ Торгово-промышленная газета. 1914, 3 мая.

пришлось отдать иностранным фирмам, не исключая германские. И не хватало ресурсов, чтобы соорудить дорогу Донбасс—Москва и этим решить проблему доставки топлива в центры военной промышленности¹. Проектирование другой дороги, столь же нужной стратегически, на Мурманск, к открытому океану, минуя Босфор и Дарданеллы, при давным-давно осознанной ее необходимости, началось только после открытия военных действий.

Яснее оценить значение правительственных ассигнований для промышленного подъема можно, если учесть, что в предвоенные два года держалась неблагоприятная для инвестиционной деятельности хозяйственно-политическая конъюнктура. Если в 1913 г. насчитывалось 4186 млн руб., вложенных в акционерное дело, то к 1914 г. осталось лишь 3595 млн, «то есть 14% общей суммы денег... за один год погибло. Предприятия ликвидированы, но это и есть гибель», — констатировал Вл.И. Гурко, выступая в Государственном совете². «Гнет административной опеки» не дает заниматься ни промышленностью, ни торговлей, обменивались впечатлениями депутаты Думы, побывавшие на местах. Но «к этому присоединяется не прекращающееся угнетенное состояние биржи», крепнет убеждение в «неизбежности сельскохозяйственного и промышленного кризиса»³. Иностранные частные кредиторы и инвесторы ввиду международной напряженности проявляли сдержанность, несравнимую даже с 1904—1907 гг., когда поражения на Дальнем Востоке, волнения и восстания вызывали в «деловых кругах» в основном кратковременные колебания. На настроения теперь влияло не только ожидание надвигавшегося в Западной Европе экономического кризиса, но и тревога из-за Балканских войн, предчувствие большой войны⁴. К декабрю 1913 г. дело дошло фактически до биржевого краха, с кульминаци-

¹ Ганелин Р.Ш. В России XX века. Статьи разных лет. М., 2014. С. 349—350.

² СОГС XII. Пг., 1916. Стб. 380. Заседание 29.II.1916.

³ Вопросы истории. 2000. № 2. С. 3. Донесение осведомителя, 14.IV.1914.

⁴ Бородин Л.И., Коновалова А.В. Российский фондовый рынок в начале XX века. Факторы курсовой динамики. СПб., 2010. С. 200; Мошенский С.З. Рынок ценных бумаг Российской империи. London, 2014. С. 361, 370, 376, 506.

ей кризиса в Петербурге и Париже в начале июня 1914 г. «Неблагоприятные для экономической жизни обстоятельства, которые были отмечены в прошлогоднем нашем отчете, продолжались и в 1913 г., — жаловались финансисты. — Ибо хотя военные действия на Балканском полуострове закончились в половине года, но... тревожное настроение и страх перед новыми осложнениями всё тяготели над развитием экономической жизни, тормозя предприимчивость и вызывая сдержанность и дороговизну капитала... В продолжение всего отчетного года заметна была у нас большая дороговизна денег, сопряженная с крайнею осторожностью в предоставлении кредитов, причем исправность платежей оставляла желать многого»¹. Эта сдержанность и осторожность непосредственно отразились, например, на судьбе Путиловского и Невского заводов², поскольку их реорганизации и расширению помешал отказ в финансировании со стороны французских партнеров.

Даже после открытия военных действий, когда уже обнаружались признаки «снарядного голода», частные предпри-

¹ Отчет об операциях и положении дел Коммерческого банка в Варшаве за 1913 г., представленный Советом [банка]. Варшава, 1914; *Girault R.* Les relations économiques et financières entre la France et la Russie de 1887 à 1914. Lille, 1972. Т. 2. Р. 959, 988, 994—1002; *Нетесин Ю.Н.* Промышленный капитал Латвии. Рига, 1980. С. 154; *Торпан Н.И.* Финансово-монополистические группировки в военной промышленности на территории Эстонии в 1911—1917 гг. // Изв. АН ЭстССР. 1988. Т. 37. Вып. 1. С. 116—117; *Лизунов П.В.* Фондовая биржа и банки // Петербург. История банков. СПб., 2011. С. 257—260, 265.

² Здесь и далее наименования предприятий и фирм даны в их наиболее употребительных вариантах, с учетом того, что в полном виде официальные названия иногда были слишком громоздкими, так что в документах и печати своего времени они, как правило, заменялись условными, но хорошо узнаваемыми сокращениями. Например: «*Verrierie scientifique spéciale pour l'astronomie, l'optique & la photographie Parra-Mantois & Cie*» называли фирмой Парра-Мантуа, или «Русское общество для изготовления снарядов и военных припасов (Паравиайнен и К^о)» — Парвиайнен, или: «Общество железодельных, сталелитейных и механических заводов “Сормово”» — Сормовское общество, Сормовский завод. Нередко предприятия назывались в повседневной практике по имени основателя (Ремингтон) или владельца, индивидуального (Лебедев) либо семейного (бр. Бромлей, Шнейдер, Parra-Mantois), по месту нахождения («Общество Брянского рельсопрокатного, железодельного и механического завода» — Брянский завод). При использовании подобных варьирующихся условных сокращенных обозначений далее в тексте кавычки опускаются.

ниматели не проявили готовности направить собственные капиталы на развертывание артиллерийских производств. Новая «конъюнктура» не подействовала на движение этих капиталов сама по себе: экономика оказалась командной в наиболее прямом смысле. 18 сентября 1914 г. верховный главнокомандующий потребовал от военного министра дать максимальный «срочный заказ» русским поставщикам, привлечь частные заводы хотя бы «реквизиционным порядком» к выделке снарядов. Военный министр и сам еще 9 сентября через министра торговли и промышленности вызвал к себе представителей фирм, и они только тут узнали, какова действительная нужда в снарядах и что в создавшихся обстоятельствах для правительства «вопрос о цене имеет второстепенное значение». Прибывший на это совещание начальник Генерального штаба «с последней телеграммой о требованиях на снаряды, полученной недавно из Ставки... стал чуть ли не кричать с пафосом и негодованием на мизерность предполагаемых поставок по сравнению с требованиями армии и заявил о критической необходимости получать снарядов втрое больше, какой угодно ценой»¹.

Для того чтобы разобраться, в каком состоянии находится изучение военно-промышленной деятельности 1914—1917 гг., нужно иметь в поле зрения исследования 1950-х — начала 1990-х гг. В двух книгах А.Л. Сидорова — диссертации 1943 г. (издание ее было задержано до 1973 г. по идеологическим причинам)² и монографии «Финансовое положение России в годы Первой мировой войны (1914—1917)» (М., 1960) — представлен материал, всесторонне характеризующий развитие российской экономики во время Первой мировой войны. За минувшие 50—70 лет не появилось труда, который при такой же полноте охвата (отвлекаясь от неизбежных частных ошибок и недочетов) поднял бы изучение предмета на более высокую ступень. Другая достигнутая вер-

¹ Сидоров А.Л. Экономическое положение России в годы Первой мировой войны. М., 1973. С. 24—26; Генерал В.А. Сухомлинов. Дневник. Письма. Документы. М., 2014. С. 361.

² См. dlib.rsl.ru/01003391035. С. 187.

шина — исследования К.Н. Тарновского о металлургии¹ и П.В. Волобуева о топливной индустрии и экономической политике Временного правительства, книга П.Д. Дузя об авиации². В монографии «Советская историография российского империализма» (М., 1964) Тарновский проанализировал и сам процесс изучения экономической проблематики российского «империализма»³. Эта новаторская работа, появившаяся на излете первой «оттепели», содержит осмысление уроков полувековой деятельности историков и обоснование пересмотра устоявшихся представлений. Конечно, даже лучшие исследования советского времени не могли не уступать давлению навязываемых официальных схем. Тем не менее многие историки серьезно относились к своему научному поиску и, соответственно, к критике источников, а марксистская теория, служившая им руководством, предполагала рационализм и логичность. На первый план выдвигались проблемы теоретического осмысления явлений. В последующие 30 лет — усилиями главным образом участника оживленных дискуссий 1960-х — начала 1970-х гг. К.Ф. Шацилло — изучение военной экономики продвинулось как раз в том направлении, какое было намечено на ряде состоявшихся конференций. Размышляя о путях исследования, Шацилло пришел к обобщениям, которые не только сохраняют силу, но и приобретают ныне особую остроту.

Труды К.Ф. Шацилло, сосредоточенные прежде всего на десятилетиях, предшествовавших Первой мировой войне, важны тем, что помогают оценить состояние военной индустрии к 1914 г. Кроме того, в них автору удалось раскрыть влияние на военно-промышленную политику стратегических и внешнеполитических устремлений власти; развитие вооруженных сил он рассматривал как узловую проблему, связывающую во-

¹ Тарновский К.Н. Формирование государственно-монополистического капитализма в России в годы Первой мировой войны (на примере металлургической промышленности). М., 1958.

² В связи с арестом первое издание его труда вышло в 1944 г. без обозначения авторства.

³ Высказанные в монографии идеи, с учетом нового в литературе, были воспроизведены в запрещенных диссертации (1971) и монографии («Социально-экономическая история России. Начало XX в. Советская историография середины 50—60-х годов» (издана в 1990 г. посмертно, как и «Экономическое положение России» Сидорова).

енную организацию страны со «всемирным экономическим и культурным строем»¹. Выявив архаические черты, свойственные российской военной индустрии, Шацилло (как и В.В. Адамов — по Уралу) сделал радикальный вывод о докапиталистической природе этого уклада экономики, идущий вразрез с представлениями сторонников «теории модернизации».

На исследования, столь тесно сопряженные с военными и внешнеполитическими аспектами экономической истории, естественно, воздействуют процессы, происходящие в идеологии, в чем имели возможность убедиться историки с опытом пережитых «оттепелей» и попятных сползаний. Знаменательные сдвиги были отмечены участниками конференции, проведенной в 1994 г. Ассоциацией историков Первой мировой войны. Выступая на конференции, В.И. Миллер наряду с «характерным для последних лет восхвалением Романовых и их ближайшего окружения» указал также на «стремление части политиков и публицистов “разделаться” с идеей интернационализма» и возрождение национализма в его шовинистическом варианте. Есть «немало тех, кому будет неприятна правда о той далекой... войне», сказал Миллер, и «уповать на “благоприятную” для исследователей историографическую ситуацию... не следует»².

З.П. Яхимович тоже обратила внимание на создавшиеся «условия крутой ломки методологических и ценностных ориентиров» и при этом — на стремление историков без «серьезной научной разработки» проблем заполучить откуда-нибудь готовым новый «эталон научной объективности и беспристрастности». Поспешно избавляясь от своих вчерашних воззрений, они проникаются иными идеологическими установками и примеряют к ним «соображения об объективных либо ложно понятых государственных и национальных интересах». Исследователи, способные критически оценивать источники, не заблуждались относительно того, что «понятие националь-

¹ Шацилло К.Ф. Русский империализм и развитие флота накануне Первой мировой войны (1906—1914 гг.). М., 1968. С. 6—8. Шацилло в данном случае цитировал В.И. Ленина.

² Миллер В.И. Первая мировая война: к анализу современной историографической ситуации // Первая мировая война. Пролог XX века. М., 1998. С. 60. Та же нота прозвучала у В.С. Дякина: «Пока есть возможность, надо исследовать...» (Анатомия революции. СПб., 1994. С. 52).

ных интересов, широко использованное для оправдания войны правящими кругами», получало разное истолкование и внутри господствующих классов, и в массах населения, но не имело объективного содержания; правители государств, втянувшие свои страны в мировой конфликт, не понимали, что делают, имели ложные представления о преследуемых целях и о том, чего это может стоить¹.

Приведенные наблюдения, как показало дальнейшее, отражали реалистическое понимание перемен. Сущность сдвига определил в посмертно изданной книге Шацилло. Многие авторы, писал он, «вольно или невольно считавшие себя последовательными марксистами... превращались в заурядных великодержавников, апологетов милитаризма», отстаивая задним числом претензии властителей империи на «место в “европейском концерте”» — претензии, несоразмерные военно-экономическим возможностям страны, при губительных для ее развития последствиях. Ввязываясь в войну, режим Николая II ставил перед собой невыполнимые задачи, противоречившие «нуждам и состоянию России». В своем анализе военно-экономической политики Шацилло проводил различие между «общегосударственными» интересами с точки зрения «правлящей бюрократической клики» и насущными интересами большинства народа².

¹ Яхимович З.П. О некоторых вопросах методологии исследования происхождения Первой мировой войны // Первая мировая война. Пролог XX века. С. 17, 18, 20; см. также: Улунян Ар.А. Балказия и Россия. М., 2002. С. 73—74, 138, 139, 166, 202. О научной бессодержательности самого понятия «национальные интересы» высказывались ранее по докладу И.В. Бестужева участники теоретического семинара В.И. Бовыкин, В.М. Кулиш, А.М. Станиславская (Историческая наука и некоторые проблемы современности. М., 1969. С. 406, 416, 422, 423, 426), к тому же выводу приходят и другие исследователи (см.: Researching World War I. A. Handbook. Westport, Conn., 2003. P. XVI. Introduction; Минц М.М. Германия в Первой мировой войне: современная немецкая историография // Первая мировая война: Современная историография: Сб. обзоров и рефератов. М., 2014. С. 30. Речь идет о кн.: Müller S.O. Die Nation als Waffe und Vorstellung: Nationalismus in Deutschland und Großbritannien im Ersten Weltkrieg. Göttingen, 2002). Ныне, как замечено, политология относит «национальные интересы» к своим «базовым понятиям» (Быков О.Н. Национальные интересы и внешняя политика. М., 2010. С. 221) и усиленно разрабатывает эту золотую жилу.

² Шацилло К.Ф. От Портсмутского мира к Первой мировой войне. М., 2000. С. 7—12.

В конечном счете после недолгой второй «оттепели» вновь наступила реакция. Пропаганда великодержавности потребовала от историографии переключиться с обоснования закономерности революции путем рассмотрения ее «социально-экономических предпосылок» — на противоположную задачу: показать, какую процветающую империю погубила беспочвенная злодейская революция. Такого рода вывернутая наизнанку конъюнктура породила истолкование событий 1914—1917 гг. под характерным политологически-полицейским углом зрения — андрологический, так сказать, подход¹: революция есть «организованный активной частью контрэлиты с использованием мобилизации масс антиконституционный переворот», пишет Вяч. Никонов; все это «творят... не массы, а люди с именем и фамилией»². И адресами. Для полицейского ума наиболее привычно убеждение, что беспорядков просто так не бывает, должен быть «элитарный зачинщик», побуждающий массы к революционным действиям³.

Ввод новых установок сопровождался театральным осуждением прежней идеологии за недостаточное человеколюбие, поскольку она отвергала «абстрактный гуманизм». В итоге же на смену классовому и интернационалистскому (хотя бы формально) подходу пришло в качестве официального государственническое понимание «национальных интересов»⁴. Человеколюбия от этого не прибавилось, потому что и теперь требовалось осуждать вовсе не насилие как таковое, само по себе, а лишь именно идеологию революционной гражданской («братоубийственной») войны⁵. Зато всякий «абстрактный гуманизм» в отношении «непри-

¹ См. также о «провокационном понимании истории»: *Слонимский А.Г.* Катастрофа русского либерализма. Душанбе, 1975. С. 199.

² *Никонов В.* Крушение России. 1917. М., 2011. С. 13—14.

³ *Zuckerman F.S.* The Tsarist Secret Police in Russian Society, 1880—1917. London, 1996. P. 231—232.

⁴ См.: *Булдаков В.П.* Красная смута. Природа и последствия революционного насилия. М., 2010. С. 610.

⁵ Ср. прежнее понимание «братоубийства»: «Вся Европа объята кровавым пожаром братоубийственной войны... вся печать заражена шовинизмом, разлагающе действующим на умы всего населения» (цит. по: *Бас И.* Большевицкая печать в годы империалистической войны. М., 1939. С. 164).

ятеля» столетней давности благополучно изжит, Первая мировая война — уже не империалистическая, а «Великая» война за «национальные интересы».

Получившая ныне законченный вид схема включает отрицание «нужды и бедствий трудящихся масс»¹ вместе со всеми «объективными предпосылками» крушения царизма. Другая ее неотъемлемая часть — пропаганда бурного роста и имперского могущества. В этой связи данные, касающиеся экономической области, особенно военной промышленности, получают повышенную значимость как убедительный итоговый показатель. Такая схема предписывает утверждения о необыкновенных достижениях к 1914 г. в общеэкономическом развитии, а к 1917 г. — и в снабжении вооруженных сил, о таких успехах, что «казалось, война почти выиграна» и близится дележ добычи («плодов победы»). Никонову эта «безусловная возможность» «ясно сейчас видна из нашего, исторического далека». «Шесть, максимум десять месяцев терпения, — высчитывает Б.Н. Миронов, — и Россия оказалась бы в числе стран-победительниц, а победа в войне предотвратила бы революцию и Гражданскую войну». Февральская революция произошла «в стоявшей на пороге победы Российской империи»². Перешагнуть порог помешали происки то ли масонской, то ли еврейской, то ли просто купленной («проплаченной» у одних авторов немцами, а у других одновременно и англичанами) агентуры, прикрывавшейся либеральной оппозицией и революционерами. С этим иногда удается соединить подозрение, что и само участие России в несчастной для нее войне,

¹ Никонов В. Указ. соч. С. 550. Однако когда надобно пнуть «психологию толпы, психологию бунта», все же оказывается, что «доведенные тяготами войны до тяжелейшего положения, низы были готовы взорваться» и радикальным партиям было на чем «спекулировать» (Там же. С. 600; Миронов Б.Н. Благосостояние населения и революции в имперской России: XVIII — начало XX века. М., 2012. С. 647).

² Новейшая история отечества. XX век. М., 1998. С. 172 (вузовский учебник); Новейшая история России: Учебник. М., 2013. С. 4—7, 97—98; Никонов В. Указ. соч. С. 421; Миронов Б.Н. Указ. соч. С. 639; Данилов О.Ю. Пролог «Великой войны» 1904—1914 гг. М., 2010. С. 258; Осский М.В. Брусиловский прорыв. М., 2010. С. 8—9. В книге Е.Ю. Белаша «Мифы Первой мировой» (М., 2012) одна из глав посвящена как раз преданию об «утерянных победах», упущенных вследствие «козней темных сил» (с. 215).

противоречившее ее «национальным интересам», было навязано правителям империи той же всемирной «закулисой»¹.

По оценке А.В. Колчака, высказанной 25 апреля 1917 г., «свергнутый государственный строй привел нашу армию морально и материально в состояние крайне тяжелое, близкое к безвыходному». В противоположность этой оценке², дело представлено теперь так, что к 1917 г. кризис военного снабжения удалось преодолеть. По утверждению Миронова, «в 1916 г. снабжение армии... наладилось, в частности снарядный голод [был] удовлетворен... В дальнейшем войска не ощущали недостатка в вооружении». «1917 год Россия встретила на вершине военного могущества... Военно-промышленный комплекс работал на полную силу», — пишет В.Н. Виноградов. Положение в артиллерии «стало действительно неплохим. Кризис со снарядами преодолен». По заключению Ю.С. Пивоварова (и Н. Стоуна), кризиса и вообще не было: «На фронте ничего выходящего за рамки войны не произошло. И дело шло к победе... Разумеется, имелась масса проблем, все они требовали решения. Но ничего, ничего фатального, predeterminedного не было и в помине. Однако грохнуло»³. К 1917 г. экономика в целом «демонстрировала многие признаки подъема», добавляет Никонов. «Голод и экономический коллапс наступят годом позже как результат деятельности постреволюционных правительств». Тогда же «стало физически не хватать» угля и металла. Не в военной разрухе корень «революционной смуты 1917 г.», полагал также Э.М. Шагин, — сама разруха,

¹ Воспроизводится «легендарная теория, будто Россия служила орудием Англии в ее борьбе с Германией» (*Нольде Б.Э.* Далекое и близкое. Париж, 1930. С. 68; *Головин Н.Н.* Военные усилия России в мировой войне. Париж, 1939. Т. 2. С. 160). На 410 страницах подобные догадки развивает О.Ю. Данилов.

² Цит. выступление Колчака в Офицерском союзе Черноморского флота и на собрании делегатов армии, флота и рабочих в Севастополе // Исторический архив. 1997. № 2. С. 26.

³ *Миронов Б.Н.* Указ. соч. С. 576, 585; *Виноградов В.Н.* Еще раз о новых подходах к истории Первой мировой войны // Новая и новейшая история. 1995. № 5. С. 69, 70; *Айрапетов О.Р.* Генералы, либералы и предприниматели: работа на фронт и на революцию (1907—1917). М., 2003. С. 212; *Пивоваров Ю.С.* Русское настоящее и советское прошлое // Труды по россиеведению. М., 2011. Вып. 3. С. 42.

наоборот, являлась последствием «торжества деструктивного анархического начала», Февральского злокозненного подрыва той власти, что обеспечивала «нормальное функционирование» всех сфер жизни общества¹. В представлении Никонова, якобы «заканчивалась постройка» четырех дредноутов для Балтийского флота и промышленность к кампании 1917 г. обеспечила русский фронт изобилием орудий и снарядов, а сверх того «реализовывалась программа строительства предприятий». Автор указывает на знаменитую программу Главного артиллерийского управления, находившуюся к 1917 г. в начальной стадии выполнения.

Предлагаемая в качестве новой, на деле эта схема не оригинальна. К. Рид, Д. Джоунс, соглашаясь со стариной Стоуном, также полагают, что к 1917 г. наблюдалось не истощение экономики, а, скорее, «перегрев», вызванный непомерным ростом — ростом производства вооружения². Такого рода проявления роста усматриваются и в исчерпании людских ресурсов (об уничтожении трудоспособных людей в этой связи не упоминается), и в нездоровой концентрации рабочего населения в военно-промышленных центрах, и в печатании бумажных денег с последующей инфляцией, и в усилении социальных противоречий из-за обостряющейся нужды. Неудивительно, что труд Н. Стоуна (1975), до сих пор время от времени переиздаваемый, был воспринят в западной историографии как поворотное событие, веха, точка нового отсчета³. В тенденциозности суждений Стоуна не было бы большого греха, если бы их не сопровождало засорение литературы систематически искажаемыми эмпирическими данными. По свободе обращения с источниками этот автор едва ли много уступит своим советским современникам, таким как И.В. Маевский, А.П. По-

¹ Никонов В. Указ. соч. С. 410—417, 421, 440, 594, 413, 904; Шагин Э.М. Очерки истории России, ее историографии и источниковедения (конец XIX — середина XX в.). М., 2008. С. 160—162, 495, 506, 699; Новейшая история отечества. XX век. С. 224; Новейшая история России. С. 98.

² Read Chr. From Tsar to Soviets, the Russian People and Their Revolution. Routledge, 1996. P. 38, 40.

³ Jones D.R. Russia // Higham R., Showalter D.E. (eds.). Researching World War I. P. 163.

гребинский или Н.Н. Яковлев. Историки и поныне с доверием пользуются фактическими сведениями из его рук. Сам он думает, что его работу 1975 г. о Восточном фронте «следовало бы уже давно вывести из употребления»¹, но это пожелание исполнить нельзя: «данные Стоуна» широко расплозились по литературе, так что очищение ее от недовосполненных сведений требует усилий и времени и в конце концов недостижимо: они продолжают распространяться в силу преобладающей тенденции.

Но в предельном варианте «пропаганда успехов», достигнутых романовской военной бюрократией, получила выражение средствами макроэкономических исчислений. Как и в работах более традиционного историко-экономического характера, здесь добиться определенного результата оказалось невозможно без недопустимых упрощений в подходе к материалу источников.

Применение к военной экономике России макроэкономических расчетов, неизбежно основанных на стоимостных индексах и показателях, зачастую принципиально противоречит характеру этой неоднородной среды. Какие бы изощренные приемы («героические допущения», по выражению С. Кузнецца)² стоимостных исчислений ни применялись в компиляции данных о динамике российской экономики военного времени — нет возможности выразить конкретно влияние на количественные показатели со стороны таких фундаментальных явлений, как, например, натуральный характер хозяйствования и его принудительная товаризация или, скажем, ценообразование, основанное на неэквивалентном обмене между сельским хозяйством и промышленным производством³. При этом за пределами рыночных, стоимостных отношений находилось не только военное производство, но также океан деревенских хозяйств, они

¹ Стоун Н. Первая мировая война. М., 2010. С. 211.

² «Rather heroic assumptions» (*Kuznets S. Economic Growth of Nations. Total Output and Production Structure. Harvard U.P., Mass., 1971. P. 136*).

³ Островский А.В. Октябрьская революция: случайность? исторический зигзаг? или закономерность? // Из глубины времен. 1993. № 2. С. 138; Вайнштейн А.Л. Народное богатство и народнохозяйственное накопление предреволюционной России: Статистическое исследование. М., 1960. С. 128—129.

«выпадали из экономической ткани общества». По поводу расчетов народнохозяйственного накопления А.Л. Вайнштейн заметил, что здесь тем больше сложностей, «чем на более низкой стадии капиталистического развития находится данная страна и чем большую роль играет в ней натуральный и мелкотоварный уклад хозяйства»¹. В условиях же войны сельские хозяева мало того что потеряли чуть ли не половину собственной и две трети наемной рабочей силы и прибегали к массовому использованию подневольных работников (военнопленных, беженцев, солдат) — они к тому же отказывались продавать свою продукцию на рынке за деньги, замыкались в своем натуральном существовании. Эти столь различные уклады хозяйства — рыночный, командный, частный натуральный — не образуют однородной статистической совокупности (система, но не единство; однородность является в данном случае «универсалистической фикцией», по выражению П.Б. Струве)², допускающей над собой дальнейшие операции: рыночная экономика являлась лишь «одной из подсистем народного хозяйства»³. Основное методологическое требование всякого измерения — оно «правомерно лишь применительно к качественно однородной совокупности объектов»⁴.

Денежный стоимостный измеритель бесполезен и для оценок, касающихся специальных военных производств в российских условиях начала XX в. Попытки выразить в конкретных величинах стоимость продукции военных предприятий наталкиваются на непреодолимые препятствия из-за непригодности источников, казалось бы содержащих нужные исходные показатели. В первую очередь это касается сведений о стоимости продукции, выпущенной казенными предприятиями, где постановка учета принципиально отличалась от обычной бухгалтерии частных пред-

¹ Вайнштейн А.Л. Народное богатство. С. 425.

² См.: Дмитриев А.Л. П.Б. Струве и развитие экономической теории // Взаимосвязи российской и европейской экономической мысли: Опыт Санкт-Петербурга. СПб., 2013. С. 236, 237, 250.

³ Бокарев Ю.П. Экономическая история и экономическая теория. М., 2007. С. 22.

⁴ Ковальченко И.Д. Методы исторического исследования. М., 1987. С. 337.

приятий и не позволяла ориентироваться в действительных издержках. Как показал К.Ф. Шацилло, в этом и не было необходимости, поскольку натуральный результат хозяйствования — выпуск вооружения — никак не соотносился с отсутствующими у «хозяйствующего субъекта» представлениями об эффективности в экономическом смысле: на первый план выступали интересы великодержавия и удержания власти, чего бы это ни стоило¹.

При исчислении макроэкономических показателей, национальных счетов «остро дискуссионным» (А.Л. Вайнштейн) остается вопрос — следует ли учитывать в составе народного дохода военные производства и в целом «оборонные услуги» (как и прочие «правительственные услуги»). Острота вопроса обусловлена его идеологически, политически окрашенным характером. Как известно, К. Маркс, рассматривая процесс распределения произведенной в обществе прибавочной стоимости, указывал на существование, «наряду с промышленным капиталистом», таких ее получателей, как землевладелец (присваивавший земельную ренту), ростовщик (проценты), но не забыл «также еще и правительство со своими чиновниками», лиц, получающих содержание от государства и церкви. Обслуживание правительственного, государственного аппарата, а значит, и вооруженных сил, согласно этому представлению, должно учитываться в качестве «непроизводительного труда»².

Экономисты М. Харрисон и А. Маркевич, со своей стороны, полагают, что подобные затраты следует включать в исчисления со знаком плюс: такая методология «все же по меньшей мере дает представление о производственных возможностях общества» и позволяет «сопоставлять полученные результаты с данными исследований по другим периодам и странам»³. С. Кузнец считал, что такой подход подразумевает вполне определенную идеологию: признание первостепенным интересом наращивание «политической

¹ См. также: Kuznets S. Op. cit. P. 308—309.

² Маркс К., Энгельс Ф. Указ. соч. Т. 23. С. 609.

³ Маркевич А., Харрисон М. Первая мировая война, Гражданская война и восстановление: национальный доход России в 1913—1928 гг. М., 2013. С. 10—11, 22.

мощи» государства и обеспечение «идеологической лояльности» обывателей. Сам же он придерживался иной точки зрения, рассматривая сферу обороны, внутренней охраны, репрессивную деятельность как нечто не относящееся к «тем государственным услугам, которые приносят непосредственную пользу членам нации как конечным потребителям», — в отличие от сферы образования, здравоохранения¹. (Такая точка зрения не вполне реалистична: каким-то «членам нации» все это как раз на пользу, и весьма ощутимую; только не в качестве «услуги» с плюсом в балансе нации, а в качестве статьи непроизводительного потребления, то есть с вычетом²). Подобно Вайнштейну и Кузнецу, Р. Хиггс также полагает, что так называемые «оборонные услуги» по своей природе отличаются от обычного производства и не должны учитываться наряду с ним в составе ВВП.

Возражая Хиггсу, Харрисон и Маркевич упрощенно излагают его позицию: он якобы ошибочно считает, что только производство товаров и услуг гражданского назначения способствует «росту благосостояния». В действительности же Хиггс ссылается еще и на другое условие — на такие свойства военной экономики, которые заводят в тупик попытки количественных расчетов, а против этого его довода Харрисон и Маркевич ничего не выдвигают. Помимо обычных затруднений, связанных с выработкой более или менее точных индексов, пишет Хиггс, «фундаментальное значение имеет то, что бессмысленно подсчитывать национальный продукт, когда отсутствуют рыночные цены»³. Хиггс

¹ Kuznets S. Op. cit. P. 308—309; Вайнштейн А.Л. От обобщающих макроэкономических показателей к национальным счетам // Вайнштейн А.Л. Избр. труды. Кн. 2. М., 2000. С. 234.

² Люксембург Р. Накопление капитала. М.; Пг., 1923. С. 474; с. 532, 535 (критикуемый в этом же труде Г. Экштейн).

³ Higgs R. From Central Planning to the Market. The American Transition, 1945—1947 // The Journal of Economic History. 1999. Vol. 59. № 3 (Sept.). P. 604—605, 613—614, 618. И далее: «Хозяйство военного времени с его произвольной [byzantine], постоянно изменяющейся структурой запретов, приоритетов, графиков исполнения, физического размещения, приостановки, отмены и ограничения заказов, квотированием, субсидиями, контролем цен, распределением товаров и кредитов, воздействием на процент, трудом военнообязанных и бронированных работников и широким прямым правительственным инвестированием в основные капиталы промышленности...»

указывает в этой связи на «произвольность цен и подавление свободы распоряжения ресурсами в командной экономике» военного времени, отчего «лишаются смысла прямые сравнения национального продукта»; «оценки национального продукта в условиях командной экономики по самой своей сути произвольны». На этом-то основании он и считает неправомерным говорить о «процветании», «экономическом буме военного времени». «Командная экономика, — пишет Хиггс, — и рыночная экономика... подчиняются разным законам, и перед лицом этого коренного аналитического затруднения мы должны признать, что на ряд вопросов просто невозможно найти ответ». Хиггс как раз и выступает против тех экономистов и историков экономики, которые пытаются опираться на «теоретически безосновательные данные о казенном производстве и искаженные данные о частном производстве, когда речь идет о командной экономике». Характерно, что свои критические суждения о принципах анализа военной экономики и возникающих в этой области непреодолимых затруднениях с исчислениями Хиггс высказал применительно к США времен Второй мировой войны, тогда как в отношении России 1914—1917 гг. статистические источники дают еще меньше возможностей.

Взять, к примеру, индексы промышленного производства, положенные в основу расчетов Маркевичем и Харрисоном. Для составления своих таблиц (с. 89—98) они взяли статистические ряды, принадлежащие Л.Б. Кафенгаузу (1930), не приняв во внимание его собственную оценку качества, надежности этих показателей. Маркевич и Харрисон, отметив кое-какие второстепенные недостатки этого своего исходного материала, заверяют, что тем не менее «наша методология для агрегирования этих цифр, к счастью, не зависит» от подобных эпизодических сбоев и «позволяет использовать часть данных, от которых в противном случае пришлось бы отказаться»¹. Но методология вообще должна быть оставлена в стороне, когда расчеты имеют порочное основание: для характеристики динамики производства в 1914—1917 гг. составленные Кафенгаузом ряды, по

¹ Маркевич А., Харрисон М. Указ. соч. С. 72.

его указанию, абсолютно непригодны — настолько, что, как их ни агрегируй, никакая волшебная методология здесь не выручит. Он так и предупреждал: «Для характеристики этих лет наш индекс физического объема не годится» ввиду «исключительных событий», происходивших в те годы. Иное дело — данные за 1887—1913 и послевоенные годы, то есть касающиеся «всех остальных лет, когда таких исключительных событий не было»: в этой части «можно полагать, что наш индекс незначительно отклоняется от действительной динамики»¹.

Если же все-таки обратиться и к методологии, применяемой Маркевичем и Харрисоном в использовании данных Кафенгауза, то она в основе заимствована у Э.М. Шагина. Он старался доказать, что «разруха в российской промышленности уходит своими корнями не в Первую мировую войну, а в революционную смуту 1917 г.». С этой целью Шагин брал «данные отечественной фабрично-заводской статистики, исчисленные с учетом индекса цен 1913—1917 гг. и введенные в научный оборот авторитетным специалистом в этой области — Л.Б. Кафенгаузом». О том, как Кафенгауз оценивал этот индекс, Шагин тоже умалчивал; это позволяло ему свою собственную идею выдать за результат исследования Кафенгауза, придерживавшегося в действительности противоположного мнения. Анализ статистического материала привел этого экономиста к выводу о том, что «в 1916 г. наступает перелом», связанный «с расстройством состояния всего народного хозяйства и растущим его истощением», проявлявшимся «в резких формах начиная с 1916 г.». Это далеко не то же, что «симптомы некоторых народнохозяйственных затруднений», упомянутые Шагиным².

Впрочем, исследователи, увлеченные идеей о «взрывном» росте экономической активности, успехах индустриализации в воюющей России, даже имея перед глазами недвусмысленные натуральные показатели, предпочитают погружаться в рискованные догадки. «Возможно, является не

¹ Кафенгауз Л.Б. Эволюция промышленного производства России (последняя треть XIX в. — 30-е годы XX в.). М., 1994. С. 288.

² Шагин Э.М. Указ. соч. С. 161. Ср. Кафенгауз Л.Б. Указ. соч. С. 211.

таким уж преувеличением предполагать», пишет, например, Стоун, что индустрия с ее 3,6 млн рабочих к 1917 г. забрала из деревни больше мужчин работоспособного возраста, чем 15-миллионная армия¹.

Что же касается влияния военной экономики на благосостояние обывателей, то и в этом вопросе на первый план выступает не столько абсолютная величина народного дохода, сколько его материальное, натурально-вещественное содержание² и критерии его распределения властвующей частью общества³.

Харрисон и Маркевич задаются целью показать роль военных расходов в росте «благосостояния населения» с тем, чтобы оценить не то достигнутый «средний уровень жизни граждан» империи, не то «потенциальный». В противоречии с высказанным намерением те же авторы соглашаются, что при расчете ВВП, национального дохода надо бы «исключать оборонные услуги» (и что Хиггс в этом прав), а «в идеале следовало бы также вычесть... потребление материальных ресурсов в военных целях (к чему призывал и Каффенгауз. — В. П.), но для этого нет данных». Они этого и не делают, а наоборот, не пытаясь изъять военные потери и тем самым недопустимо упростив свою задачу, выводят максимальную («возможную верхнюю») границу благосостояния населения в 1914—1917 гг. Такой, откровенно облегченный, подход, как им представляется, позволяет включить в исчисления «сектор оборонных услуг»: «содержание солдат» плюс «произвольную поправку» в 50% на «оборонные капитальные услуги»⁴.

¹ Stone N. The Eastern Front. P. 284, 285. Считается, что Стоун дал «блестящий анализ производства в России» (*Beaver D.R. Industrial Mobilization and Military Technology // Researching World War I. P. 384*). Его книга «остаётся эталоном» (standard bearer) по теме Русского фронта «и, вероятно, надолго» (*De Groot G.J. P. 208; Brose E.D. A History of the Great War. Oxford U.P.; N.Y., 2010. P. 235*).

² Вайнштейн А.Л. Международное сравнение народного богатства // Вайнштейн А.Л. Избр. труды. Кн. 2. С. 157—158.

³ Маслов П.П. Итоги войны и революции. М., 1917. С. 156—182, 223.

⁴ Маркевич А., Харрисон М. Указ. соч. С. 10, 22, 66, 67, 23. Ср.: «Получается двойной вычет из “фонда воспроизводства” — не считая еще прямых и косвенных разрушений — армия потребляет жизненные средства, а ее людской состав изъят из производства» (*Бухарин Н. Указ. соч. С. 39*).

Максималистски-жизнерадостный подход Харрисона — Маркевича, по существу, сближается с идеологией «особого пути» русских неопочвенников. В ней лишь термин «оборонные услуги» заменяется столь же привлекательным и государственночески благодушным — «невещественное богатство», подразумевающее «правопорядок, безопасность, духовность». Неопочвенники полагают, что таким образом ресурсы страны получают употребление «в социально значимых... отраслях», характерных для российского «мобилизационного типа развития»; здесь «государство — носитель общего блага, оно выражает общенациональный интерес»¹. Соответственно, применительно к российской практике 1914—1917 гг., потребовалось бы учесть в качестве «оборонных услуг» не только само по себе содержание войск, но и их «работу» по организации опустошения оставляемых местностей, насильственной эвакуации сотен тысяч мирных обывателей из западных областей России, сопровождавшейся уничтожением и разграблением их имущества, стрельбу по недовольным рабочим в Иваново-Вознесенске, Костроме и Петрограде, по «инородцам» в Туркестане и т. п. Такое переименование («оборонные услуги») означает не что иное, как попытку устранить из анализа категорию непроизводительного труда, относящегося к сфере надстройки, государства.

Трактовка военного производства как особых «услуг» — надо признать — все же содержит непроизвольно выразившееся рациональное начало, но ей недостает логической законченности. Упоминание об «услугах» неотделимо от вопроса — «услуги кому?», приносят ли они «непосредственную пользу членам нации как конечным потребителям»²? Ответ Харрисона и Маркевича, как и самобытных государственников, подразумевается, хотя не высказан: услуги предназначены «обществу» (нации, государству); но это сразу же

¹ Афанасенко И.Д. Хозяйственный строй России: Учебник для вузов. СПб., 2012. С. 27, 318—319, 332—333. «Исправляя» классическую политэкономия в этом ключе, они опираются на традицию от «Книги Велеса» и Ивана Посошкова до К.Н. Леонтьева, евразийцев и Вл. Личутина (Там же. *Passim*).

² Вайнштейн А.Л. От обобщающих макроэкономических показателей к национальным счетам. С. 234.

перемещает отвлеченные рассуждения на реальную историческую почву и обнажает их необоснованность.

С точки зрения Николая II и его единомышленников, например, продвижение на Дальнем Востоке, вызвавшее войну с Японией, требовало жертв и оказания «оборонных услуг» на несколько миллиардов рублей — больше годового бюджета империи. Но у других современников переживания той войны породили тяжелые сомнения — нужно ли было возводить крепость Порт-Артур с необходимыми для нее устройствами и вооружением, тратить колоссальные средства на оказавшиеся негодными корабли русской постройки, на содержание колониального аппарата и войск, на призрение увечных, на расстрелянные и уничтоженные орудия и боеприпасы. Власть «расточает народные силы» зря: расходы на Китайско-Восточную железную дорогу и овладение Маньчжурией — это «всенародная грамотность, самодержавной властью отнятая у русского народа и отданная японцам и американцам», писал П.Б. Струве¹. «Наши порты и адмиралтейства», жаловался публицисту М.О. Меньшикову не названный им по имени «выдающийся корабельный инженер», — это «страшный паразит, сосущий драгоценные соки родины» (Б.Н. Кузык: «Чудовище, высасывающее жизненные соки экономики»). Было распространено мнение: «Затратьте полмиллиарда [не на боевые эскадры, а] на выкуп земли у дворян или на народное образование — и каждая из этих реформ в одно десятилетие удвоит силы России». Меньшиков в 1905 г. оспаривал это мнение, но в 1912 г., встревоженный угрозой нежелательной войны с Германией, и сам развил ту же тему: «Мы ежегодно тратим до миллиарда на армию и флот, и все-таки не имеем пока ни флота, ни готовой к войне армии. Но тот же миллиард, вложенный в какое хотите культурное дело... мог бы сдвинуть нас с мели... Под страхом нашествий тех самых врагов, которые трепещут нашего нашествия, мы обираем, что называется, у нищего сумму, выколачиваем подати...»²

¹ Цит. по: Гнатюк О.Л. П.Б. Струве как социальный мыслитель. СПб., 1998. С. 102.

² В более полном виде его рассуждения не лишены интереса: «Миллиард, вложенный в мелиорацию земли, в орошение ее... в ремесленное

Кадетский «Вестник народной свободы» в этом вопросе не расходился с «Новым временем»: «Ужасные уроки показали нам, что и внешнее могущество и величие страны не могут выдерживать пренебрежения к интересам внутреннего развития, — писал С.А. Котляревский. — Германия со всем своим милитаризмом была бы лишь колоссом на глиняных ногах, если бы она не опиралась на необычайное развитие промышленности и торговли, на беспрецедентно широкое народное образование, на грандиозную научную культуру. Какое непонимание великих исторических уроков, какое легкомыслие — думать, что сила государства измеряется его военным и морским бюджетом». «Ведь подъем умственного развития и материального благосостояния народа, — добавлял военный обозреватель «Нового времени», — так же необходим для усиления военной мощи государства», а между тем «средний бюджет русского обывателя в 3—4 раза меньше, чем германца или француза»¹.

Все вместе они повторяли то, к чему просвещенный бюрократ А.В. Головнин пришел полвеком раньше: «Действительная сила России заключается не в армии, не во флоте... Россия ожидает дорог, разрешения крестьянского вопроса, учреждения других судов и полиции, другой системы взимания государственных доходов, устройства народных школ и вообще учреждений, которые прямо поведут к увеличению благосостояния империи, а с тем вместе и силы ее». Строить же боевые корабли — «нет денег на подобные затеи, составляющие предмет роскоши, а не насущной по-

образование, в санитарное оздоровление народа (одна чудовищная детская смертность чего стоит!), — даже один миллиард, честно вложенный, не разворованный по дороге, — мог бы сдвинуть нас с мели... Пусть несчастные вырождаются и вымирают — нам непременно нужно вогнать в среднюю «душу населения» двенадцать бутылок водки в год, иначе нечем содержать армию и флот даже в теперешнем «неготовом» виде» (*Меньшиков М.* Письма к ближним // Новое время. 1905. 16 февр., 4 сент.; 1912. 16 сент.).

¹ *Котляревский С.А.* Флотский вопрос и внешняя политика // Вестник народной свободы. 1908. № 3. С. 81; Новое время. 1908. 20 июля. Вообще «развитие военных сил, несоразмерное с финансами, ослабляет государство даже в военном отношении», — писал министр финансов Александра II М.Х. Рейтерн (Нестор. 2000. № 2. С. 18).

требности империи»¹. В.И. Вернадский считал, что учреждение ряда специальных исследовательских институтов с целью изучения недр «не менее необходимо для выхода из тяжелого положения в связи с войной, чем, например, создание... сверхдредноутов», чем пушки и снаряды. «Можно создать все исследовательские институты, сделав одним сверхдредноутом меньше»².

Таким образом, в оценках «государственно мыслящих» людей — вовсе не анархистов или социалистов и не пацифистов — «услуги» стране и обществу требовались иные, чем это представляла себе верховная власть. Да и в самом правительстве понимание необходимости определенных «оборонных услуг» не было однородным. В частном письме бывшему дипломату и коллеге по Комитету финансов П.А. Сабурову министр финансов В.Н. Коковцов высказал свое отношение к сложившемуся курсу так: «Я с тревогою смотрю на наше экономическое и финансовое положение... Будущее полно мрачных предзнаменований, и я не вижу, откуда мог бы блеснуть нам луч успокоения... Хочется крикнуть одно суммарное пожелание: пора, давно пора умерить фантазии, которые ведут нас к гибели! Эти фантазии я вижу везде: в непомерном усилении флота, в нашей активной политике за счет голодного мужицкого брюха, в никому не нужном мореплавании, в... стремлении брать деньги на все, вместо того чтобы приостановить расходную сатурналию и начать ослаблять податной винт»³.

Понятно, что ни Меньшиков, ни Коковцов или С.Ю. Вите, ни другие бюрократические и политические деятели, отвергавшие проводимый курс, не выступали против любых «оборонных услуг» вообще, но очевидно, что конкретно названных «услуг» они не добивались и не одобряли. Излишне было бы доказывать, что другая часть общества, еще более значительная, причастная к производительному тру-

¹ Цит. по: *Шевырёв А.П.* Русский флот после Крымской войны. М., 1990. С. 34—35.

² *Вернадский В.И.* Очерки и речи. Пг., 1922. С. 68.

³ Российский государственный архив литературы и искусства. Ф. 1208. Оп. 1. Д. 80. Л. 16.

ду, ничего для себя доброго от этих «услуг» не ожидала и только несла потери.

Вопреки неисторическим и противоречивым построениям Маркевича—Харрисона, «услугами» такого рода удовлетворялись запросы, обслуживалось благосостояние не общества в целом, а лишь возвысившейся над ним касты, клики (К.Ф. Шацилло) — прежде всего персон, допущенных к решению главных вопросов государственной военной и экономической стратегии. Эту касту Д. Ливен определяет как «политическую структуру, стремившуюся стоять вне общества и над ним», презирая его во всех его частях и «всемерно используя их для поддержания собственной внешней военной мощи и престижа»¹. Внешнюю политику страны определяли «люди не только некомпетентные, но и руководившиеся в своих действиях не интересами России, а собственными корыстными расчетами»². «Благосостояние» этой касты не сводилось к вульгарным личным доходам (в том числе от теневой военно-промышленной деятельности), допускающим исчисление в деньгах³. Точно очерченные материальные проявления успеха лишь сопутствовали чему-то менее обозримому, но несравнимо более значимому. Доступ к рычагам управления национальными ресурсами в соответствии с сугубо личным пониманием «государственных интересов», позволяющий тешить свое властолюбие и тщеславие, испытывая от этого, конечно, неизмеримое в статистических единицах, социально переживаемое ощущение «административного восторга», — особая статья «личного потребления», дополняющая общежитейское благополучие.

Включая «оборонные услуги» в положительный баланс, Маркевич и Харрисон объясняют это тем, что такая методология «дает представление о производственных возможностях общества». Но и это объяснение также несостоя-

¹ *Lieven D. Russia's Rulers under the Old Regime. New Haven; London, 1989. P. 300.*

² *Кострикова Е.Г. Россия и проблема военно-политических союзов в начале XX в. // Российская геополитика XX в. Преемственность и противоречия. М., 2013. С. 22.*

³ По выражению К. Рида, «управление Россией являлось семейным бизнесом Романовых» (*Read Chr. Op. cit. P. 16*).

тельно исторически: какими бы блестящими ни выглядели статистические расчетные «возможности», а на деле вся социальная система не выдержала груза «оборонных услуг», которые к тому же в реальности финансировались антантовскими кредиторами, то есть ложились на расходный баланс будущих поколений подданных Российской империи. Действительным фактом, имеющим статистическое обоснование, является другое — то, что наращивание «оборонных услуг» предпринималось за счет урезания расходов на нужды здравоохранения, благоустройства, науки и образования¹; жертвуя сотнями тысяч цветущих людских жизней, общество не увеличивало свои производственные возможности.

Сам же М. Харрисон не зря свой «в целом скептический взгляд» на экономические последствия войны основывал не на исчисляемых оценках якобы полученных народами «военных услуг», а на признании того, что «война вообще является деятельностью с отрицательным балансом». Если за время войны в экономике появляется что-то полезное, то нет доказательства того, что это «действительно результат войны и никак не могло состояться иначе, без войны»; «всегда того же результата можно достигнуть менее дорогостоящим путем»². Хотя П. Гэтрелл считает, что «трудно разграничить последствия войны и последствия революции 1917 г.», он находит, что в 1916 г. национальный доход начал падать и к 1917 г. «едва достигал $\frac{2}{3}$ от довоенного уровня»³.

Статистическим источником, позволяющим судить о динамике индустрии военных лет, является промышленная перепись 1918 г. Д. Джоунс привел показатели, свидетельствующие о совокупном, по всем отраслям, росте: если принять 1913 г. за 100%, то 1914 г. дает повышение до 101,2, 1915-й — до 113,7, 1916-й — до 121,5, а 1917-й — падение до 77,3. Именно в таком виде итог переписи представлен у

¹ Jones D.R. Imperial Russia's Forces at War // Military Effectiveness. New Edition. Cambridge U.P., 2010. Vol. 1. P. 258—259.

² Broadberry St., Harrison M. Introduction // The Economics of World War I. Cambridge U.P., 2005. P. 29, 2.

³ Gatrell P. Poor Russia, Poor Show. Mobilising a Backward Economy for War, 1914—1917 // The Economics of World War I. P. 240—241, 263, 236.

Стоуна, откуда и перешел к Джоунсу, Макнилу и А.И. Уткину¹. Но использование сведений Стоуна, даже когда он ссылается на источник, требует обязательной проверки. В данном случае Стоун ссылается на таблицу «Промышленное производство в России в 1913—1917 гг.», составленную по материалам переписи 1918 г. и приведенную у А.Л. Сидорова. Как же поступил он с этим источником?

Во-первых, отброшены все высказанные Сидоровым критические замечания о степени достоверности приводимых показателей. А речь шла о том, что перепись 1918 г. содержит данные «без Урала» и «не охвачен Донбасс», то есть выпали самые проблемные для российской военной экономики районы с их неуклонным на протяжении всей войны сокращением производства металла, отчего по ряду вопросов «данными переписи и вовсе нельзя пользоваться». «Совершенно ясно, что о работе металлургической промышленности и машиностроения, — предупреждал Сидоров, — едва ли можно делать какие-либо выводы на основе только данных этой переписи». Во-вторых, Сидоров обратил внимание на то, что, хотя бы и закрывая глаза на такую «мелочь», принимая эти изуродованные цифры, все же оказывается, что «даже только за три года войны» — исключая 1917-й — общий прирост продукции втрое замедлился по сравнению с предвоенными годами. Как отмечает Х. Хауман, пользовавшийся той же таблицей, продукция металлургии по сравнению с 1913 г. упала к 1916 г. почти на 20%, выпуск полуфабрикатов — на 13%, притом что дефицит металла к концу 1916 г. оценивался в 50%². Но все это у Стоуна скрыто, потому что, в-третьих, он (а за ним и Джо-

¹ *Stone N.* The Eastern Front. P. 209; *Jones D.R.* Imperial Russia's Forces at War. P. 270; *McNeill W.H.* The Pursuit of Power. Technology, Armed Force, and Society. Chicago, 1982. P. 329; *Уткин А.И.* Первая мировая война. М., 2013. С. 234. Джоунс вслед за Стоуном относит в заголовке таблицы ее показатели к экономике в целом (у Уткина речь идет об «экономическом производстве»), тогда как в общем для всех этих авторов литературном источнике, у Сидорова, говорится о промышленности (у Стоуна это, впрочем, очевидно из контекста); Х. Стрэчен, как и Джоунс, идет дальше: те же цифры он трактует как рост национального дохода (*Strachan H.* The First World War. Oxford U.P., 2001. Vol. 1. P. 1094).

² *Haumann H.* Kapitalismus im zaristischen Staat 1906—1917. Königstein/Ts., 1980. S. 74, 230; *Тарновский К.Н.* Указ. соч. С. 240.

унс и другие) отсек от таблицы, заимствованной у Сидорова, — и выбросил — ее основное содержание, отраслевые показатели, взяв только итоговую последнюю строку. А отраслевые показатели свидетельствуют (на это и указывает Хауман), что в 1916 г. уже не наметилось, а состоялось падение производства в горной и горнодобывающей промышленности (даже не считая Урала и Донбасса) с 1019,3 до 941,3 млн руб., еще более значительное — в добыче и обработке камней (а это значит — в заготовлении цемента, огнеупорного кирпича, бутового камня, абразивных материалов), текстильной и чуть ли не во всех других отраслях, за исключением собственно военных — металлообработки, химии и производства смешанных волокнистых веществ (то есть взрывчатки и пороха)¹. Именно рост военных производств создал ложную видимость общего процветания, представленную в итоговой последней строке. Но тому, кто принимает за истину итоговые цифры Стоуна, нет оснований сомневаться в отброшенных им составляющих.

Таким образом, разграничить последствия войны и революции все же в какой-то степени возможно, даже довольствуясь столь неполноценными источниками. «На первый взгляд, — пишет Хауман, — бросается в глаза резкий спад производства в 1917 г. ...Однако видно и то, что этот спад произошел уже в 1916 г.; в момент высшего напряжения в важных для войны отраслях, в частности в металлообработке, — темп роста замедлился. Детальный анализ, далее, показывает, что не позднее 1916 г. резервы роста иссякли и ускорился развал производства»². Таким образом, неверно было бы считать, что «революция и борьба рабочих за повышение заработной платы создали экономический кризис в стране, подорвали развитие промышленности. Наоборот, Февральская революция 1917 г. была ускорена экономическим кризисом». Этот вывод Сидорова³ может показаться сформулированным по-советски ортодоксально-догматически, но по сути он не может быть аргументированно оспорен. Экономика не «демонстрировала многие призна-

¹ Сидоров А.Л. Экономическое положение России. С. 346, 349, 350.

² Хауман Н. *Op. cit.* S. 72.

³ Сидоров А.Л. Указ. соч. С. 362.

ки подъема» (Никонов), а шло, наоборот, «разрушение материальных ценностей», «истощение производительных сил» из-за роста специальных военных производств¹. «Видимость общего подъема» создавалась именно за счет форсированного изготовления предметов вооружения².

Если, не удовлетворяясь «видимостью», перейти к сути, то «эпоха подъема» для экономиста и статистика отличается тем, что в это время происходит рост производства средств производства, идет накопление капиталов и усиливается строительство. Так считал Л.Б. Кафенгауз и пояснял важное различие между средствами производства и орудиями разрушения: «Однако вряд ли кто-либо решится включить в последнюю группу явлений», то есть в производство средств производства, изготовление «пушек, снарядов и взрывчатых веществ, уничтоженных во время войны», в 1914—1918 гг. Как писал Кафенгауз, в условиях войны заявила о себе «диспропорция в развитии военной и прочей тяжелой промышленности», эта диспропорция «неизбежно должна была повлечь за собой общее сокращение всей тяжелой промышленности». Хотя падение производства в 1917 г. было обострено революционными событиями, «тем не менее и вне этого фактора производство неизбежно должно было сокра-

¹ ЭПР. Ч. 2. С. 7; Ч. 1. С. 247.

² *Тарновский К.Н.* Указ. соч. С. 208; *Сидоров А.Л.* Экономическое положение России. С. 349, 350. Существовал и другой источник «видимости» подъема, касающийся добычи угля в Донбассе. В 1916 г. под влиянием затруднений с вывозом угля из-за неподачи вагонов железными дорогами шахтовладельцы прибегали к ухищрениям, преувеличивая размер скопившихся у них запасов в четыре-пять раз, чтобы иметь возможность направить соответственно завышенную заявку на подвижной состав. Этот существовавший лишь на бумаге уголь служил «базой для официальной статистики», — свидетельствовал граф А.И. Череп-Спиридович, владелец нескольких шахт в Таганрогском округе. Статистикой Министерства торговли и промышленности ведал В.П. Семенов-Тян-Шанский. Выясняя состояние запасов угля на местах, он разослал шахтовладельцам анкету и получил «ответы, за качество которых, конечно, ручаться было нельзя, но, во всяком случае, результаты были обработаны и напечатаны в секретном порядке» (*Череп-Спиридович А.И.* Нельзя терять времени // *Земщина*. 1916. 19 мая; *Семенов-Тян-Шанский В.П.* То, что прошло. М., 2009. Т. 1. С. 632). При всех известных особенностях черносотенной печати в качестве источника и возможных в этой связи преувеличениях автор сообщения в «Земщине» указывал на реальную проблему.

титься под влиянием недостатка сырья, полуфабрикатов, разных материалов и под влиянием расстройств заводского хозяйства. Горы пушек, снарядов и взрывчатых веществ не могут затмить тех разрушительных процессов, которые, несмотря на все усилия, систематически сокращали производительные силы»¹.

В свое время П.П. Маслову тоже представлялось, что даже «самый ярый защитник» денежной оценки результатов хозяйственной деятельности едва ли «станет утверждать, что народное хозяйство обогатилось от уничтожения товаров, хотя, несомненно, их денежная ценность повысилась». Тем не менее и во времена Маслова идея, выдвигаемая Харрисоном и Маркевичем и другими, получала выражение в милитаристской пропаганде: война «породила поистине чудовищные теоретические построения», возмущался Н.И. Бухарин. Из факта «процветания» военной индустрии, повышения курса акций металлургических, химических и пр. заводов делают «вывод о благотворном влиянии войны на народно-хозяйственную жизнь». «И сейчас находится много экономистов, — продолжал Маслов, — которые верят, что страна обогащается не только от роста производства предметов вооружения, но даже от ведения войны». Но «реальное накопление не может получиться из процесса разрушения». Затраты на военное снаряжение являются «расхищением национального дохода и капитала»². Это «не что иное, как уничтожение сбережений страны и ее капиталов» — работа «не ради увеличения благосостояния страны, а ради уменьшения его», со знанием дела подтверждал директор Волжско-Камского банка и крупнейшего международного артиллерийского комбината³.

Примирить противоположные точки зрения попытались авторы историко-правового исследования «Военный бюджет

¹ Кафенгауз Л.Б. Указ. соч. С. 208, 195.

² Маслов П. 1) Основы экономической политики. С. 21—23, 34, 45—46, 66, 90—91, 114; 2) Мировая социальная проблема. Чита, 1921. С. 84—85; 3) Наука о народном хозяйстве. 2-е изд. М.; Пг., 1923. С. 80—83, 585; 4) Проблема продукции (Еще о социальной проблеме). С. 12—13, 206; Бухарин Н. Указ. соч. С. 37—39.

³ Хрулев С.С. Финансы России и ее промышленность. Пг., 1916. С. 4—5.

России». Они полагают, с одной стороны, что «мнение о «безвозвратности» военных расходов не подтверждается», поскольку вооруженные силы являются источником средств к существованию целого слоя населения, крупнейшим государственным заказчиком и т. д. С другой стороны, оказывается все же, что военные расходы, «имея непроизводительный характер, поглощают существенную часть национального богатства, на их покрытие уходят колоссальные финансовые ресурсы»¹. Из этого вытекает, что военные расходы едва ли могут являться одновременно «источником» каких бы то ни было средств.

Ход изучения проблемы в прошлом — в сопоставлении с состоянием текущей практики — подсказывает определенный общий вывод. На первый взгляд, те идеи, которые выдвинули в свое время Шацилло, Яхимович, Миллер, могут казаться то ли отвлеченно гуманистическими, то ли пацифистскими или анархистскими, или вообще удаленными в некое метафизическое пространство. Но по сути, стремление к объективному рассмотрению такого идеологически чувствительного предмета, как военно-промышленная политика, как раз и обязывает последовательно держаться, несмотря на возражения Н.А. Бердяева и П.Б. Струве, точки зрения «отвлеченной справедливости» или «противогосударственного отщепенства». Без этого условия государственных, великодержавных, национальных пристрастия слишком легко извратят «начала рационального и эмпирического», отвечающие общенаучным требованиям (Струве) исторического подхода.

Ввиду важности количественных характеристик для освещения истории русской военной промышленности, трудно переоценить значение совершенствования исчислений — с учетом реальных, ограниченных возможностей наших источников. Здесь в настоящее время выступает на первый план необходимость уточнений в связи с тем пересмотром характера социальных отношений, который был предложен «новым направлением» с его теорией многоукладности. Рас-

¹ Комягин Д.Л. и др. Военный бюджет России: историко-правовое исследование // Публично-правовые исследования. Ежегодник Центра публично-правовых исследований. Т. 3. М., 2008. С. 386, 379.

пространенные в литературе оценки вместе с рядами цифр, положенными в основание, теряют смысл, когда не принимается во внимание качественная разнородность объектов изучения¹. Нельзя, чтобы за горами цифр исчезали экономические типы явлений². Для оценки состояния военной промышленности как особого сектора производства, подытоживающего экономический потенциал империи, для понимания количественных соотношений может оказаться целесообразным предварительный сдвиг исследовательских усилий как раз в сторону сравнительного изучения качественных характеристик и критической оценки источников.

¹ Несмотря на свое в целом отрицательное отношение к сторонникам «нового направления» (нужно показывать «ведущую и постепенно побеждающую силу новых процессов», а они «фактически ликвидируют учение о формациях»), Н.М. Дружинин выдвинул характерные именно для этого направления доводы против смещения в таблицах И.Д. Ковальченко разнородных объектов. «Сопоставление товарной продукции помещичьего и крестьянского хозяйства является сравнением двух несопоставимых величин», — писал Дружинин. Если помещичьи хозяйства, по его мнению, еще приносили капиталистическую прибыль, то «средняцкие и бедные крестьянские хозяйства не привлекали наемной рабочей силы и продавали хлеб поневоле под давлением денежной нужды». Но среди помещичьих хозяйств были и «полуфеодалы»; их, как и крестьянские фермерские хозяйства, нельзя учитывать заодно с основной массой, а значит, нужен пересмотр данных об успехах буржуазного развития деревни (Н.М. Дружинин — И.Д. Ковальченко, 13.X.1971, 11.IV.1973 // *Ковальченко И.Д. Научные труды. Письма. Воспоминания.* М., 2004. С. 295—298).

² Эдельгауз Г.Е. Достоверность статистических показателей. М., 1977. С. 50.

2. В предвоенной гонке

Годы после Русско-японской войны не были потеряны для укрепления военно-промышленной базы империи. Утвержденную в 1905 г. минимальную программу удалось отчасти — в меру сократившихся финансовых возможностей — исполнить. Из пяти намеченных заводов — построены два — трубочный и тротильный; вместо сооружения новых патронного и порохового были расширены и переоборудованы старые производства. Развитие ружейных заводов отклонялось от их основной специализации и заключалось в дополнительном установлении выпуска станков, взрывателей, кавалерийских пик, точных приборов для артиллерии. В наибольшей мере эти предприятия были приспособлены к усиленному выпуску новых деталей винтовки, вызванному переходом к стрельбе остроконечной пулей.

Нерешенной задачей оставалось создание казенных оружейного, пушечно-гильзового, снарядного заводов, но началось сооружение частных предприятий в Царицыне (артиллерия крупных калибров) и под Владимиром (порох). Расширялись заводы горного ведомства, предназначенные для выпуска снарядов, холодного оружия, артиллерии и снабжавшие металлом столичную казенную промышленность. Развертывались производства в морском ведомстве, в том числе выпуск орудий и брони на Обуховском заводе, на ряде частных военных судостроительных и машиностроительных заводов.

Дополнительный толчок усилению производства вооружения дало начало военных действий на Балканах в октябре 1912 г. 17 октября состоялось совещание об ассигнованиях, необходимых «для скорейшего снабжения армии недоста-

ющими предметами». Оно сделало заключение, что ускорить изготовление вооружения, в частности крепостной и тяжелой артиллерии, нельзя, «так как ныне использована вся производительность казенных и частных заводов»¹. Выдвигалось на очередь дальнейшее усиление промышленности. 12 ноября Николай II разрешил Военному министерству закупать иностранное оборудование «без предварительных сношений с Министерством торговли и промышленности» с его обычным стремлением сдерживать заграничные заказы ведомств; теперь можно было заказывать оборудование за границей не только без предварительного согласия этого министерства, но и «без испрошения в надлежащих случаях Высочайшего соизволения»². 7 марта 1913 г., отвечая на запрос думской комиссии, ГАУ заверяло ее, что «широко воспользовалось» новыми полномочиями и заказало станки «наиболее совершенных» типов³. Планом на 1913 и последующие годы для Петербургского орудийного завода и арсеналов предусматривались заказы многих сотен станков. Русские заводы, говорилось из года в год в объяснениях к планам, могли бы поставить удовлетворительные станки только «при заказах значительного числа станков одного типа и размера, и то лишь при условии сильного повышения цен», почему и «отдается предпочтение иностранным станкам, значительно более разработанным в конструктивном отношении и более дешевым»⁴.

Слабость Петербургского орудийного завода была очевидна артиллерийским генералам. Им приходилось мириться с тем, что из предприятий, состоящих в ведении ГАУ, он «является единственным производителем частей пушек и люлек (механизм, соединяющий ствол орудия с лафетом. — В. П.), прицелов, панорам (оптический угломер, взаимодействующий с прицелом. — В. П.) и телефонного имущества». А.А. Якимович, заведовавший всеми предприятиями ГАУ, 7 июня 1914 г. указывал, что «потребность в

¹ РГВИА. Ф. 1. Оп. 1. Т. 46. Д. 1109. Л. 4, 11 и об., 14.

² Там же. Ф. 29. Оп. 3. Д. 869. Л. 99. Ср.: *Шацилло К.Ф.* Государство и монополии. С. 122, 124, 135.

³ ДБК IV/1. СПб., 1913. № 34. С. 6; Там же. Прилож. к № 34. Стенограмма. С. 11—152.

⁴ РГВИА. Ф. 1. Оп. 1. Д. 76853. Л. 46 об.—47; Ф. 29. Оп. 3. Д. 863. Л. 175.

этих предметах значительно превышает производительность завода», положение изменится только с окончанием переустройства тесных помещений. На деле позднее выяснилось, что никакое «переустройство помещений» на старом месте не решает проблему и завод придется перенести куда-то из Петрограда. Но к началу войны расширение старого завода было в разгаре: «некоторые помещения пришлось освободить от станков», передвинув работы по исполняемым нарядам в другие места, хотя там для этого создались более «тяжелые условия»¹.

Трехдюймовая полевая артиллерия имела к 1913 г. 40% нормального запаса фугасных снарядов, гаубичная — 58%, горная — 35%. ГАУ докладывало, что в целом пополнение боевых комплектов до нормы «предполагается закончить в половине 1914 года». Нехватку фугасных снарядов ГАУ рассчитывало устранить «во второй половине 1913 г. ...по мере изготовления взрывателей». В другом месте отчета ГАУ называло иной срок: не к середине, а «во второй половине 1914 г.». Как видно, сказывались колебания при оценке дееспособности предприятий. Не справлялся с заданиями новый Самарский трубочный завод. Затруднения эти приходится считать для него тем более естественными, что дело не клеилось и на старом Петербургском трубочном заводе². Понятно поэтому, что, обещая довести запас снарядов до нормы, ГАУ чувствовало себя неуверенно и указывало на зависимость успеха от налаживания выпуска взрывателей. Но, отчитываясь за 1913 г., военный министр В.А. Сухомлинов докладывал царю, что изготовление взрывателей «идет вполне успешно» и что недостаток фугасных снарядов «предполагается пополнить в течение 1914 г.», а пока имеется «около 55% положенного комплекта». В успокоительном духе отчитался в феврале 1913 г. и великий князь Сергей Михайлович, «главный артиллерист» империи³. Думские эксперты уже в марте 1913 г. выражали уверенность, что «количество

¹ РГВИА. Ф. 504. Оп. 4. Д. 3. Л. 245—246 об.

² Там же. Оп. 2. Д. 125. Л. 58 об., 113 об. Краткий отчет 3-го отделения ГАУ за 1912 г. о вооружении крепостей и тяжелой артиллерии, 21.XII.1912; ВПР. С. 427.

³ ВПР. С. 441, 435.

снарядов, конечно, у нас достаточно» (А.И. Звегинцов); как сказал докладчик по артиллерийской смете С.В. Лукашевич, «не сомневаюсь, что у вас [ГАУ] есть большие запасы, достаточный запас парков»¹.

Помимо миллиона, ассигнованного Советом министров 2 ноября 1912 г. на станки ружейным заводам, Военное министерство получило 10 млн руб. на создание «особого чрезвычайного запаса» пушечных патронов — речь шла об увеличении боевых комплектов легкой полевой артиллерии с 1000 до 1500 снарядов на орудие, причем ввиду срочности дела половину этих снарядов разрешалось заказать за границей. Тут же, однако, выяснилось, что и ружейные заводы работают — в мирное время — в две-три смены, и снарядная промышленность уже загружена до предела на весь 1913 г., так что и половину нужного количества заказов разместить у себя невозможно. Образовался остаток денег, и ГАУ предложило использовать его на «другие, более настоятельные нужды», в том числе «на образование запаса станков на трубочных, пороховых и др. заводах — 1 млн руб.»².

Вопрос о размере запаса снарядов обсуждался 21 декабря 1912 г. в Артиллерийском комитете — главном научном и техническом подразделении ГАУ. Дело было представлено так, что увеличенный соответственно опыту войны с Японией запас в 1000 выстрелов «не уступает боекомплектам большинства иностранных держав»³. Комитет, «не отрицая

¹ ДБК IV/1. № 34. Стенограмма. С. 11. Парк — единица учета боевых припасов, обычно 30 тыс. снарядов различных типов.

² РГВИА. Ф. 504. Оп. 6. Д. 525. Л. 6—10. Справка Смысловского для помощника военного министра, 21.I.1913; Ф. 234 (Е.З. Барсуков). Оп. 1. Д. 6. Л. 245—254; *Рябая С.А.* Первая мировая война как предпосылка создания в Удмуртии военно-промышленного комплекса // *Россия между прошлым и будущим. Екатеринбург, 2008.* С. 309. 10 млн первоначально предназначались именно на увеличение боевых комплектов, а не на станки, как ошибочно указано в литературе (*Шацилло К.Ф.* Государство и монополии. С. 135). См. ОЖСМ 1913. М., 2005. С. 438—439.

³ В Англии с 1905 по 1914 г. комплект был установлен в 500 снарядов на орудие, а к 1914 г. удвоен; еще по 500 снарядов полагалось содержать на складах. Во французской артиллерии норма выстрелов на орудие была увеличена с 1200 до 1800 (*Зайончковский А.М.* Подготовка России к империалистической войне. Очерки военной подготовки и первоначальных планов. М., 1926. С. 289; *French D.* The Military Background to the «Shell Crisis» of May 1915 // *Journal of Strategic Studies.* 1979. 2/2. September. P. 193—194; *Strachan H.* Op. cit. P. 995, 997).

все же пользы некоторого дальнейшего увеличения этих комплектов», увидел и «препятствие» этому — угрозу порчи пороха при длительном хранении. Лучшим выходом из затруднения могло быть «заблаговременное увеличение производительности наших заводов» — такое, чтобы они в условиях войны успевали делать столько снарядов, сколько потребует фронт. В итоге вместо обсуждения теоретических расчетов нормы запаса, соответствующей обстоятельствам будущих военных действий, ГУГШ решило прежде всего на деле достигнуть ранее установленной нормы, а уже потом думать о ее увеличении. Таким образом, неверно было бы считать, что все сводилось к сохранению прежней ограниченной, слабой нормы¹; наоборот, этот показатель становился чисто условным ориентиром, и такой подход не означал отказа от усиления производства.

Но на практический ход дела влияло усмотрение «главного артиллериста»: 31 декабря, несмотря на возражения Я.Г. Жилинского², и 15 января 1913 г. — с ведома великого князя Сергея Михайловича — ГАУ предложило Комитету Генерального штаба использовать часть 10-миллионного кредита на заказ Путиловскому заводу 500 пушек для конной артиллерии (свыше 3 млн руб.), соответственно уменьшив заготовление снарядов. В результате вопрос об увеличении комплектов, по выражению А.М. Зайончковского, «заглох»³.

¹ «Как и во Франции, упор был сделан на исходный запас, а не на производственную перспективу [long-term capacity]», как то делалось в Германии (*Strachan H.* Op. cit. P. 997, 996).

² 15 января 1913 г. Жилинский писал Д.Д. Кузьмину-Караваеву, что использование не по назначению 10-миллионного кредита, отпущенного на снаряды, «представляется несоответственным. Опыт минувшей кампании достаточно убедительно говорит о том, что существовавшие ранее нормы боевых комплектов совершенно не отвечают скорострельности орудий и интенсивности огня в бою. В силу этого операцию по заготовлению патронов... я считаю вопросом первостепенной важности» (РГВИА. Ф. 962. Оп. 2. Д. 136. Л. 221—222).

³ РГВИА. Ф. 504. Оп. 6. Д. 524. Л. 6, 11—12. Журнал Артиллерийского комитета № 1472 и записка ГАУ в Комитет Генерального штаба; *Зайончковский А.М.* Подготовка России к империалистической войне. С. 289, 282. При этом конная пушка системы Шнейдера, как оказалось, «еще окончательно не сконструирована... а потому обсуждение данного вопроса ГУГШ было признано преждевременным» (РГВИА. Ф. 962. Оп. 2. Д. 102. Л. 2—4. Объяснения ГУГШ по выписке из всеподданнейшего за 1912 г. отчета августейшего генерал-инспектора артиллерии с

В обвинительном акте, предъявленном позднее Сухомлинову, по поводу норм и запасов не упоминалось о вмешательстве великого князя Сергея, положившем начало растаскиванию кредита на снаряды, и вся ответственность легла на бывшего военного министра¹. Тяжесть ее черносотенцы постарались перенести еще дальше в сторону от истинного источника катастрофы, указывая на причастность к злополучным решениям самих общественных представителей. «Нельзя снять с себя, господа, эту моральную ответственность, — говорил 19 июля 1915 г. в Думе Н.Е. Марков. — Раз мы, члены Думы, рассматривали законопроекты, раз мы требовали объяснений, сокращали цифры... раз наши докладчики входили в секретнейшие сведения... то этим самым мы признавали, что мы отвечаем и за... результат». Он напоминал, что «за все время никто из нас, никто из членов Государственного совета не возвысил голоса»; «самого главного не было сказано, что весь план подготовки, все нормы запаса — все ошибочно... В этом вы все и я с вами, мы виноваты... Так не говорите же об ошибках самодержавного правительства, когда вы сами учинили столь колоссальную ошибку»².

Предвоенная «Большая программа по усилению армии», составленная Генеральным штабом, предусматривала постепенное увеличение состава армии начиная с 1913 г. и рост вооружений к сроку готовности в 1917 г. Этот срок определялся тем, что стратегические дороги, сооружаемые на французские кредиты для ускорения сосредоточения войск на берлинском направлении, не могли быть закончены быстрее³. Начальник Канцелярии Военного мини-

высочайшими отметками и резолюциями от 16 апреля 1913 г.). Образец конной пушки царь утвердил 24 июня 1913 г. (*Генерал В.А. Сухомлинов. Дневник. Письма. Документы. С. 338*).

¹ *Генерал В.А. Сухомлинов. Дневник. Письма. Документы. С. 374—375.*

² СОГД IV/4. Ч. 1. Стб. 51—56.

³ *Бовыкин В.И.* Из истории франко-русских отношений накануне Первой мировой войны // *Исторические записки.* 1955. Т. 50. С. 167; *Crutwell C.R.M.F.* A History of the Great War, 1914—1918. London, 1982. P. 10—11; *Stevenson D.*: 1) War by Timetable? The Railway Race before 1914 // *Past and Present.* February 1999. № 162; 2) *Cataclysm. The First World War as Political Tragedy.* N.Y., 2004. P. 18. Выбор момента был связан также со сроком пересмотра торговых договоров с Германией.

стерства Н.А. Данилов 13 мая 1913 г. уведомил военного министра, что «для неперменного окончания означенных заготовлений к 1917 г.» потребуются новые кредиты, и к выяснению их размера следует *«теперь же приступить»*. А поскольку «производительность казенных артиллерийских заводов и теперь уже использована почти полностью», то Данилов просил дать указание ГАУ «обсудить вопрос, какие казенные артиллерийские заводы должны быть расширены». Помощник военного министра А.П. Вернандер признал соображения Данилова «чрезвычайно важными» и 15 мая направил их от имени Сухомлинова главным управлениям министерства «к срочному исполнению». Расширить заводы надлежало в сжатый срок, «с таким расчетом, чтобы заказы материальной части артиллерии и предметы артиллерийского довольствия были закончены к 1 января 1917 года»¹. Соответственно, в «Малую программу» (утверждена 10 июля 1913 г.) с ее первоочередными мероприятиями по заводам вошли ассигнования почти на 16 млн руб. — в полтора раза больше, чем за предшествовавшие восемь лет. 3,1 млн предназначались на постройку нового (третьего) трубочного завода и еще около 13 млн — на расширение ружейных, патронных (в том числе 1 млн на перенос и расширение гильзового отдела Петербургского завода), двух трубочных, Казанского порохового и Петербургского оружейного заводов и трех арсеналов; но ничего не говорилось о еще двух заводах (взрывчатых веществ и пороховом), построить которые требовал великий князь Сергей Михайлович².

16 июля 1913 г. ГАУ представило Военному совету свои соображения о порядке исполнения «Малой программы». Поскольку необходимо «закончить все заготовления... к 1 января 1917 г., то есть в оставшиеся три года», говорилось в «Соображениях», артиллерийскому ведомству придется «не только мобилизовать все имеющиеся технические средства его, но и значительно расширить и усилить их; причем

¹ РГВИА. Ф. 1. Оп. 1. Д. 77924. Л. 41—42 об.; Д. 77772. Л. 242, 184; Ф. 962. Оп. 2. Д. 140. Л. 69—70.

² Шацлло К.Ф. Россия перед Первой мировой войной. Вооруженные силы царизма в 1905—1914 гг. М., 1974. С. 97; РГВИА. Ф. 2000. Оп. 2. Д. 1532. Справка ГУГШ для военного министра, 11.VI.1913; ВПР. С. 434.

осуществить это мероприятие необходимо с таким расчетом, чтобы оно действительно отразилось на подаче изделий заводами в ближайшие три года». Мероприятие «носит характер выдающейся спешности и должно быть осуществлено с особой энергией». Вести такое дело «обычным порядком» нельзя. Ввиду «особой спешности» начатого строительства и закупок оборудования ГАУ просило «сократить по возможности формальности», связанные с получением денег из казначейства и составлением смет и денежных отчетов. Эти «экстренные меры» были одобрены Военным советом 25 июля 1913 г. и санкционированы Николаем II 20 августа. 31 октября ГАУ добилось также позволения закупить за границей станки («особо точные», поскольку их не выпускают русские заводы либо не могут дать быстро) еще на 4 450 000 руб.¹

Через четыре дня после решения Военного совета от 25 июля ГАУ потребовало еще миллион рублей на постройку капсюльного завода. Этот объект не числился в «Малой программе»; затем с промежутками в несколько дней последовали новые аналогичные ходатайства; в совокупности на капсюльный завод и другие объекты ГАУ просило 2 666 000 руб. — в счет уже предоставленного ему кредита «Малой программы» (15 850 000 руб.), хотя в ней эти объекты не значились.

Все эти поспешные, не согласованные с прежними предположениями, разрозненные требования порождали впечатление об отсутствии в работе ГАУ системы, планомерности. 5 сентября 1913 г. Военный совет пришел к заключению, что подобный способ пополнения «Малой программы» «является недопустимым», и предписал пересмотреть распределение 16-миллионного кредита, «имея в виду, что в первую очередь необходимо обеспечить армию... [орудийными] патронами». Об ассигнованиях, которые уже были заявлены сверх 16 млн «Малой программы», предписывалось ходатайствовать «особыми представлениями в установленном порядке».

22 октября ГАУ внесло в Военный совет доклад «О распределении кредита 15 850 000 руб., отпущенного по за-

¹ РГВИА. Ф. 1. Оп. 1. Д. 77772. Л. 183—191; ОЖСМ 1913. С. 437—439.

кону 10 июля 1913 г. на расширение технических артиллерийских заведений». В нем ГАУ не только просило о перераспределении средств «Малой программы», но и добивалось еще 24,5 млн руб. на заводское строительство.

В порядке «перераспределения» отпало лишь требование о создании третьего трубочного завода. Он был ранее нужен для того, чтобы обеспечить увеличение боевых комплектов трехдюймовых пушек с одновременным введением нового типа снарядов (бризантной шрапнели), заимствованного из Германии образца, но также и для «пока еще предположенного увеличения боевых комплектов полевой легкой артиллерии». Отложив этот замысел («постройка нового трубочного завода, как выяснилось в настоящее время, не является безотлагательной»), ГАУ теперь думало часть средств, предназначенных на трубочный завод по «Малой программе», израсходовать на другие «мероприятия, хотя и не предусмотренные законом 10 июля 1913 г., но тем не менее не терпящие, как выяснилось ныне, отлагательства». Имелось в виду, в частности, построить те объекты, какие в июле—сентябре не удалось втиснуть в «Малую программу» в ее прежнем виде (новые капсюльные производства, расширение пороховых заводов и пр.).

Помимо средств, высвобожденных в результате отмены кредита на трубочный завод, ГАУ добивалось еще 24,5 млн руб. на новые заводы: четвертый пороховой (14,1 млн руб.), третий завод взрывчатых веществ (2,5 млн) и Брянский арсенал (6 млн)¹. В Брянск предстояло перенести (с одновременным расширением) упраздняемый Варшавский арсенал.

2 ноября 1913 г. Военный совет одобрил намерения ГАУ, включая решение с трубочным заводом повременить до утверждения «Большой программы». Всего по закону 10 июля и постановлению Военного совета от 2 ноября на «экстренное» — «особо спешное», «не терпящее отлагательства», — словом, первоочередное развертывание казенного производства вооружения в последние до 1917 г. три года было намечено 40 376 000 рублей.

¹ РГВИА. Ф. 1. Оп. 1. Д. 77772. Л. 366—370.

24,5 млн, ассигнованные Военным советом сверх «Малой программы», первоначально рассматривались как часть расходов по «Большой программе». Однако «Большая программа» была одобрена царем еще 22 октября 1913 г.¹, и вставить в нее после этого новый крупный расход оказалось невозможным: внесенный в Думу и утвержденный ею в июне 1914 г. законопроект о «Большой программе» такой статьи не содержал. Тем не менее кредиты в 40 млн руб. не были урезаны. Оставив мысль добавить расходы на два завода и арсенал в «Большую программу», Военное министерство собиралось провести те же ассигнования помимо нее. На совещании у военного министра с участием начальников всех управлений 6 декабря 1913 г. было «решено: постройку а) порохового завода, б) завода взрывчатых веществ, а также перенесение Варшавского арсенала в Брянск (с расширением сего арсенала) исключить из “Большой программы” и проводить отдельными законопроектами»². Оба названных завода — вместе с трубочным — оказались позднее в числе важнейших объектов гораздо более значительной заводской программы на 1915—1919 гг. (в литературе она именуется «программой Маниковского»).

Строительство четвертого порохового завода под Тамбовом развернулось главным образом уже в годы войны³: первый миллион рублей на эту работу был внесен в бюджет 1914 г., причем мощность проектируемого завода была в 1913 г. пересмотрена (200 000 вместо 125 000 пудов), а в 1916 г. — еще утроена (до 600 000 пудов)⁴. Таким образом, более пяти лет прошло, прежде чем ГАУ смогло приступить

¹ Шацлло К.Ф. Россия перед Первой мировой войной. С. 96—97.

² РГВИА. Ф. 2000. Оп. 2. Д. 2871. Л. 14; Ф. 504. Оп. 14. Д. 22. Л. 65.

³ Там же. Ф. 1. Оп. 1. Д. 76761. Л. 1—20. Представление ГАУ, 17.X.1912; ВПР. С. 754—755, 746; Объявление о конкурсе на три проекта (пироксилинового завода; нитроглицеринового производства пороха; хлопкоочистительного завода) // Новое время. 1912. 23 дек. Вопрос о новом заводе был поставлен в 1909 г., но еще в 1905 г. началось составление проекта, затем отложенное «отчасти по причинам финансового характера» (Генерал В.С. Михайлов. 1875—1929. Документы к биографии. Очерки по истории военной промышленности. М., 2007. С. 210; ВПР. С. 745).

⁴ Шацлло К.Ф. Государство и монополии в военной промышленности России. Конец XIX в. — 1914 г. М., 1992. С. 135; РГВИА. Ф. 962. Оп. 2. Д. 140. Л. 312; ВПР. С. 746, 754—755.

практически к задуманному в 1904—1905 гг. сооружению еще одного порохового завода, хотя на этой мере Военный совет настаивал особенно требовательно.

24 июня 1914 г. «Большая программа» стала законом, однако через полтора месяца ее пришлось пересматривать применительно к условиям мировой войны, начатой на три года раньше программного срока готовности. Многое отменялось. На запрос Канцелярии Военного министерства, «какие мероприятия из числа предусмотренных Большой программой усиления армии будут в действительности приводиться в исполнение и какие будут отменены или отложены ввиду наступившей войны», Генеральный штаб 12 августа 1914 г. ответил, что «ни одно из мероприятий... организационного характера — осуществлению не подлежит»¹. Но что касается мер в области производства вооружения и расширения военных заводов, то следовало продолжать их «полным ходом», причем предприятия артиллерийского ведомства «расширить за счет кредитов, предусматриваемых Большой программой»².

Разумеется, принятые меры запоздали и не отвечали масштабу исчисленных во время войны потребностей. Пока происходило расширение промышленности, предусмотренное «Малой» и «Большой» программами, и сооружение порохового завода близ Тамбова, осенью 1914 г. началось проектирование новых казенных ружейного и сталелитейного и дальнейшего расширения всех пороховых заводов; в феврале 1915 г. было решено построить в Кадиевке бензоловый завод (в августе он уже работал), 28 апреля — Нижегородский взрывчатых веществ и т. д.

А.Ф. Редигер, предшественник Сухомлинова, ознакомившийся с «Большой программой» в качестве докладчика Фи-

¹ ВПР. С. 20; *Ошарин А.В.* К вопросу о готовности России к Первой мировой войне // Историческое исследование и историческое повествование. Традиции научной школы А.Л. Шапиро. СПб., 2013. С. 347. Исключение делалось для тех мер, которые к началу войны уже приводились в исполнение, и для военно-учебных мероприятий.

² Отменялось лишь сооружение снаряжательных мастерских в Курске и Кременчуге, намеченное в 1912 г., но не начатое. На запросы ГАУ, как поступить с подготовительными работами, ГУГШ ответило, что теперь эта постройка несвоевременна, «так как едва ли окажется возможным воспользоваться ими еще во время настоящей войны» (ГАРФ. Ф. 1467. Оп. 1. Д. 556. Л. 20 и об.).

нансовой комиссии Государственного совета, считал, что «в общем план усиления армии был хорош... осуществлялись все те улучшения, о которых я в этом отношении мечтал и которые были невыполнимы в мое время... Были приняты во внимание и вновь назревшие потребности (напр., воздухоплавание). Я поэтому со спокойной совестью мог принять на себя роль докладчика в Государственном совете и ходатайствовать об утверждении плана... Существенным его недостатком являлась его запоздалость»¹. Мобилизационный отдел ГУГШ свидетельствовал в мае 1914 г., и это было доложено Николаю II, что «недостаток в снарядах продолжает оставаться по-прежнему значительным, особенно для горной, гаубичной и тяжелой артиллерии, и может быть пополнен не ранее конца 1915 года». Снарядов со взрывателями в парках и на складах приходилось на каждое 3-дюймовое орудие уже не 12 (тротильных), а 19, на 48-линейное (то есть 4,8-дюймовое) — не 45, а 82; доставало 17% винтовочных патронов². Восполнить недостатки ГАУ обещало по патронам — «в первой половине 1915 г.», по снарядам, как и по новым ружейным прицелам, — «не ранее конца 1915 г.», по упряжи для двуколки — «в 1915—1916 гг.». Но следовало еще делать «поправку по крайней мере на полгода в большую сторону»: ряд прежних обещаний 1913 г. ГАУ не исполнило «и до сего времени». В целом «недостатки артиллерийского снабжения, по заявлению ГАУ, могут быть пополнены к 1 января 1916 г.», то есть за год до 1917-го.

Одновременно с ГАУ в процессе подготовки к войне расширением производства вооружений занимались другие ведомства — горное и морское.

Пермский пушечный завод выпускал стальные и чугунные снаряды почти всех принятых калибров (от 57-мм до 12-дм), но такое отсутствие специализации считалось неправильным. В 1911 г. была намечена реорганизация горных заводов: предполагалось сосредоточить на Пермском заводе производство лишь крупных (до 14 дм) снарядов, для чего

¹ Редигер А. История моей жизни. М., 1999. Т. 2. С. 359—361.

² РГВИА. Ф. 962. Оп. 2. Д. 87. Л. 116—120. Докладная записка по ГУГШ военному министру «О состоянии неприкосновенных запасов в армии к 1 января 1914 г.», 11.V.1914.

следовало построить новые мастерские (2,4 млн руб.), а на других горных заводах (Александровском, Златоустовском, Верхнетуринском) усилить их снарядные отделы (1 млн). Закончить сооружения и дооборудовать заводы намечалось не позже 1916 г. 23 июня 1913 г. проект развития казенных горных заводов, оцененный в 10,6 млн руб., получил силу закона. В основном это ассигнование должно было пойти на Пермский завод (9,2 млн, в том числе 5 млн — на создание отдела дальнобойных пушек в 12—14 дм). Сверх 10,6 млн горным заводам было предоставлено 3 млн руб. на завершение переоборудования металлургических производств¹.

К войне на Пермском заводе была готова новая закалочная мастерская для снарядов в 8—12 дм, на Александровском (Олонецкий округ) — также закалочная и установлен новый пресс для штампования снарядов (мощностью в 750 т), на уральском Кушвинском (Гороблагодатский округ) пущена построенная в 1910—1913 гг. вторая мартеновская печь. В Златоустовском округе рост производства первоначально достигался за счет дополнительного оборудования заводов и их кооперирования (металл Саткинского, предварительная отделка на Кусинском, окончательная на Златоустовском), что позволило во второй половине 1914 г. удвоить выпуск снарядов².

Скандалом закончилась попытка завладеть Пермским заводом банковскими группировками, взявшими на себя намеченное правительством развертывание там выпуска тяжелых дальнобойных орудий. Отклонив предложение Русско-Азиатского банка об аренде завода, Совет министров не уступил даже и давлению со стороны французской фирмы «Шнейдер», также навязывавшей свои услуги. Лишь как жест доброй воли в отношении союзника было принято предложение этой фирмы взять на себя устройство отдела крупной артиллерии, но это участие ее было ограничено еди-

¹ Вяткин М.П. Горнозаводский Урал в 1900—1917 гг. М.; Л., 1965. С. 265, 267—268; Левитский А. К вопросу об убыточности казенных горных заводов. Кушва, 1911. Вып. 2. С. 54, 55, 69, 81, 90; ОЗГД на 1910, 1911, 1913—1916 гг. (СПб., 1910—1915); РГВИА. Ф. 504. Оп. 10. Д. 178. Л. 104 и об.—106, 113—114; Ф. 369. Оп. 16. Д. 242. Л. 17, 19, 20; СУ, 1913, ст. 1269.

² РГВИА. Ф. 369. Оп. 16. Д. 40. Л. 50; Ф. 29. Оп. 3. Д. 754. Л. 262, 356.

новременным заказом оборудования, и притом обставлено такими техническими условиями, которых «Шнейдер» не мог выполнить самостоятельно. Фактически фирме удалось — только при нажиме со стороны французского правительства — добиться для себя роли посредника при закупке оборудования у английских пушечных заводов, а предложенный ею последующий платный «постоянный технический надзор» не был принят. С началом мировой войны французская фирма изыскала возможность уклониться от исполнения своих обязательств, что задержало переоборудование.

Но и независимо от этого шага фирмы «Шнейдер» сооружение на Пермском заводе отдела дальнобойных пушек пришлось прервать в сентябре 1913 г., чтобы повысить главный калибр морских орудий с 14 до 16 дюймов. Строительство остановилось в самом начале (были вырыты котлованы, заготовлены бутовый камень для фундаментов, кирпич, лес) и возобновилось лишь весной—летом 1915 г., когда на продолжение работ было отпущено 9,2 млн руб. (но и на этом ассигнования не закончились).

С другой стороны проявила интерес к Пермскому заводу фирма «Виккерс», приступившая с 1913 г. к устройству предприятия той же специализации в Царицыне (Русское а. о. артиллерийских заводов, РАОАЗ). Английский конкурент предпринял безуспешную попытку запретить установление выпуска на Пермском заводе орудий калибром свыше 14 дм, а также вообще расширение казенных пушечных заводов (Обуховского и Петербургского орудийного).

В целом же источники не подтверждают мнения, будто «мировая война застала русские заводы врасплох» или будто в 1914 г. ГАУ «совершенно не занималось» развитием производства на казенных заводах, что «ключевые» постановления о заводах состоялись не ранее конца 1914 г. — версия, восходящая к выгораживанию великих князей Верховной следственной комиссией¹. В действительности уже

¹ Сидоров А.Л. Экономическое положение России. С. 449, 13. Ср. с. 425—426; Бескровный Л.Г. 1) Производство вооружения и боеприпасов для армии в России в период империализма // Исторические записки. 1977. Т. 99. С. 103; 2) Армия и флот России в начале XX в. М., 1986. С. 85; Wildman A.K. The End of the Russian Imperial Army. The Old Army and the Soldiers' Revolt. Princeton, N.J., 1980. P. 84.

летом 1914 г. не только велось поспешное расширение заводов, предусмотренное «Малой» и «Большой» программами военного ведомства, но и намечалось создание иных объектов. Не теряло времени и морское ведомство¹.

Однако при достигнутом на деле уровне готовности страны к военным испытаниям решение правительства о вступлении в войну означало — как показало все последующее — либо отсутствие способности трезво оценить степень риска, либо, как сказал бы П.Н. Милюков, «измену» патриотическому долгу в силу личных карьерных соображений министров и генералов.

Совет министров вполне понимал неготовность к войне. На заседании 10 июля 1914 г.² глава землеустроительного ведомства А.В. Кривошеин сожалел, что «программа нашего вооружения не закончена», и сомневался, «способны ли будут наши армия и флот равняться с Германией и Австро-Венгрией. Наши промышленные и культурные достижения, — говорил Кривошеин, — были настолько различны с вышеназванными странами, что для нас невозможно в настоящее время достигнуть даже одинакового уровня с ними». Сухомлинов и морской министр И.К. Григорович подтвердили, что программы не закончены и что не приходится рассчитывать на «превосходство наших сил в случае возникновения конфликта с Тройственным Союзом». Министр финансов П.Л. Барк, уходя с заседания, сказал Кривошеину, что его «чрезвычайно тревожила» нависшая опасность: «Я очень сомневаюсь, чтобы военное и морское ведомства оказались на высоте современных требований; война с Японией показала, насколько наша военная техника отстала во всех областях, и если нам тогда с маленькой Японией не удалось справиться, то тем менее мы будем в силах сражаться с таким организованным противником, как Германия, даже если бы мы за восемь лет и улучшили наше военное снаряжение». Кривошеин ответил, что «он также смотрит очень мрачно на исход вооруженного столкновения».

¹ См. «Государство и монополии» и другие работы К.Ф. Шацилло.

² Барк П.Л. Июльские дни 1914 года // Возрождение. Париж. 1959. Июль. № 91. С. 22—25.

Оба министра, как и главы военных ведомств, таким образом оценивая результат военно-технической подготовки к грозящему столкновению, подвели катастрофический итог. Оставалось признать, что надвинулся момент, когда за сохранение мира «не могла быть чрезмерной любая цена»¹, так как грозила «война на уничтожение», едва ли не «гибель цивилизации». Но они удовлетворились выражением бессильного сожаления — «нас все равно заставят воевать» — и самоуспокоительной демагогией: «Единственная надежда остановить Германию — это спокойная решимость и готовность начать военные действия».

¹ Fuller C. Strategy and Power in Russia, 1600—1914. N.Y., 1992. P. 463; Clark Chr. Die Schlafwandler: Wie Europa in den Ersten Weltkrieg zog. Bonn, 2013. S. 717; *Февральская революция 1917 года в России. История и современность*. М., 2007. С. 62—63 (выступление А.И. Уткина на круглом столе в РГГУ).

3. Развитие военной промышленности в 1914—1917 гг.

ПРОИЗВОДСТВО ВИНТОВОК

В конце ноября 1914 г. Карла Густава Маннергейма, командовавшего в то время лейб-гвардии драгунским полком, «чрезвычайно удивил» своим пессимизмом командир корпуса В.М. Безобразов. «Скоро нам придется драться просто дубинами», — предсказывал он. И оказался пророческим: летом 1915 г. немецкое командование получало донесения о взятых в плен солдатах, вооруженных только деревянными дубинами. «Из набранной огромной орды номинально в 6 250 000 солдат по меньшей мере треть в начале 1915 г. не могла быть снабжена винтовками»¹.

Нехватка вооружения, как видно из переписки 26—27 октября 1914 г., вынуждала примириться с высылкой на фронт пополнений «без снаряжения и вооружения» или вооруженных наполовину, а то и на четверть: при 50% вооруженных, полагали в ГУГШ, «приток комплектований пойдет значительно успешнее, так как запас собственно людей внутри Империи очень велик». Начальник ГУГШ М.А. Беляев считал, что «вопрос винтовок» «после снаря-

¹ Маннергейм К.Г. Мемуары. М., 1999. С. 51—52; Crutwell C.R.M.F. Op. cit. P. 172, 179. В августе 1915 г. на Юго-Западном фронте командование предписало вооружить часть пехоты топорами, насаженными на длинные рукоятки (Головин Н.Н. Указ. соч. Т. 2. С. 8). Командующий 9-й армией это распоряжение не принял к исполнению, но, очевидно, в других армиях роты «алебардистов» все же появились, а топоры не всегда прочно удерживались на рукоятках. «Чудовищная картина: наши солдаты, идущие на фронт с дубинками вместо ружей» (Игнатьев А.А. 50 лет в строю. Рига, 1949. Кн. 3—4. С. 356).

дов является наиболее острым», а начальник штаба Верховного главнокомандующего Н.Н. Янушкевич писал, что «при настоящих условиях единственно возможным средством пополнения армий является высылка невооруженных... команд»¹. Месяц спустя царь по поводу нужды в винтовках «дважды в течение двух дней» телеграфировал королю Англии².

Нельзя сказать, чтобы такая нехватка стрелкового оружия была вполне неожиданной. Производство вооружения, развертываемое в соответствии с «Большой программой», должно было достигнуть нужного уровня лишь к 1917 г. К тому же в предвоенные годы на первый план выступило экстренное изготовление отдельных частей винтовки, в миллионах экземпляров, которые подлежали замене, чтобы приспособить имеющиеся ружья к стрельбе остроконечной пулей, и с этой целью в марте 1911 г. ГАУ и Военный совет, находя, что уже созданные запасы винтовок превышают нормы по предстоявшей новой организации армии, решили «постепенно прекратить изготовление трехлинейных винтовок». В 1913 г. ГАУ загружало ружейные заводы работой по «прицелам нового чертежа», «отсечкам-отражателям с подогнутым зубом» и др. деталям трехлинейки «учитывая наивысшую производительность»³. В год заводы могли изготовить 800 тыс. прицельных рамок и до 1 млн отсечек-отражателей, и в таком случае на обновление винтовок требовалось четыре года⁴.

Вместе с тем, как убедилось следствие по делу Сухомлинова и начальника ГАУ Д.Д. Кузьмина-Караваева, с изда-

¹ *Нелипович С.Г.* Кровавый октябрь 1914 года. М., 2013. С. 623; ВПР. С. 780. «Жалостливые сказки» (*Stone N.* Organising an Economy for War // War, Economy and Military Mind. Totowa, N.J., 1976. P. 111).

² *Soroka M.* Britain, Russia and the Road to the First World War. Farnham, 2011. P. 270.

³ *Сухов В.А.* 1) Производство вооружения на Тульском заводе в годы Первой мировой войны // Из истории Тулы и Тульского края. Тула, 1983. С. 19; 2) К истории развития русской военной промышленности накануне Первой мировой войны (Деятельность Тульского оружейного завода в 1910—1914 гг.) // Вопросы социально-экономической истории СССР. Тула, 1976. С. 30; РГВИА. Ф. 1. Оп. 1. Д. 76853. Л. 71. План оружейных заводов на 1913 г., утв. Военным советом 19.VII.1912.

⁴ РГВИА. Ф. 962. Оп. 2. Д. 25. Л. 153, 148. Доклад ГАУ в Военный совет, 13.VII.1911.

нием закона 24 июня 1913 г. «было начато рассчитанное на 1913—1916 гг. переустройство заводов для упорядочения и расширения их действия... Война застала заводы в периоде переустройства, и усиленное производство винтовок не могло начаться в ближайшие месяцы»¹. Совещание, проведенное еще 17 октября 1912 г., пришло к заключению, что на ружейных заводах изношенное оборудование, и «признало настоятельно необходимым» получить разрешение «теперь же» заказать за границей станки, на что и был отпущен 1 млн руб.² Началось также проектирование переустройства заводов, направленное на то, чтобы производство винтовок «было очищено от всех наслоений» и «побочных производств». Но это все были меры, рассчитанные на основе предположения о длительном запасе времени до начала войны. Из 15 850 000 руб., предоставленных в распоряжение Военного министерства законом 24 июня 1913 г. «на оборудование» артиллерийских заводов, 1,3 млн пришлось на Тульский завод, 4 млн — на Ижевский и 1,4 млн — на Сестрорецкий. В 1913 г. полагалось только приступить к переоборудованию (из всей суммы употребить 712 тысяч)³, а на полное развитие этой операции отводились последующие годы.

Как свидетельствовало ГАУ, имевшийся к началу войны запас винтовок (4120 тысячи) «с первых же дней войны оказался недостаточным для снабжения вновь формируемых войсковых частей и пополнения текущего расхода». По причине общих финансовых затруднений размер запаса был установлен Мобилизационным комитетом в 1910 г. с понижением — таким, что новая норма военного времени давала формальное обоснование свертыванию производства, вызванному в действительности отсутствием средств⁴,

¹ ВПР. С. 779.

² РГВИА. Ф. 1. Оп. 1. Т. 46. Д. 1109. Л. 4, 11 и об., 14.

³ Там же. Ф. 2000. Оп. 2. Д. 1532. Л. 3—4 об. Справка ГУГШ для военного министра к внесенному в Совет министров докладу о мерах по усилению армии, 11.VII.1913.

⁴ Шацлло К.Ф. От Портсмутского мира к Первой мировой войне. С. 11—12; Зайончковский А.М. Подготовка России к империалистической войне. С. 91, 87; dlib.rsl.ru/01003391035. С. 173; РГВИА. Ф. 962. Оп. 2. Д. 25. Л. 240; Там же. Ф. 29. Оп. 3. Д. 731. Л. 27 об. // Доклад ГАУ в Военный совет, 8.IV.1915.

но для «общества», для Думы в объяснение сокращения деятельности ружейных заводов ведомства ссылались на ожидаемое перевооружение автоматической винтовкой, что, впрочем, тоже действительно учитывалось. Великий князь Сергей Михайлович, ведавший всем артиллерийским делом империи, 21 сентября 1911 г. сообщил Николаю II, что «винтовками все наши запасы обеспечены, и мы теперь изготавливаем только нужное количество для текущей потребности»¹, а 18 марта 1913 г., когда Николаю II поступил доклад о заготовлении патронов для берданок, царь сэконо- номил казенные средства, выразив свою «ВЫСОЧАЙШУЮ волю»: «По-Моему, винтовки Бердана следовало бы изъять из употребления даже ополчения. Все народы — соседи России, даже собственно разбойники, и те вооружены лучшим оружием»², и это предредило ликвидацию запаса устаревших винтовок. В ответ на требование Николая II представить сведения о ходе ружейного производства, полученное 4 июля 1915 г., Беляев доложил, что «в июне 1914 г., по выполнении данных в мирное время заказов, наши ружей- ные заводы изготовили менее 1000 винтовок. Другими сло- вами, к открытию военных действий казенные заводы поч- ти прекратили изготовление винтовок», а к июлю 1915 г. эти три завода довели месячный выпуск до 60 тысяч³.

В середине февраля 1915 г. Ставка определяла потреб- ность фронта в размере 1 млн ружей немедленно, единов- ременно и затем по 100 тысяч ежемесячно. 23 мая 1915 г. ежемесячная потребность была установлена уже в 200 ты- сяч, то есть 2,4 млн в год, и на этом уровне исчислялась и далее. Как заявило в Думе 30 марта 1916 г. Военное мини- стерство, необходимо «придерживаться уже выяснившейся на основании опыта текущей войны потребности в выпуске ежемесячно по 200 тысяч винтовок»⁴.

¹ ГАРФ. Ф. 601. Оп. 1. Д. 1342. Л. 51 об.

² РГВИА. Ф. 962. Оп. 2. Д. 140. Л. 53. В.А. Лехович — в ГУГШ, 4.IV.1913. В показаниях на следствии Кузьмин-Караваев, как и другие артиллерийские чины, не упоминал об этом повелении Николая, хотя Верховная комиссия располагала копией письма Леховича.

³ Там же. Ф. 2000. Оп. 1. Д. 4388. Л. 1, 4.

⁴ Там же. Оп. 2. Д. 1733. Л. 10; Ф. 29. Оп. 3. Д. 731. Л. 97; Ф. 1. Оп. 1. Т. 46. Д. 1125. Л. 76.

На совещании по вопросу о ружейных заводах 14 апреля 1915 г. сообщалось, что совокупную производительность всех трех заводов намечено довести до 950 тысяч в год, «путем их расширения», к 1 января 1916 г. «Дальнейшее же увеличение производства винтовок в России желательно достигнуть устройством новых заводов». Но Беляев указал на недостаточность такого увеличения: «100 тысяч в месяц это минимум. Ежемесячная убыль людей 300 тысяч, 10 тысяч в день. Чтобы иметь $\frac{1}{3}$ вооруженными — получилось 100 тысяч». Представитель Министерства финансов В.В. Кузьминский поинтересовался: «Нельзя ли развить дальше существующие заводы?» Начальник Канцелярии Военного министерства А.С. Лукомский ответил: «Дальнейшее развитие граничит с новым заводом». Как пояснил представитель ГАУ А.А. Якимович, раньше «предполагалось, [что] казенные заводы [дадут до] 500 тысяч. Были отпущены средства на расширение помещения, но пришлось остаться в тесноте... дальше расширять невозможно (территория, управление)». Совещание признало, что «единственным выходом... является безотлагательная постройка нового казенного ружейного завода производительностью не менее 450 тысяч винтовок в год с одновременным устройством нового сталелитейного завода для надлежащих отливок, при общей стоимости таковых [заводов] в 56 млн руб.»¹ Для трех старых ружейных заводов в США был сделан через фирму «Ремингтон» заказ на новые станки (еще на 1 млн долларов), изготовление их заканчивалось осенью 1916 г.²

На протяжении 1915 г. из-за границы удалось получить 1 316 152 винтовки, русские заводы изготовили и исправили 854 654 штуки. «Отсюда видно, — писал позднее генерал-оружейник А.П. Залюбовский, — что в 1915 г. заграничный рынок... сыграл существенную роль», так как 60% поступивших ружей были иностранных образцов³. На со-

¹ РГВИА. Ф. 1. Оп. 1. Д. 78771. Л. 3 об., 5, 11; Оп. 1. Т. 46. Д. 1125. Л. 97 и об.

² Там же. Ф. 2000. Оп. 1. Д. 5583. Л. 185, 200. Телеграммы А.П. Залюбовского и А.Н. Циглера, 18 и 23.X.1916.

³ Залюбовский А.П. Снабжение русской армии в Великую войну винтовками, пулеметами, револьверами и патронами к ним. Белград, 1936. С. 78.

юзнической конференции в Шантильи 7 декабря 1915 г. потребность русской армии в заграничном снабжении винтовками была заявлена Ставкой, по существу, в прежнем размере: 1,2 млн единовременно и затем по 200 тысяч ежемесячно¹. Осенью 1915 — в начале 1916 г. недостаток винтовок все еще «ощущался в действующей армии весьма остро» (Беляев). Тогда поступило от союзников 1150 тысяч винтовок разных типов (Ветерли, Гра, Гра-Кропачек, Лабеф и еще 200 тысяч японских). Тем не менее при обсуждении плана наступательных действий, состоявшемся на совещании в Ставке под председательством Николая II 17 февраля 1916 г., несмотря на грозные слова командующего Западным фронтом о «громовом ударе» «могучим молотом», все же Северный фронт, которому, казалось бы, отводилась в этом наступлении главная роль, жаловался, что не в состоянии обеспечить укомплектование своих войск. «Люди есть, но нет достаточного вооружения, — доложил П.А. Плеве. — Предполагалось, что 12-я армия получит винтовки японские, а 5-я покроет недостачу ружей за счет 12-й. Все это, по нашим расчетам, можно было исполнить в половине февраля, но получение японских винтовок замедлилось». Между тем Ставка возлагала надежды именно на живую силу. «Раз не имеем такой могучей артиллерии, как наши союзники, то придется брать количеством пехоты», — сказал начальник штаба Верховного главнокомандующего М.В. Алексеев².

Ссылаясь на изменившийся характер военных действий (стабилизация фронта после отступления), бывший начальник ГУГШ Беляев утверждал, что это якобы «сразу коренным образом изменило положение вопроса» о ружьях, он «утратил совершенно свою остроту»³. По его словам, положение еще улучшилось в 1916 г. вследствие ряда факторов, включая рост производства в России, прекращение утраты ружей бегущими частями на поле боя, использование ав-

¹ РГВИА. Ф. 2003. Оп. 2. Д. 1016. Л. 103. Приложение к протоколу заседания 7.XII, датированное 14.I.1916.

² Там же. Л. 187 об., 180 об., 180. Протокол совещания.

³ ГАРФ. Ф. 1467. Оп. 1. Д. 480. Л. 281 об.—282. Протокол допроса Беляева, 7.VII.1917.

стрийских трофейных винтовок, взятых на Юго-Западном фронте, наконец, «столь долго ожидавшееся поступление в Россию винтовок с завода «Ремингтон», первоначально в количестве 25 тысяч в месяц». В результате образовались в действующей армии «уже весьма хорошие запасы», а в запасных батальонах удалось «значительно понизить некомплект».

Так Беляев оправдывался против обвинения в срыве снабжения. Он на переговорах летом 1916 г. в Лондоне отклонил предложение 200 тысяч английских ружей — из-за слишком отдаленного, по его мнению, срока фактической доставки (конец 1916 — начало 1917 г.), когда, как он думал, потребность в дальнейших заграничных заказах на винтовки должна была отпасть. Учитывая ограниченный тоннаж морских перевозок и слабую провозоспособность железных дорог, следовало сохранить возможность доставки в Россию «крайне необходимых для армии запасов», а ружья он уже сюда не причислял. Выход винтовок с трех казенных заводов поднялся с 84 835 в декабре 1915 г. до 127 200 в декабре 1916 г.¹ Внутреннее производство ружей к 1917 г. возросло в 2,5 раза. Если в 1914 г. мощность трех заводов, оцениваемая по их оборудованию, при двухсменной работе нормального напряжения определялась в 525 тысяч в год, то в 1916 г. фактический выпуск достиг 1302 тысяч (649+505+148 тысяч), то есть 248%. Сказалось усиление («примерно на 50%») оборудования Тульского и Ижевского заводов «и главным образом крайняя форсировка работы — в три смены без праздников, без нормального ремонта оборудования». И все же положение к 1917 г. не стало благополучным. Военному ведомству пришлось в отчете за 1916 г. признать, что «потребность армии в трехлинейных винтовках была удовлетворена примерно лишь наполовину»². Залюбовский, исправляя дан-

¹ ВПР. С. 626. Выпуск винтовок в Германии перед войной оценивался в 7 тысяч шт. в день (РГВИА. Ф. 962. Оп. 2. Д. 140. Л. 261. Показания Н.П. Басова, начальника оружейно-патронного отделения ГАУ, 30.XI.1916).

² РГВИА. Ф. 1. Оп. 2. Д. 179. Л. 1 об.; *Генерал В.С. Михайлов*. С. 136; *Сидоров А.Л.* Экономическое положение России. С. 317. Дж. Киган, однако, считает, что к 1916 г. «благодаря изумительному росту русского промышленного производства» почти все солдаты были должным об-

ные Маниковского, указывал, что из 6,6 млн ружей, заготовленных в 1915—1917 гг., «около половины приходилось на винтовки иностранных образцов и заготовления». В первой половине 1916 г. в Военном министерстве считали нужным заказать за границей 2700 тысяч ружей¹.

Ижевские сталелитейный и оружейный заводы

Ижевский комбинат, состоявший из ружейного и сталелитейного заводов с двумя лесничествами, являлся крупнейшим предприятием в империи с числом рабочих в конечном счете свыше 30 тысяч человек².

В феврале 1915 г. Ижевский завод выпускал 1500 винтовок в сутки, и было решено довести выпуск до 3500, добавив 318 станков, но к осени удалось получить только небольшую часть их, и усиление выпуска достигалось увеличением интенсивности труда рабочих, при этом десятки американских станков простаивали, оказавшись слишком сложными для ижевцев. В июле 1915 г. завод выпускал 2500 винтовок в день, в ноябре — свыше 3000. Одновременно продолжалось выполнение «плана коренного переустройства Ижевских заводов» (постройка новых зданий, расширение листопрокатной мастерской, оборудование прокатных станов)³.

разом вооружены (*Keegan J. Op. cit. S. 386, 616*). В этом он опирается на данные «незаменимой» работы о Восточном фронте (*Stone N. The Eastern Front. P. 209—211*).

¹ *Залубовский А.П.* Указ. соч. С. 79—80; *Емец В.А.* Очерки внешней политики России в период Первой мировой войны. М., 1977. С. 341—342; ГАРФ. Ф. 1467. Оп. 1. Д. 480. Л. 165 об.

² *Коротков Д.С.* Февральская забастовка рабочих Ижевских заводов 17—27 февраля 1917 г. Ижевск, 1927. С. 6. На 28 июля 1917 г. — 35 тысяч рабочих и служащих, в том числе рабочих 33 200 (ГАРФ. Ф. 472. Оп. 1. Д. 19. Л. 152). Но, согласно телеграмме, полученной командующим Казанским военным округом из Сарапула о начавшейся 18 февраля 1917 г. забастовке, «на Ижевском заводе забастовало 42 тысячи рабочих» (*Фомичев А.* Ижевская сталь. Очерк о былом и настоящем ижевских металлургов. Ижевск, 1977. С. 68).

³ *Шумилов Е.Ф.* Город оружейников. 1807—1917. Два века «Ижмаша». Ижевск, 2002. Т. 1. С. 450; РГВИА. Ф. 29. Оп. 3. Д. 730. Л. 60 об.; Д. 943. Л. 36—37; Ф. 369. Оп. 16. Д. 39. Л. 20 об.

Средства на переустройство, полученные заводом перед войной, сами по себе еще не гарантировали быстрый результат. В плане реконструкции обнаружились «ошибки и упущения», настолько серьезные, «что осуществление проекта пришлось отложить». Дело касалось «крупнейшего и главнейшего из всего плана переустройства Ижевских заводов» здания, предназначенного для сверлильно-токарной мастерской: ее предстояло перевести туда из старых деревянных бараков. Проект этого здания был в 1913 г. составлен на заводе неудачно; в Петербурге переделан еще более неудачно и утвержден. Когда выявилась необходимость начать все сначала, то оказалось, что уже «создавшееся положение не дает надежды на скорый приступ к постройке здания и, несмотря на крайнюю спешность таковой, едва ли окажется возможным приступить к постройке фундамента ранее весны 1915 года». Сверлильно-токарный цех еще не был восстановлен в полной мере после предвоенного сокращения — часть его помещений была занята под склады и ремонтные мастерские; значительное число станков негде было поставить. Площадь существовавших «сверлильно-токарных бараков» не позволяла одновременно делать стволы ружей и снаряды: приходилось «увеличивая выход стволов, сокращать выход снарядов, и наоборот». От этого возможная производительность по стволам падала на 30%¹.

А кроме того, предстояло разместить «имеющие прибыть из Америки станки», заметил посетивший завод эксперт ЦВПК. По его мнению, постройка задерживалась нехваткой рабочих рук, на что и ссылался подрядчик; в ГАУ причину видели в неумелом составлении проекта; подрядчику же было интересно продать заводу здание собственного бывшего пивоваренного завода, пригодное для устройства механического цеха². К сверлению и черновой обработке стволов Ижевский завод с конца 1914 г. привлекал в по-

¹ ВПР. С. 467—472.

² РГВИА. Ф. 369. Оп. 16. Д. 39. Л. 10—13, 19. Докладная записка о состоянии Ижевского завода, присланная из ЦВПК, 18.VIII.1915; Там же. Л. 20 и об. Справка ГАУ с объяснениями по этой записке, предназначенная для КВМ и ЦВПК, 6.IX.1915.

мощь местных фабрикантов охотничьего оружия, которые довели выпуск до 600 стволов в сутки; сам завод с окончанием его дополнительного оборудования станками и двигателями рассчитывал в будущем изготавливать до 1 млн в год просверленных, обточенных и закаленных ствольных болванок для других казенных заводов¹.

Инженер, осмотревший завод летом 1915 г., нашел, что выпуск стволов задерживается также из-за того, что молотовому цеху² не хватает стали. Недостающее молотовому цеху количество заготовок завод старался получить от частных — Брянского и Сормовского.

В здание, предназначенное для мастерских очистки стали и молотовой, вполне готовое, еще нельзя было переместить производство из барakov, потому что затянулся пуск новой силовой станции. Трех турбинам, заказанным для нее ранее в Германии «и, по полученным сведениям, уже готовым», естественно, пришлось искать замену, и в 1915 г. их перезаказали в Англии, а пока для новой силовой станции при строящейся сверлильно-токарной мастерской удалось подыскать шесть дизелей (по 40—60 л.с.) на Сормовском и Коломенском заводах, что открыло возможность увеличить выпуск снарядов. В декабре 1916 — январе 1917 г. энергетическое хозяйство завода пополнилось пятью турбогенераторами по 2 тысячи кВт, полученными из Англии и США³.

Для всех артиллерийских заводов огромное значение имело установленное на Ижевском заводе производство стали высших сортов (по особому способу, введенному с 1900 г. «почти одновременно с лучшими шведскими заводами и совершенно независимо от них»)⁴ — щитовой и пружинной.

¹ РГВИА. Ф. 369. Оп. 16. Д. 29. Л. 24, 25.

² Этот инженер критически отозвался об установленных в молотовом цехе устройствах, изготовленных соседним Воткинским заводом, но начальник технических артиллерийских заведений возразил: «Паровые колотушки, конечно, требуют много пару, но их производительность велика, и, кроме того, их легко изготовить в России, а пневматические молоты можно получить только из-за границы».

³ ВПР. С. 468, 483; Шумилов Е.Ф. Указ. соч. С. 450—451.

⁴ Справка ГАУ, 6.IX.1915. Использование в металлургии древесного угля предполагало обширные лесозаготовки, для чего к заводу были приписаны два лесничества, использовавшие в военных условиях принудительный труд десятков тысяч лесорубов, возчиков и углежогов из

жинной, но особенно инструментальной. Такая сталь, с использованием ферросилиция, ферровольфрама из Швеции, изготавливалась в трех тигельных печах Сименса, дававших до 200 тысяч пудов в год; инструментальную сталь поглощало в основном ружейное производство в самом же Ижевске (170 тысяч пудов в год). «Больше стали получить нельзя, — утверждало ГАУ, — и даже для оружейного завода приходится прикупать инструментальную сталь из-за границы». Начатая постройка еще четырех тигельных печей (с окончанием ее тигельное производство могло достигнуть 1500—1600 пудов в сутки) «сейчас остановлена вследствие неимения рабочих рук... Оборудование заново производства инструментальной стали на каком-либо заводе весьма затруднительно ввиду сложности этого производства, требующего ряда специальных устройств» и подготовленных техников¹. После конфискации рижского завода «Саламандра» («Томас Фирт с сыновьями») Ижевскому заводу досталась треть изъятого напилочного оборудования и отделение инструментальной стали². Летом 1915 г. заканчивалось сооружение 20-тонной мартеновской печи и предполагалось построить новую сталелитейную мастерскую, для начала с одной мартеновской печью.

Существенным препятствием для развития Ижевского военного комплекса являлось отсутствие железнодорожной связи с общеимперской сетью дорог. Не имея подъездных линий, Ижевский завод в период навигации пользовался

окрестных крестьян и военнопленных (*Рабочий класс Урала в годы войны и революций. Свердловск, 1927. Т. 1. С. 10, 15; Садаков М.А. Аграрные отношения на территории Удмуртии в период империализма // Вопросы истории Удмуртии. Ижевск, 1974. Вып. 2. С. 190—192.*)

¹ «С прискорбием» технический специалист отмечал, что, занимая по мощности железоделательной промышленности пятое место в мире, Россия отстала («у нас нет и не было почти», «находится еще в зачаточном состоянии») в переработке металла: главная синдикатская организация металлопромышленников «Продамет» в свое время «не отнеслась с должным вниманием к выработке высоких сортов стали и еще меньше к научной классификации *выплавленного чугуна*» (*Милиц Н.М. О ближайших задачах нашей химической промышленности // Вестник прикладной химии и химической технологии. М., 1916. № 1. С. 8, 12.*)

² *Жук А.В. Эвакуация промышленных объектов на Урал в годы Первой и Второй мировых войн // Уральская провинция в системе регионального развития России. Екатеринбург, 2001. С. 70—71.*

речными путями. Подъездной путь к пристани Гольяны на Каме — 40-километровый тракт — летом в период дождей, осенью и весной становился непроезжим. Путешествие даже в легком экипаже на это расстояние могло занять 18 часов, а перевозка грузов останавливалась¹. К осени 1915 г. закончилось строительство пути на Казань, начатое в 1913 г. Эта ветка обладала малой пропускной способностью; она была сооружена в условиях нехватки материалов, с укладкой пониженного против нормы числа шпал и скреплений. Усиленная заготовка топлива вызвала проведение узкоколейной дороги в 55 верст к первому лесничеству, строительство началось осенью 1915 г. и к 1917 г. обошлось в 2,2 млн руб. В 1915 г. закончились изыскательские работы для сооружения железной дороги с выходом на Пермскую линию, что должно было открыть доступ на Урал и к Кизеловскому угольному бассейну. Изыскания начались еще в 1913 г. (ранее идея обсуждалась в течение двух десятилетий), но практически к строительству в то время так и не удалось приступить². В феврале 1916 г. началась установка баков для хранения нефтяных остатков на 6 млн пудов. Частные фирмы не согласились продать топливо по предельным ценам, назначенным Особым совещанием по обороне, и тогда Министерство путей сообщения уступило заводу 2 млн пудов мазута из заказанных ранее для себя³.

Роль Ижевского завода была такова, что он — конечно, несколько преувеличенно — представлялся эксперту ЦВПК даже «единственным в России ружейным заводом, ибо Тульский и Сестрорецкий не являются заводами самостоятельными и служат лишь дополнением к Ижевскому». Но и в самом деле изготовление черновых стволов было сосредоточено в Ижевске, и от подачи их этим заводом зависел

¹ Мельников С.Л. Пристанское хозяйство Камско-Вятского бассейна во второй половине XIX — начале XX в. // Государство и общество, 2001, № 1. С. 132. В период весеннего половодья, в дни самого высокого подъема воды, часть продукции завода можно было отправлять с Ижевской пристани по реке Ижу, но этот период был очень коротким.

² СУ. 13.VIII.1913. № 192. Отд. 2. Ст. 1102; «Мы за ценой не постоим...» Из истории строительства железной дороги Ижевск—Балезино. Ижевск, 2005. С. 60, 24; РГВИА. Ф. 369. Оп. 16. Д. 39. Л. 10—13, 19; Ф. 29. Оп. 3. Д. 942. Л. 324; Д. 1004. Л. 178—179; Д. 1023. Л. 116.

³ РГВИА. Ф. 29. Оп. 3. Д. 2578. Л. 61 и об.

выпуск винтовок на остальных¹; за время войны завод дал 52% всех ружейных стволов русского изготовления, 79% пулеметных. Из выпущенного в России стрелкового оружия на Ижевск приходилось от 43 до 48%; выпуск винтовок в Ижевске увеличился в шесть раз — с 82 тысяч в 1914 г. до 313 тысяч в 1915 г. и 505 тысяч в 1916 г.²

Сестрорецкий оружейный завод

В 1913 г. началось переустройство Сестрорецкого завода в Петербурге. Прежде, не получив заказов на винтовки, предприятие занималось разработкой автоматического оружия и изготовлением котелков, выучных приспособлений, кавалерийских пик; в громадных количествах — частей нового дугового прицела и нагелей для винтовок, переделываемых для стрельбы остроконечным патроном, а также взрывателей и разных предметов, иногда не имевших ничего общего с оружейной техникой. Теперь надлежало выделить в особую часть изготовление взрывателей, до того времени вкрапленное в мастерские оружейного дела. В октябре 1914 г. мастерская взрывателей уже работала в новом помещении, а остальная часть завода приводилась в порядок.

О предстоявших новых нарядах на винтовки Сестрорецкий завод был предупрежден в июле 1913 г. и начал готовиться поднять выпуск до 250 штук в сутки; 25 июля 1913 г. Военный совет утвердил ассигнование 714 тысяч рублей на строительные работы и 686 тысяч — на усиление оборудования. Как сообщал позднее следственной комиссии бывший начальник завода А.П. Залюбовский, «при моем назначении (31 декабря 1913 г.) мне было поставлено требование непременно вновь сделать завод оружейным и в первую голову заняться автоматическим оружием». Составленный при его предшественнике проект намечал увеличение образцовой, взрывательной и механической мастерских, но «не давал во все расширения помещений для винтовок». «Пришлось це-

¹ ВПР. С. 469, 472, 482.

² Родионов Н.А. История оружейного производства в Удмуртии. Ижевск, 2009. С. 56.

ликом этот проект заменить новым», чтобы «удвоить выход винтовок, не уменьшая всех прочих производств». Одной из задач являлась установка новых двигателей и устройство электростанции вместо водяных колес («воды уже и в 1913 г. слишком не хватало»), чтобы не приходилось останавливать или уменьшать два раза в год работы из-за недостатка воды в «разливе».

На исполнение всех этих задач времени до начала войны не осталось. В августе—октябре 1914 г. завод приводил в порядок установку всех разработок частей винтовки и пропуская изделия, наполняя ими все переходы между последовательными операциями, а с 1 ноября началась подача и сборка винтовок; за август—декабрь завод дал 6 тысяч винтовок и в январе довел сборку до 150 в день (3500—4000 в месяц). Дальнейшее развитие производства на Сестрорецком заводе требовало наращивания силы двигателей, запаса инструментов и поковок, добавления станков и увеличения площадей¹. В течение 1915 г. были возведены здания замочной мастерской, переделано под мастерскую здание магазина, надстроен второй этаж над зданием ложевой и магазинной мастерских, проложены ветка Приморской железной дороги и ветка от Белоострова к заводу. Если за 1913 г. СОЗ выпустил 4530 винтовок, за 1914 г. — 7584, то за 1915 г. — 74 483, за 1916 г. — 147 534. Всё большее место в производстве занимало изготовление всякого рода поверочного, образцового инструмента, мерительных приборов для всех предприятий ГАУ, а также лекал, используемых при приеме изделий на заводах. К осени 1915 г. СОЗ располагал 1962 станками (включая 45 в пиковой мастерской и 278 во взрывательной), использовал 720 кВт электроэнергии и имел 4 тысячи мастеровых. Их усердие администрация повышала с помощью выплаты премий².

В 1915 г. состоялось важное постановление о дальнейшей судьбе завода. После длительного разбирательства с

¹ *Сестрорецкий инструментальный завод имени Воскова. 1721—1967*. Л., 1968. С. 42, 71, 81; РГВИА. Ф. 240. Оп. 1. Д. 106. Л. 19—20 об.; Ф. 962. Оп. 1. Д. 13. Л. 10 об.; Д. 25. Л. 217—218.

² РГВИА. Ф. 369. Оп. 16. Д. 29. Л. 18; Оп. 4. Д. 37. Л. 3; Ф. 240. Оп. 1. Д. 106. Л. 68.

компанией РАОАЗ («дочка» английского «Виккерса»), добивавшейся от ГАУ заказа на винтовки и предлагавшей учредить собственный ружейный завод, правительство, отклонив это предложение, наметило постройку под Екатеринославом 4-го казенного ружейного завода (или 5-го, если считать 4-м второй Тульский, также намеченный). Речь шла о «расширении Сестрорецкого завода с перенесением его в Центральную Россию». За год на новом месте под Екатеринославом предполагалось, по объяснению Залюбовского, выстроить «здание для завода, в точности по своим размерам и устройству представляющее копию здания завода Ремингтона» в Бриджпорте, так что мучений с составлением оригинального проекта удалось бы избежать, устанавливая «все на свои места по точным планам, снятым прямо с планов у Ремингтона». По мере готовности корпусов нового завода должно было начинаться производство винтовок. Утверждая журнал Совета министров по этому вопросу (от 27 ноября 1915 г.), Николай II 17 декабря распорядился: «С перенесением и расширением завода поспешить».

Для нового завода ГАУ выбрало место при впадении в Днепр реки Самары; два участка (всего 1250 десятин) были, по оценке Залюбовского, «приобретены с запасом», с учетом удобного расположения для «вообще технических заведений, потребность в которых у ГАУ была большая». Началась реквизиция кирпичных заводов, станков, оборудования¹.

В январе 1917 г. ГАУ просило на продолжение строительства 9 млн руб. (около 6 млн уже было израсходовано), но Военный совет согласился дать лишь 3 млн, а в мае 1917 г. пришлось «в корне пересмотреть вопрос о постройке Екатеринославского завода». Комиссия бывшего государственного контролера Н.Н. Покровского, учрежденная Временным правительством для пересмотра проектов казенного заводского строительства, «признала необходимым отложить производство строительных работ... на один год», а для хранения скопившегося оборудования поставить «легкого типа сараи».

¹ РГВИА. Ф. 1. Оп. 1. Ч. 46. Д. 1125. Л. 76. Доклад ГАУ в Государственную думу, 30.III.1916; Ф. 29. Оп. 3. Д. 731. Л. 135 и об. Памятная записка КВМ для ГАУ, 29.IX.1915; Залюбовский А.П. Указ. соч. С. 66—67.

Учитывалось, что «в связи с обстоятельствами настоящего времени» надо «всемерно избегать крупных расходов казны» (ГАУ ходатайствовало, вместе с «текущими расходами» на строительство, об ассигновании 17 млн руб.)¹.

К тому же в момент, «когда оно (оборудование — 6 тысяч станков. — В. П.) в действительности может потребоваться», покупка «может не оказаться столь выгодной, насколько она представляется выгодной в настоящее время». Более того, «постройка Екатеринославского оружейного завода может быть и вовсе отменена или будет производиться постольку, поскольку это потребуется для переноса в Екатеринослав существующего оборудования Сестрорецкого завода», объясняли в Канцелярии Военного министерства². В конечном счете из комплекта «Ремингтона» ни один станок в Екатеринослав не попал; «оборудование это впоследствии распродавалось в Америке по частям, конечно за бесценок». Доставлены были «лишь отправленные раньше, купленные мною, — писал Залюбовский, — особо из запасов «Ремингтона» около 150 станков для оборудования ремонтно-механической и инструментальной временной мастерской», они нужны были в первую очередь, еще до установки комплекта. Всего полагалось передать 255 станков на 222 тысячи долларов взамен 9871 из заказанных винтовок³.

«За недостатком средств» (Залюбовский) правительство приостановило работы, хотя они возобновились, «и притом в спешном порядке», в конце 1917 г. Но затем участь Екатеринославского оружейного завода была окончательно решена: ГАУ позволило комиссии, соорудившей Воронежский завод взрывателей, взять с екатеринославской стройки кабель, «а также, если окажется возможным... разные хозяйственные предметы, кои окажутся пригодными для завода взрывателей»⁴. С переходом же 4 апреля 1918 г. вла-

¹ РГВИА. Ф. 240. Оп. 1. Д. 158. Л. 3—4, 1. Записка Залюбовского о Екатеринославском оружейном заводе, 23.IV.1918.

² Там же. Ф. 29. Оп. 3. Д. 1026. Л. 17—18. Доклад начальника КВМ В.Л. Туган-Барановского военному министру, 27.V.1917.

³ Залюбовский А.П. Указ. соч. С. 67—68.

⁴ РГВИА. Ф. 505. Оп. 1. Д. 87. Л. 378. Журнал Воронежской строительно-хозяйственной комиссии № 304, 5.XII.1917.

сти в Екатеринославе к украинской Центральной раде За-любовский, возглавлявший строительную комиссию, признал дело окончательно загубленным и предложил ликвидацию¹.

РАОАЗ — ружейный завод

В начале войны в числе первых предпринимателей, просивших содействия казны для устройства частных ружейных заводов, были владелец оружейных магазинов в Москве, Нижнем Новгороде и Самаре А.А. Битков и директор полуказенного Русского общества пароходства и торговли А.К. Тимрот. «Для скорости мы предполагаем, — говорилось в заявлении Тимрота, поданном 15 января 1915 г., — теперь же дать заказ иностранному заводу, обязав его одновременно с изготовлением станков для своего завода поставить также нам необходимые станки и лекала... Для удешевления заграничного заказа необходимо будет поставить условие, что[бы], по изготовлении определенного количества винтовок и по нашему требованию, нам были переданы за условленную плату и в полной исправности их станки, после чего все производство винтовок может быть перенесено нами в Россию с расчетом довести производство до 2000 винтовок в день». Все это обосновывалось идеей о подготовке к ответственному дню, когда произойдет перемена в отношениях с союзниками: «Именно к концу войны и во время конференции мира, когда державы ныне нейтральные могут оказаться нашими врагами, а союзники в некоторых вопросах могут оказаться недоброжелательными, мы должны быть сильнее, чем когда-либо»².

К этому времени выяснилось, что развертывание ружейного производства на казенных заводах наталкивается на затруднения. На 30 сентября 1914 г. Тульскому заводу не-

¹ 2 июня КВМ возвратила в ГАУ его доклады о покупке американского оборудования и продолжении строительства в Екатеринославе (РГВИА. Ф. 29. Оп. 3. Д. 792. Л. 1, 5; Д. 783. Л. 61; Д. 1023. Л. 17).

² Там же. Ф. 962. Оп. 2. Д. 30. Л. 171—172. Надпись: «Государь император одобрил этот проект и повелел обсудить его беззамедлительно. 17.I.15. Г.-л. Сухомлинов».

доставало станков и лекал для выпуска стволов и замочных частей более 600 шт. в день. Сестрорецкий завод, как и 20 лет назад, питался энергией от водяных колес. Летом 1915 г. недостаток воды в озере не позволял одновременно работать всем мастерским, и только тогда дело подошло «к замене водных турбин, ставятся нефтяные двигатели», — писали рабочие в жалобе на администрацию Сестрорецкого завода¹.

Проект Тимрота по распоряжению Николая II обсудило 19 января 1915 г. совещание под председательством помощника военного министра Вернандера, и оно признало проект несостоятельным; вскоре было отклонено и предложение Биткова — «как недостаточно разработанное и в малом масштабе».

3 февраля Сухомлинов получил новое заявление об учреждении частного завода — на этот раз от Русского акционерного общества артиллерийских заводов, уже соорудившего в Царицыне большой пушечный завод. «Будучи осведомлено о предположении военного ведомства выдать заказ на ружья», правление РАОАЗ намеревалось в случае заказа предъявления не менее миллиона винтовок, установить производство до 300 тысяч винтовок в год. Новый (и при этом первый в России частный) ружейный завод был бы связан с царицынским предприятием того же общества и с английской фирмой «Виккерс»². 6 февраля это заявление было подкреплено телеграммой одного из директоров компании «Виккерс» Ф. Баркера о готовности продать оборудование для производства 375 тысяч винтовок в год (при работе 3 тысяч рабочих в одну смену; при двухсменной работе они изготавливали бы 650 тысяч в год). Ответ требовался в течение шести дней. Сухомлинов показал телеграмму Николаю II, и царь распорядился: «Не упускайте завода» и «повелел рассмотреть этот вопрос спешно в Совете министров».

¹ ГАРФ. Ф. 1467. Оп. 1. Д. 556. Л. 22 и об.; РГВИА. Ф. 962. Оп. 1. Д. 13. Л. 2.

² Там же. Ф. 2000. Оп. 2. Д. 1733. Л. 3—4. 9 февраля 1915 г. правление РАОАЗ пересмотрело условия: речь шла о заказе уже не менее 3 млн винтовок; завод должен был выпускать 500 тысяч винтовок в год, число рабочих намечалось в 10 тысяч.

10 февраля 1915 г. Совет министров в силу состоявшегося «высочайшего повеления» «в существе» одобрил этот замысел, но одновременно утвердил мнение министра финансов Барка, который настаивал на том, чтобы Военное министерство начинало переговоры с РАОАЗ не раньше, чем получит через Англо-русский комитет (великий князь Михаил Михайлович) разрешение английского правительства разместить в Англии заказ на станки для нового завода, а также одобрение со стороны Барка. Тем не менее 12 февраля, когда истекал срок для ответа, Сухомлинов предложил фирме «приступить немедленно к выдаче за границей заказов на полное оборудование завода... а равно... к возведению в России всех необходимых для заводов сооружений». Торопясь закрепить согласие военного министра на заключение договора, РАОАЗ 26 февраля сообщило, что заказало оборудование и приступило к постройке.

На другой день начальник Канцелярии Военного министерства Лукомский доложил помощнику министра Вернандеру, что возникло «недоразумение», поскольку вопрос не решен окончательно и «подлежит еще обсуждению в Совете министров, между тем, как видно из настоящего заявления, обществом приняты уже меры по оборудованию». Вернандер приказал «сегодня же поставить правление [РАОАЗ] в надлежащую позицию».

Члены правления РАОАЗ посетили ГАУ, где начальник хозяйственного отдела Е.К. Смысловский, зная, что великий князь Сергей Михайлович не допустит положительного исхода дела, подтвердил им, что «вопрос... нельзя считать еще предрешенным», и даже «все данные за то, что заказ им дан не будет». Тогда представители РАОАЗ побывали у Сухомлинова, и тот на заседании Совета министров 6 марта попросил управляющего делами И.Н. Лодыженского принять и выслушать представителя РАОАЗ П.И. Балинского, чтобы устранить «недоразумение». Ни беседа с Лодыженским (ей предшествовал телефонный звонок ему от великого князя Сергея Михайловича: Балинский «доверия не внушает», с ним надо держать себя осторожно¹),

¹ РГВИА. Ф. 962. Оп. 2. Д. 136. Л. 57—59. Лодыженский это учел и вел беседу в присутствии чиновника своей канцелярии.

ни визит Балинского к председателю Совета министров И.Л. Горемыкину не дали результата.

Не больше успеха имели и другие предложения частных предпринимателей (к тому времени поступили предложения от а. о. «Пулемет», группы Русско-Азиатского банка и ряд других). «Главным мотивом» отказа великий князь выдвигал тот факт, что срок готовности заводов слишком отдален и «в нынешнюю войну эти заводы никакой пользы принести не могут», тогда как «цены у всех предпринимателей поставлены военного времени»; они хотят путем контракта закрепить эти повышенные цены на долгое время, так как «прекрасно сознают, что по окончании первого заказа им придется либо закрыть завод, либо довольствоваться самыми ничтожными заказами». «Еще аргумент, говорящий против допущения постройки частного завода»: частный завод, не имея своего подготовленного технического персонала, будет переманивать инженеров и хороших мастеров «из наших заводов».

Общее заключение великого князя сводилось к тому, что «все внесенные предложения следует отклонить» и надлежит «ассигновать теперь же достаточные кредиты на развитие существующих заводов до производительности 1500 тысяч винтовок в год»; «немедленно приступить к постройке и оборудованию нового сталелитейного завода для отливки ствольных болванок»; купить в Америке оборудование и построить четвертый казенный ружейный завод. «Обладая такими мощными заводами, мы совершенно освободимся в ружейном деле от частной промышленности и заграничных заказов».

Ту же позицию заняло совещание, созванное 14 апреля 1915 г. под председательством Вернандера. Сравнив с разных сторон выгодность частного и казенного предприятий, совещание высказалось за казенные заводы. При этом представитель Государственного контроля напомнил, что не так давно в Думе «возбудил большие прения и едва не послужил поводом для запроса правительству заказ морским министром орудий Царицынскому заводу РАОАЗ». Против «насаждения новой отрасли частной промышленности» высказался и товарищ министра финансов Кузьминский. Со-

вещание одобрило строительство четвертого казенного ружейного завода стоимостью в 31,2 млн руб. (на 450 тысяч винтовок в год)¹ и сталелитейного стоимостью в 39 млн руб. По оценке Лукомского, в результате совещания выяснилось, что «в ближайшем по крайней мере будущем нет возможности рассчитывать на благоприятное разрешение вопроса о постройке частного ружейного завода».

Повторное обсуждение плана строительства ружейных заводов Советом министров, состоявшееся 29 мая, резко выявило различие в подходе правительства к казенному и частному заводскому строительству. Возражая Сухомлинову, министр финансов Барк и государственный контролер П.А. Харитонов вновь ссылались на неудачный опыт устройства оружейного завода РАОАЗ в Царицыне и призывали к осторожности: в результате этого опыта «казна получает иностранные пушки по явно преувеличенным ценам», так как заказы пришлось передать в Англию. Содействие возникновению частного предприятия, «работающего исключительно на нужды государственной обороны» и обеспеченного заказами казны, «в лучшем случае равносильно» постройке частного завода на казенные деньги, а иногда сводится «к созданию лишь посредника» между казной и заграничными фирмами. Но с ними лучше уж иметь дело «без всяких дорого оплачиваемых коммиссионеров». Совет министров «признал всю вескость» возражений Барка и Харитонова против частного завода.

Еще в марте Сухомлинов увидел, что нужно подумать, как теперь ликвидировать дело о ружейном заводе РАОАЗ. Его помощник стал добиваться от Балинского добровольного согласия считать этот заказ несостоявшимся. Не без труда, лишь к осени удалось Лукомскому в частных совещаниях с банкиром Я.И. Утиным, одним из директоров РАОАЗ, провести, по его словам, «такую комбинацию, в силу коей банки отказывались в пользу казны от заказанных ими станков для завода, а казна им обязывалась уплатить» за станки «с прибавлением известного коммер-

¹ В дальнейшем ГАУ решило вместо постройки самостоятельного 4-го завода «произвести эквивалентное расширение старого Тульского завода» (Генерал В.С. Михайлов. С. 106).

ческого процента». Речь шла, как выяснилось позже, о заключенных «Виккерсом» 1—4 июля 1915 г. с фирмой Pratt & Witney (Connecticut) контрактах на 2500 станков с приспособлениями, запасами резцов, комплектами лекал, рассчитанными в конечном счете на изготовление до 1000 винтовок в 9-часовой рабочий день¹.

12 августа РАОАЗ, только что в очередной раз подвергшееся резким нападкам правых в Думе за то, что оно мешает развитию казенных заводов, согласилось продать Военному министерству заказанные в США станки². В конечном счете, как сообщил позднее думской комиссии военный министр А.А. Поливанов, «ведомство окончательно остановилось» на мысли об устройстве еще одного казенного, а не частного завода, чтобы довести «производство всех казенных заводов в совокупности» до полного обеспечения «выяснившейся на опыте текущей войны потребности». Совет министров одобрил этот замысел и 27 ноября 1915 г. отпустил 2 млн руб., необходимых для начала работ в 1915 году. 5-й Екатеринославский казенный ружейный завод, подобно 4-му ружейному, 2-му сталелитейному, 4-му пороховому и др., позднее рассматривался как один из объектов «программы Маниковского».

При обсуждении законопроекта о Екатеринославском заводе в думской комиссии снова была подчеркнута желательность именно казенного завода. «И частный завод пришлось бы фактически строить на казенные средства, — повторил обычную аргументацию противников частной инициативы в военной индустрии Н.В. Савич, — и постоянно обеспечивать его значительными заказами, так как в противном случае всякий частный завод пришлось бы закрыть или изменить его производство»³.

¹ РГВИА. Ф. 962. Оп. 2. Д. 136. Л. 135—136; Ф. 2000. Оп. 1. Д. 5579. Л. 195; *Загорулько М.М., Булатов В.В., Косторниченко В.Н.* «Виккерс» в России. Волгоград, 2012. С. 153.

² ЖОСО 1915. М., 1975. С. 121, 186—187, 191. Изготовление комплекта оборудования заканчивалось в декабре 1916 г., но к тому времени контракт с «Виккерсом» об уступке его казне еще не был оформлен (РГВИА. Ф. 2000. Оп. 1. Д. 5582. Л. 220, 314; Д. 5583. Л. 488. Телеграмма Залюбовского ГАУ, 7.XII.1916, и предшествующая переписка с августа 1916 г.).

³ Там же. Д. 5606. Л. 194, 209, 227; Ф. 2003. Оп. 1. Д. 1735. Л. 1 об., 3.

Тульский оружейный завод

Винтовочное производство на Тульском заводе было «сведено до состояния почти полной остановки». «Возвращаясь из Самары, — писал великий князь Сергей Михайлович царю в сентябре 1911 г., — я остановился в Туле и осматривал оружейный завод... Собственно говоря, этот завод уже почти не оружейный, потому что винтовок-то он делает только по 50 шт. в день»¹.

В 1913 г. Тульский завод участвовал в изготовлении заменяемых деталей винтовки и, пополнив оборудование, взялся за взрыватели; был отмечен наибольший за все предвоенные годы выпуск изделий. Деятельность завода, согласно разъяснениям ведомства в Думе, «усиливаясь за последние годы, к 1913 г. достигла крайних пределов напряжения», новые станки уже негде было ставить; началось строительство еще одного корпуса, так как «во многих мастерских теснота... не только вредно отражается на производительности работ, но и грозит в некоторых местах провалом балок»². Тогда же завод получил предписание ГАУ запланировать на 1914—1916 гг. изготовление 348 436 винтовок и еще 40 тысяч стволов (из болванок с Ижевского завода). Как показал В.А. Сухов³, накануне войны на Тульском (как и на других оружейных заводах) «консервации производства не было». Наоборот, шла реконструкция — расширение мастерских и постройка пулеметного корпуса; росла численность рабочей силы; устанавливалось много новых станков из Германии, было освоено копирование ряда типов металлообрабатывающих станков. В течение трех лет, по 1916 г. включительно, должны были быть сооружены новые здания, для чего приобретен участок земли, построены мартеновские и тигельные печи, расширен ряд цехов. Реконструкцию тормозило, как и в Ижевске, от-

¹ ГАРФ. Ф. 601. Оп. 1. Д. 1342. Л. 51 об.

² ДБК IV/1. № 34. С. 13.

³ Сухов В.А. 1) Производство вооружения. С. 25—29; 2) К истории развития русской военной промышленности. С. 23—24; 3) Русские оружейные заводы в эпоху империализма // Рабочие оружейной промышленности в России и русские оружейники в XIX — начале XX в. Л., 1976. С. 74—75; ВПР. С. 469.

существование специалистов-архитекторов и строителей, способных составить и исполнить столь крупный и сложный проект. В 1913 г. завод объявил конкурс на составление проекта, но «несмотря на огромное количество фирм, к которым был обращен запрос, было прислано всего лишь два проекта», причем из них один оказался, как выяснилось, «вовсе неудовлетворительным», второй же (московская проектно-строительная фирма «Инженерное дело»¹) потребовал длительной доработки.

Если в июле 1913 г. Тульский завод получил задание довести выпуск винтовок до 3 тысяч в месяц, 2 августа 1914 г. — до 10 тысяч, то в декабре 1914 г. было предписано поднять производство до 700 в сутки (примерно такой нормы завод должен был — в соответствии с «Большой программой» 1913—1914 гг. — достигнуть, при односменной работе, к 1915 г. «на случай войны»). За август—декабрь 1914 г. ТОЗ изготовил 45 848 винтовок. В 1915 г. завод перешел к круглосуточной работе при двух нерабочих днях в месяц (длительность рабочей смены достигала 11—12 часов, со сверхурочными часами — 14), к увеличенной скорости резания, к ручной подаче у станка, к облегченным условиям приемки; допускалось ухудшение качества продукции. Удалось закупить более 1000 станков за границей, а некоторые изготавливались в собственном станкостроительном отделе. Начальник ТОЗ в самом начале войны уведомил ГАУ, что «усилить выход ружей теперь же можно только одним способом» — отказавшись от использования вольфрамистой стали; стволы из мартеновской стали «менее прочны, но все же вполне пригодны», такая сталь «легче обрабатывается» и требует меньшего расхода рабочего инструмента. Поставщик ствольных болванок, Ижевский завод, получит возможность высвободить тигли для изготовления инструментальной стали. К середине 1915 г. суточный выпуск был доведен до 925 винтовок, к осени — до 1500, в декабре — превысил 1700. Рост также и выпуск взрывателей.

В апреле 1915 г. прошло ассигнование 3 410 000 руб. на расширение мастерских; в декабре — около 4 млн на уси-

¹ Сотников М.А., Чуднов Г.М. Тульский машиностроительный. ТМЗ им. Рябикова — 50 лет. Тула, 1989. С. 28.

ление пулеметного отдела (до выпуска 20 пулеметов в сутки). Первоначально, 24 июля 1914 г., ГАУ поставило заводу задачей довести выпуск пулеметов до 80 в месяц, то есть 900 в год; два месяца спустя Ставка потребовала увеличить этот показатель до 180—202. При потребности, исчисленной на октябрь 1915 г. в 2078 пулеметов в месяц, ТОЗ выпускал около 500 шт. (в 1916 г. — свыше 900 в месяц в среднем). Всего пулеметный отдел ТОЗ дал в 1914 г. 833¹, в 1915 г. — 4251, в 1916 г. — 11 072 пулемета, увеличив, таким образом, производство более чем в 10 раз (за 1914—1917 гг. было выпущено 27 477 шт., ввезено 42 318)². Пополнение оборудования опережало расширение площадей: к концу войны пространство на один станок сократилось почти втрое.

По словам генерала-артиллериста В.С. Михайлова, с начала войны и до 1916 г. Тульский завод «не испытывал особых затруднений» ни в деньгах, ни в материалах («хотя нередко приходилось пользоваться материалами некондиционными»), ни в рабочей силе, за исключением инструментальщиков и лекальщиков: в рабочих наиболее высоких квалификаций «завод во время войны испытывал ощутительную нужду. Но уже в 1916 г. в заводе стал чувствоваться... общий промышленно-экономический кризис... осложненный кризисом транспортным». Начались перебои с доставкой топлива и сталию³.

Пока длилось противостояние Сухомлинова с великим князем Сергеем Михайловичем, мешавшим ему учредить

¹ РГВИА. Ф. 369. Оп. 3. Д. 74. Л. 85 об. — 86. В.Н. Ашурков и С.Л. Федосеев, ссылаясь на Барсукова и Маниковского, указывают выпуск 1914 г. в размере 1184 пулемета. Очевидно, 833 — это количество пулеметов со станками (см. *Барсуков Е.З.* Артиллерия русской армии. М., 1949. Т. 2. С. 272. Табл. 50; *Ашурков В.Н.* Введение автоматического оружия в русской армии. Военное ведомство и концерн «Виккерс—Максим» // Из истории Тульского края. Тула, 1972. С. 79; *Федосеев С.* Пулеметы русской армии. М., 2008. С. 78). У Сухова выпуск пулеметов в 1914 г. — 1307, включая морские, но станков — 825. В 1916 г., выпустив 11 072 пулемета, ТОЗ для них изготовил 8013 станков (*Сухов В.А.* Производство вооружения. С. 28).

² *Ванков С.Н.* О состоянии нашей металлообрабатывающей промышленности к началу войны 1914 г. и во время войны // Научно-технический вестник. 1921. № 6. С. 6.

³ *Генерал В.С. Михайлов.* С. 105; *Сухов В.А.* Производство вооружения. С. 23, 25, 26.

частное ружейное предприятие, весной 1915 г. проект нового ружейного завода ГАУ составил помощник начальника ТОЗ П.П. Третьяков, одновременно в Ижевске А.Г. Дубницкий подготовил проект нового сталелитейного завода. Первые ассигнования на их постройку Совет министров одобрил 29 мая, Николай II — 20 июня.

7 апреля 1916 г. ассигнование 31,2 млн руб. на второй ружейный завод в Туле получило силу закона, но 2 июля ГАУ заявило, что предстоит перерасход из-за роста цен и на покупку земли, так что потребуется 49,7 млн¹. Были приобретены участки 122 частных усадеб и добавлена пустовавшая казенная земля, прилегающая к району строительства. К зданию механической мастерской на новой территории пристраивался новый корпус, заново возводился трехэтажный главный корпус, новая кузница². 3 июля 1916 г. ГАУ распорядилось для второго Тульского ружейного завода изготовить в ТОЗ 2536 станков и 3 тысячи приспособлений³. Но главный расчет был все же на приобретение оборудования у «Ремингтона», с ним был заключен по этому вопросу договор. Председатель Русского заготовительного комитета в Америке А.В. Сапожников 15 января 1916 г. прислал перечень свыше 1500 станков, которые фирма «Ремингтон» обязалась передать в Тулу по окончании исполняемого русского заказа⁴.

«Строившийся мною в Екатеринославе ружейный завод назывался иногда не четвертым, а пятым, — писал Залюбовский. — ...Четвертым ружейным считали, ошибочно, вновь выстроенный в Туле отдел Императорского завода, предназначенный для перенесения в него всего пулеметного производства, чтобы освободить место на старом ружейном заводе и тем дать возможность еще увеличить на этом заводе выделку ружей... Этот завод, который проездом я посетил в начале 1916 г. ...оборудование получил пулеметное... Правильнее все же было бы называть этот завод

¹ РГВИА. Ф. 29. Оп. 3. Д. 1012. Л. 1 и об. Этот перерасход был утвержден 13 октября Военным советом.

² Михайлов А.В., Малахов Г.В., Птицын В.В. Тульский ружейный завод в годы Первой мировой войны // Война и оружие. Новые исследования и материалы. СПб., 2014. С. 206.

³ Сухов В.А. Производство вооружения. С. 27—28.

⁴ РГВИА. Ф. 29. Оп. 3. Д. 731. Л. 133; Ф. 2000. Оп. 2. Д. 2125. Л. 4.

не четвертым оружейным, а пулеметным». Весной 1917 г. комиссия Маниковского, пытавшаяся затормозить ликвидацию заводских строек ГАУ, высказалась за продолжение строительства, но отсутствие средств этому помешало¹.

К концу 1916 г. в русской армии было 24 тысячи станковых пулеметов, у французов же лишь 13 тысяч. «Франция прекратила изготовление этого типа оружия», Англия передала России «все имеющиеся у нее заказы на тяжелые пулеметы». В.Г. Федоров объяснял это тем, что союзники «уже в середине войны перестают увеличивать количество своих тяжелых пулеметов», отдавая преимущество ручным пулеметам, ружьям-пулеметам, учитывая их меньший вес, большие подвижность, применимость к местности, удобство управления огнем².

Заказы американским заводам

Русские изготовители возлагали на американские поставки немалые надежды. 21 февраля 1916 г. Сапожников из Нью-Йорка предостерегал Петроград, что строить планы летней кампании 1916 г. с расчетом на снабжение из Америки пока еще «не представляется возможным». То, что Россия заказывает в США, — это «новые для Америки отрасли производства предметов боевого снабжения», поэтому там все еще испытывают затруднения, «полной же интенсивности приток боевого снабжения из Америки в Россию достигнет лишь осенью». Но «к 1917 г. производительность американских заводов достигнет такого развития, что они будут в состоянии свободно покрывать месячные потребности нашей армии в главных предметах снабжения»³.

Опоздание многих заказов, размещенных за границей, привело русское правительство к заключению, что эти предметы придется изготовить на своих заводах. К 1916 г.

¹ Залубовский А.П. Указ. соч. С. 52—53; Сухов В.А. Производство вооружения. С. 27—28.

² Федоров В. Современные проблемы ружейно-пулеметного дела. М., 1925. С. 22—23.

³ РГВИА. Ф. 2000. Оп. 1. Д. 5579. Л. 92.

ежемесячную потребность в винтовках ГАУ исчисляло в 200 тысяч, общий же размер ее до 1 июля 1917 г. — в 7,3 млн; из этого количества русские заводы могли дать только 2254 тысячи, тогда как иностранным заводам было заказано 5 983 630 ружей (в том числе 500 тысяч винтовок системы «Винчестер» заводу «Балдвин» в США)¹.

С января 1916 г. Э.К. Гермониус, бывший начальник Ижевских заводов, вел в Лондоне переговоры о приобретении английских винтовок, изготавливаемых по заказам Англии в США. Военный министр Д.С. Шуваев телеграфировал ему 19 августа 1916 г.: «Настаивайте на получении возможно большего количества английских винтовок с патронами еще в текущем году или хотя бы до весны будущего года». Гермониус сообщил 27 августа, что нельзя рассчитывать на что-либо ранее апреля 1917 г., а затем (7 сентября) уточнил, что поставка начнется лишь с июня (по 200 тысяч в месяц). Глава Упарта Е.З. Барсуков не верил в то, что заграничные заводы выдержат намеченные сроки, и 17 июня 1916 г. по телеграфу настоятельно советовал в Петроград великому князю Сергею Михайловичу не давать им заказы, а вместо этого ускорить постройку своего завода, но получил ответ, что «настоящее дело не касается Упарта»².

10 декабря 1916 г., в ходе подготовки к январской Петроградской конференции союзников, в ГАУ был составлен доклад в обоснование заявки на 2,7 млн винтовок, построенный на повышении ежемесячной потребности фронта в винтовках: если ранее по указанию Ставки называли 100, затем 200 тысяч, то теперь речь шла о 300 тысячах.

Исходя из объема потребности, указанной Упартом ранее, 9 июля 1916 г., и добавляя количество винтовок, необходимое для замены используемых ружей иностранных образцов, начальник ружейного отделения ГАУ М.А. Кун считал, что на год (до 1 июля 1917 г.) нужно было получить 2445 тысяч винтовок, притом что заводы ГАУ за это время могли дать 1432 тысячи и американские заводы — еще 617 тысяч. Таким образом, заключал он, «ожидаемое поступление трехлинейных винтовок русского образца значи-

¹ РГВИА. Ф. 29. Оп. 3. Д. 747. Л. 25 об.

² ГАРФ. Ф. 1467. Оп. 1. Д. 609. Л. 44, 61—63, 66—67, 52, 53, 57, 58.

тельно превышало современную потребность в них действующей армии и не доставало лишь 396 тысяч винтовок русского образца на замену винтовок иностранных в запасных частях». Кун не мог понять, «на основании каких соображений» Шуваев приказал оставить в силе завышенную нужду в винтовках из-за границы. «Потребность в винтовках осталась прежняя, 2 700 000, как было указано телеграммой 21 января», — телеграфировал Шуваев Гермониусу 24 августа 1916 г.¹

По свидетельству Беляева, еще до назначения министром Шуваева, обсуждая предложения об английских винтовках, Поливанов и его помощники пришли к выводу, что для текущей войны эти винтовки не успеют, но они потребуются для восстановления запаса винтовок «на период по окончании войны», для замены изношенных ружей, которые нельзя будет сдать в неприкосновенные запасы. «Окончание поставки... совпало бы с временем окончания войны»². Удивляясь размаху намеченных заготовлений, Кун опасался возможных последствий. В случае исполнения заказами США поставки 2,7 млн винтовок русского образца это затруднило бы послевоенную демобилизацию, поскольку «наши оружейные заводы после окончания войны имели бы мало работы, а между тем была предположена постройка двух новых казенных оружейных заводов»; к тому же заказанные в США винтовки обходились чрезмерно дорого.

Ссылаясь на позднейшие подсчеты П.В. Миронова, бывшего члена Русского правительственного комитета в Лондоне, Залюбовский тоже рассматривал цифру, выставленную союзникам на конференции, как пример «ошибки... в сторону чрезмерно преувеличенных запросов». Как и Миронов, он находил, что и единовременная заявка была Ставкой «явно чрезмерно преувеличена», и «увеличение ежемесячного расхода с 200 тысяч до 300 тысяч ружей также не имело конкретного основания»³.

¹ ГАРФ. Ф. 1467. Оп. 1. Д. 480. Л. 225—226, 282 и об.; Д. 609. Л. 61. Протокол допроса М.А. Куна, 28.VI.1917.

² Там же. Л. 282. Допрос Беляева, 7.VII.1917.

³ Залюбовский А.П. Указ. соч. С. 43—44, 56. На конференции вопрос решился окончательно: было признано, что русской армии хватит винтовок и без этих 2,7 млн.

В.А. Лехович, помощник начальника, а позднее начальник ГАУ, разъяснял, что «потребность дополнительного заказа на 2700 тысяч винтовок основывалась не на нуждах фронта в этих винтовках». Дело было в другом — в «желании иметь к окончанию войны запас новых ружей», этот запас «естественным путем получится нами» благодаря запозданию американских заказов¹.

Очевидно, что и Поливанов, и Шуваев, и Беляев, и Маниковский, и великий князь Сергей Михайлович при обсуждении этого вопроса не упускали из виду «предуказание» Николая II (15 декабря 1914 г.) готовить запас боевых средств к будущему противостоянию с союзниками и для этого закупить по всему миру все винтовки, какие окажется возможно. Не случайно при подготовке материалов к поездке в Англию в июне 1916 г. Барк вместе с проектом соглашения держал адресованное ему «письмо ген. Фролова... от 15 мая 1916 г. за № 8 секр.»; в этом инструктивном письме во главу угла как раз была поставлена перспектива враждебного поворота в отношениях с союзниками после разгрома Германии. Шуваев и Фролов «дали мне инструкцию, — свидетельствовал также председатель Валютной комиссии А.А. Михельсон, участвовавший в переговорах, — придерживаться тех принципов, которые были изложены в указанном письме»². Упомянутые Куном новые ружейные заводы тоже создавались с учетом предстоявшей «перегруппировки держав», и всем делом сооружения десятков новых артиллерийских заводов, в том числе этих двух, ведал все тот же помощник военного министра П.А. Фролов.

Несмотря на проявленную русским артиллерийским ведомством заинтересованность, вскоре возможность получить из США заказанные Англией ружья отпала. Великобританское министерство снабжений пересмотрело свой взгляд на способность американских заводов принять заказы на 2 млн ружей — по состоянию их оборудования, а 700 тысяч собственных винтовок также отказалось передать в Россию — «ввиду задержки в изготовлении заводами тех

¹ ГАРФ. Ф. 1467. Оп.1. Д. 480. Л. 164 об. Показания Леховича, 12.VI.1917.

² Там же. Л. 71 об., 220 и об. Показания Михельсона 13.IV.1917 и 24.VI.1917.

винтовок, кои должны были заменить в английской армии предназначенные для передачи нам»¹. Когда от англичан поступило новое предложение о 200 тысячах английских винтовок с поставкой в 1917 г., Беляев его отклонил, рассчитывая, что рост внутреннего производства вместе с американскими поставками даст достаточное количество оружия.

Совет министров и Комитет финансов в совместном заседании 27 июля 1916 г. также признавали неизбежность перемены в отношениях с Англией и необходимость «иметь в виду, что политическая обстановка, могущая сложиться» после победы над нынешним врагом, «в момент ведения будущих мирных переговоров», «не поддается, конечно, предвидению» (до такой степени, что «не может почитаться непреложною» гарантия возврата отосланного в Англию в залог золота). Было решено «ныне же произвести общий пересмотр всех выданных до сего времени заграничных заказов» и отменить те из них, какие уже утратили свое значение. Это решение царь утвердил 23 сентября 1916 г.², а еще 6 августа Сапожников донес, что «за неимением особо ассигнованных на станки средств» он добивается закупки в США станков «за счет недопоставленных по контрактам винтовок и патронов». Сменивший Сапожникова в качестве председателя Заготовительного комитета в США Залюбовский проводил ту же линию³.

Вопрос о причинах задержки американских винтовочных заказов осветил в характерном для него истолковании Маниковский. Разъясняя, насколько трудно (а быстро — невозможно) приспособить гражданскую машиностроительную промышленность к изготовлению таких сложных

¹ ГАРФ. Ф. 1467. Оп. 1. Л. 282 об.; ЖОСО 1916. М., 1977. С. 462, 468. Отказу английские представители давали разнообразные объяснения: это был отказ то ли «ввиду развивающихся боев на их фронте», то ли ввиду разгрома германским цеппелином какого-то английского военного завода. На переговорах в Лондоне они заявили, что и вообще предположения о возможности заказа в Англии «основаны на недоразумении» (ГАРФ. Ф. 1467. Оп. 1. Д. 480. Л. 165 об.; Д. 50. Л. 12 и об.).

² ОЖСМ 1916. С. 359—361; Сидоров А.Л. Финансовое положение России. С. 357, 544—545.

³ РГВИА. Ф. 2000. Оп. 2. Д. 2125. Л. 414; Оп. 1. Д. 5582. Л. 367; Д. 5620. Л. 77 об.

и точных изделий, как русские трехлинейки, он писал: «Так, всемирно известные и действительно великолепно оборудованные и мощные заводы «Ремингтона» и «Вестингауза» в Америке... долго не могли справиться с нашими военными заказами, главным образом потому, что они раньше совсем не вырабатывали предметов военного снаряжения, и их солидному техническому персоналу волею-неволей пришлось пережить все длительные “детские болезни” нового производства»¹. Опираясь на свидетельство Сапожникова, Маниковский утверждал, что массовое изготовление винтовки, привычное для русских заводов, оказалось не по силам заводам американским. Дело пошло на лад, по его словам, лишь с прибытием русских артиллеристов: они научили американцев высокоточной работе.

Так же освещен этот вопрос у Ф. Цукермана. Ознакомившись в американских архивах с перепиской и отчетами русских артиллеристов, посланных в США наблюдать за исполнением заказов на винтовки, он пришел к заключению, что обе фирмы не располагали персоналом (ни техниками, ни рабочими), способным обеспечить необыкновенно высокие требования в отношении точности. В области производства вооружения, пишет Цукерман, русские артиллеристы, инженеры и техники, инспекторы «значительно обогатили американские методы производства и тем самым способствовали росту той индустриальной культуры, которая во многом доминировала в мире на протяжении большей части XX века. Американцы... многому научились от своих русских гостей»². Предельно широкое обобщение выглядит так: «Ни один серьезный военный заказ иностранные фирмы не могли выполнить самостоятельно. По сведениям генерала Маниковского, туда пришлось посылать русских

¹ ВПР. С. 597; Маниковский А.А. Боевое снабжение русской армии в 1914—1918 гг. М., 1923. Ч. 1. С. 19, 21, 56, 58—60.

² Zuckerman F.S. The Russian Army and American Industry, 1915—17: Globalisation and the Transfer of Technology // Challenging Traditional Views of Russian History. N.Y., 2002. P. 57, 58. В то же время Цукерман полагает (р. 59), что на русских заводах царила ремесленная культура производства, такая, когда ремесленник мог позволить себе выпуск «одной винтовки в неделю», а Тульский завод в этой связи за первое полугодие 1914 г. выпустил 24 винтовки (по В.С. Михайлову — 41).

инженеров, под руководством которых налаживалось выполнение военных заказов России»¹.

В действительности, однако, технологический драйв шел не из России в США, а в противоположном направлении. Недаром генералы ГАУ проявили крайнюю заинтересованность в том, чтобы старая оружейная фирма «Пратт и Витни» взяла на себя проектирование и устройство завода, намеченного к созданию в Екатеринославе². В данном вопросе приходится учитывать тенденциозность используемых источников. Как и Маниковский, его посланцы в США и составители отчетов Русского заготовительного комитета были заинтересованы в том, чтобы ответственность за организационную неудачу легла не на их ведомство, а на американские фирмы.

Из той же переписки русских военных представителей в США с их начальством в Петрограде (ГАУ, ГУГШ и Канцелярией Военного министерства) видно, что в действительности главные причины задержки с установкой производства на американских заводах заключались не столько в технической сфере, сколько в организационных и финансовых взаимоотношениях фирм с заказчиком, привыкшим решать производственные задачи совершенно иными приемами, чем американские предприниматели. Это обстоятельство неблагоприятно сказалось уже при заключении контрактов: в них оказались пункты, допускавшие разное толкование, что повело к бесконечным тяжбам между фирмами в США и ГАУ и создавало тупики в финансовых расчетах.

Представители ГАУ явились на заокеанский рынок, не зная его условий и уже после того, как союзники загрузили своей работой наиболее авторитетные оружейные фирмы. При содействии Дж.П. Моргана фирмам «Ремингтон» и «Вестингауз» удалось заключить контракты на таких условиях, что ГАУ было лишено возможности дисциплинировать

¹ Литвиненко Д.В. Отмобилизование и перестройка артиллерийской промышленности в годы Первой мировой войны // Петербургские военно-исторические чтения. СПб., 2010. С. 57.

² РГВИА. Ф. 2000. Оп. 1. Д. 5582. Л. 314 и об. Переписка Залюбовского (Нью-Йорк) с Маниковским, август 1916 г.

юще воздействовать на исполнителя, и американские поставщики пользовались неповоротливостью ГАУ, чтобы «выцыганивать» доплаты и не слишком заботиться о соблюдении русских технических стандартов. Опыт сотрудничества с этими двумя заводами не давал Маниковскому оснований уничижительно оценивать всю военную промышленность США. Постоянным тормозом, действовавшим на протяжении истории с американскими поставками, оказалась нехватка подготовленных специалистов, командированных из России на приемку. Артиллеристов, знающих производство, не хватало самому ГАУ — настолько, что оно не имело возможности вполне обеспечить своими специалистами в США даже приемку и браковку продукции.

16 февраля 1916 г. Сапожников сообщил Маниковскому мнение (постановление) своего Заготовительного комитета о причинах «значительного промедления» с установкой производства: «Недостаточно умелое отношение к делу... со стороны заведующего всеми указанными заказами генерала Циглера». Комитет считал нужным отозвать А.Н. Циглера с завода «Ремингтон» в Бриджпорте и перепоручить общее заведование заказами полковнику Хатунцеву, «под руководством которого на заводах «Вестингауз» в Спрингфилде производство винтовок устанавливается с полным успехом». Но замена Циглера С.П. Хатунцевым мало что изменила, а восторгам в отношении успехов «Вестингауза» — Хатунцева скоро суждено было прекратиться.

Без какого-либо возмущения или недоумения, как о само собой разумеющемся, Сапожников писал Лукомскому (21 февраля 1916 г.) об обязательстве русской стороны браться за установку производства и в то же время сетовал на нехватку специалистов — следствие «систематического неудовлетворения ходатайств о присылке достаточного числа опытных и подготовленных лиц в состав приемных комиссий, каковым еще до начала приемки необходимо производить самостоятельную установку производства»¹. Также и по мнению Залюбовского, в США были направлены лица «из числа тех, кто в то время не был особенно нужен на

¹ РГВИА. Ф. 2000. Оп. 1. Д. 5579. Л. 92, 23; Д. 5573. Л. 119 и об.

местах в России» — не опытные техники, коммерсанты и юристы, а «из отставки старики, и зеленая молодежь по протекции, и непременно посланцы общественных деятелей». Он не соглашался с утверждениями, что американские заводчики «упорно не желали следовать указаниям опытных приемщиков», потому что таких приемщиков, способных говорить с ними «на одном техническом языке», «вначале почти совсем не было»¹.

16 апреля Сапожников рапортовал о достижении: установилось «полное содействие со стороны приемщиков» и налицо «отсутствие каких бы то ни было недоразумений» во взаимоотношениях с фирмами². Но американцы (представители Моргана) видели в Сапожникове как раз главный источник осложнений и добились его замены³. В сентябре 1916 г. новый председатель Комитета Залюбовский жаловался Маниковскому: старшие приемщики таковы, что «никаких поручений ни Храбров, ни я не можем давать» им; они «остаются без дела, занимая места»; «прошу распоряжения о скорейшем возвращении их в Россию» (этих бонвиванов, несмотря на их столичные связи, отозвали)⁴. «Недоразумения» в отношениях приемщиков с заводами не прекращались. Завод «Вестингауз» «на основании спорных пунктов контракта упорно отрицает право наших инспекторов проверять лекалами отдельные части винтовок до сборки их, — доносил Залюбовский Маниковскому 4 ноября. — ...Я решительно не могу согласиться с глубоко ошибочным взглядом завода». Хуже того, сама русская инспекция утратила единый взгляд на спорный вопрос: «Мой взгляд, однако, не встреча-

¹ Залюбовский А.П. Указ. соч. С. 9—11; Сухов В.А. Производство вооружения. С. 27—28.

² РГВИА. Ф. 2000. Оп. 1. Д. 5579. Л. 92; Д. 5580. Л. 62 и об.

³ *Rielage D.C. Russian Supply Efforts in America During the First World War*. Jefferson (NC), 2002. P. 60; Залюбовский А.П. Указ. соч. С. 12—13.

⁴ РГВИА. Ф. 2000. Оп. 1. Д. 5606. Л. 227, 234. Генерал С.И. Федоров, командированный Маниковским в США в июле 1916 г., увидел, что русская инспекция укомплектована «неопытными и плохо подготовленными» специалистами, «многие из которых были едва ли не вчерашними студентами». К тому же большинство чинов инспекции, начиная с Залюбовского, не владели английским языком (*Zuckerman F.S. Op. cit.* P. 60; *Rielage D.C. Op. cit.* P. 57; *Николаев А.М.* Полвека тому назад. Нью-Йорк, 1968. С. 245, 253; *Тер-Асатуров Д.Г.* Записка о деятельности российского представительства в Америке. Canada, 1923. С. 67).

ет поддержки со стороны генерала Храброва, который, ссылаясь на полученные из Петрограда указания, принимает предметы воинского снабжения по льготным условиям и, опасаясь временного уменьшения [сдачи] винтовок, полагает возможным допустить отступления от нашей инструкции со стороны завода и принимать винтовки, не вполне удовлетворяющие утвержденным лекалам». Эту либеральную позицию занимал не только Н.М. Храбров: «Взгляд Храброва, по-видимому, разделяется и большинством приемщиков». Среди них, правда, по словам Залюбовского, был единственный специалист-оружейник — генерал С.И. Федоров, но, как видно, и он шел с ними заодно. В результате, признал Залюбовский, «я не имею возможности заставить завод исполнять требования нашей инструкции».

Даже завод «Ремингтон», проявивший было сравнительно большую уступчивость, тоже учел «различие наших с Храбровым взглядов», «видя колебания в наших требованиях», и это «неблагоприятно отражается на отношениях с заводом». «Ремингтон», как и «Вестингауз», «ссылаясь на условия контракта, настаивает на своем праве отступать от нашей инструкции». Выражая готовность, в случае одобрения Петроградом его позиции, проявить «твердость до конца, не останавливаясь даже перед риском разорвать контракт», Залюбовский в то же время предупреждал: «Провести свои требования могу взяться, лишь если мне будут даны надлежащие технические силы»¹. Трудно не видеть в этих словах признание отсутствия в его распоряжении достаточного состава специалистов, пригодных для компетентного вмешательства в производственный процесс. Иногда попытки вмешательства сказывались на приемке, по выражению Залюбовского (1936 г.), «сильно и вредно».

Проявляя «твердость до конца», Залюбовский довел отношения с «Вестингаузом» до конфликта и запросил поддержки от военного министра. Шуваев посоветовался с Маниковским, и было намечено соломоново решение: пусть на заводе «Ремингтон» Залюбовский принимает винтовки «во всем согласно наших технических условий», а на

¹ РГВИА. Ф. 2000. Оп. 1. Д. 5583. Л. 289 и об.

заводе «Вестингауз» та же процедура будет совершаться «под руководством и ответственностью генерала Храброва» — но это будет «упрощенная», «облегченная приемка», условия ее Маниковский сообщит позднее. Из этой телеграммы Шуваева—Маниковского также выясняется, что те строгие требования, на которых настаивал Залюбовский, были не так уж обязательны, потому что упрощенная приемка уже практиковалась: Петроград предлагал ввести на «Вестингаузе» «облегченную приемку наших ружей применительно к тому, как это было установлено во Франции на заводе «Шательро». Не упомянуто было при этом, что по-блажка французскому заводу отчасти объяснялась тем, что Военное министерство не сумело в установленный контракт срок предоставить заводу шаблоны¹.

Петрограду Залюбовский ответил, что предлагаемый двойственный порядок и разделение инспекции на две, подчиненные Храброву и Залюбовскому, неприемлемы, так как «это могло бы дискредитировать его [Храброва] значение», между тем все же допустимо принимать винтовки «по-прежнему распоряжениями Храброва, хотя и с отступлениями [от инструкции], но вполне пригодными для боевого употребления». Таким образом, заводу «Вестингауз» «разрешено было подавать собранные винтовки»², без предварительной проверки их частей. Однако и дальше Залюбовский то, казалось, убеждался, что отношения заводов с инспекцией установились благожелательные, то снова вдруг выходил из равновесия: «Я решительно не могу сговориться с этой компанией [«Вестингауз»], ибо винтовки выходят не обследованы, так что могут представить на службе разные неожиданности». Дело снова дошло до двухнедельного ультиматума с угрозами прекратить переговоры, остановить работу³.

Таким образом, на проведении русской инспекции и приемки в США сказывалась нехватка подготовленного

¹ РГВИА. Ф. 2000. Оп. 1. Д. 5583. Л. 458 об.; Д. 5606. Л. 284. Шуваев — Залюбовскому, 18/20.XI.1916; *Rielage D.C.* Op. cit. P. 14.

² РГВИА. Ф. 2000. Оп. 1. Д. 5583. Л. 458; Д. 5620. Л. 77. Залюбовский — Шуваеву, Маниковскому, 28.XI, 7.XII.1916.

³ Там же. Д. 6210. Л. 20. Залюбовский — Маниковскому, помощнику военного министра Гарину, 21.I.1917; Там же. Д. 6209. Л. 26. Залюбовский — Леховичу, 20.IV.1917.

персонала, неустойчивость требований, отсутствие единого и рационально обоснованного подхода к условиям приемки, и все это дезорганизовывало сдачу винтовок.

Постоянным поводом недовольства инспекции служило уклонение американских фирм от проверки изготовленных частей винтовок с помощью лекал. Как только заводы начали выпуск готовых частей, Сапожников донес в Петроград, что «части эти готовятся не вполне лекальные», но что в мае 1916 г. ожидается «начало производства вполне лекальных частей». Задержка сдачи винтовок, как он считал, «зависит от самих заводов, и в особенности от неготовности лекал, которыми заводы до сих пор не обеспечены». Чтобы ускорить поставку, «в виде временной меры разрешено делать сборку таких нелекальных частей, — доносил Сапожников 16 апреля 1916 г., — с соответственной пригонкой вручную, но с требованием, чтобы винтовки были вполне боеспособны, обеспечивали бы правильное продолжительное действие и взаимозаменяемость главных частей». 4 ноября 1916 г. Залюбовский тоже объяснял задержку в сдаче винтовок и неполное их соответствие техническим условиям «и главным образом взаимозаменяемости частей» тем, что завод «Вестингауз» не озаботился «доныне приобретением лекал в надлежащем количестве» и, ссылаясь на условия контракта, «упорно отрицает право нашей инспекции проверять лекалами» части винтовок до сборки¹.

Взаимозаменяемость частей являлась «строго проводимым у нас принципом»; в боевых условиях это позволяло ремонтировать винтовку запасными частями, «изготовленными много лет тому назад и прибывшими на фронт иногда из отдаленных складов Сибири», объяснял Смысловский. «При нашей бедности в развитии техники и отсутствии опытных слесарей в массах народа» это рассматривалось как «драгоценное качество» русских винтовок².

Посетив завод «Вестингауз», Залюбовский возмущался отсутствием проверки на заводе «всех пружин и ответствен-

¹ РГВИА. Ф. 2000. Оп. 1. Д. 5580. Л. 62 об.; Д. 5583. Л. 289.

² Смысловский Е. Артиллерийские итоги войны // Военная наука и революция. 1921. № 1. С. 213.

ных частей винтовки» и сообщал 7 декабря 1916 г., что «наткнулся на целую фабрику, где в собранных уже винтовках выправляют молотками, опиливают, перегибают и таким образом отлаживают все пружины и мелкие части винтовки. Это громадная работа, которая портит винтовки и не позволяет развить производство до нужной степени». Возмущение Залюбовского можно понять в том случае, если он не знал об апрельском разрешении фирмам, ввиду неготовности лекал, организовать пригонку частей винтовок вручную. В январе 1917 г. он уже об этом знал и сожалел: «Вследствие допущения приема собранных винтовок, а не отдельных частей очень трудно теперь заставить сдавать на поверку и испытание отдельные части, без чего нельзя обеспечить непопадание на сборку непринятых или даже забракованных частей»¹.

Лишь 21 января 1917 г. в Петроград было доложено о «постепенном получении лекал» и о том, что «дело хотя медленно, но постепенно налаживается»², но это не касалось «Вестингауза»: завод «упорно противится», сообщал Залюбовский в ГАУ 20 апреля 1917 г., не желает подчиниться «нашим техническим указаниям» и по-прежнему делает винтовки без проверки лекалами и приборами «за их отсутствием». «Как оружейник, — заявил он, — не могу взять на себя ответственность за соглашение с этой компанией, которая девять месяцев все обещает мне исполнить даже самые минимальные требования и ничего не делает для установления нормальной выделки винтовок... Качество, несмотря на все усилия приемщиков, почти не изменяется»³. Все это — несмотря на то, что образцы винтовки, спецификация и чертежи лекал были переданы фирме еще до заключения контрактов, в апреле 1915 г., «а осенью того же года был передан также весь набор лекал в натуре», — свидетельствовал В.С. Михайлов.

Непонятное на первый взгляд упрямство фирмы, не желавшей использовать лекала, получает объяснение в тех

¹ РГВИА. Ф. 2000. Оп. 1. Д. 5620. Л. 77; Д. 6210. Л. 20.

² «В общем уже сдано с двух заводов около 200 тысяч винтовок» (Там же).

³ Там же. Оп. 2. Д. 6209. Л. 26.

сведениях, какие тут же добросовестно сообщает Михайлов. Имелись «весьма досадные обстоятельства, лежавшие целиком на вине заказчика» и служившие «Вестингаузу» «отличной базой для оттяжки сроков поставки, претензий к заказчику об убытках и всякого рода препирательств с инспекцией приемок»: в присланных «Вестингаузу» из России лекалах оказалось расхождение с чертежами, а в чертежах обнаружилось «неточности и неувязки». К тому же лекала оказались не новыми, «в них был известный износ», а в присланных образцовых винтовках — «расхождение некоторых размеров самих винтовок с лекалами и чертежами. Кроме того, сами винтовки имели некоторые дефекты»¹. В этом, надо полагать, и была причина того, что американские лекальщики не могли скопировать русские образцы. По свидетельствам с американской стороны, завод, потеряв надежду получить лекала из России, принялся самостоятельно их изготавливать, и лишь через полгода ГАУ прислало часть лекал, причем они находились в деятельном употреблении с 1892 г. и расходились как с лекалами американского изготовления, так и с чертежами, представленными заказчиком. Именно из-за этой небрежности ГАУ пришлось затем прислать 40 контрольных образцов винтовок. Но русские приемщики в США и эти образцы считали неудовлетворительными по качеству и непригодными, так как это были винтовки, выпущенные во время войны, по облегченным требованиям и с льготными допусками².

Ответственность за срыв сроков поставок от «Вестингауза» и «Ремингтона» должна была лежать на ГАУ, но, вполне понятно, признавать эту ответственность³, чреватую служебными репрессиями, русские артиллеристы не спешили. Характерно, что и Михайлов в полной мере выдержать объективность не смог. «По существу же дела, — добавил он, — указанные погрешности в образцах и чертежах, конечно, не

¹ Генерал В.С. Михайлов. С. 339, 340, 345, 346; *Россия и США: Торгово-экономические отношения*. М., 1996. С. 209.

² Zuckerman F.S. Op. cit. P. 59; Rielage D.C. Op. cit. P. 58.

³ Виноградов П.В. Деятельность Русского заготовительного комитета и организация заказов военного имущества в США во время Первой мировой войны // Теория и практика общественного развития. 2012. № 10 (<http://www.teoria-practica.ru/-10-2012/history/vinogradov.pdf>).

могли иметь заметного влияния на ход работы «Вестингауза», и он [завод] не обратил бы на них внимания, если бы был в состоянии технически и организационно сразу хорошо справиться с делом»¹. С этим разъяснением не сходится то упорство, какое было проявлено приемщиками в отношении столь малозначительных, по мысли Михайлова, «погрешностей». Маниковскому было понятно, что «самый простой способ остановить работу завода на долгое время — это лишить его лекал»². Присылка хотя бы одного-двух негодных лекал уже могла создать кризис. В декабре 1916 г. «вдруг... у "Ремингтона" начали проявляться непонятные остановки, — телеграфировал в Петроград Залюбовский, — а в январе сильное уменьшение сдач». Оказалось, что «администрация взяла из мастерской лекало, без которого нельзя было работать»³.

В стремлении обеспечить взаимозаменяемость частей винтовки приемщики браковали эти части, если они поступали в сборку с разных заводов фирмы, что препятствовало специализации и кооперированию, столь необходимым при массовом производстве⁴.

Впоследствии, оспаривая мнение Сапожникова и Маниковского, Залюбовский считал себя «обязанным засвидетельствовать», что заводы в США выполнили главную задачу «безукоризненно, то есть вполне выдержанно и быстро», а объяснение запоздания заказов неумением американцев приспособиться к массовой выделке новых предметов «совершенно неверно»; «несправедливо взваливать всю вину за опоздания на американцев и англичан... целиком выгораживая и оправдывая наши действия, главным образом действия Русского заготовительного комитета»⁵.

Утверждая, что русским специалистам удалось приучить американские заводы к высокой точности в работе, Маниковский приписал своим подчиненным лишние заслуги. Из его переписки с представителями ГАУ в США следует, что

¹ Генерал В.С. Михайлов. С. 340.

² Маниковский А.А. Боевое снабжение русской армии в 1914—1918 гг. М., 1923. Ч. 1. С. 16.

³ РГВИА. Ф. 2000. Оп. 2. Д. 6210. Л. 20.

⁴ Rielage D.C. Op. cit. P. 58—59.

⁵ Залюбовский А.П. Указ. соч. С. 7—9.

до конца 1916 г. относительно небольшие партии винтовок проходили приемку только благодаря вынужденному понижению требований со стороны ГАУ (отказ от взаимозаменяемости частей, сдача винтовок в собранном виде и т. п.). Отчаявшись добиться своего, чины ГАУ запрашивали из США разрешения начальства разорвать контракты — «лучше взять у них возможно меньше неудовлетворительных ружей», зато получить станки (но на это еще нужно было согласие английских инстанций, контролировавших русские заказы в Америке), и часть заказов действительно была отменена¹.

Независимо от того, насколько сносными были принятые от американцев винтовки, известно, что «Винчестер» исполнил русский заказ², а «Ремингтон», дававший в августе 1916 г. менее 300 винтовок в день, на 20 апреля 1917 г. приблизился к 1800³, всего же за годы войны от «Ремингтона» было получено в России 2 млн винтовок⁴.

Организационные неполадки создавали и финансовые тупики. Установка производства винтовок занимала более года, а продолжительность исполнения заказа могла составить еще от полугода до года. Заводам требовались немалые оборотные средства, периодически восстанавливаемые из платежей за исполненную часть заказа и авансов. Задержка со сдачей продукции стопорила выплату заводам денег. 21 февраля 1916 г. Сапожников доложил Лукомскому о «постоянном и непрерывно возрастающем замедлении в переводе денежных средств, необходимых для выполнения заказов»⁵. 5 ноября 1916 г. Залюбовский просил распоряжений

¹ РГВИА. Ф. 2000. Оп. 1. Д. 6209. Л. 26 и об.; Д. 5620. Л. 77 и об.; Д. 6210. Л. 20 и об.; *Генерал В.С. Михайлов*. С. 341—347, ср. с. 126—130; СВП. Т. 2. С. 294, 296—297.

² ЭПР. Ч. 2. С. 182. Ссылаясь на отчет британского ведомства снабжения, Залюбовский указывал общий размер двух заказов «Винчестеру» 300 тысяч, из них в Россию было отправлено по март 1917 г. 296 570 шт. (*Залюбовский А.П.* Указ. соч. С. 53, 60).

³ РГВИА. Ф. 2000. Оп. 1. Д. 6209. Л. 26. По сообщению приемщика (по пороху и взрывчатке) Н.И. Жуковского, в декабре «Ремингтон» давал 500, в марте 1917 г. — 1200, в мае — 1800 винтовок в день, осенью — 4000 шт. (*Жуковский Н.* Предисловие редактора // *Радфорд Г.С.* Контроль качества в производстве. М., 1926. С. 9).

⁴ СВП. С. 294, 296.

⁵ РГВИА. Ф. 2000. Оп. 1. Д. 5580. Л. 252 и об.; Д. 5573. Л. 119 об.

военного министра по поводу финансовых требований «Вестингауза». Завод, ссылаясь на контракт, который, по мнению Залюбовского, давал основания для претензий к России, «требуется теперь новый аванс в 20% полной стоимости» заказов. По букве контракта, в случае арбитража «Вестингауз» имел бы успех. «Все [русские] контракты Моргана сделаны очень неверно, — считал Залюбовский, — почему англичане справедливо опасаются арбитража» и поддерживают, вместе с Морганом, требования «Вестингауза» о выплате ему аванса; «англичане грозят крахом компании и проигрышем нашим при арбитраже». Залюбовский признавал, что «без нового аванса «Вестингауз» продолжать производство не может». В октябре 1916 г. англо-русская согласительная комиссия постановила дать «Вестингаузу» «отсрочку на 1917 год» и ссуду в 3 млн; этот платеж — «при непременно условии: в точности исполнять требования наших спецификаций»¹.

К 1917 г. представители артиллерийского ведомства осознали принципиальную разницу между собственными ружейными заводами ГАУ, которые не жертвовали качеством продукции ради экономии, — и американскими фирмами с их исключительным стремлением к наживе. В понимании финансовой ситуации Залюбовский сделал заметный шаг вперед: ему стало ясно, что, в отличие от Ижевского завода, которым он управлял в России, в Америке он имеет дело с исполнителями, ставящими себе целью не максимальное снабжение русской армии, а прибыль: «У нас нет средств заставить заводы... преследующие исключительно коммерческие цели, делать действительно годные ружья и в срок», работая по русским стандартам — не считаясь с расходами, лишь бы «дать действительно годные ружья»².

В декабре 1916 г. владельцы завода «Вестингауз» заявили, что «продолжать дело не могут, пока приемка не связана с

¹ РГВИА. Ф. 2000. Оп. 1. Д. 5583. Л. 294. Телеграмма 5.XI.1916. В случае обращения в арбитраж англичанам пришлось бы судиться с американской фирмой либо еще больше портить отношения с русской стороной (*Бабичев Д.С.* Деятельность Русского правительственного комитета в Лондоне в годы Первой мировой войны // Исторические записки. 1956. Т. 57. С. 279; *Rielage D.C.* Op. cit. P. 59).

² Там же. Д. 5620. Л. 77 об. Телеграмма 7.XII.1916.

финансовой стороной дела, то есть предлагают обеспечить их возможные убытки». Залюбовский сначала не мог взять в толк, почему все упирается в какие-то деньги, «когда все главное уже сделано и когда отношения у них с нашей инспекцией установились, по их заявлению, самые благожелательные с обеих сторон». В его представлении, «ликвидация дела сейчас» — о чем предупредили его «банки, финансирующие предприятия» — дала бы миллионные убытки, тогда как продолжение, «если следовать нашим указаниям, легко было бы теперь наладить», и это сулило бы «сделать барыши». «Вестингауз» уже довел выпуск до 3500 винтовок в день¹. «Дирекция обоих заводов («Вестингауза» и «Ремингтона») не указывает никаких существенных причин того, — удивлялся Залюбовский 21 января, — почему вдруг они не могут продолжать дела». Но тут же он сам дал объяснение выдвинутым требованиям, не согласующееся с его собственным предвидением «барышей»: «Объясняю такой шаг фирм тем, что они только что добились от англичан [согласия] переделать все их ружейные контракты именно так, чтобы сдавать винтовки в действительной ее [винтовки] стоимости, не ниже контрактной [цены], и рассчитывают, что мы, нуждаясь в ружьях, согласимся на все их условия»². Четыре месяца спустя фирма «Вестингауз» продолжала сопротивляться домогательствам миссии Залюбовского, пытавшегося подчинить завод «нашим техническим указаниям», и выдвигала встречное финансовое требование. «Компания, поддерживаемая Вудсом, требует, — доносил Залюбовский в ГАУ 20 апреля 1917 г., — увеличения платы, еще принятия нами участия в убытках», угрожая остановить работу³ («прием упал до 7500 в неделю»)⁴.

¹ *Rielage D.C.* Op. cit. P. 73.

² РГВИА. Ф. 2000. Оп. 1. Д. 6210. Л. 20 и об.

³ Там же. Д. 6209. Л. 26. К этому времени заканчивались переговоры фирмы с английским правительством о пересмотре контракта на 1,8 млн винтовок для России. Из этого количества 800 тысяч винтовок теперь брали англичане, цена винтовки увеличивалась, фирма ежемесячно получала по 1,5 млн долларов; ей обеспечивалось возмещение убытков по ружейному контракту, в случае если они превысят 5 млн долларов. Договор был подписан 1 мая 1917 г. (*Rielage D.C.* Op. cit. P. 73).

⁴ По сведениям Цукермана: 10 тысяч ружей в месяц летом 1917 г. и 107 тысяч в декабре (*Zuckerman F.S.* Op. cit. P. 61).

Та же проблема возникла и в отношениях с «Ремингтоном». Американцы подняли «вопрос о возможном крахе «Ремингтона» и об отказе кредиторов продолжать финансировать «Ремингтон», если условия контракта не будут изменены в смысле нашей финансовой ответственности в стоимости ружей». Видя упорство русских наблюдающих, «Ремингтон» предложил «как выход... взять его [завод] в наше управление... или купить оборудование»¹. Учитывая, что сделка о приобретении оборудования для использования в России была решена двумя годами раньше, очевидно, что американцы в данном случае поставили вопрос в крайне резкой форме.

Этим Залюбовскому действительно открывался выход из тупика, куда он себя загнал, конфликтуя с поставщиком, и он расценивал это как свою «очень удачную операцию». Оборудование «Ремингтона» (6500 станков и механизмов) он предполагал целиком перевести в Екатеринослав, а у «Вестингауза» «продолжать работу до окончания войны плюс 4—5 месяцев, но не более 1800 тысяч винтовок»; контракт с «Ремингтоном» при пересмотре его «в самом начале 1917 г.» был сокращен до 1 млн винтовок. Однако ответственность, связанная с такой перестройкой отношений, его испугала: «Конечно, при таких условиях я не могу поручиться за полный успех или взять на себя полную ответственность», и Залюбовский просил подкрепления — «экстренного прибытия Дунаевского и Груева, с которыми при посредстве Федорова и рассчитываю наладить это дело. Без них это невозможно». Беспокойство было не напрасным: едва Федоров со своими помощниками, казалось, получил возможность реорганизовать производство на «Вестингаузе» по своему усмотрению и «сумел превратить завод «Вестингауз» в успешного производителя русских винтовок» (кризис был преодолен к августу 1917 г.), как этот выдающийся опыт тут же оборвался «под давлением финансовых трудностей»².

¹ РГВИА. Ф. 2000. Оп. 1. Д. 6210. Л. 20 об. Залюбовский — Маниковскому, Гарину, 21.I.1917.

² Там же; *Zuckerman F.S.* Op. cit. P. 61, 64. Fn. 31; *Залюбовский А.П.* Указ. соч. С. 66.

С мая 1917 г. Б.А. Бахметев, руководивший российской миссией в США, несмотря на отрицательное отношение англичан, пытался оформить дополнительный заказ «Вестингаузу», ссылаясь на то, что теперь американцы сами готовы кредитовать русские заказы, так что Англии не придется раскошелиться. Но американское правительство, вступая в войну, не стало ни увеличивать русский заказ, ни распродавать станки, используемые для выпуска трехлинейек на заводах «Вестингауз», а предпочло оплатить продолжение этого производства до того момента, когда «Вестингаузу» удастся перестроить его для изготовления американских ружей¹.

Пока изучались возможности использовать американские станки, в Петрограде сменилась власть, и, кроме того, в этот момент уже приходилось считаться с серьезным сдерживающим фактором: на «выгодное и столь нужное России дело снабжения готовым сильным оборудованием» поступил отказ из Лондона: Британское казначейство ссылалось на достигнутое миссией А. Милнера «соглашение с ГАУ в Петрограде, что заказов машин уже помещено больше, чем их можно вывезти, и что поэтому нет смысла помещать больше заказов»².

В ГАУ считали, что оборудование «Ремингтона» в составе 1691 станка и механизмов следует передать новому оружейному заводу, создаваемому на территории ТОЗ, и лишь «остальные будут переданы другим заводам». Пополнив свое оборудование, Тульский завод при 20-часовой в сутки работе давал бы по 2000 винтовок — до 60 тысяч в месяц. По условиям контракта, комплект оборудования «Ремингтона» оценивался в 3 млн долларов. В 1917 г. 120 станков были получены и установлены на Тульском заводе³.

С переходом власти в России к большевикам судьба ружейных поставок из США была predetermined. Первоначаль-

¹ Rielage D.C. Op. cit. P. 100; Neilson K. Strategy and Supply. London, 1984. P. 291.

² РГВИА. Ф. 2000. Оп. 1. Д. 6210. Л. 44. Залюбовский — Маниковскому, 28.II.1917. Конкретным поводом для возражения послужила покупка заводов дистанционных трубок Recording Computing Co в Дейтоне и Dayton Metal Products Co.

³ Там же. Ф. 504. Оп. 7. Д. 1606. Л. 95 об.; СВП. С. 297.

чально 7 (20) ноября 1917 г. Совнарком думал продолжить сотрудничество с «Вестингаузом» и через три недели, 23 ноября (6 декабря), одобрил заказ этой фирме на 1,8 млн винтовок¹. Но решение было принято без хозяина. 30 ноября английское правительство распорядилось всю продукцию, выпускаемую в США по действующим русским контрактам (выданным через Моргана под английский кредит), обратить на нужды менее миролюбивых союзников. 24 декабря Англо-русский подкомитет утвердил ликвидацию заказа. Когда выпуск русских винтовок окончательно прекратился, оказалось, что всего для русского правительства «Вестингауз» изготовил 1 081 490 винтовок, получив за это от англичан 40 млн долларов².

Несмотря на лихорадочные усилия, приносившие ощутимый рост производства, пехоте не хватало половины ружей, а имевшиеся 2,7 млн почти наполовину представляли собой разнотипные ружья иностранных марок — японских, американских, итальянских, французских; мосинских винтовок насчитывалось лишь 1370 тысяч³. На совещании в Ставке 17—18 декабря 1916 г. В.И. Гурко, временно замещавший начальника штаба Верховного главнокомандующего, в присутствии царя всячески подбадривал командующих фронтами и добивался их согласия развить весной 1917 г. наступательные действия. Он объяснил, что, в отличие от русских, «союзники должны соблюдать крайнюю экономию в людях, так как они потом восполнить их не смогут»; иное дело Россия: «У нас же теперь 1,5 миллиона, к 1 апреля поступит еще 1 миллион, итого 2,5 миллиона... Имеющегося запаса людей в 2 миллиона вполне хватит на предстоящий год». Но великий князь Сергей Михайлович должен был осветить положение с другой стороны: «Переходя опять к винтовкам, замечу, что таковых для новых формирований

¹ Островский А.В. Указ. соч. С. 185, сн. 139. Очевидно, подразумевается не новый, дополнительный заказ, а подтверждение уже исполнявшегося заказа на 1,8 млн ружей, ранее сокращенного (для России) до 1 млн шт.

² Rielage D.C. Op. cit. P. 100, 102.

³ РГВИА. Ф. 1. Оп. 2. Д. 179. Л. 1 об. Всеподданнейший доклад по Военному министерству за 1916 г.

нет... Мы не можем давать для формирований, о которых нас не предупреждали... По сегодняшней записке, надо еще добавить до 300 тысяч винтовок, из которых у меня ни одной нет»¹.

Военное ведомство могло лишь констатировать «появление на вооружении наших противников автоматических винтовок и невозможность изготовить своевременно такие для нашей армии»². Попытка установить на Сестрорецком заводе производство автомата В.Г. Федорова, предпринятая в октябре 1916 г. — 1917 г., оказалась бесперспективной из-за перегруженности завода другими работами и задержек с поставкой оборудования из-за границы. При позднейшей попытке перенести эту часть производства на Ковровский пулеметный завод Федоров в марте 1918 г. обнаружил, что там «завода, по существу, еще не было. Два недостроенных корпуса, разрозненные станки и приспособления, не стыкующиеся в единую технологическую цепочку, запутанное финансовое положение — вот что застал он на месте»³.

Станкостроение

Расширялось изготовление станков на оружейных заводах. Разросшееся машиностроительное отделение Тульского завода к лету 1915 г. выпускало по станку в день. К 1 ноября 1915 г. казенные оружейные заводы получили 358 из 402 заказанных для них в России станков; из них 231 был изготовлен на Тульском оружейном заводе⁴. В 1916 г. ТОЗ изготовил 600 станков. Во второй половине октября Совет министров

¹ РГВИА. Ф. 2003. Оп. 2. Д. 1017. Л. 117 об.—118, 129 об., 126—126 об. Протокол совещания 17—18 декабря 1916 г. в Могилеве.

² Способ увеличить скорострельность трехлинейек найден был в «пригонке к винтовкам приставных магазинов на 25 патронов» — пока лишь было намечено заготовить 250 000 таких магазинов; за границей были заказаны (для авиации) 1000 автоматических карабинов с патронами (ВПР. С. 627).

³ Яковлев М.Н. История разработки первых систем автоматического стрелкового оружия для русской армии // Новый часовой. 1994. № 1. С. 21—22.

⁴ РГВИА. Ф. 962. Оп. 2. Д. 22. Л. 17 и об.; Сухов В.А. Производство вооружения. С. 27—28.

утвердил проект сооружения в Туле нового казенного машиностроительного завода для выпуска по 8 станков в день (2400 в год) при одной 9-часовой рабочей смене и до 14 тысяч станковых пулеметов (строительство уже было начато). Внося в октябре 1916 г. этот проект на утверждение Думы, Военное министерство поясняло, что новое предприятие «не только обеспечит потребность в станках названных (ружейных, патронных и трубочных. — В. П.) заводов, но сможет изготавливать станки (близкие по своим типам к вышеупомянутым) и для других технических артиллерийских заведений». Предполагалось, что в механических и инструментальных мастерских самого этого завода будет размещено около 1000 станков (оборудование на 6 млн руб. должен был поставить «Ремингтон»)¹. Проект оценивался в 32 млн руб. (1,5 млн — на отчуждение 122 частных усадеб, часть земли уступил город), первые крупные ассигнования произошли в феврале 1917 г.² Сооружение завода продолжалось недолгое время и после Октябрьской революции³.

Помимо Тульского, станкостроением занимались также Ижевский, петроградские патронный, трубочный заводы и даже пороховые. Кроме того, источником роста оборудования казенных производств служило перераспределение технических средств путем реквизиций на частных предприятиях.

На успехи в области станкостроения обратил внимание Н. Стоун, автор идеи о вызванном войной процветании России; оно выразилось, в частности, в «чрезмерно быстром промышленном развитии». На этот раз оптимистическое впечатление навеяла обнаружившаяся «способность России заместить импортные машины своим собственным машиностроением». Английский историк в подтверждение указывает на соотношение — по суммарной стоимости —

¹ Михайлов А.В., Малахов Г.В., Птицын В.В. Указ. соч. С. 207; Сотников М.А., Чуднов Г.М. Указ. соч. С. 33—34.

² Сидоров А.Л. Экономическое положение России. С. 138; РГВИА. Ф. 29. Оп. 3. Д. 1003. Л. 323 и об.; Ф. 1. Оп. 1. Т. 44. Д. 548. Л. 373 и об. Доклад ГАУ «О заимообразном отпуске из военного фонда 2 млн руб. на неотложные расходы по постройке машиностроительного завода», утв. Военным советом 27.II.1917.

³ Сотников М.А., Чуднов Г.М. Указ. соч. С. 34.

внутренней продукции машиностроения России и ввезенных машин¹.

Эти данные Стоун берет из вторых рук, ссылаясь на Сидорова, который вынужден был учитывать и использовать цифры, введенные в 1925 г. в обращение С.Г. Струмилиным в его борьбе против «капитулянтов», за высокие темпы индустриализации СССР. «Можем ли мы сомневаться в том, что форсированные темпы индустриализации страны отнюдь не являются для нас предельными, — писал Струмилин. — Не только удвоение их, но, быть может, даже утроение не выходят за пределы теоретически осуществимого», тут лишь «важно знать ее исходные пункты в минувшем» (капитальные фонды, техническую базу), «унаследованные нами целиком от дореволюционного прошлого». Уже до революции, по его словам, промышленная продукция прирастала по 7,6% в год. «Даже без прилива капиталов из-за границы русская промышленность могла бы умножить свои промышленные фонды ежегодно не на 7,2% в год, а *даже по полуторной или вдвое более высокой норме*»². Для доказательства успехов, достигнутых в России к 1917 г. в создании технической базы дальнейшего индустриального развития, Струмилин и привел сопоставление стоимости произведенного в стране промышленного оборудования со стоимостью импортированного.

Хотя бы и в рукописной диссертации, Сидоров, по условиям времени, не мог ставить точки над «i» в споре со Струмилиным — сталинским любимцем, надзиравшим за всей историей русского/советского народного хозяйства, дубликатом А.Я. Вышинского в своей области, сторонником ликвидации «всяких дискуссий». Тем не менее Сидоров указал на несостоятельность оптимистических расчетов академика. Струмилин воспользовался отсутствием источников с данными собственно о промышленном оборудова-

¹ Stone N. The Eastern Front. P. 208—209; *Haumann H.* Op. cit. S. 84, 236. Стоун едва ли прав, утверждая, что внутреннее станкостроение оказалось выгодным из-за «дороговизны английских и американских машин». Известно, что при назначении цен русские заводы, как правило, не отставали от зарубежных.

² Струмилин С.Г. Очерки советской экономики. Ресурсы и перспективы. М.; Л., 1928. С. 6—7, 71; Уткин А.И. Указ. соч. С. 390.

нии внутреннего производства и сконструировал цифры умозрительно — условно принимая стоимость этого оборудования за половину совокупной продукции отечественного машиностроения. При этом, объясняя, что подразумевается в составе продукции машиностроения, Струмилин упомянул паровозы, суда, сельскохозяйственные машины, а вооружение не назвал, ограничившись невнятной ссылкой на «многие другие производства»¹. Сидоров этого не упустил и заметил, что требуется «поправка» — из машиностроения «вычесть продукцию предприятий, изготовлявших оружие» (Струмилин и сам признавал, что производство предметов военного потребления лишь расточает производительные силы)², и тогда цифры роста продукции собственно машиностроения «значительно сократятся». В составе машиностроения (по данным переписи) выработка военной продукции возросла с 26% в 1913 г. и 38% в 1914 г. до 78% в 1916 г.³, безжалостно ужав значение тех произвольных 50%, какие Струмилин отвел в общем объеме машиностроения производству промышленного оборудования.

Если Сидоров обязан был так или иначе учитывать показатели Струмилины — «урок ГПУ не пропал даром»⁴, то Стоуна никто не заставлял использовать негодные цифры, однако вся критика струмилинских исчислений, все «поправки» прошли мимо внимания Стоуна, равно как и замечание о том, что Струмилиным «кривая заграничного оборудования несколько преуменьшена».

Но и независимо от степени точности цифр, они в принципе не содержат того, что из них извлекает Стоун. Способность замещать импорт предполагает, что ввоз сокращался именно по причине усиления внутреннего производства, то есть за ненадобностью. В действительности потребность в иностранных поставках машин постоянно, «с каждым го-

¹ Струмилин С.Г. Очерки... С. 102.

² Струмилин С.Г. Баланс народного хозяйства как орудие социального планирования // Вопросы экономики. 1954. № 11. С. 36.

³ Сидоров А.Л. Экономическое положение России. С. 366.

⁴ Смит М.Н. Статистика как орудие вредительства // Смит М.Н. Теория и практика советской статистики. М.; Л., 1931. С. 5.

дом» росла, на что указывал и Сидоров¹, у которого, не вступая в спор, взял струмилинские показатели Стоун. Показатели эти (если на них полагаться: Сидоров ставил их под сомнение) неправомерно истолковывать даже так, как это сделал Струмилин: внутреннее производство «уравновесило сокращение ввоза»². Да и покрыть (заместить) «сокращение ввоза»³ — далеко не то же, что удовлетворить выяснившуюся потребность: для этого русскому правительству недоставало валютных ресурсов, а его партнерам — доброй воли. Председатель Русского правительственного комитета в Лондоне Гермониус с 1915 г. доносил в Петроград о «систематических затруднениях к получению оборудования для наших новых заводов» — таких, что чинимые препятствия «создают здесь самое тяжелое впечатление». А сразу после возвращения Милнера в Лондон с Петроградской конференции союзников (февраль 1917 г.) выполнение русских заказов на промышленное оборудование в Англии полностью прекратилось⁴.

В цифрах Струмилина—Сидорова—Стоуна, показывающих стоимость ввоза при пересечении границы, не получило отражения остро необходимое промышленное оборудование, заказанное, но не поступившее либо из-за военных действий (захваченные турками крупные станки РАОАЗ,

¹ Сидоров А.Л. Экономическое положение России. С. 366.

² Струмилин С.Г. Очерки советской экономики. С. 102.

³ Если оно действительно было: основываясь на данных той же переписи 1918 г., Сидоров указывал, что в 1915 г. стоимость машинного оборудования, ввезенного из США, Англии, Швеции и Франции, достигала 44,4 млн руб., а в 1916 г. — 164,9 млн, то есть возросла вчетверо, а не понизилась.

⁴ Бабичев Д.С. Деятельность Русского правительственного комитета в Лондоне. С. 285, 287, 289—292; Сидоров А.Л. Финансовое положение России. С. 365. Из Лондона Гермониус сообщал, что с этого момента «положение всех заказов на заводские оборудования стало... безнадежным. Остановлено все, касающееся сколько-нибудь до оборудования не только по размещенным заказам, но и по уже исполняющимся. Английское правительство намерено по мере исполнения уже размещенных заказов передавать их на удовлетворение потребностей Англии и других союзников». Речь шла, в частности, о станках для Ижорского, Ревдинского, Путиловского, Царицынского заводов (Сидоров А.Л. Финансовое положение России. С. 454—455; Виноградов С.Е. Последние исполнены Российского императорского флота. СПб., 1999. С. 108, 377, сн. 37).

утопленные немцами станки автомобильного завода Рябушинских, оборудование Кемеровского коксохимического завода и многое другое), либо вследствие реквизиционных мер английского правительства, а также его отказа в кредитах на оплату заказов в США (так вышло, в частности, и с главным объектом «программы Маниковского» — сталелитейно-снарядным заводом). Такая же судьба постигла, например, оборудование ружейного, трубочных заводов, а ГАУ рассчитывало его получить целыми комплектами. Чтобы привезти станки, заказанные для одного только ГАУ, тоннаж на 1917 г. был исчислен в 12 тысяч тонн¹.

Все это оборудование, как и тысячи станков для многих других заводов, признавалось крайне нужным для русской военной промышленности; получить его не удалось, но и ожидать «замещения» станками собственного изготовления не приходилось. Таблица же, использованная Стоуном, об этом ничего не говорит — она о другом. Из нее в лучшем случае виден лишь какой-то относительный рост внутреннего производства на фоне одновременного вынужденного сокращения фактического ввоза. Это сокращение ввоза было вызвано не успехами своего станкостроения, делавшими ввоз ненужным («способность заместить»), а невозможностью получить от союзников много больше — в силу запретов со стороны кредитора и распорядителя кредитов, правительства Великобритании; там противились «чрезмерному» усилению союзника, который на другой день после войны мог стать ее противником². Самый решительный запрет на отправку грузов в Россию оно наложило после неудачи корниловского выступления³. Отчасти ограничение таких поставок объяснялось еще и желанием британского правительства обеспечить своей промышленности после войны рынок сбыта в России, воспрепятствовав появлению конкурента, как это получилось с оборудованием для создаваемых в России автомобильных заводов и устрой-

¹ ЭПР. Ч. 2. С. 484.

² *Игнатъев А.В.* Русско-английские отношения накануне Октябрьской революции. М., 1966. С. 77, 96—97; *Тарновский К.Н.* Указ. соч. С. 233.

³ *Neilson K.* Strategy and Supply. P. 288.

ством алюминиевого завода. У Б. Бонвеча сложилось впечатление, что в марте 1917 г. лондонское Министерство вооружений обязалось поставить оборудование, необходимое обществу «Бекос» для создания в России казенного автомобильного завода. В действительности заказанное в Англии оборудование «по категорическому требованию» английского правительства, согласно ранее принятому решению, «соответствовало ремонтному заводу, а не заводу автомобилестроительному»¹. Изготовлено оно было лишь в октябре 1917 года.

Наконец, в рассуждениях о «взрывном» росте русской промышленности в условиях войны, как нетрудно убедиться, использован еще более надежный прием. Чтобы устроить этот взрыв, Стоун не только не посчитался с сомнениями Сидорова, но и по-своему обошелся со статистикой Струмилина. У Струмилина говорится о росте на 1256 млн руб. основного капитала промышленности «за пятилетие», «для 1913—1917 гг.», «к концу 1917 г.», то есть за 1913, 1914, 1915, 1916 и 1917-й. Чтобы получился хороший взрыв (рост на треть), Стоун взял эту же самую цифру роста (1256 млн), но отсоединил 1913 (последний год знаменитого предвоенного промышленного подъема) и 1914 гг., и отнес весь этот рост новых вложений к промежутку «между 1914 и мартом 1917 г.», то есть к 1915, 1916 и 1917-му, а на всякий случай обрезал еще и большую часть 1917-го. Из 1256 млн Струмилин, как и в предыдущем случае, условно и произвольно выводил стоимость произведенных в России «машин и аппаратов» в 50%, или 628 млн рублей. Стоун и этот прирост перевел с 1913—1917 на 1915 — февраль 1917 г.² Как ни относиться к статистическим расчетам советского борца против «капитулянтов» и «вредителей», в передаче Стоуна пользоваться ими определенно нельзя.

¹ *Bonwetsch B. Kriegsallianz und Wirtschaftsinteressen. Russland in den Wirtschaftsplänen Englands und Frankreichs 1914—1917. Düsseldorf, 1973. S. 61, 70, 106—107; Сидоров А.Л. Финансовое положение России. С. 455—456; Воронкова С.В. Строительство автомобильных заводов в России в годы Первой мировой войны // Исторические записки. М., 1965. Т. 75. С. 158.*

² *Stone N. The Eastern Front. P. 208; Струмилин С.Г. Очерки советской экономики. С. 104.*

ТРЕХЛИНЕЙНЫЕ ПАТРОНЫ

В канун войны тревожная оценка политических перспектив и состояния снабжения войск Генеральным штабом резко противоречила благодушным заверениям ГАУ: того-то нет или недостает, но все меры уже приняты и через год-два наверстаем; можем скорее, да денег не дают. Такой доклад — успокоительная отписка, по сути, — был представлен Кузьминым-Караваевым Сухомлинову 7 февраля 1912 г.¹

В ГУГШ отметили, что приведенные в докладе данные ГАУ о запасах винтовочных патронов «не сходятся с нашими» (ГАУ докладывало, что «недостает около 35%», то есть налицо 1737 млн патронов, а в ГУГШ считали, что имеется лишь 1 481 818 650 шт., то есть нехватка не 35, а 44%). «Данные ГАУ, очевидно, более свежие», — гласит осторожная ремарка на полях доклада (в дальнейшем 35-процентная нехватка была признана ГУГШ на 1 марта 1912 г.). ГАУ констатировало, что патронные заводы оборудованы на выпуск 450 млн в год, но могут дать на 100 млн больше, «если ныне же будет разрешено приступить к увеличению нарядов на патроны до полной производительности заводов». Тогда недостающие 35% армия получит не в 1916 г., а раньше. Но нужно раздобыть в таком случае в 1912 г. еще 4,9 млн руб. Свидетельствуя как бывший технический директор (зам. начальника) Петербургского патронного завода, Залюбовский считал, что «главной и основной причиной» нарушения запаса против и без того заниженной нормы («эта, по нужде принятая в 1907 г., норма») к началу войны являлось постоянное сокращение и отсрочка необходимых кредитов. Для заводов «не представляло никаких затруднений» устранить недостаток — в течение, правда, 4—5 лет. Но было препятствие «финансового характера»: «Лишь в 1911 г., и то вначале лишь на пять дней в неделю», явилась возможность загрузить предприятия работой, так как «Военный совет не разрешал работ, не обеспеченных ассигнованными кредитами»².

¹ РГВИА. Ф. 962. Оп. 2. Д. 87. Л. 163.

² Залюбовский А.П. Указ. соч. С. 97—98; Нечволодов П. По поводу наставления для действия артиллерии в бою // Артиллерийский журнал. Paris, 1930. № 1—2. С. 22—23.

С мая 1912 г. работа на патронных заводах пошла с полным напряжением, так как 7 июня Совет министров ассигновал еще 6 миллионов¹. На совещании в ноябре 1912 г. ГАУ заявило, что «благодаря принятым за последнее время мерам с 1913 г. годовая производительность ружейных патронов может быть доведена до 600 млн» (в феврале 1912 г. говорилось о 450 млн); «таким образом, к концу 1914 г. все недостатки будут пополнены». Но при этом подразумевалось, что обеспеченная норма в 1000 патронов на винтовку относилась к первоочередным категориям войск, а не к армии в целом². В 1913—1914 гг. выход патронов соответствовал темпу военного времени, но полного запаса патронов ко времени войны не было — и не могло быть, потому что установленная норма запаса не только подверглась искусственному занижению, по финансовым соображениям, в отношении к численному составу войск, но и оставляла вне расчетов увеличение призыва при мобилизации (ратников ополчения). Полные комплекты патронов должны были образоваться в 1916 г.³

Данные о производительности патронных заводов в начале войны расходятся. По сведениям 1923 г., три завода якобы обладали мощностью — «по их оборудованию» — в 900 млн патронов в год (75 млн в месяц)⁴. Иные цифры назвал Михайлов: за 1914 г. заводы выпустили около 760 млн патронов (417,9 млн за январь—июль и 341,4 за август—декабрь, в среднем 63 млн в месяц). На запрос Николая II ему доложили, что «ко времени начала войны на трех патронных заводах... изготовлялось ежемесячно около 55 млн штук»⁵. В «Своде» Следственной комиссии по пороховому производству потребность в порохе для ружейных патронов выведена на основании хода «операции по попол-

¹ ВПР. С. 645.

² РГВИА. Ф. 962. Оп. 2. Д. 87. Л. 92 об. Докладная записка по ГУГШ военному министру «О состоянии неприкосновенных запасов», 25. IV.1913.

³ Там же. Л. 161; Д. 137. Л. 351. Журнал совещания 6—7 ноября 1912 г. начальников окружных штабов о подготовке к войне на Западном фронте; Д. 140. Л. 244; ВПР. С. 650, 746; *Смысловский Е.* Артиллерийское снабжение. С. 28.

⁴ СВП. С. 298.

⁵ РГВИА. Ф. 2000. Оп. 1. Д. 4388. Л. 4.

нению комплектов, производившейся уже в течение нескольких лет в размере полной производительности всех патронных заводов», и соответствовала 550 млн патронов в год (Залюбовский: 600 млн). При таком темпе изготовления патронов собрать полные комплекты предполагалось в 1916 г., а к началу войны недостаток достигал 16%¹ — если считать «по бумажному подсчету. В действительности же, если принять во внимание, что все запасы к концу мобилизации сразу ушли на вооружение армии», то не хватало все-таки именно 44% (2 млрд шт.) патронов².

В другом «Своде», однако, Верховная следственная комиссия (составитель И.Я. Голубев) привела данные о выпуске патронов каждым из заводов по годам с 1911 по 1915 г. В 1914 г. они изготовили 673 млн патронов (в 1912 — 430 млн, в 1913 г. — 544 млн). При полной загруженности трех заводов «недостаток ружейных патронов предполагалось пополнить лишь в 1915 г.», — разъяснял эти цифры Кузьмин-Караваев. Но остается при этом неясным, сколько в этих комплектах еще числилось старых патронов и сколько — нового образца, то есть остроконечных. При достигнутой к началу войны мощности заводов полностью перейти к стрельбе остроконечными патронами пехота могла лишь в 1918 г.³

Предложение заказать недостающее за границей встретило возражения. Начальник 1-го отдела ГАУ В.А. Лехович и поддержавший его обер-квартирмейстер Генерального штаба Н.А. Обручев, ссылаясь на опыт войны с Японией, считали такой путь нежелательным: в 1905 г. иностранные заводы обязались поставлять патроны уже через месяц после заключения договора, «но в действительности затянули выполнение его на два года». Представители ГУГШ на это ответили, что имеются более надежные, чем Австрия и Германия, поставщики — Франция, Англия и Америка, но спорный вопрос окончательно не был разрешен. К началу

¹ Генерал В.С. Михайлов. С. 147 (подсчитано по таблице, которая неудачно построена, отчего «341,4» ошибочно отнесено не к промежутку август—декабрь, а к «Итого за 1914 г.»); ВПР. С. 746.

² Залюбовский А.П. Указ. соч. С. 96—97.

³ ВПР. С. 788, 789.

войны, в июле 1914 г., заводы могли давать винтовочного пороха «Вл» до 120 тысяч пудов в год — количество, которого в тот момент хватало с небольшим избытком, пока потребность в патронах сводилась к 500 млн штук. Но с января 1915 г., когда в полной мере проявился снарядный кризис, потребность в винтовочных патронах возросла. И если достигнутый в начале войны выпуск пороха «Вл» в 10,6 тысячи пудов в месяц казался удовлетворительным, то с января требовалось уже 42 тысячи пудов¹, и в мае 1915 г. выпуск патронов снизился из-за нехватки пороха². В июле 1914 г. Кузьмин-Караваев, «не видя возможности в ближайшее время воспользоваться результатами еще дальнейшего, для пороховых заводов опасного, их расширения, принял меры к установлению производства нашего пороха в Америке, сознавая, что только этим способом можно поднять с июня—июля 1915 г. выход патронов до 100 млн в месяц». В действительности уже к марту 1915 г. требовалось 200 млн в месяц. В 1916 г. Петроградский патронный завод был расширен до выпуска 600 млн патронов в год³.

«Итак, положение с питанием ружейными патронами у нас было катастрофическое уже к 1916 г., — подводил итог Залюбовский. — Наши заводы при всем напряжении дальше расширяться не могли». Осенью 1915 г. расчет показал, что общая годовая потребность в порохе достигла 2632 тысяч пудов; при наибольшем ожидаемом успехе внутреннего производства представлялось неизбежным заказать за границей около 1572 тысяч пудов⁴. Помимо американских поставок пороха, положение спасали Италия и Франция: «При содействии Жоффра я получил в свое распоряжение лучшие пороховые заводы в Севре», — писал Игнатьев⁵.

По сообщению Маниковского в «Боевом снабжении», противоречащему источникам, предпринимательские организации, «нажав все пружины», оказали «особое противо-

¹ РГВИА. Ф. 962. Оп. 2. Д. 87. Л. 219 и об., 223; ВПР. С. 646, 748—750, 758.

² РГВИА. Ф. 2000. Оп. 1. Д. 4388. Справка Беляева Поливанову для доклада Николаю II, 10.VII.1915.

³ Там же. Ф. 29. Оп. 3. Д. 1003. Л. 365 об.

⁴ ВПР. С. 760; Залюбовский А.П. Указ. соч. С. 103, 105.

⁵ Игнатьев А.А. Указ. соч. С. 409, 435.

действие» постройке в Симбирске нового патронного завода и смогли задержать решение этого вопроса с января по март 1916 г. А.А. Королев также утверждал, что «предложение ГАУ от 22 декабря 1915 г. о строительстве третьего казенного [патронного] завода... не получило поддержки в Военном совете»¹. Но в программном докладе и в «Боевом снабжении» Маниковского указано, что Военный совет дал «разрешение постройки», причем трижды: 14 января, 17 и 19 марта 1916 г. А.Л. Сидоров, пользовавшийся сообщением Маниковского о «могущественном влиянии» монополистов как достоверным, ввел, однако, в оборот источники, из которых следует, что еще в ноябре 1915 г. царское правительство добилося согласия союзников поставить оборудование для нового патронного завода. Речь шла о поставке полного комплекта, рассчитанного на выпуск 10—15 млн патронов в неделю (40—60 в месяц; 480—720 в год)². Летом—осенью 1916 г. станками для Симбирского патронного завода нагружались пароходы, отправлявшиеся из США³.

Говорить о какой-то особой слабости ГАУ к предложениям частных предпринимателей или о подчинении деятельности этого органа интересам монополистов в данном случае нет оснований. Его руководители, не считаясь с недовольством частных поставщиков, развертывали казенное производство и в тех отраслях, где (как, например, в целлюлозной) преобладание частной инициативы ранее казалось неустрашимым. В числе строящихся заводов до 1916 г. не значился латунно-мельхиоровый, хотя на сооружение его было отпущено по закону 24 июня 1914 г. 850 тысяч

¹ Маниковский А.А. Указ. соч. Ч. 1. С. 116—117; Королев А.А. Государственно-монополистический капитализм в частной патронной промышленности России в годы Первой мировой войны // Ученые записки Кафедры истории КПСС Тульского гос. пед. института. Тула, 1970. Вып. 2. С. 111—112.

² Доклад начальника Главного артиллерийского управления 20 октября 1916 г. № 165392 военному министру через генерала Фролова. С программой заводского строительства. [Пг., 1916.] С. 46 (экземпляр этого документа имеется в ГПИБ: I/8675); Маниковский А.А. Указ. соч. Ч. 1. С. 115—116; Сидоров А.Л. Экономическое положение России. С. 142, 304, 306, 435—436; Исторические записки. 1945. Т. 15. С. 160—161; 1955. Т. 54. С. 165; Исторический архив. 1949. Т. 4; Neilson K. Strategy and Supply. P. 132.

³ РГВИА. Ф. 2000. Оп. 1. Д. 5572—5574.

рублей. За год войны проект этого завода был переработан, и отпущенных средств оказалось мало. По новому проекту, этот объект выглядел как литейный отдел при сооружаемом в Симбирске казенном патронном заводе и был рассчитан на выпуск в год 960 тысяч пудов латуни и 180 тысяч пудов мельхиора¹.

В своих предположениях о размере выпуска ружейных патронов и латуни для гильз на срок до середины 1917 г. Военное министерство уже в марте 1916 г. имело виды на будущую деятельность этого завода. Вместе с патронными Луганским и Петроградским, трем казенным заводам до 1 июля 1917 г. нужно было располагать 2190 тысячами пудов латуни. С учетом имевшегося запаса «оставалось доготовить 1 937 400 пудов»; литейный отдел нового казенного завода должен был дать в тот же срок 100 тысяч пудов; частные меднопрокатные заводы (Тульский, Кольчугина, Розенкранц, «Франко-Русский») — 990 тысяч пудов. Этим заводам ГАУ предоставляло исходные материалы (цинк, электролитическую медь), закупленные за границей, и топливо. «Без сырых материалов вышеозначенные заводы не берутся изготовлять латунь», — отмечало ГАУ. Большую часть остальной требовавшейся латуни было решено заказать японской фирме «Таката и К^о» (632 тысячи пудов), а прочее (266 тысяч пудов) тем же частным заводам в России².

Производительность будущего предприятия в Симбирске выглядит в этих расчетах не впечатляюще: за все время до середины 1917 г. — 100 тысяч пудов, притом что частные заводы каждый месяц в среднем давали 67 тысяч пудов. Но полная его проектная мощность предусматривала выпуск, сравнимый с совокупной производительностью частных заводов. Это более чем вдвое превышало суммарную

¹ Доклад начальника Главного артиллерийского управления 20 октября 1916 г. № 165392; РГВИА. Ф. 369. Оп. 1. Д. 428. Л. 196; Ф. 29. Оп. 3. Д. 1005. Л. 38—39; Маниковский А.А. Указ. соч. Ч. 1. С. 115—116. Часть этой латуни предназначалась для изготовления в том же «отделе» 1,2 млн снарядных гильз, но пушечно-гильзовое производство рассматривалось как «опытное».

² РГВИА. Ф. 29. Оп. 3. Д. 761. Л. 7—8. Представление ГАУ в Исполнительную комиссию, 17.II, утв. 19.III.1916.

довоенную потребность обоих казенных патронных заводов в латуни для ружейных гильз (350 тысяч пудов) и равнялось 70% частного производства латуни к 1916 г. (1,2 млн пудов в год). Казенное производство латуни возрастало более чем в десять раз по сравнению с довоенным временем (60 тысяч пудов латуни в год)¹.

Симбирск для размещения военно-промышленного предприятия представлял удобство своим расположением на железнодорожных линиях и на Волге (в дальнейшем этот узел путей сообщения получил дополнительное развитие: были построены мост через Волгу, связавший центр России с Сибирью и Уралом, дорога на Нижний Новгород). Вопрос об отводе места для военного завода рассматривался в городской думе с 1912 г., сначала речь шла о пушечном, затем о пороховом, а с 1914 г. о патронном. В июле 1915 г. городской голова Л.И. Афанасьев отправился в Петроград для ведения переговоров; в сентябре закончились изыскательские работы и проектирование завода. Строительную комиссию ГАУ в Симбирске возглавлял С.А. Зыбин, ранее являвшийся начальником Самарского трубочного завода.

По проектной мощности новый завод с годовым выпуском 840 млн патронов значительно превосходил Тульский (частный) патронный завод, расширявшийся (на казенную субсидию) до выпуска 360 млн патронов в год (фактически в 1916—1917 гг. выпускал по 300—313 млн)².

Слух о развитии казенного латунно-мельхиорового производства дошел до предпринимательских организаций; они, как и ранее в подобном случае (в 1908 г.), обратились к правительству с протестом. Отвечая на выдвинутые ими возражения, Маниковский заявил, что заводчики «не знакомы с фактической стороной дела», раз пишут всего лишь о расширении уже существовавшего (с 1905 г.) при Петроградском патронном заводе отдела (такая мера предусматривалась «Малой про-

¹ РГВИА. Ф. 504. Оп. 32. Д. 513. Л. 63; Ф. 29. Оп. 3. Д. 780. Л. 3 об.

² Ефимов Ю.Д. Симбирск в годы Первой мировой войны. 1914—1918. Ульяновск, 2006. С. 54—55; Королев А.А. Государственно-монополистический капитализм. С. 117; РГВИА. Ф. 13251. Оп. 28. Д. 1. Л. 79 об.—80). Латунно-мельхиоровый отдел располагал собственной механической мастерской, изготавливавшей несложные станки (РГВИА. Ф. 29. Оп. 3. Д. 970. Л. 142).

граммой» 1913 г.)¹, тогда как ГАУ «устраивает новый латунно-мельхиоровый завод». Необходимость в нем обосновывалась тем, что потребность в сплавах должна резко возрасти с пуском Симбирского патронного завода. «Для обеспечения латунью сего завода, — докладывало ГАУ, — следовательно, нужно: или расширить все частные латунные заводы чуть не вдвое (и, конечно, на средства казны), или выстроить новый казенный латунно-мельхиоровый завод. Артиллерийское ведомство именно и остановилось на последнем решении». Представляя этот ответ Лукомскому, Маниковский присовокупил: «Вопль, поднятый латуннозаводчиками, лучше всего показывает, какой предел их аппетитам будет поставлен новым казенным заводом. Раньше ставилось в вину ГАУ-ю, что не хочет освободиться от кабалы гг. Понафидина, Барановского (главные частные поставщики гильз. — *В. П.*) и пр. Теперь, когда попытка в этом направлении сделана, гг. заводчики подняли тревогу... Их поход следует оставить без внимания и казенный завод безотлагательно строить»². И действительно, 1 марта 1916 г. проект патронного завода с «литейным отделом» поступил в Совет министров, который 8 марта «не встретил препятствий против осуществления этой меры»³. Затем законопроект о патронном заводе, при исчисленной стоимости его сооружения в 41 млн руб., осел в делопроизводстве Думы; она до конца своего существования так и не успела рассмотреть проект этого закона, как и многих других подобных. Но это и не имело практического значения.

Летом 1916 г. развернулось сооружение вспомогательных служб и главного корпуса. Работы предполагалось закончить летом 1917 г. Во второй половине 1916 г. все станки уже были доставлены в Россию, но в Симбирске в это время только начиналось строительство гильзовой и обжигательной мастерских⁴. Затруднения возникли в январе—феврале 1917 г.:

¹ РГВИА. Ф. 29. Оп. 3. Д. 1005. Л. 37.

² Там же. Д. 780. Л. 8—9. Доклад Маниковского, 11. II. 1916. Здесь же (л. 3—6) записки предпринимателей, пересланные из Министерства финансов; Ф. 505. Оп. 1. Д. 44. Ч. 1. Л. 245—246.

³ Там же. Ф. 29. Оп. 3. Д. 970. Л. 88 и об.

⁴ *Залюбовский А. П.* Указ. соч. С. 104. Однако какая-то часть заказов на американское оборудование была отменена английским правительством в конце 1916 г. (*Сидоров А. Л.* Финансовое положение России. С. 373).

не хватало строительных материалов, в частности гравия и песка. В окрестностях имелись залежи песка и глины, действовал земский цементный и частные кирпичные заводы, но для подвоза материалов не хватало лошадей. Зыбин поручил уездному дворянскому предводителю (согласно закону, возглавлявшему реквизиционную комиссию) пригнать 500 санных возчиков из близлежащих сел. К июлю 1917 г. были полностью готовы часть мастерских, бараки для рабочих, баня, склады, часть флигелей для заводской администрации, железнодорожные ветки. Оставались недостроенными электростанция, помещения для гильзового производства, кузница, железобетонные складские сооружения и 15 флигелей для администрации. Ряд объектов только начали возводить. Было завезено много материалов; работы вели 3419 человек (в том числе 309 — по монтажу оборудования), включая 622 военнопленных.

Но в этот момент судьба предприятия оказалась под вопросом. Правительственная комиссия, осмотревшая объект, решила приостановить сооружение помещений для пушечно-гильзового производства (к такому концу пришел замысел, продвинуть который ГАУ пыталось с конца XIX в.) и латунно-мельхиорового, а патронный завод строить и дальше, но не в полном объеме, поставив задачей, чтобы к началу 1918 г. при двухсменной работе он выпускал по 15—17 млн патронов в месяц¹.

Расширилось латунно-мельхиоровое производство также и в Петрограде, поглотив 2,6 млн руб. (с учетом роста цен — 3,7 млн)², но Петроградский патронный завод «в 1918 г. прекратил свое существование, будучи эвакуированным частью в Подольск, частью в Симбирск»; в Луганске начатая в 1917 г. на патронном заводе постройка новых зданий вскоре была прервана³.

В условиях, сложившихся за время войны, потеряло смысл высказанное ГАУ в 1913 г. опасение, что роль монополистов может перейти от меднопрокатных заводов к ме-

¹ Ефимов Ю.Д. Указ. соч. С. 55—56; Зонтов М., Смирнов А. Ровесник Октября. Саратов, 1987. С. 7—8.

² РГВИА. Ф. 29. Оп. 3. Д. 1005. Л. 37—39.

³ СВП. С. 298—299.

деплавильным. С 1914 г. производство меди в России неуклонно падало, да оно и не играло главной роли: в основном (70% общего потребления) военная промышленность получала медь из-за границы. Перед войной импорт меди упал¹, очевидно, потому, что ГАУ уже создало намеченный мобилизационный запас. Из этого запаса была продана частным заводам большая часть (118 тысяч пудов) и осталось 96 тысяч пудов; к 1916 г. «весь этот запас меди был исчерпан, и ныне военное ведомство приобретает заграничную медь», сообщил следствию Кузьмин-Караваев. «Для получения русской меди хотя бы в будущем» придется выдать «субсидии для разработки медной руды»². Вся сложная синдикатская система данной отрасли к концу войны стала постепенно распадаться: правительственные органы закупали медь в количествах, намного превосходивших возможности ее быстрого использования. Скопившиеся огромные запасы ввезенной меди сохранились в стране после выхода ее из войны³.

БОРЬБА СО «СНАРЯДНЫМ ГОЛОДОМ»

«Снарядный голод» ощущался еще более остро, чем нехватка винтовок⁴. Юго-Западный фронт в первые же бои, к 1 сентября 1914 г., «издержал» «весь запас», всю норму в 1000 патронов на оружие. А к 1 декабря артиллерия на фронтах получила все остававшиеся запасы выстрелов⁵.

По утверждению Н. Стоуна, Военный совет, высшая в системе снабжения инстанция, проявил свою косность и непонимание обстоятельств момента: в сентябре 1914 г. по-

¹ В начале века импорт покрывало $\frac{2}{3}$ внутреннего потребления меди; к 1914 г. производство ее возросло, а ввоз сократился до 14%. Ввозили преимущественно очищенную медь, сплавы и изделия, вывозили — полуфабрикат (Дмитриев А.В. Акционирование медной промышленности Урала на рубеже XIX—XX вв. // Коммерция и государство в истории России. Екатеринбург, 2001. С. 96).

² РГВИА. Ф. 962. Оп. 2. Д. 36. Л. 41. Справка, 31.III. 1916.

³ Брейтерман А.Д. Медная промышленность СССР и мировой рынок. Л., 1930. Ч. 3. С. 227, 256, 270.

⁴ Нелипович С.Г. Указ. соч. С. 623.

⁵ ВПР. С. 718, 748.

скопидомски сократил заявку ГАУ и вместо 2 млн снарядов разрешил заказать лишь 800 тысяч. В целом сделанные «за этот период» заказы не достигали даже посильной для русской промышленности нормы выпуска — 5 млн оружейных патронов в год¹. Источник этих странных сведений не указан — и едва ли случайно, но, при всех искажениях, узнаваем.

Здесь все перепутано — хотя и в определенном порядке, чтобы подкрепить идею автора: в кризисе снабжения фронта проявилась не экономическая слабость страны, а неспособность административного аппарата к организационной деятельности.

Во-первых, Маниковский (у него, очевидно, позаимствовал исходные сведения Стоун)² объяснял сокращение заказа не скупердьяством членов Военного совета, а тем, что «удалось в этот раз разместить» заказов меньше, чем следовало, то есть дело уперлось именно в отсутствие поставщиков. К схеме Стоуна подобное объяснение не подходит, а раз так, лучше обойтись без ссылки на Маниковского. Во-вторых, рассматриваемый эпизод относится не к сентябрю, а к августу 1914 г., когда провал снабжения еще не осознавался Ставкой, и она только начинала беспокоиться. «Уже около двух недель ощущается недостаток артиллерийских снарядов...» — телеграфировал царю Верховный главнокомандующий 8 (21) сентября. Неправильное решение Военного совета, которое подразумевает Стоун, состоялось 14 (27) августа, то есть ранее, чем появилось неприятное ощущение в Ставке. 14 августа прошло «общее заседание» Военного совета, окончательное, оно согласилось с заявкой ГАУ. В-третьих, на состоявшемся перед тем предварительном «частном заседании» члены Военного совета, еще не имея повода тревожиться, думали отклонить заявку ГАУ в целом, а не сократили, вопреки утверждению Стоуна. В-четвертых, еще до поступления панических сигналов из Ставки ГАУ (Смысловский) убедило Военный со-

¹ Stone N. The Eastern Front. P. 149—150; Jones D.R. Imperial Russia's Forces at War. P. 268; Strachan H. Op. cit. P. 1096.

² Маниковский А.А. Боевое снабжение русской армии в 1914—1918 гг. М., 1920. Ч. 3. С. 150—151.

вет все-таки дать заказы, и при этом не на 2 млн снарядов, а на 2 784 000 трехдюймовых (постановлениями от 14 августа, 6 и 10 сентября 1914 г.), не считая 48-линейных¹. В-пятых, в течение сентября 1914 г. частных контрактов было заключено даже не на 5 млн снарядов (как считал бы правительством Стоун), а на 6 941 000 (казенные заводы к августу и так уже были загружены до предела)².

В последних числах ноября — начале декабря 1914 г. артиллерия получила директиву: расходовать в день не более одного снаряда на орудие³. Смысловский, вызванный в Ставку 15 декабря 1914 г., когда услышал, сколько снарядов нужно для продолжения операций — около 900 тысяч (всех калибров) в месяц, уверенно ответил, что «к весне промышленные силы России этого количества ни в каком случае дать не могут и что поэтому все решение вопроса зависит от своевременности поставки [орудийных] патронов из-за границы»⁴.

Вслед за Верховной следственной комиссией ряд авторов объясняет длительность острой фазы «снарядного голода» «простой причиной»: в ГАУ, как пишет Стоун, «не могли представить, что русские предприниматели способны про-

¹ Маниковский А.А. Указ. соч. Ч. 3. С. 150—151; РГВИА. Ф. 29. Оп. 3. Д. 860. В этом деле подшиты подлинники материалы ГАУ и Военного совета по заказам августа—сентября. Стоун не без юмора пишет, и Джонс повторяет, что переубедить этих крохоборов в Военном совете удалось только тем аргументом, что грохот канонады «полезен для поддержания духа войск». Смысловский, однако, давал обоснование несколько иное: во-первых, хотя «запасы состоят в должном числе», нужно заказать еще, чтобы армия чувствовала себя уверенно, когда наступят решающие бои, а во-вторых, «к моменту “дележа” после кампании необходимо быть сильнее, чем при ее начале» (Там же. Ф. 962. Оп. 2. Д. 137. Смысловский Е.К. «Записка о довольствии действующей армии в текущую войну боеприпасами», 18.I.1917), и эти его суждения верно переданы Маниковским.

² Там же. Ф. 29. Оп. 3. Д. 855. Л. 37 об.—38; Ф. 962. Оп. 2. Д. 6. Л. 44 об.—45. Сведения о ходе предполагаемой поставки 3-дм шрапнелей и гранат.

³ Сергеевский Б.Н. Пережитое. 1914. Белград, 1933. С. 159—161. Ср. Гурко В.И. Черты и силуэты прошлого. М., 2000. С. 658. Директиву Сергеевский датировал 7 декабря 1914 г., Н.А. Епанчин — ноябрем (Епанчин Н.А. На службе трех императоров. М., 1996. С. 411). По Стоуну — это тоже «жалостливая сказка».

⁴ РГВИА. Ф. 962. Оп. 2. Д. 137. Л. 158—160. Показания Смысловского, 18.I.1917.

изводить снаряды», «не доверяли им», или, как писал Сидоров, ГАУ, «не надеясь на внутренние возможности производства», обратилось за границу, тогда как требовалось «широкое» использование русской промышленности: надо было «привлекать не десятки, а многие сотни, если не тысячи предприятий страны». Ту же мысль развивает Х. Стрэчен: Сухомлинов «предпочитал ограничивать заказы, передаваемые русской промышленности, и вместо этого направлять дополнительные запросы за рубеж»¹. Представление о неиспользованных безграничных возможностях русской снарядной индустрии противоречит фактам, которые должен был иметь в виду Смысловский (и признавал Сидоров). Даже заводы, осенью 1914 г. уже занятые изготовлением снарядов либо хотя бы еще только намеренные взяться за это производство, — все они, принимая в тот момент заказы ГАУ, в заключаемых договорах устанавливали сроки поставки лишь отчасти начиная с января, а главным образом — с марта—мая по октябрь 1915 г.² Но выдержать и эти сроки часто не удавалось (столь же часто, как и по иностранным контрактам), преимущественно из-за несвоевременного получения заводами станков, ожидаемых из-за границы.

Довольно распространенная у нас, как писал еще Н.Н. Головин, точка зрения, будто накопленных к 1917 г. снарядов с избытком хватило еще и на Гражданскую войну, относится к разряду легенд³. Она не учитывает, что нужда

¹ Сидоров А.Л. Экономическое положение России. С. 16, 20, 28; Stone N. The Eastern Front. P. 150, 152; Jones D.R. Imperial Russia's Forces at War. P. 268—269; Strachan H. Op. cit. P. 1096.

² Сидоров А.Л. Экономическое положение России. С. 27—28. Примеч.; РГВИА. Ф. 962. Оп. 2. Д. 5. Л. 44 об.—45. Сведения о ходе предполагаемой поставки.

³ До начала 1919 г. Красная армия действительно в какой-то мере удовлетворялась старыми запасами вооружения, но к весне 1919 г. они были практически исчерпаны. При этом в дивизиях состояло лишь до 40% положенного артиллерийского вооружения. Трехдюймовых снарядов, имевшихся у красных в начале 1919 г., могло хватить на 2—4 месяца; к тому времени и заводы выпускали в месяц по 90 тысяч снарядов, но расход их в боях был значительно ниже нормы, поэтому потребности в снарядах почти полностью удовлетворялись (Соколов А.К. От военпрома к ВПК. Советская военная промышленность. М., 2012. С. 20, 23, 28; Коваленко Д.А. Оборонная промышленность Советской России в 1918—1920 гг. М., 1970. С. 389—393). Белые получали часть снабжения от своих союзников.

в снарядах зависела от количества имеющихся орудий, а оно в 1917 г., как и в 1915 г., не выдерживало сравнения с артиллерией противника и союзников. Как пишет С.Л. Федосеев, «снарядный голод» был преодолен «в основном в легкой артиллерии», и то «только в отношении имеющихся орудий, а не к потребности войск в поддержке артиллерии». По Головину, если вопрос о снарядах также и к легким гаубицам и тяжелой артиллерии «не обострялся», то не по причине мощно развернувшейся работы русских военных заводов, а лишь потому, что «количество этого рода орудий было все время значительно меньше нужной для армии нормы»¹. К тому же в 1916 г. начали поступать выстрелы (то есть вполне готовые к использованию снаряды) для таких гаубиц из Франции, Англии и Японии (1,7 млн; в 1917 г. — еще 906 тысяч, тогда как в 1915 г. — лишь 129 тысяч). Что же касается снарядов для гаубиц в 203—305 мм и 254-мм пушек, то с ними «мы справиться до самого конца войны действительно не могли», вообще от русских заводов было получено менее трети выстрелов крупного калибра, остальное поступило из-за границы, в основном в 1916—1917 гг. Число имевшихся на фронтах тяжелых 42-линейных, то есть 4,2-дюймовых, или 107-мм, пушек было ничтожным, так что требовалось «и ничтожное к ним количество выстрелов»; орудия крупных калибров получали в 1916—1917 гг. «десятую [часть] того, что им было нужно в действительности»².

Во второй половине 1916 г. внутреннее производство трехдюймовых снарядов, достигнув максимума, «отставало от требований армии», в 1916 г. почти треть выстрелов легкая артиллерия получила из-за границы³. Но и при этом к осени 1916 г. была достигнута лишь та норма снабжения 3-дм снарядами, что казалась приемлемой в ноябре 1914 г.

¹ Головин Н.Н. Указ. соч. Т. 2. С. 36—37, 39—40; Маниковский А.А. Указ. соч. Ч. 3. С. 222, 234.

² Маниковский А.А. Указ. соч. Ч. 3. С. 222, 223, 234, 209; изд. 1937 г. С. 567 (редакцион. примеч.), 577; Барсуков Е.З. Русская артиллерия в мировую войну. М., 1940. Т. 2. С. 447.

³ Федосеев С.Л. «Пушечное мясо» Первой мировой. Пехота в бою. М., 2009. С. 244, 246, 247. Судя по годовому отчету Военного министерства, все-таки не треть, но больше четверти.

(2,6 млн выстрелов в месяц), тогда как к 1917 г. она уже устарела, требовалось 3,5 млн, а эта норма «вовсе не была достигнута»¹. Но и для изготавливаемых в России снарядов легкой артиллерии значительная часть взрывателей, дистанционных трубок, пороха поступала из-за границы². К 1 июля 1916 г. из-за границы поступило 1 230 193 пудов бездымного пушечного пороха (за 1916 г. с русских и заграничных заводов — 2 594 000 пудов), а потребность на следующий год оценивалась в 3 млн пудов, из этого количества в России удалось заказать 1 млн пудов. И это надо считать серьезным достижением внутреннего производства, так как осенью 1914 г. «недохват» оружейного пороха составлял три четверти — 67,3 тысячи пудов при потребности в 88,2 тысячи пудов. Пока не началась доставка заказанных в США взрывчатых веществ, до середины 1915 г. «главным тормозом» по снарядам оставалась нехватка также тротила, а не только корпусов снарядов³ или даже трубок. Запас 3-дм снарядов — при расчете на орудие — стал удовлетворительным к сентябрю 1917 г., вследствие фактической приостановки боевых действий.

Динамика «снарядного голода» составляет лишь одну сторону вопроса. Другая заключается в сравнительной оценке интенсивности сопутствующих «болезненных ощущений». Утешительным для русской армии выглядит тот факт, что «снарядный голод» первое время мучил и другие армии обеих коалиций — следствие допущенных всеми просчетов в отношении ожидаемой длительности войны и норм боезапасов⁴. Но если иметь в виду значимость этого бедствия не исключительно для артиллерии, а для фронта в целом, то нужны поправочные коэффициенты. Во-первых, нехватка боеприпасов умножалась на сравнительную

¹ Маниковский А.А. Указ. соч. Изд. 1937 г. С. 581. Ср.: в 1916 г. «не было недостачи в 76-мм патронах» (Там же. С. 586).

² Из 897 тысяч взрывателей, поступивших в январе 1917 г., 500 тысяч были заграничного производства (ВПр. С. 629, 755; ЭПр. Ч. 2. С. 178).

³ Дмитриев И.С. Бензольное кольцо Российской империи. Создание коксобензольной промышленности на Юге России в годы Первой мировой войны. СПб., 2005. С. 19.

⁴ Ряд примеров таких оправдательных суждений в литературе приведен в кн.: Strachan H. Op. cit. P. 993—996; Дмитриев И.С. Указ. соч. С. 3, 52.

слабость русской артиллерии по количеству стволов. Вторых, нужда в артиллерийском огне усугублялась неспособностью русской пехоты развить собственный интенсивный ружейный огонь при критическом недостатке винтовок и патронов. Как отмечал Залюбовский, расход ружейных патронов был «сравнительно очень мал», «пока не ощущалось недостатков в артиллерийских снарядах»¹.

Изучая причины недостатка снарядов, Верховная следственная комиссия не смогла получить от ГАУ сведения, необходимые, чтобы подсчитать, «сколько не хватало у нас взрывчатых веществ сравнительно с тем количеством, которое соответствовало заявленной Штабом верховного главнокомандующего потребности». ГАУ ссылалось на невозможность учесть «без больших приближений» объем материалов, поступивших по 1 декабря 1915 г. из-за границы. На обозримое время, до середины 1917 г., было намечено использовать 5,3 млн пудов взрывчатых веществ, из них 2,8 млн пудов — заграничного происхождения². Для наращивания собственного выпуска тротила в 1916 г. появился новый тормоз: «Усиленная постройка новых коксовых печей с рекуперацией побочных продуктов... сильно затруднялась и подчас совершенно приостанавливалась» из-за недостатка железа и огнеупорного кирпича, а действующие печи свертывали производство из-за отсутствия вагонов для подвоза угля и вследствие реквизиций угля железными дорогами для своих нужд³.

Кроме взрывчатки и пороха, выпуск снарядов зависел также от металла. Трехдюймовые снаряды к 1917 г. поглотили столько стали, что с ноября 1916 г. заказы подверглись сокращению — не вследствие избытка их, а ввиду «явной невозможности усилить без такой меры производство более крупных снарядов». По словам Маниковского, еще с 1915 г. приходилось «прежде всего заботиться об удовлетворении потребности выстрелов для *тяжелой* артиллерии, хотя бы

¹ Залюбовский А.П. Указ. соч. С. 100, 109; Барсуков Е.З. Русская артиллерия в мировую войну. Т. 2. С. 190.

² ВПР. С. 770, 773.

³ РГВИА. Ф. 1. Оп. 2. Д. 179. Л. 20; Урибес Э. Коксобензольная промышленность России в годы Первой мировой войны // Исторические записки. 1961. Т. 69. С. 67—68; РГВИА. Ф. 1. Оп. 2. Д. 369; Оп. 3. Д. 77. Л. 101 об. Соглашение было заключено 3 ноября 1916 г.

даже в ущерб полевой», потому что «нельзя готовить одновременно и достаточное количество тяжелых снарядов»¹. Усилить подачу тяжелых выстрелов было возможно «только при условии сокращения (и притом значительного) выстрелов к 3-дм пушкам», между тем Упарт «продолжал настаивать и на своих несообразных нормах 3-дм выстрелов, из-за которых наше внутреннее производство более тяжелых снарядов так до самого конца войны и не могло подняться до необходимого уровня»². Вообще выпуск снарядов «задерживается главным образом из-за недостатка топлива и металла», — гласил отчет Военного министерства за 1916 г. Главноуполномоченный по снабжению металлом А.З. Мышлаевский 14 мая 1916 г. докладывал Особому совещанию по обороне, что «общий недостаток в черных металлах выражался в треть существующей в них потребности»³.

При проектировании казенного сталелитейного завода предусматривалось устройство в его составе снарядного отдела (мастерской). Возник вопрос даже о создании особого завода крупных и средних снарядов: подготовить проект такого завода артиллерийскому ведомству было предложено на заседании Особого совещания по обороне 18 мая 1916 г. Вождь правых Н.Е. Марков на этом заседании требовал построить казенный завод крупных орудий и снарядов, «отложив в сторону» вопрос о том, может ли от этого «впоследствии, после войны пострадать частная промышленность» (такое опасение высказал февральский съезд металлозаводчиков). Маниковский поспешил заверить присутствующих,

¹ Маниковский А.А. Указ. соч. Ч. 3. С. 142, 127; То же. Изд. 1937 г. С. 598. Это не мешало Маниковскому, говоря о сокращении потребности в 3-дм снарядах, объяснять такое сокращение в выгодном для себя смысле — уменьшением «степени участия в боях легкой пушечной артиллерии» благодаря «увеличению на фронте числа гаубичных выстрелов и тяжелых орудий, обеспеченных выстрелами» (изд. 1937 г. С. 500). Утверждение Маниковского о «несомненном пресыщении» 3-дм выстрелами фронтов и резервов (как мотиве сокращения заказов) Барсуков вымарал (см. с. 566 изд. 1937 г., ср. с. 142 изд. 1923 г.).

² Маниковский А.А. Указ. соч. Ч. 3. С. 196—197. Барсуков подтверждал, что месячная подача 3-дм снарядов была сокращена в январе 1917 г. ввиду накопления значительного их запаса — за период зимнего затишья, но также «в целях усиления производства снарядов более крупных калибров» (Там же. Изд. 1937 г. С. 500).

³ ВПР. С. 628; ЖОСО 1916. С. 814.

что производство крупных снарядов уже предусмотрено «программой устраиваемого на юге военным ведомством сталелитейного завода», но погрешил против истины: проектом сталелитейного завода, утвержденным Советом министров 29 мая 1915 г., в составе будущего завода намечалось производство не крупных и даже не средних, а лишь мелких, трехдюймовых снарядов¹.

Вопрос о новом производстве крупных и средних снарядов был еще только поставлен перед ГАУ. Он возник в связи с рассмотрением Подготовительной комиссией по артиллерийским вопросам 13 мая 1916 г. предложения «Русского общества для изготовления снарядов» создать отдел средних (6-дм и 4,8-дм) снарядов при Юзовском заводе. Условием был заказ на 3 млн таких снарядов. Отклонив это предложение, комиссия признала «предпочтительным приступить к устройству казенного снарядного завода» и поручила ГАУ «представить соображение об организации производства снарядов средних и крупных калибров средствами казны». ГАУ на другой же день, 14 мая, отдало распоряжение строительной комиссии 2-го сталелитейного завода экстренно «представить краткое исчисление стоимости устройства и оборудования особой мастерской» при будущем втором сталелитейном заводе «для изготовления снарядов тяжелой артиллерии» — несравнимо большей мощности, чем предлагало «Русское общество»².

Эта «мастерская», как показал вскоре подсчет, должна была обойтись дороже, чем сам сталелитейный завод, — в 137 млн рублей³. Осенью 1916 г. в ГАУ поступали из США

¹ ЖОСО 1916. С. 292; РГВИА. Ф. 29. Оп. 3. Д. 730. Л. 34 об.; Д. 731. Л. 72 и об.; Д. 2586. Л. 13 и об.

² РГВИА. Ф. 369. Оп. 3. Д. 73. Л. 343 об.—345; Ф. 505. Оп. 1. Д. 44. Ч. 1. Л. 509. «Мастерская» должна была давать ежедневно 10 тысяч 6-дм, тысячу 8-дм, 200 12-дм снарядов (не считая миллиона в год 3-дм снарядов еще по проекту, утвержденному в мае 1915 г.).

³ См. *Сидоров А.Л.* Экономическое положение России. С. 137. Стоимость устройства сталелитейного завода, согласно уточненным расчетам, повысилась, отчасти из-за инфляции, с 39 до 97 млн руб. Завод был рассчитан на выпуск около 4 млн пудов мареновской стали и около 1,3 млн пудов тигельной; ГАУ считало, что «это количество вполне обеспечить» удовлетворение «теперешних нужд армии» (РГВИА. Ф. 2003. Оп. 1. Д. 1735. Л. 4 об.).

реляции о готовности всякого рода устройств, заказанных для сталелитейного завода, но отправка их в Россию задерживалась состоянием расчетов с поставщиками¹. Крупные поставки оборудования для той же «мастерской» получили в ноябре 1916 г. Краматорское металлургическое общество, общество «Роберт Круг», завод инж. А.В. Бари, «Металлический завод» (Петроград) и «А. о. пневматических машин» (в декабре). На заводе Гартмана в Луганске были заказаны паровые котлы².

К весне 1917 г. постройка металлургических печей и корпусов еще не началась, и было ясно, что завод «не может дать стали к 1 января 1918 г.», тем более что на этом же основании (не пригодится для текущей войны) в апреле 1917 г. Англия отказала в кредите на оборудование для этого завода³. В Металлургической секции Комиссии Покровского (по пересмотру плана создания военных заводов) на продолжении постройки Каменского металлургического завода настаивал один только представитель ГАУ. Прочие же организации, как общественные, так и предпринимательские, а также Министерства финансов, путей сообщения полагали, что «теперь же должны быть прекращены все работы, связанные с постройкой этого завода, и воспрещено дальнейшее производство заказов для него»; а когда «изменяются условия и настанет возможность воздвигать в России новые заводы», то и тогда еще пришлось бы вопрос о данном заводе пересмотреть «с точек зрения: целесообразности возобновления постройки, рациональности ее организации и возможного сокращения затрат государственного казначейства».

Снарядный отдел завода, соответственно, также вычеркивался из программы, но Снарядная секция Комиссии была настроена менее решительно, «так как попутно воз-

¹ РГВИА. Ф. 2000. Оп. 1. Д. 5583. Л. 13, 330. Залюбовский — Маниковскому, 28.IX, 14.XI.1916.

² Там же. Ф. 29. Оп. 3. Д. 977. Ч. 2. Л. 29, 31, 43, 35, 57, 111. Эти котлы в сентябре 1917 г. ГАУ решило использовать на Воронежском заводе взрывателей (Там же. Ф. 505. Оп. 1. Д. 87. Л. 248. Журнал строительной комиссии Воронежского завода № 210, 6.IX.1917).

³ Бабичев Д.С. Деятельность Русского правительственного комитета. С. 290.

ник вопрос о возможной эвакуации... заводов Петрограда; в зависимости от решения этого вопроса может быть внесено то или иное решение о снаряжном отделе»¹.

Решение о предпочтении казенного производства снарядов — частному не имело характера изолированной, эпизодической меры. Не говоря уже о разворачивании снаряжного производства на заводах горного и морского ведомств, одновременно из него вытеснялись частные предприниматели. К маю 1916 г. перестал существовать частный снарядный завод «Саламандра»: оборудование его было реквизировано для казенных нужд. То же случилось с токарными станками Люберецкого завода сельскохозяйственных машин, вывезенными из него на казенные снарядные заводы². Стало, по существу, казенным изготовление снарядов и на Путиловском заводе — одном из главных поставщиков снарядов (секвестр был наложен на него 27 февраля). 21 мая 1916 г. Шуваев утвердил решение о ликвидации так называемого Гранатного комитета, объединявшего группу предприятий во главе с Путиловским заводом, Русско-Азиатским банком и французской фирмой «Шнейдер»³. Устроенные по «общественной» инициативе снарядные заводы (Демиевский под Киевом, бакинский, завод Земского и Городского союзов в Подольске) с окончанием войны и ликвидацией предприятий Земгора тоже должны были отойти к казне.

Как жаловался Шуваеву Беляев 24 мая 1916 г., изготовление снарядов для 6-дм гаубиц («главенствующее орудие в современной войне для борьбы за укрепленные позиции») сдерживал «общий недостаток в России металла, выражающийся в общем до 4 млн пудов в месяц»⁴.

¹ РГВИА. Ф. 13251. Оп. 28. Д. 1. Л. 19 об.—20. Журнал 28.IV.1917.

² При этом, по заключению Н.Ф. Чарновского, понесло ущерб и само военное производство, так как в результате «другие, более значительные части оборудования этого специального завода оставались надолго почти без использования» (Народное хозяйство в 1916 г. Пг., 1921. Вып. 4. С. 53).

³ Гранатный комитет при создании его в июле 1915 г. получил казенный заказ на 113 млн руб. (Крупина Т.Д. Политический кризис 1915 г. и создание Особого совещания по обороне // Исторические записки. 1969. Т. 83. С. 66). Позднее с участниками этого объединения договоры были перезаключены — с понижением цен.

⁴ РГВИА. Ф. 2000. Оп. 2. Д. 1745. Л. 266.

21 января 1917 г. Маниковский представил военному министру подробную справку о положении со снарядами. По его словам, оборудование механических заводов с избытком обеспечивало требуемый Ставкой выпуск 3-дм снарядов (соразмерно количеству наличных орудий), а тяжелых — пока лишь на две трети, но к весне и подача тяжелых могла достигнуть назначенной нормы, «если, конечно, этому не помешают неблагоприятные обстоятельства, которые ныне имеют место». Он подразумевал «недостаток отечественного металла и невозможность получить его на ближайшие сроки из-за границы» (в 1916 г. все же удалось ввезти 1 501 000 пудов чугуна, 4 847 000 пудов железа и стали)¹. Подсчет показал: «Требуется снарядной заготовки: для 3 620 000 3-дм снарядов — 2 059 000 пудов, для 1 135 000 тяжелых снарядов — 4 154 000 пудов. Всего — 6 213 000 пудов». А поступает «ежемесячно всего 4 743 000 пудов». Поэтому на тяжелые снаряды предполагалось направить столько металла, сколько позволит пропустить через механическую обработку имеющееся оборудование заводов (2 823 000 пудов), а из остальных 1 920 000 пудов «можно изготовить около 3 млн 3-дм снарядов... Вот причины, почему и [даваемые] организации генерал-майора Ванкова заказы на 3-дм гранаты были уменьшены против того количества, какое он мог бы выполнять». «В дальнейшем, — докладывал Маниковский, — если положение с металлом не улучшится (а на это пока надежд мало, напротив, есть основание ждать ухудшения), то по мере развития производства тяжелых снарядов придется еще в большей степени сократить наряды на трехдюймовые». К 1 мая 1917 г. могло бы скопиться 25—28 млн 3-дм выстрелов, «если, конечно, хватит металлов, пороха и взрывчатых веществ на все количество и легких и тяжелых снарядов... Наконец, если бы Ставкой и эти ресурсы были признаны недостаточными, то у нас имеется настойчивое предложение французов увеличить подачу нам вдвое наших 3-дм патронов (они производительность их довели с 15 тысяч до 30 тысяч в день)». Но металла для тяжелых снарядов от французов нельзя полу-

¹ Иоффе А.Е. Русско-французские отношения в 1917 г. М., 1958. С. 25.

чить больше, потому что им «еле хватает для своих нужд»¹. После январской конференции союзников в 1917 г. Маниковский поспешил заказать во Франции 4,7 млн 3-дм гранат².

Но все-таки и тяжелые снаряды от Франции удавалось получить — в виде боекомплектов к 120-мм пушкам образца 1877 г. Рассматривая вопрос об этой поставке, ГАУ исходило из того, что имевшиеся собственные орудия аналогичного калибра, 48-линейные (122-мм), невозможно полностью использовать из-за нехватки боеприпасов к ним, а французы обещали дать к каждой уступаемой русским 120-мм пушке запас снарядов. Первоначально этот запас выглядел как 500 выстрелов на каждое орудие из 40, «то есть всего 20 тысяч выстрелов и, кроме того, ежедневное снабжение по 5 выстрелов на орудие». Всего в 1916 г. из Франции были доставлены 130 120-мм пушек образца 1877 г. При дополнительной поставке 60 таких пушек в 1917 г. боекомплект полагался тот же, то есть 30 тысяч единовременно и затем по 300 выстрелов в день, но фактически в России получили из 60 только 10 орудий. Французские орудия с боекомплектами прибывали с июля 1916 г. и пригодились при формировании новых батарей тяжелой артиллерии. По тем же соображениям ГАУ брало у французов старые 90-мм пушки³.

В снабжении военной промышленности металлом возросла роль Урала по сравнению с Югом, но древесноугольная металлургия «достигла естественных пределов своего роста»; эти пределы ставила ее «специфическая топливно-энергетическая база» (хотя, конечно, дело не дошло до «тотального провала»⁴. Казенные горные заводы, несколько увеличив производство и действуя более успешно, чем уральские частные, «несмотря на огромные усилия... не

¹ РГВИА. Ф. 29. Оп. 3. Д. 831. Л. 12—14.

² Сидоров А.Л. Финансовое положение России. С. 497.

³ Маниковский А.А. Указ. соч. Ч. 2. С. 170, 73; РГВИА. Ф. 29. Оп. 3. Д. 796. Л. 44 и об. Доклад ГАУ, 16.IV.1917, утв. Исполнительной комиссией 28.IV.1917; Ф. 2000. Оп. 1. Д. 829. Л. 44. Игнатъев (Париж) в ГАУ и Ставку, 26.VIII.1916; Там же. Оп. 2. Д. 1708.

⁴ Жук А.В. Запасный эшелон обороны // Урал индустриальный. Екатеринбург, 2004. Т. 1. С. 170.

смогли переступить черту, достигнутую в предвоенном 1913 г.», «не смогли удовлетворить возросшие потребности в черном металле». В целом в конце 1916 г. нужно было получать около 30 млн пудов металла (без частного потребления в 21,5 млн пудов), а в распределение поступало лишь 16—16,5 млн пудов¹. В строительстве долговременных укреплений приходилось считаться с тем, что заказанные русским предприятиям материалы — двутавровые балки, швеллера (а также цемент, асфальт и др.) «в большинстве случаев не получались». ГВТУ в феврале 1916 г. «нашло возможным отказаться от применения для фортификационных работ рельсов, заменив таковые другими подходящими материалами». При сооружении убежищ вместо рельсов под «тюфяк» стали укладывать деревянные брусья с заливкой гудроном².

За время войны Франция, Великобритания, Австро-Венгрия, Канада, Швеция повысили выпуск чугуна (в Германии выпуск повышался, но был меньше, чем в 1913 г., вследствие потерянного внешнего рынка сбыта). В России вследствие нехватки топлива, руды, провозоспособности железных дорог в 1916 г. выплавка чугуна, поднимавшаяся было с 14 млн пудов в январе до 16,5 млн в октябре, начала стремительно падать. При ведомственных заявках в октябре 1916 г. на 19 млн пудов поступило в распределение около 13 млн пудов металла, в ноябре — уже 11 миллионов. 9 октября председатель Совета министров Б.В. Штюрмер доложил царю, что в ноябре «обнаружится недохватка 1,2 млн пудов металла, необходимого для выработки тяжелых сна-

¹ Залесский С.А. Черная металлургия Урала в годы Первой мировой войны // Исторические записки. 1956. Т. 55. С. 142; Шумкин Г.Н. Государственные доменные заводы Урала как металлургическая база военной промышленности России в конце XIX — начале XX в. // Урал индустриальный. Т. 1. С. 324.

² Павлов А.В. Забытая крепость. Выборгская крепость в 1914—1918 гг. // Крепость Россия. Историко-фортификационный сборник. Владивосток, 2010. Вып. 4. С. 255—256. Выпуск цемента был наивысшим в 1913 г., когда заводы были загружены на 75%, но в 1914 г. их производительность была использована на 62%, в 1915 и 1916 гг. — на 42—43%, главным образом из-за нехватки топлива (Кинд В.А. Расход топлива при производстве портланд-цемента // Техничко-экономический вестник. 1921. № 1. С. 33).

рядов», и предстоит выбирать: снаряды или рельсы. Выплавка чугуна в феврале сократилась до 9,5 млн пудов. Между тем Министерство путей сообщения требовало свыше 8 млн, ГАУ — свыше 11 млн пудов в месяц. На январь—февраль 1917 г., по заключению главноуполномоченного по металлу, пришлось «наивысший кризис» металлургии. Составленный его управлением расчет выявил, что при средней месячной потребности в различных сортах черного металла в 37,6 млн пудов «вырисовывался ежемесячный дефицит в 14,1 млн пудов». 22 января 1917 г. на Петроградской конференции военный министр Беляев вынужден был просить у союзников, помимо вооружения, также чугуна и стали (удалось выпросить 106 тыс. тонн, то есть 6,6 млн пудов). 1 февраля 1917 г. ввиду «наступившего кризиса» он указал на необходимость «считаться с предстоящим... временным закрытием некоторых обслуживающих оборону заводов»¹, что в действительности и стало практиковаться и распространилось в феврале на Ижорский и Путиловский заводы в Петрограде (с известными последствиями). «Главные причины катастрофы — транспорт и топливо», а не революция, считали руководители «Продаметы»². Более того, в марте—мае 1917 г. выплавка чугуна немного (и ненадолго) восстановилась.

Выясняя происхождение «снарядного кризиса», Верховная следственная комиссия пришла к противоречивым заключениям. В «Своде сведений» о снабжении фронта снарядами председатель комиссии Н.П. Петров утверждал, что кризис развивался на протяжении сентября 1914 — весны 1915 г. по-разному. До февраля 1915 г. предел подачи снарядов зависел от заводов, изготовлявших корпуса, стаканы, а с весны на первый план выступила нехватка дистанционных трубок для шрапнелей (с марта) и взрывателей для фугасных снарядов (к лету). По его словам, лишь тогда критическое значение приобрело количество не корпусов снарядов, а трубок и взрывателей. Поначалу «число выстре-

¹ Тарновский К.Н. Указ. соч. С. 216, 218, 225—228. См. также: Семенов В.П. Монархия перед крушением. М.; Л., 1927. С. 131—134; ЭПР. Ч. 2. С. 110; РГВИА. Ф. 2000. Оп. 1. Д. 6251. Л. 151, 92, 171.

² ЭПР. Ч. 1. С. 247.

лов... определялось не численностью сдававшихся трубок, а числом изготовлявшихся снарядов», оно отставало от числа трубок. Иначе представлялся ход дела составителю «Свода» о порохе и взрывчатых веществах С.Т. Варун-Секрету. По его мнению, наоборот, недопоставка корпусов стала сдерживать выпуск снарядов «только в последнее время», то есть к концу 1915 г., а до лета 1915 г. «главным тормозом снаряжательных работ», «главной помехой» являлся «не недостаток корпусов снарядов, присылаемых для снаряжения», а «недостаток взрывчатых веществ»¹.

В другом докладе Варун-Секрет сделал иное сопоставление — количества поступавших для снаряжения дистанционных трубок, корпусов и пороха, и теперь уже у него получилось, что «причиной неподачи» снарядов в нужном фронту количестве был «не недостаток пушечного пороха, а недостаток дистанционных трубок и корпусов снарядов (шрапнелей и гранат)»². Разногласицу суждений в Верховной комиссии разъясняют доклады Маниковского и Мышлаевского: металлопромышленность была не в состоянии дать требующееся количество корпусов снарядов ни в начале войны, ни во все остальное время; это не отменяет того факта, что сказывалась также нехватка и взрывчатых веществ, и пороха, и трубок, и взрывателей.

В ноябре 1914 г. «для исследования причин» нехватки снарядов Ставка командировала на фронт «нашего известного артиллериста», начальника Михайловского артиллерийского училища генерала П.П. Карачана. «В вопросе о расходовании снарядов, — гласил один из выводов, привезенных Карачаном из этой командировки, — приходилось выбирать между снарядами и жизнью людей; желая сохранить людей, не жалели снарядов»³. Возглавлявший артиллерийское дело великий князь Сергей Михайлович стремился отрицать сам факт нехватки снарядов в качестве причины боевых неудач и на совещании в Ставке 1 апреля 1916 г. утверждал, что в мартовскую операцию «войсками совершенно бесполезно расходовалось до 75%» боеприпа-

¹ ВПР. С. 723, 726, 732, 771; *Дмитриев И.С.* Указ. соч. С. 19.

² ВПР. С. 756—757, 759.

³ *Маниковский А.А.* Указ. соч. Ч. 3. С. 115.

сов (такое объяснение «снарядного голода» позднее развивали также Маниковский и Барсуков). Если это было так, то неумелые действия артиллеристов являлись следствием их плохой подготовки, результатом беззаботности и увлечения великого князя бутафорскими учениями и маневрами в довоенное время.

Но на совещании, несмотря на всю проявленную командующими готовность подтвердить его критическую оценку фронтовых артиллеристов, в присутствии великого князя и в присутствии Николая II, все-таки были высказаны сожаления о том, что в недавних боях — да, конечно, «снаряды были в достаточном количестве», просто их плохо подвозили, имелись «такие запасы снарядов, каких не было с самого начала войны». И тут же эти генералы обращались к нему с пожеланиями, чтобы «в будущем... не было необходимости вести счет каждому снаряду» (А.Н. Куропаткин), о возможности «безотказно получать патроны», чтобы не приходилось предупреждать «о бережливом расходовании их». А.Е. Эверт припомнил, что, когда во время боев доложил великому князю о нехватке снарядов, «получил ответ: “Легких дадим, а тяжелых и мортирных — такого количества нет”».

На совещании (августейший генерал-инспектор артиллерии) мог лишь пообещать «почти полностью» удовлетворить потребность фронтов в легких снарядах, «но расчет их сделан слишком широко... Считаю, что 75% снарядов тратилось во время прошлой кампании впустую, и только 25% с пользой»; если же дать все, что просят, то такой стрельбы орудия не выдержат; нужно «упорядочить расходование снарядов, предупредить в будущем непроизводительную их трату». Эверт все же снова просил «дать артиллерию и без отказа снарядов. Без этого наступление в третий раз будет вничью, а это убьет дух войск». Тут Николай II поинтересовался, «могут ли в этом отношении помочь отечественные заводы», и великий князь сообщил ему, что эти заводы «выполнить предъявленные требования не в состоянии. Они дают все, что могут, но они плохо оборудованы»; «Все снабжение производится казенными заводами, правительством», якобы «вся работа выполнялась лишь заводами во-

енного ведомства», иначе говоря ведомства самого Сергея Михайловича, даже заводы горного ведомства «ничего не исполнили», и «только 0,4% всего снабжения дается [военно-]промышленным комитетом». Император, и без того недовольный развернувшейся в «обществе» вредной пропагандой, согласился с тем, что возвышать роль военно-промышленных комитетов нельзя и «необходимо наглядно показать в точных цифрах деятельность правительства и общества», дабы исправить «распространенное в войсках и обществе мнение». Струю оптимизма пролил Куропаткин: «Шесть месяцев назад мы были в таком же положении относительно ружей. Казалось, вопрос о ружьях — неразрешим. Но Ваше Императорское Величество повелели, и все было выполнено». Так же будет и с тяжелыми снарядами¹.

В конце года, на проведенном в Ставке совещании о планах действий на 1917 г., учитывая очевидное — то, что, как высказался Рузский, «мы никогда не будем иметь тех средств, какими располагают наши союзники», он настаивал, чтобы было прекращено распространение в войсках учебных брошюр о способах ведения огня французами, потому что эти вызывавшие зависть описания «ввели войска в смущение»². В предшествующей операции на Западном фронте не удалось добиться успеха, по свидетельству Эверта, потому что «более чем на одну-две недели у нас не хватило бы снарядов», да и прорыв Юго-Западного фронта не привел к полному успеху, потому что «определился недостаток тяжелых снарядов» (В.И. Гурко). Совещание все же должно было согласиться с бодрым заключением генерал-инспектора артиллерии (в оценке Николая II: «Это отрадная картина»), и было «в общем признано обеспечение снарядами достаточным» — подразумевалось, что, в соот-

¹ РГВИА. Ф. 2003. Оп. 2. Д. 1017. Л. 189—191, 193, 195—196 об., 198, 217—219 об. Протокол совещания 1.IV.1916.

² Киган, как и Стоун, утверждает, что к концу 1915 г. снабжение русской армии снарядами не уступало снабжению германской и французской армий (Stone N. The Eastern Front. P. 209—211; Keegan J. Op. cit. S. 386). В русском издании книги Кигана эта очевидная лакировка действительности по Стоуну, как и в случае с «изумительным» ростом промышленности, несколько сглажена (Киган Дж. Первая мировая война. М., 2002. С. 347—348), но получила распространение в патриотической литературе.

ветствии с предположениями великого князя, продолжится поступление заграничных заказов, а в России «не будет остановок в работе заводов». Но, по мнению самого же генерал-инспектора, «расход гаубичных и тяжелых снарядов надо увеличить вдвое, для получения настоящей потребности». «Если зимой предположены частные операции, у нас к весне не хватит снарядов. Нам нужно копить снаряды к весне... Относительно снарядов я получил указание от генерал-адъютанта Алексеева, — тонко пошутил великий князь, — начиная с ноября накапливать их к весне. Я так и делаю»¹.

ТРУБКИ, ВЗРЫВАТЕЛИ

В предвоенное десятилетие постоянный повод для беспокойства создавало осознание большого риска: снарядные трубки выпускал только один специальный завод в Петербурге. Его трубки к тому же настолько часто не срабатывали (из-за порчи в них пороха при хранении) либо давали преждевременные разрывы, что приходилось их изымать в войсках и переделывать. В переделку поступала то треть всех выпущенных изделий (как в 1905 г.), то все (в 1907 г.). В 1911 г. пришлось изъять из боевых комплектов батарей и парков почти половину всего комплектного количества трубок (свыше 2 млн из 5 млн); с учетом 900 тысяч трубок, не сданных на службу самим заводом, насчитывалось уже 3,5 млн трубок, «доброкачественность коих более чем сомнительна» и которые требовали осмотра и переделки².

22-секундная (по максимальной длительности горения) дистанционная трубка образца 1901 г., используемая при стрельбе шрапнельными снарядами, обладала конструктивными недостатками, но качество трубок еще снижалось из-за «отсутствия тщательности при ее фабрикации, как в

¹ РГВИА. Ф. 2003. Оп. 2. Д. 1017. Л. 117 об., 122, 126 об., 142, 183 об., 134.

² Там же. Ф. 970. Оп. 3. Д. 1619. Л. 11 и об., 24—31 об. Записка о 22-сек. алюминиевых дистанционных трубках. Составлена в Высочайше учрежденной комиссии по расследованию неуспешности заготовок по артиллерийскому ведомству по сведениям, поступившим в комиссию до 15 ноября 1911 года.

смысле выполнения чертежа и точности его соблюдения, так и в смысле принятия мер к сохранению качеств трубки при ее разработке и укупорке». «Наши 22-сек. трубки, — писал 20 августа 1911 г. В.И. Гибер фон Грейфенфельс, в то время помощник начальника Трубочного завода по технической части, — выделялись и выделяются по чертежам недостаточно разработанным», этим он объяснял «случаи и преждевременных разрывов и отказов по причине недостаточной согласованности как нормальных размеров, так и допусков на эти размеры» в различных частях трубки.

Критическое состояние снабжения артиллерии трубками (а значит — в целом снарядами, потому что на шрапнель приходилось $\frac{6}{7}$ всех положенных запасов выстрелов) усугублялось тем, что и на заграничные заказы не приходилось полагаться. Опыт таких заказов в 1901 г. и во время войны с Японией, а также результаты стрельб в 1908—1909 гг. свидетельствовали, что и заводы Франции, Австрии и Германии давали трубки в массе негодные («неисправность», «разнообразие горения», «неправильное действие», «большое число клевков и неразрывов», отсутствие пороха в центральном канале и пр.); австрийские трубки (фирмы «Бр. Бёлер») удостоились заключения об их «недопустимости в боевой комплект».

Пока шло разбирательство и ставились опыты, Артиллерийский комитет 23 мая 1911 г. признал используемую трубку уже устаревшей по длительности горения и постановил заменить ее новой, но ее еще только предстояло сконструировать.

При этом сохранялась опасность полной утраты трубочного производства: за многие годы асфальтовые полы сборочной мастерской пропитались пороховой пылью, что грозило пожаром («куски асфальта, взятые с пола, в сухое и теплое время загораются искристым пламенем»). Все ходатайства начальника мастерской о замене асфальта метлахской плиткой «остались без уважения». Вообще состояние мастерской нуждалось в исправлении. По заключению Грейфенфельса, помещения сборочной были «плохо приспособлены к исполнению в них ответственных и весьма

деликатных работ, относящихся к сборке и снаряжению дистанционных трубок». Теснота, ветхость, отсутствие вентиляции, вообще запущенность и неустроенность ее помещений были таковы, что «почти невозможно» было «поддерживать в них опрятность, чистоту, определенную температуру и влажность». Из-за отсутствия раздевален рабочие (полная смена — 800 человек) «прямо с улицы входят в помещения... в периоды морозов и ненастья вносят с собой холод, сырость на своей верхней одежде, которую они вешают тут же, в сборочных отделениях, и грязь на своей обуви, которую им негде обтереть». Здесь же размещались умывальники. Между тем в этой мастерской «производятся наиболее деликатные работы по сборке и снаряжению трубок». Всегда существовала опасность того, что запрессованные пороховые детали во время работы и хранения в таком помещении отсыреют и будут испорчены¹.

Нужно было пересмотреть свыше 5 млн штук. В 1912 г. началась переделка 2 млн изъятых трубок. Выпуская до 6000 новых трубок в день, завод вынужден был одновременно заниматься переделкой — по 5000 в день². Тогда считалось, что приготовление гильз, корпусов снарядов и пороха вполне обеспечено, но с трубками «вопрос находился в более остром положении». «Теоретически» Петербургский и новый Трубочный завод в Самаре могли давать в год около 3 млн трубок. Но совещание, проведенное в декабре 1912 г., «считало возможным рассчитывать на половину этого количества»³. Н.П. Басов, отвечавший за эту часть деятельности ГАУ, позднее выразился более решительно: на Самарском заводе до самого начала войны валовое изготовление трубок «не было еще вполне налажено», хотя туда были направлены устанавливать производство опытные специалисты с Петербургского завода, где их тоже не хватало.

¹ РГВИА. Ф. 970. Оп. 3. Д. 1619. Л. 11 и об., 24—31 об.; Д. 1620.

² Там же. Ф. 1. Оп. 1. Д. 74436. Л. 194 об. Доклад ГАУ в Военный совет «Об осмотре и переделке 22-сек. алюминиевых трубок», 30.VI, утв. 8.VII.1910; Ф. 504. Оп. 3. Д. 2398. Л. 264 об. Рапорт начальника сборочной мастерской В.Л. Дыммана. Ср. ниже: 4000 в день.

³ Зайончковский А.М. Подготовка России к империалистической войне. С. 286.

Предельная мощность Петербургского трубочного завода, на который «опиралось главным образом» снабжение армии¹, до войны достигала 1,5 млн трубок в год. Однако в момент объявления войны завод «изготавливал 22-сек. трубки при сокращенном штате рабочих, и притом часть станков была свободной, а часть приспособлена для изготовления 45-сек. трубок». Поэтому «для доведения 22-сек. трубок до наибольшей производительности (4000 трубок в день) пришлось потратить два месяца», — вспоминал начальник завода Е.М. Волосатов. В предвидении расширения завода Смысловский предложил Волосатову строить бараки; в мастерскую было превращено помещение офицерского собрания. 20 ноября 1914 г. последовало предписание ГАУ подготовить наращивание годового выпуска до 2 млн трубок.

Тем временем нехватка снарядов на фронте ощущалась все острее. На совещании 18 февраля 1915 г. у великого князя Сергея Михайловича по вопросу об увеличении выпуска трубок Волосатов указал на задержки при расширении заводов, вызываемые обязательным для них представлением на утверждение ГАУ планов, проектов, и 20 февраля «верховный артиллерист» «сделал распоряжение по телеграфу об отмене этих формальностей».

На это свое распоряжение великий князь Сергей Михайлович ссылался в показаниях по делу Сухомлинова. Как уместно подчеркивала в своем заключении Верховная следственная комиссия, «благодаря предписанным телеграммой великого князя мерам» завод, «по удостоверению Его Императорского Высочества... значительно расширил свою производительность»². В Москве, Риге, на Юге эмиссары великого князя собирали сведения, «где в настоящее время можно найти нужные станки»³. В результате его директивы реквизиция оборудования на частных заводах приняла характер «бессистемной охоты за станками». «Происходит нечто неопишное. Идет реквизиционная борьба чиновников с заводами, — вос-

¹ Рдултовский В.И. Исторический очерк развития трубок и взрывателей. М., 1940. С. 207.

² ВПР. С. 723.

³ РГВИА. Ф. 962. Оп. 2. Д. 30. Л. 185; Д. 78. Л. 6. С.М. Романов — Сухомлинову, 15 и 19.II.1915.

клищал на заседании Московского ВПК 22 июня 1915 г. Ю.И. Поплавский. — Артиллерийское ведомство вместо того, чтобы самому заботиться раньше о себе, отнимает у других, с уже налаженных заводов снимает станки». При этом Поплавский в принципе был не против реквизиции, но смотря против кого она обращена: «Пусть бы обратились в Ригу... в Риге 448 заводов...»¹ (Совет запоздал: там уже орудовали ГАУ и Морское министерство.) Последствия циркуляра оказались настолько вредоносными, что 14 июля Военное министерство было вынуждено другим циркуляром распорядиться об «упорядочении этого дела», с тем чтобы начальники управлений, усмотрев «необходимость где-либо произвести реквизицию станков», прежде сообщали в комиссию по реквизиции станков при ГАУ. Практической пользы от грозного распоряжения великого князя, по отзывам Маниковского и Залюбовского, не произошло «даже временно»².

Продолжая расширяться, Трубочный завод ГАУ присоединил к себе прилегающий к его территории участок, отобранный у германского подданного, и еще один смежный с заводом участок, а затем, несмотря на «высочайше» признанную нежелательность расширения военных производств в столице, в декабре 1916 г. приобрел еще участок земли, принадлежавший Академии художеств, уплатив за него 1,5 млн руб. С июля 1914 по январь 1917 г. число рабочих на заводе увеличилось с 6840 до 18 500³.

«Заминки» в работе Самарского завода в 1914 г. Волосатов объяснял объективной ее сложностью; часть нарядов (на 400 тысяч трубок) была передана Петроградскому. 18 ноября 1914 г. ГАУ приступило к проектированию расширения производства в Самаре с 0,5 до 3 млн трубок и втулок в год. Руководивший работами генерал И.В. фон Меершедт-Гюллесем начал с того, что командировал инженера в Ригу, Колумну, Петроград и Харьков заказать двигатели (дизель в 250 л. с. был получен с рижского «Фельзера», другой, в

¹ *Буржуазия накануне Февральской революции*. М.; Л., 1927. С. 9—10; ЖОСО 1915. С. 122.

² *Залюбовский А.П.* Указ. соч. С. 50—51.

³ РГВИА. Ф. 29. Оп. 3. Д. 1004. Л. 187; РГИА. Ф. 1276. Оп. 12. Д. 598. Л. 12—13; *Генерал В.С. Михайлов*. С. 160.

900 л. с., заказан на Коломенском заводе); на протяжении 1915 г. были построены здания¹. За первый год войны количество рабочих на заводе увеличилось с 1934 до 4796 человек, а в 1917 г. превысило 19 тысяч². Свыше 600 000 руб. стоило развитие железнодорожного разъезда Иващенко и сооружение подъездных путей, соединивших трубочный с объектами Самарского завода взрывчатых веществ³. За годы войны Самарский завод был расширен больше чем в шесть раз, выпуск с 5 тысяч повысился до 30 тысяч трубок в сутки.

Одновременно строился, в соответствии с программой 1913 г., новый трубочный завод в Пензе. (Гермониус писал, что «с началом войны» по типу Самарского завода «было построено спешно несколько новых военных заводов», но конкретно их не называл⁴.) Для Пензенского завода предназначался готовый комплект станков, инструментов и лекал, предложенный за 1,5 млн долларов заводом Recording and Computing Co в Дейтоне (США)⁵. К началу 1917 г. главное здание завода (то есть 60% по площади производственных помещений) было «выстроено под крышу», сооружены склады, водонапорная башня и другие здания вспомогательного назначения; проведена железная дорога⁶. 28 апреля 1917 г. при пересмотре Комиссией Покровского программы строительства новых заводов, создание Пензенского трубочного завода решено было продолжить⁷.

В Петрограде к производству трубок приспособился, получив крупный аванс, завод «Русский Рено», которому ока-

¹ РГВИА. Ф. 962. Оп. 2. Д. 139. Л. 144; Д. 21. Л. 19—21; Ф. 29. Оп. 3. Д. 1009. Л. 17—19. В списке чинов ГАУ указано неправильное написание «Мершейдт-Гиллесем».

² *Гарафутдинов Р.А., Румянцев Е.Д.* «Долой войну, долой самодержавие!». Саратов, 1990. С. 59.

³ РГВИА. Ф. 962. Оп. 2. Д. 21. Л. 122, 66; Ф. 505. Оп. 1. Д. 87. Л. 64 об.

⁴ *Гермониус Э.К.* Ижевский оружейный завод и роль казенных заводов в деле обороны // Записки Русского экономического общества в Лондоне (The Russian Economist). 1922. Vol. 2. № 7—8. С. 2914.

⁵ РГВИА. Ф. 2000. Оп. 1. Д. 5606. Л. 297; Д. 6210. Л. 28, 34, 44. Переписка Маниковского с Залюбовским, 30.XI.1916—28.II.1917.

⁶ *Генерал В.С. Михайлов.* С. 253. 6 апреля 1916 г. «Торгово-промышленная газета» объявила о торгах на постройку восьми каменных жилых домов для администрации завода.

⁷ РГВИА. Ф. 13251. Оп. 28. Д. 1. Л. 18.

зала содействие материнская французская фирма. До войны завод еще не располагал «никакими орудиями производства», но после подписания в августе 1915 г. контракта с ГАУ к октябрю на «Русский Рено» привезли из Франции первые партии станков; «к этому времени были уже на месте прибывшие мастера», командированные, как и директор, из Франции. «Вся работа по организации производства была предоставлена мастерам», обращавшимся во Францию «при всех затруднениях»; каждый мастер «старался восстановить вокруг себя обстановку, хорошо ему известную по прежней его работе во Франции»¹.

Частная промышленность приняла участие также и в изготовлении взрывателей для фугасных снарядов, гранат; крупные заказы исполняли заграничные фирмы и заводы в России: «Столь», «Промет», Зафермана и «Всеобщей компании электричества» (ВКЭ). Из практики выяснилось, что частным заводам нужно не менее семи месяцев подготовки, чтобы начать выпускать взрыватели хотя бы в небольших количествах. В этом производстве, как и в производстве других сложных предметов боевого снабжения, подобных дистанционным трубкам, передача заказов частным предприятиям давала, как считали в ГАУ, «неудовлетворительные результаты». В качестве одного из примеров рассматривалась неудача Н.А. Второва. Он предложил в начале 1916 г. взять на себя поставку 4 млн взрывателей на 51 млн руб., для чего намеревался построить завод (первый специальный), который затем должен был отойти в собственность казны. Еще до окончательного утверждения договора Советом министров Второв 5 марта 1916 г. признал свой проект неисполнимым: он получил из Англии сообщение, что ввиду запоздания заказа необходимые станки не будут доставлены в течение ближайшей навигации и могут прийти через Архангельск только весной 1917 г., вследствие чего Второв просил все его предложения по поводу изготовления взрывателей считать потерявшими силу².

¹ *История Организации уполномоченного ГАУ по заготовлению снарядов* С.Н. Ванкова. М., 2006. С. 189—190.

² РГВИА. Ф. 29. Оп. 3. Д. 755. Л. 6/н.; *Генерал* В.С. Михайлов. С. 253—254.

ГАУ пришлось строить завод взрывателей в Воронеже стоимостью в 41,5 млн руб.¹, и 6 августа 1916 г. Особое со-
вещание по обороне распорядилось занять в принудитель-
ном порядке свыше 100 десятин крестьянской земли² — в
поле, к западу от города.

С постройкой завода Воронежская городская дума свя-
зывала большие ожидания. К тому времени финансы горо-
да пришли в «безвыходное» положение, не на что было
привести в порядок ветхие школьные и другие городские
здания, половина города не имела электрического освеще-
ния, большинство домовладений — водопровода, большин-
ство улиц — мостовых. В августе 1915 г. городская дума
поручила управе привлекать в Воронеж промышленные
предприятия, предвидя от этого «пользу для развития горо-
да, для заработков рабочих, для пополнения городского
бюджета». Она «поддержала развитие в городе оборонной
промышленности» (кроме завода ГАУ, там разместились
эвакуированные из Риги трубочный завод т-ва «В.Г. Столлъ
и К^о» и машиностроительный завод а. о. «Рихард Поле»).

Новый артиллерийский проект предусматривал дальней-
шее приобретение в собственность города земель, построй-
ку особого городского и промышленного водопровода. Ря-
дом с заводом предстояло соорудить узловую станцию
старых и новых железных дорог: Юго-Восточных, Москов-
ско-Киево-Воронежской, Московско-Донецкой, Харьков-
ско-Пензенской и Второй Киево-Воронежской³.

Для будущего завода в Воронеже ГАУ решило выкупить
«вполне исправное полное оборудование» завода Dayton
Metal Products Co, исполнявшего русские заказы на взры-
ватели со сроком окончания в марте 1917 г. Завод был по-
строен в США специально для выполнения заказа ГАУ на
5,5 млн взрывателей. При пониженных технических требо-

¹ РГВИА. Ф. 369. Оп. 1. Д. 166. Л. 24 и об. Представление ГАУ в Государственную думу, 30.X.1916. Расходование средств на постройку и заказы оборудования проводилось в порядке ст. 17 бюджетных правил, «немедленно... с развитием операции в полном объеме», то есть не ожи-
дая решения Думы и Государственного совета (Там же. Л. 29).

² Там же. Ф. 29. Оп. 3. Д. 995. Л. 6 и об.

³ Попов П.А. Городское самоуправление Воронежа. 1870—1918. Во-
ронез, 2006. С. 315.

ваниях в отношении твердости стали американский завод с августа 1916 г. давал 25 тысяч взрывателей в день (при 12-часовой работе в день — 21 тысячу неснаряженных взрывателей), а при переходе на твердую сталь выпуск должен был понизиться до 5000 шт. Некоторые ответственные детали взрывателя (из латуни, мельхиора, свинца, асбеста), спиральную пружину и жало, гильзу ударника Дейтонский завод получал с других предприятий. Он не располагал собственной силовой станцией, инструментальной, механической, кузнечной и ящичной мастерскими. Оборудование его, свыше 900 станков, оценивалось в 856 тысяч долларов¹. Будущий воронежский завод был рассчитан на выпуск в военное время 20 тысяч взрывателей в сутки. При этом часть станков и механизмов предполагалось перенести туда с других казенных заводов (на 5000 взрывателей в сутки) и столько же — приобрести от частных заводов после войны; оборудование еще на 10 тысяч в сутки — заказать заново. В феврале 1917 г. выяснилось, что деревообделочные станки для ящичной мастерской предлагают поставить шесть фирм, но лишь одна из них, завод «Рихард Поле», обещала станки русского происхождения. «По имеющимся в комиссии данным, — отмечено в журнале строительной комиссии № 85 от 21 февраля 1917 г., — завод «Рихард Поле» является в настоящее время единственным в России, изготавливающим деревообделочные станки»².

Проект составляли с учетом максимальных технических требований, но 17 декабря 1916 г. комиссия поставила вопрос об изменениях в нем, считая, что мастерские трудно будет оборудовать станками с приводом от отдельных моторов у каждого станка — достаточно будет обойтись использованием трансмиссий, как делается на большинстве тех заводов, откуда намечалось взять станки, не исключая и Дейтонский завод³. Предложение комиссии отверг начальник 1-го отдела технических артиллерийских заведений

¹ РГВИА. Ф. 505. Оп. 1. Д. 87. Л. 8—9. Журнал хозяйственно-строительной комиссии Воронежского завода № 5, 22.IX.1916; Там же. Ф. 2000. Оп. 1. Д. 5583. Л. 376 и об., 63. Переписка Залюбовского с ГАУ, 11, 27.X, 19.XI.1916.

² Там же. Ф. 505. Оп. 1. Д. 86. Л. 10; Д. 87. Л. 155 и об.

³ Там же. Д. 87. Л. 78 и об.

ГАУ М.Н. Орлов. На журнале комиссии от 14 января 1917 г. он написал, что «все современные заводы стремятся к группированию мастерских в небольшом числе зданий, свободному размещению станков и рабочих, применению одиночных моторов и что в настоящее время, с окончанием постройки в Харькове завода ВКЭ, затруднений в получении в России одиночных моторов быть не может»¹.

Создать завод рассчитывали за 1917—1918 гг. Законопроект, направленный в Думу, еще не был ею рассмотрен к 25 февраля 1917 г., однако комиссия действовала полным ходом и в январе—июне 1917 г. заключила контракты со строителями и поставщиками (в том числе контракт на бетонные сооружения на 8,2 млн руб.); за это время были выполнены земляные работы на 2,5 млн руб., заказаны в Англии и в США котлы для силовой станции, турбогенераторы, тысячи станков. В Воронеже нужны были «станки специального типа», изготавливавшиеся Сестрорецким заводом, но он сообщил, что не имеет такой возможности «впредь до установки производства автоматических ружей генерал-майора Федорова». Всего к 25 февраля 1917 г. заказов на механическое оборудование завода было сделано на 8,6 млн руб., не считая завода в Дейтоне, то есть использовано свыше трети суммы, отпущенной на механизмы. Соответственно, в сентябре 1916 г. считалось, что большая часть мастерских обязательно должна быть готова вчерне не позже конца строительного сезона 1917 г. Станки из США должны были поступить в конце 1917 г., и тогда в Воронеже частично начался бы выпуск взрывателей уже в начале 1918 г. В апреле на стройку привезли румын, а из Тоцкого лагеря под Самарой 98 военнопленных чехов, было назначено и еще 200 военнопленных².

Но в январе—феврале 1917 г. постройка затормозилась. Комиссия рассчитывала за январь 1917 г. получить 825 вагонов для подвоза материалов (бутового камня), но ей на-

¹ РГВИА. Ф. 505. Оп. 1. Д. 90. Л. 92 и об. 25 февраля 1917 г. было решено заказать 890 электромоторов московскому отделению «Русского а. о. Сименс—Шуккерт» (Там же. Ф. 531. Оп. 1. Д. 25. Л. 64 и об.).

² Там же. Д. 87. Л. 38, 49, 56, 159—160, 149 об., 9; Д. 90. Л. 101, 1 и об., 32, 57, 73—78а, 189 и об.; Д. 25. Л. 49 об.

значили лишь пять вагонов; с 18 января по 24 февраля комиссия ходатайствовала о 2011 вагонах под перевозку строительных материалов, но не получила ни одного¹.

Вопрос, как быть дальше, обсуждался в Комиссии Покровского 28 апреля 1917 г. К тому времени городское хозяйство оказалось в тяжелейшем положении. Оно лишилось многих рабочих рук, привычной доставки строительных материалов по железной дороге; транспорт пришел в расстройство; казармы для военнопленных, расположенные в центре, распространяли зловоние. Обслуживая объект, городские власти «значительно отвлеклись» от своих обычных проблем, в жертву были принесены и развитие хозяйства, и вопросы стабилизации бюджета². На месте имелся только кирпич, а для подвоза прочих материалов потребовалось бы в мае—июне 2200 вагонов, но на это не приходилось рассчитывать. Еще не были спроектированы водопровод, канализация, система отопления. Никто не знал, когда поступят из Англии котлы и турбины. Дата 15 декабря как срок, когда здания будут построены и пригодны для размещения станков, была признана нереальной. Поскольку валовое производство на заводе ранее июля 1918 г. наладиться никак не могло, Снарядная секция Комиссии Покровского предложила считать постройку нерациональной и приостановить, проект завода «переработать и осуществить при нормальных условиях», когда-то в будущем; «завод Дейтона оставить пока в Америке, получая прямо оттуда готовые изделия». За предложенную резолюцию высказались представители финансового ведомства и всех общественных организаций, кроме Союза инженеров. Против выступили представители ГАУ, ГВТУ и МПС³. Но и английское правительство воспрепятствовало приобретению американского оборудования, отказав в кредите; оно ссылалось на то, что сооружаемый завод не успеет до окончания войны⁴.

¹ РГВИА. Ф. 505. Оп. 1. Д. 87. Л. 170.

² Попов П.А. Указ. соч. С. 328, 315—316.

³ РГВИА. Ф. 13251. Оп. 28. Д. 1. Л. 19.

⁴ Бабичев Д.С. Деятельность Русского правительственного комитета. С. 282—283.

24 июня 1917 г. ГАУ предписало остановить исполнение проекта, закончив лишь главное здание, и представить план ликвидации (в этот же момент ГАУ распорядилось закрыть в Воронеже трубочный завод товарищества «Столь»), но 4 августа Маниковский, в то время помощник военного министра, утвердил журнал Ликвидационной комиссии (общей) Покровского (заседание 31 июля), которая постановила продолжить постройку. 16 августа воронежская комиссия просила прикомандировать для железобетонных работ военнопленных, по мере их высвобождения, со стройки Пензенского трубочного завода, где они занимались такими же работами более года, и доставка их оттуда продолжалась до ноября.

22 сентября 1917 г. Орлов уведомил председателя комиссии, что получено «согласие военного министра на возможное продолжение» работ, и распорядился срочно привести новый завод «в такое состояние, чтобы он был вполне пригоден к размещению и пуску в ход завода, переносимого из Петрограда». 21 октября Орлов приказал «ускорить постройку и оборудование силовой станции, минуя все препятствия». 27 октября Маниковский предписал немедленно подготовиться к «приему Сестрорецкого и Петроградского трубочных заводов, эвакуируемых спешно в г. Воронеж», и комиссия начала хлопотать о прокладке кабеля от городской электростанции и искать материал «в громадном количестве» для железнодорожной ветки и внутренних рельсовых путей. К концу ноября из 3,4 млн руб., предназначенных на оборудование силовой станции, было израсходовано 2,6 млн. 13 января 1918 г. архитектор рапортовал, «что работы на силовой станции производятся днем и ночью непрерывно»¹.

Но 15 (28) февраля 1918 г. все же поступило распоряжение приостановить работы и рассчитать рабочих, а 9 мая (н. ст.) ГАУ затребовало план ликвидации — очевидно, в связи с предположением эвакуировать в Воронеж отдел взрывателей Сестрорецкого завода. Затем наступил период, когда «положение строительной комиссии было крайне неопределенное», предписанием же ГАУ от 11 июня 1918 г.

¹ РГВИА. Ф. 505. Оп. 1. Д. 89. Л. 84, 32; Д. 86. Л. 133; Д. 87. Л. 348, 356; Ф. 531. Оп. 1. Д. 25. Л. 111 об.

на нее возлагалась «окончательная ликвидация постройки завода». Все оборудование и материалы следовало «немедленно отправить Самарскому пороховому заводу и Симбирскому патронному по соглашению с начальниками их». К тому времени условия деятельности комиссии не улучшились. Подрядчики не могли получить вагоны для перевозки материалов, вагоны «или совсем не подавались, или если и подавались, то в далеко не достаточном количестве», так что добиться соблюдения каких-либо сроков комиссия не могла¹.

Впоследствии сотруднику Маниковского представлялось, что казенные заводы «неизменно давали продукцию высокого качества, превосходившую в этом отношении не только частную, но и заграничную; обходилась она дешевле частной, а во время войны эти заводы приняли на себя всю тяжесть срочного изготовления» вооружения, и, «например по трубкам», «полностью ликвидировали наступивший голод»². Реальность была не столь блестящей.

Всего за 1914—1917 гг. русские заводы дали более 33 млн трубок: казенные заводы, по В.С. Михайлову, дали 33 336 тысяч трубок (30 378 тысяч 22-сек. + 2958 тысяч 45-сек.) и еще 3120 тысяч добавили частные; взрывателей 10 823 тысяч, в том числе 3889 тысяч казенные и 6934 тысяч частные³.

Иные сведения у Рдултовского, ведавшего этой отраслью артиллерийского снабжения. По Рдултовскому, от казенных заводов артиллерия получила 38 млн трубок и 27 млн взрывателей и от частных — еще 4,5 млн трубок и 0,1 млн взрывателей⁴.

Сведения Михайлова неполны, поскольку, в частности, не учитывают выпуска 34-сек. трубок Шнейдера, снаряжав-

¹ РГВИА. Ф. 531. Оп. 1. Д. 25. Л. 120 об., 97 об.; Ф. 505. Оп. 1. Д. 90. Л. 469—470, 317, 356 об.—357; Д. 87. Л. 261, 292; Д. 86. Л. 105. Журналы хозяйственно-строительной комиссии.

² Смысловский Е. Артиллерийское снабжение. С. 194.

³ Подсчитано по: Генерал В.С. Михайлов. С. 164—165. В эти данные входит производство взрывателей на Петроградском трубочном заводе, но они не вполне согласуются с данными Михайлова по этому заводу на с. 162.

⁴ Рдултовский В.И. Указ. соч. С. 204, 207.

шихся медленно горящим порохом из Франции, кроме того, частные заводы, изготовлявшие трубки, учтены у него не все (отсутствуют, например, заводы Барановского, ВКЭ, «Зингер», «Русский Рено»). В то же время у Рдултовского в производстве взрывателей, видимо, занижена производительность частных заводов (0,1 млн), тогда как Михайлов, называя, в совокупности, 7,1 млн, приводит конкретные числа по каждому из учтенных им восьми заводов. Отчасти разноречивой, возможно, возник из-за неодинакового подхода авторов к предприятиям, занимавшимся лишь сборкой трубок и взрывателей.

По сведениям, приведенным Михайловым, в 1916 и 1917 гг. русские заводы довели выпуск трубок до 1547 тысяч в месяц (1430 тысяч 22-сек. + 117 тысяч 45-сек.) при ежемесячной потребности в 2817 тысяч (2360 тысяч 22-сек. + 457 тысяч 45-сек.).

Эти данные не сильно расходятся со сведениями ГАУ на 6 декабря 1916 г.: артиллерия нуждалась в 2150 тысячах трубок в месяц, а получила с русских казенных и частных заводов 1600 тысяч (1300 + 300 тысяч). Это количество «с избытком покрывает потребность... по числу подаваемых в настоящее время на фронт патронов русского изготовления», говорится в журнале комиссии Особого совещания по обороне¹. Остальные 650 тысяч трубок артиллерия получала из-за границы; кроме того, оттуда же поступали полные, снаряженные боеприпасы.

Для снаряжения 45-сек. трубок годился только специальный медленно горящий порох, поставляемый из-за рубежа. Плохо давалась установка изготовления на русских заводах 34-сек. трубок; выход из положения отчасти был найден путем использования в 22-сек. трубках медленно горящего пороха: длительность горения от этого повышалась до 32 секунд.

Взрывателей русские заводы давали в месяц 499 тысяч при ежемесячной потребности в 4150 тысяч.

Общая картина снабжения артиллерии трубками и взрывателями остается не вполне ясной, но очевидно, что для

¹ РГВИА. Ф. 369. Оп. 3. Д. 74. Л. 431 об.

удовлетворительного решения этой задачи действовавших русских заводов не хватало.

Существенная часть трубок для русской артиллерии поступала из Франции и от швейцарских фирм¹.

ОРУДИЙНАЯ ПРОМЫШЛЕННОСТЬ

В конечном счете тяжелая артиллерия приобрела «решающее значение»². «Современные условия... выдвигают на первое место вопрос об обладании *тяжелой артиллерией*, без каковой добиться каких-либо решительных результатов ныне не представляется возможным», — писал военному министру Шуваеву 24 мая 1916 г. начальник Генерального штаба Беляев³. Если с точки зрения командования наличие тяжелой артиллерии, откуда бы она ни взялась, оценивалось как главное условие оперативного успеха, то способность русской индустрии обеспечить фронт тяжелой артиллерией подытоживала общую дееспособность военно-промышленного аппарата империи. Впрочем, предел ставила и нехватка живой силы: иссякала возможность формировать новые батареи («почти по всем калибрам») «вследствие недостатка людей и лошадей»⁴. При этом размер людских потерь зависел опять-таки от нехватки артиллерии. Начальник штаба Верховного главнокомандующего В.И. Гурко 9 февраля 1917 г. объяснял М.В. Родзянко (в июне 1916 г. то же самое докладывал царю Алексеев): «Могучая артиллерия и технические средства, хотя бы такие же, как у наших противников, весьма понизили бы наши потери, но о подобном уравниении, по крайней мере в ближайшее время, не приходится и думать»⁵. На вооружение тяжелых батарей были использованы орудия

¹ Игнатъев А.А. Указ. соч. С. 375. Здесь упомянуто о 10 млн швейцарских трубок, отправленных в Россию за время войны.

² Маниковский А.А. Боевое снабжение русской армии в 1914—1918 гг. М., 1922. Ч. 2. С. 40.

³ РГВИА. Ф. 2000. Оп. 2. Д. 1745. Л. 265.

⁴ ЭПР. Ч. 2. С. 173, 182.

⁵ Цит. по: Гаврилов Л.М., Кутузов В.В. Истощение людских резервов русской армии в 1917 году // Первая мировая война. 1914—1918. М., 1968. С. 155; Головин Н.Н. Указ. соч. Париж, 1939. Т. 1. С. 123.

старых образцов крепостного и берегового типа, а с 1916 г. добавились «новейшие орудия, поступавшие главным образом по заказам из-за границы» (как и снаряды к ним)¹. Хотя и существует представление, что «производство тяжелых орудий... едва ли не на 100% обеспечивалось российской промышленностью»², Гурко в тех условиях свою надежду облегчить положение в отношении тяжелой артиллерии не связывал с опорой на русскую промышленность, рассчитывая использовать в предстоявших весной—летом 1917 г. операциях 6-, 8-, 10-, 11-, 12-дм орудия «от наших союзников»³.

В 1916 г. Пермский завод дал орудий калибров средних и выше средних — в приведенных к условным 3-дм единицам по трудоемкости — 1113 таких условных единиц (по сравнению с этим он выпустил в 1914 г. 15% — 153 единицы, а в 1915 г. 74% — 823 единицы); пушечный отдел Путиловского — до 250 в месяц⁴. Но в своих калибрах эти показатели не выглядели столь эффектно. Тяжелая артиллерия особого назначения (ТАОН) к моменту летнего наступления 1917 г. располагала 632 орудиями и минометами, но лишь малая их часть поступила с русских заводов: 258 пушек и 56 минометов предоставили союзники в 1917 г., а до того — они же еще почти столько же⁵. Всего за 1915, 1916 и 1917 гг. тяжелых и осадных орудий разных калибров русская артиллерия получила 1448 стволов, в том числе 602 было изготовлено в России и 846 у союзников; если же взять только полученные до 1917 г. 685 орудий, то 283 и 402, соответственно. Формируемым для операций 1917 г. мортирным батальонам поступили 4,5-дм гаубицы из Англии. «Основной тип принятой у нас гаубицы — 48-линейный, но, — по свидетельству Маниковского, — ввиду обнаружившегося недостатка их и невозможности изготовления

¹ Барсуков Е.З. Русская артиллерия в мировую войну. Т. 2. С. 444, 448.

² Соколов Ю.В. Красная звезда или крест? М., 1994. С. 73.

³ Gourko B. Memories and Impressions of War and Revolution in Russia, 1914—1917. London, 1918. P. 220.

⁴ СВП. С. 299—300.

⁵ Павлов А.Ю. Скованные одной целью. Стратегическое взаимодействие России и ее союзников в годы Первой мировой войны. СПб., 2008. С. 152; Белаиш Е. Указ. соч. С. 236—238.

(как и 6-дм гаубиц. — В. П.) в достаточном количестве пришлось пойти на подкрепление нас 45-лин. английской гаубицей»¹.

Существует также представление, что для удовлетворения нужд фронта и в винтовках, и в гаубицах, и в 42-лин. тяжелых пушках в России имелись «все условия»². Однако в ноябре 1915 г., подсчитав потребности фронта до середины 1917 г., Маниковский докладывал Военному министерству³, что 1400 48-лин. (122-мм) гаубиц (из требовавшихся 2396) придется заказать за границей. Он предупреждал, что «если заказ [этих 1400] гаубиц за границей не состоится, получить их в России не удастся, так как ни один из существующих заводов принять заказ не может».

Все 42-лин. (107-мм) тяжелые пушки, состоявшие на вооружении к середине 1915 г., были французского изготовления (122 шт. по контракту 1910 года). При потребности в 808 таких орудий⁴ в России ожидали от Путиловского завода 315 пушек, заказанных в феврале и июле 1914 г. (с обязательством начать поставку с апреля 1916 г.; фактически этот завод дал с июня по декабрь 1916 г. 50 и в 1917 г. еще 20 шт.). В июне 1915 г. ГАУ запросило и Петроградский оружейный завод, но выяснилось, что он не мог бы одновременно с 42-лин. пушками исполнять наряд на 3-дм пушки, признаваемый в условиях маневренной войны более срочным. Тогда ГАУ адресовалось к Обуховскому заводу, и, хотя там не рассчитывали начать выпуск 42-лин. пушек раньше осени 1916 г. (по 12 в месяц), заказ на 400 пушек все же пришлось дать ему (25 июня 1916 г.). А требовалось 808 шт. «Так как все производство 42-лин. пушек на русских заводах следует считать данными заказами совершенно использованным, — докладывал Маниковский 10 ноября 1915 г., — то рассчитывать получить 42-лин.

¹ Маниковский А.А. Указ. соч. Ч. 2. С. 51, 55, 73. В таблице на с. 73 в итоге за 1915 г. описка: 130, а надо 180.

² Алексеева Е.Д. К 100-летию начала Первой мировой войны // Москва в годы Первой мировой войны. 1914—1918 гг. Документы и материалы. М., 2014. С. 10.

³ РГВИА. Ф. 369. Оп. 3. Д. 41. Л. 66.

⁴ Год спустя, по исчислению Ставки, артиллерия располагала 77 орудиями, а требовалось еще 1123 (Ванков С.Н. Указ. соч. С. 7).

пушки можно только с иностранных заводов» (французских или японских)¹. На протяжении 1916 г. число 42-лин. пушек (скорострельных, образца 1910 г.) на фронтах не превышало 116, а в 1917 г. достигло 172 шт. Обуховский завод по февраль 1917 г. выпустил 51 пушку². Тяжелая артиллерия имела на вооружении также 42-лин. пушки образца 1877 г. и другие устаревшие системы: 152-мм в 120, 190 и 200 пудов образца 1877 и 1904 гг., 229-мм береговые образца 1867 г., 155-мм французские образца 1877 г., 127-мм английские и др.³

15 мая 1916 г., при подготовке русской делегации к переговорам в Париже и Лондоне, помощник военного министра П.А. Фролов наставлял министра финансов П.Л. Барка, какие из заказов особенно необходимы: «Главное — это тяжелая артиллерия, которую надо получить, каких бы денег это ни стоило». В результате переговоров, как доложили Беляев и Фролов на заседании Совета министров 27 июля, удалось заключить «крайне ценное для нас соглашение о предоставлении нам... до 200 орудий крупных калибров» со снарядами⁴.

¹ С мая 1916 по февраль 1917 г. шли переговоры с итальянской фирмой Ансальдо. Она, «необычайно расширив свою деятельность» и построив близ Генуи 9 новых заводов, предложила с января 1917 г. давать по 25 42-лин. пушек и 50 6-дм гаубиц Круппа в месяц. Генерал-инспектор артиллерии и Верховный главнокомандующий распорядились «занять завод Ансальдо... использовав всю его производительность» (РГВИА. Ф. 29. Оп. 3. Д. 796. Л. 9—10). В мае 1917 г. были готовы к погрузке 10 батарей, но итальянское правительство запретило отправку, были получены только две батареи 42-лин. пушек (ЭПР. Ч. 2. С. 175; *Сидоров А.Л.* Финансовое положение России. С. 410—411, 414; *Бодров А.В., Виноградов П.В., Малыгина А.А.* Военно-техническое сотрудничество Российской империи с союзниками // *Россия в стратегии Первой мировой войны*. СПб., 2014. С. 198).

² РГВИА. Ф. 369. Оп. 3. Д. 41. Л. 53, 65—66; Ф. 29. Оп. 3. Д. 939. Л. 252 и об.; Ф. 505. Оп. 1. Д. 53. Л. 3; *Маниковский А.А.* Указ. соч. Т. 2. С. 81, 121.

³ *Маниковский А.А.* Указ. соч. Ч. 3. С. 218; *Барсуков Е.З.* Русская артиллерия в мировую войну. Т. 2. С. 445. За время войны в полевую артиллерию из крепостей поступили 365 42-лин. пушек образца 1877 г. (РГВИА. Ф. 504. Оп. 2. Д. 496. Л. 2). Они отличались от новых большим весом (200 пудов), меньшей подвижностью и тем, что «орудие стреляет не иначе как с платформы» (Там же. Ф. 1. Оп. 1. Д. 74436. Л. 276 об.).

⁴ ГАРФ. Ф. 1467. Оп. 1. Д. 480. Л. 309; ОЖСМ 1916. С. 358—359.

Французский артиллерист, наблюдавший в 1916—1917 гг. стрельбу русских батарей, отмечал быстрый износ легких орудий: если французские пушки выдерживали 12—15 тысяч выстрелов, то русские — 3 тысячи; гаубицы изнашивались еще быстрее. Он пришел к заключению, что дело в качестве металла, использованного при изготовлении 3-дм пушек в России (правда, отметив, что и во Франции за время войны качество металла несколько понизилось)¹. По мнению Гурко, первоначальная катастрофическая нехватка снарядов, по сути, спасла артиллерию от столь же катастрофического износа легких орудий². Потребность фронта в 3-дм полевых орудиях ГАУ исчисляло в сентябре 1915 г. в 500 шт. в месяц. Согласно графику, в сентябре от заводов «подлежало поставке» 409 орудий, а фактически поступило 206 (108 — с Путиловского, 84 — с Петроградского орудийного, 14 — с Пермского)³. В ноябре 1915 г., по Маниковскому, негде было взять 428 3-дм горных пушек образца 1909 г. (из требовавшихся 732), и он предлагал либо заказать их за границей (иначе «часть потребности остается неудовлетворенной»), либо поручить Путиловскому заводу, но тогда уже «за счет выпуска с этого завода полевых пушек». В конце концов, когда промышленность в России достигла производительности в 3 тыс. легких пушек в год, на замену изношенных, то это был максимум: «Но уже больше этого числа выжать для этой цели было нельзя. Значит, вот предел — 3000 пушек, которые ежегодно можно было при наших средствах приводить в негодность на фронте собственной стрельбой»⁴. В январе 1917 г. на конференции с союзниками они «категорически отказались дать нам легкие орудия», докладывал Маниковский правительству 23 июня 1917 г.⁵ Тем не менее,

¹ *Pascal P. Mon journal de Russie. Lausanne, 1975. P. 157—158.* См. также: *Смысловский Е.* Артиллерийское снабжение. С. 64. Маниковский указывал и на влияние большего давления газов в стволе и начальной скорости снаряда у русской пушки.

² *Gourko B.* *Op. cit.* P. 104—106.

³ РГВИА. Ф. 369. Оп. 3. Д. 263. Л. 61 об.—62.

⁴ Там же. Д. 41. Л. 66; *Маниковский А.А.* Указ. соч. М., 1923. Ч. 3. С. 133.

⁵ РГВИА. Ф. 366. Оп. 1. Д. 410. Л. 10. На протяжении 1916 г. в Англии, Франции и США исполняли русские заказы на внутренние трубы, другие крупные части орудий, колеса (*Сидоров А.Л.* Финансовое положение

как признавал Ф.Ф. Палицын, «Англия и Франция в период конца 1916 и начала 1917 г. дали столько, сколько мы в организационной работе на месте не могли переработать» (то есть не успевали формировать новые батареи и дивизионы)¹.

Саратовский оружейный и Сталелитейно-снарядный в Каменской

Естественно, был намечен путь наращивания выпуска орудий. Прежде всего выявилась необходимость перенести на новое место Петроградский оружейный завод, вызванная недостатком помещений на старом месте. Здания цехов постепенно достраивались и надстраивались, половина всех производственных площадей приходилась к 1915 г. на третьи этажи (в 1900 г. третьих этажей вовсе не было), еще 37% — на вторые этажи, что не отвечало правильной постановке дела; все теснее становилось во дворах. Многие из 850 размещенных в этой тесноте станков были «малогодны, изношены и неэкономичны»; предстояло добавить еще сотни новых. Сказывалась недостаточность пространства в сборочных мастерских и в магазине; завод жаловался на то, что нет раздевален, столовая и приемный покой

России. С. 410—411, 414; Ф. 504. Оп. 6. Д. 68. Л. 50 об., 80, 259 об. и др. Дешери Сапожникова из Нью-Йорка, январь—июнь 1916 г., распоряжение Маниковского 15.V.1916), многие тысячи пружин накатника для 3-дм пушек образца 1902 г., тогда как Ижевский завод в апреле 1916 г. еще только намечал дооборудование для повышения выпуска таких пружин до 6 тысяч в месяц. С июня—июля потребность в пружинах вполне удовлетворялась внутри России (Там же. Ф. 504. Оп. 6. Д. 99. Л. 9, 12, 13, 52, 59; Д. 68. Л. 281). 9 ноября 1916 г. ГАУ приостановило высылку американской фирмой заказанных ей 10 тысяч пружин, так как они были изготовлены по техническим условиям 1913 г., уже пересмотренным, и считались теперь негодными (Там же. Ф. 504. Оп. 6. Д. 68. Л. 525, 528, 554 об.). Франция поставляла в 1916 г. черновые (неотделанные, но закаленные) внутренние трубы для обновления расстрелянных стволов 3-дм пушек (Там же. Ф. 2000. Оп. 1. Д. 5734. Л. 22—23; Ф. 29. Оп. 3. Д. 968. Л. 117). 15 мая 1916 г. Франция, прислав 430 труб из заказанных 1000, остановила исполнение обязательства, и Маниковский распорядился принять «настойчивые меры» для заказа 1500 таких болванок в Англии (Там же. Ф. 504. Оп. 6. Д. 68. Л. 196 и об., 237).

¹ Палицын Ф.Ф. Записки. М., 2014. Т. 2. Франция (1916—1921). С. 9.

тесны; жилого дома для администрации нет. Нет бронзо- и чугуно-литейной, «вследствие чего постоянная и мелочная зависимость от Арсенала и частных поставщиков»; «почти нет кузницы... полное отсутствие складов, навесов для ввозимых и вывозимых предметов; уголь и дрова помещаются в Арсенале». В дальнейшем «не только немыслимо самое ничтожное расширение завода, но и... перейден предел в смысле удобства работ и безопасности».

Лучшее новое место для завода — «конечно, вне Петрограда, далеко в глубь России» — могло быть только на Волге. Помимо стратегических соображений, учитывалось и то, что $\frac{4}{5}$ необходимых материалов завод получал либо с Пермского и Сормовского заводов (болванки, поковки, крупные отливки — для орудийных компрессоров), либо с Юга (сортовая сталь, железо, бакинская нефть для заводских дизелей). «Объездив район от Нижнего до Царицына, — докладывал в начале 1916 г. начальник завода, — я остаиваюсь на г. Саратове». Это благоустроенный, культурный центр; городские власти дают кирпич; под руками и лес и цемент. Если начать подготовку и строительство без промедления, то, полагал М.Е. Павловский, завод вступит в действие на новом месте в 1917 г.

Во время пребывания его в Саратове 18 сентября 1915 г. на заседание городской думы был вынесен вопрос о поступившем ранее предложении ГАУ продать участок городской земли под новый сталелитейный завод. В самый момент заседания явился Павловский и сделал новое предложение: перевести в Саратов Петроградский орудийный завод; он потребовал, чтобы городская власть спешно приняла решение. Тут же дума постановила продать ведомству участок, «откуда недавно переведен “конский бег” за город». Бывший ипподром располагался рядом с вокзалом, выходя одним фасадом на главную Московскую улицу, идущую от вокзала через весь город, другим примыкая к линии железной дороги, что позволяло бы подавать грузы кранами прямо из вагонов в цехи; «кругом всего участка проложены водопроводные магистрали, электрические кабели и проведена канализация»; вблизи — участки, которые удобно арендовать у города под рабочий поселок.

Воссоздание завода на новом месте Павловский мыслил (рапорт 18 января 1916 г.) с удвоением уже достигнутой производительности. Но в ГАУ нашли, что «программа, намеченная для будущего завода (месячная производительность), недостаточна и должна быть увеличена раза в полтора»; площадь участка, приобретаемого в Саратове (4 десятины 400 кв. саженей, «то есть в пять раз больше площади, занимаемой ПОЗ в настоящее время»), «не допускает расширения и вообще недостаточна и должна быть увеличена вдвое, то есть должна быть 46 тысяч кв. сажен»¹.

Осенью 1915 г. решение о создании нового оружейного завода еще не приняло окончательного вида. Не было единого мнения даже относительно его связи с проектируемым сталелитейным заводом ГАУ.

Павловский выступал за их отдельное существование. В январе—феврале 1916 г., когда решалась судьба Царицынского и Путиловского заводов, запутавшихся в своих обязательствах по военным заказам, рассматривалась — как один из способов разрубить узел — возможность выкупа этих заводов в казну с передачей в ведение ГАУ. Павловский составил «Записку о целесообразности постройки в Саратове оружейного завода с чисто механическим оборудованием, без сталелитейного производства». По его мнению, не обязательно было строить для ГАУ предприятие в Саратове: Петроградский оружейный завод можно было бы — после войны — присоединить к одному из существующих: «Пермскому, Обуховскому и даже к Путиловскому или Царицынскому, если они поступят в казну». Но такое присоединение ПОЗ «погубило бы его выработанные рядом лет ценные качества и традиции». Благодаря этим традициям завод «свободно установил производство скорострельных орудий нескольких калибров с прицельными приспособлениями, которыми снабжал Обуховский и Пермский заводы», а также «производство очень тонких по точности и тщательности отделки приборов — угломеров, изготавливает телефонное имущество... очень сложные управляемые прожектора».

¹ РГВИА. Ф. 505. Оп. 1. Д. 47. Л. 27 об.—28 об., 73 об., 48, 74 об.; Ф. 369. Оп. 3. Д. 78. Л. 359—363 об.

Доводом служил также «недостаток в первоклассных мастерах», свойственный и Царицыну, и Перми, и даже Сормову: «Сормовский огромный завод в центре заводского населения... в последние два года установивший даже оружейное дело», все же не взялся за изготовление более точных частей орудий — затворов и прицелов — и уступил эту часть работы петроградским заводам. Механическая отделка скорострельных пушек «много зависит от искусства мастеровых... такие мастеровые стремятся в столицы и большие города». Не хватало первоклассных токарей, инструментальщиков, лекальщиков и других специалистов.

В качестве довода против объединения он привел примеры из опыта Франции: в 1898 г. (командировка Павловского во Францию) «там казенные заводы не имели в своем составе металлургических цехов, получая стальные болванки и поковки из заводов, расположенных в районах, изобилующих рудой, углем; даже огромный завод в Крезе имеет в Гавре большой оружейный завод чисто механический». Был и собственный отрицательный пример: сталелитейное производство на Пермском заводе поставлено высоко, писал Павловский, а вот механическая отделка пушек там, как и в Сормове, из-за нехватки специалистов имеет «недостатки, хотя, может быть, и несущественные».

Противопоставляя этой неправильной, на его взгляд, организации производства — выгодное (с точки зрения наличия первоклассных специалистов-рабочих) положение петроградских заводов, Павловский высказывался за создание в Саратове специального завода: «Правильное решение поставленного вопроса — строить в Саратове оружейный завод... с чисто механическим оборудованием»¹.

В конце 1915 г. еще не сложилось определенного мнения, как будет получать литье и поковки будущий завод; возник и другой вопрос: с предложениями взяться за создание оружейных заводов выступили частные лица; неясна была перспектива, связанная с использованием Царицынского завода. Рассмотрением дела со всех этих сторон за-

¹ РГВИА. Ф. 505. Оп. 1. Д. 47. Л. 34 и об. Записка Павловского, 19.I.1916.

нималась Подготовительная комиссия по артиллерийским вопросам.

27 января 1916 г. Маниковский подал военному министру официальный доклад о Саратовском заводе¹. В нем усилия частных предпринимателей на поприще пушечной индустрии оценивались пренебрежительно. «Мобилизованная отечественная промышленность, выдвинув наиболее мощную промышленную группу, все же не смогла оказать сколько-нибудь существенной помощи в увеличении числа артиллерийских орудий, — говорилось в докладе. — Продолжающие поступать предложения частных предпринимателей также не обещают особого успеха, хотя касаются одного [лишь] самого малого из существующих полевых калибров».

Упомянутые Маниковским предложения частных заводчиков о создании новых орудийных заводов были отклонены — «отложены», как рассчитанные для «потребностей мирного времени». Одно из таких предложений поступило от Общества Путиловских заводов, как раз в этот момент оскандалившегося срывом полученных заказов. Другое — от Брянского общества, просившего заказ на 1500 3-дм пушек с исполнением в 1917—1920 гг. (в первой половине 1917 г. — только 100 шт., далее по 55 в месяц). За каждое орудие Брянское общество просило 12,5 тысячи рублей. При таких условиях артиллерийскому ведомству показалось «даже более выгодным» предложение П.Г. Солодовникова. Тот назначил цену 10,5 тысячи рублей (включая 2,5 тысячи на оборудование), и если Брянское общество обещало дать в течение 1917 г. только 430 орудий, то Солодовников — 600. Он уверял, что у него «имеются уже готовые здания для пушечного завода с двигателями» и что прямо на Урале «имеются несколько механических заводов, могущих исполнить заказы на станки и молоты».

Владелец Ревдинского округа на Урале (110 тысяч десятин леса и, по его словам, «30 тысяч душ населения, тесно связанного с округом» земельными наделами и «лесными, рудничными и прочими по округу работами»), Солодовни-

¹ РГВИА. Ф. 369. Оп. 3. Д. 78. Л. 359—363 об.

ков был «юрист по образованию, совершенно некомпетентный в технических вопросах и в горном деле» (так отозвался о нем глава организации уральских горнозаводчиков Ф.А. Иванов). В 1915 г. он «развил бешеную деятельность для получения военных заказов», и ему удалось по контрактам на снаряды получить авансов на 11,3 млн руб., пустив их в биржевые игры и другие махинации (через возглавляемый им Нижегородско-Самарский банк). Для выпуска обещанных снарядов завод был плохо оборудован, работы шли кое-как. Обследования, проведенные в августе 1916 и мае 1917 г., выявили, что «бухгалтерия округа представляет пародию на счетоводство», отчетность же за 1916 г. отсутствовала, в балансе фигурировали «неизвестные цифры»¹. Всё новые многомиллионные заказы следовали один за другим — на крупные морские снаряды, никель, медь, наконец дело дошло до пушек.

8 июля 1917 г. Особое совещание по обороне, рассмотрев результаты обследования округа ревизионной комиссией, постановило «в интересах обороны» и «в ограждение интересов казны» потребовать от Солодовникова «полного отчета в израсходовании полученных им авансов» и «принять возможные меры к возвращению» их в казну; часть заказов аннулировать, другие сократить; морскому ведомству — заняться «выяснением обстоятельств выдачи заказов Солодовникову на изготовление тяжелых снарядов». Три месяца спустя, когда обнаружилось, что Солодовников «определенно стремится к закрытию предприятия» и «все сделанные им распоряжения губительно отражались на постановке дела», Особое совещание решило округ секвестровать, «признав принципиально желательным приобретение названного округа в казну». Опыт сотрудничества с частной инициативой, как обобщил его Маниковский, указывал на

¹ Залесский С.А. Мобилизация горнозаводской промышленности на Урале в годы Первой мировой войны // Исторические записки. 1959. Т. 65. С. 102—105; Неклюдов Е.Г. Уральские заводчики во второй половине XIX — начале XX века: владельцы и владения. Екатеринбург, 2013. С. 540—545; РГВИА. Ф. 29. Оп. 3. Д. 726. Л. 1—2 об. Заявление Солодовникова, 6.XI.1915; Ф. 369. Оп. 3. Д. 80. Л. 7—8; Выписка из журнала Комиссии Тимашева, 23.X.1915; Доклад ГАУ в Особое совещание по обороне, 27.XII.1915; ЖОСО 1916. С. 54—55.

«необходимость самому военному ведомству озаботиться принятием надлежащих мер для создания в возможно недалеком будущем производства многочисленной и могущественной артиллерии»¹.

Пока же ГАУ ставило главной задачей — «хотя не очень широкой, но вполне выполнимой» — переместить ПОЗ в Саратов и очень быстро, «через год после начала постройки», в 1917 г., организовать «производство орудий только тех калибров, которые уже изготавливаются Петроградским заводом» (помимо полевых 3-дм пушек, выпускаемых и другими заводами — Пермским, Путиловским, группой РАОАЗ): горные 3-дм пушки, 48-лин. гаубицы образца 1909 г. и 42-лин. пушки, но добавить 48-лин. гаубицы образца 1910 г.² Будущий завод должен был располагать собственным кузнечным оборудованием; оставался неразработанным вопрос о литейном цехе и полигоне. Расположение в Саратове считалось выгодным в транспортном отношении. Но поставки с посторонних сталелитейных заводов дорого обходятся и ненадежны, поэтому болванки и поковки «предполагается доставлять новому орудиному заводу с решенного к постройке 2-го сталелитейного завода артиллерийского ведомства в Екатеринославском районе».

Маниковский указывал, что ПОЗ уже «закончил самый трудный и длительный период установки производства пушек и в настоящее время обладает труднополучаемыми станками и контингентом опытных лиц». Но расширить завод «возможно лишь при переносе... на новое место вдали от Петрограда»: Саратов — сравнительно «благоустроенный город (канализация, водопровод, электрическое освещение и хорошие мостовые)», привлекательный для «мастеров разных специальностей, которые стремятся в большие города»,

¹ ЖОСО 1917. М., 1978—1979. С. 545—547, 549—550, 853—854, 861; РГВИА. Ф. 369. Оп. 3. Д. 78. Л. 359—361. Доклад ГАУ военному министру, 27.I.1916.

² Увеличение мощности завода после переноса в Саратов намечалось по 3-дм пушкам обр. 1902 г. с 360 до 600 в год; по горным — со 120 до 360; по 42-лин. — с 60 до 144; по 48-лин. гаубицам обр. 1909 г. — со 144 до 480; по гаубицам обр. 1910 г. — с 0 до 120. Было намечено увеличение выпуска 42-лин. пушек с 60 до 144 в год — очевидно, исходя из того, что с осени 1916 г. ПОЗ уже выпускал в среднем до 3 шт. в месяц (ВПР. С. 627; Маниковский А.А. Указ. соч. Ч. 2. С. 167).

подобные Саратову — крупному университетскому городу. Этого преимущества лишены и Пермь и Царицын, оттого и «замечено», что «механическая отделка пушек на этих заводах не может быть поставлена на ту высоту, каковой она достигла на Петроградском оружейном заводе» (как могло быть это «замечено» на Царицынском заводе, еще недостроенном и не приступившем к изготовлению пушек, Маниковский не объяснял). По его мнению, имея свой завод, ГАУ получало бы орудия своевременно и по более приемлемым ценам, чем от частных заводов. Да и затраты на устройство самого завода (14,5 млн руб.) невысоки «по сравнению с суммами, испрашиваемыми частными предпринимателями на оборудование заводов с производством всего одной системы», тогда как завод ГАУ будет выпускать пять различных систем. В итоге новый завод по мощности соответствующих цехов превзошел бы Путиловский. 30 января Поливанов поддержал проект: «Ведь Артиллерийская комиссия занята обозрением условий для создания пушечного завода; там и предложение Солодовникова и будет речь о Царицынском заводе». Последовало распоряжение: саратовский проект «срочно внести в подготовительную комиссию» по артиллерийским вопросам¹.

В начале февраля 1916 г. на заседании комиссии по выбору места для постройки 2-го сталелитейного завода представители финансового и контрольного ведомств предложили разместить этот завод в Царицыне, с использованием строящегося завода РАОАЗ. В связи с такой постановкой вопроса ГАУ попыталось по-новому подойти к своим заводским проектам и стало выяснять, нельзя ли использовать отбираемый в казну Царицынский завод для того, чтобы объединить в нем казенное металлургическое производство с изготовлением пушек, — вместо прежнего решения, утвержденного Советом министров 29 мая 1915 г., строить 2-й сталелитейный завод в станице Каменской (ныне Каменск-Шахтинский в Ростовской области).

5 февраля 1916 г. Маниковский направил свой доклад о Саратовском заводе в Подготовительную комиссию по ар-

¹ РГВИА. Ф. 369. Оп. 3. Д. 78. Л. 359—363 об.; Ф. 29. Оп. 3. Д. 5372. Л. 2 об.; Маниковский А.А. Указ. соч. Ч. 2. С. 163—164.

тиллерийским вопросам. 12 февраля комиссия, рассмотрев еще раз ходатайства Солодовникова и Брянского общества, отдала предпочтение саратовскому проекту ГАУ. 17 февраля Особое совещание по обороне признало необходимым «перенести в г. Саратов Петроградский оружейный завод»¹. Передавая начальнику ПОЗ это постановление, Н.И. Петровский (начальник хозяйственного отдела ГАУ) добавил в исчисление расходов стоимость участка под полигон. Павловский телеграфировал в Саратов, чтобы город готовился к стройке, и 23 марта городской голова ему сообщил, что началась заготовка кирпича².

К тому времени окончательно выяснилось, что РАОАЗ сорвало сроки строительства своего завода в Царицыне, и Лукомский, ссылаясь на мнение ведомств финансов и государственного контроля, предложил, чтобы Морское министерство, опекавшее РАОАЗ, созвало специальное совещание для обсуждения судьбы Царицынского завода. На совещании, состоявшемся 17 и 26 февраля, Лукомский заявил, что Военное министерство готово взять Царицынский завод, и тогда военному ведомству не придется строить два своих завода, «и притом в разных местах» (сталелитейный в станице Каменской и оружейный в Саратове), что менее удобно. Но совещание решило вопрос иначе: морское ведомство само приобретет Царицынский завод и будет снабжать сухопутную тяжелую артиллерию, а в Саратове все же следует построить специально для военного ведомства завод, выпускающий орудия средних и мелких калибров. Одновременно было намечено «согласовать будущее заводостроительство военного и морского ведомств и разработать план такового»³.

В Саратове сооружение оружейного завода так и не началось: существовал лишь проект да был присмотрен участок земли. В.С. Михайлов утверждал, что законопроект об этом заводе «был внесен в законодательные учреждения во второй половине 1916 г.», однако точной даты не указал. Ввиду того

¹ РГВИА. Ф. 369. Оп. 3. Д. 78. Л. 357, 355, 328; Д. 73. Л. 98—99. Журнал Подготовительной комиссии «О постройке казенного оружейного завода в г. Саратове», 12. II. 1916; ЖОСО 1916. С. 96, 100.

² РГВИА. Ф. 505. Оп. 1. Д. 47. Л. 45 об., 58.

³ Там же. Ф. 29. Оп. 3. Д. 781. Л. 21, 22, 25—28, 51 и об.

что все сведения по данному проекту он воспроизвел по книге Маниковского, а там не сказано о внесении законопроекта в Думу, это, очевидно, всего лишь догадка Михайлова¹.

Для уяснения состояния производства орудий важно иметь итоговые данные. Как основание для максимальных оценок в литературе используются сведения, введенные в оборот А.Л. Сидоровым². Он поместил в своем труде таблицу «Поступление предметов вооружения в действующую армию России с 19 июля 1914 г. по 1 ноября 1916 г.», составленную на основе справки, которая была подготовлена в ведомстве великого князя Сергея Михайловича (Упарт) Барсуковым для конференции союзников. Опираясь на эти сведения, Сидоров писал, что за время войны (к 1 ноября 1916 г.) «иностранные поставщики дали всего 10%» общего числа орудий. «Даже тяжелая артиллерия в своем большинстве изготовлялась русскими заводами». Обнаружению справки Барсукова Сидоров придавал важное значение и подчеркивал, что «указанные материалы еще не использовались в печати». Не менее высоко оценивались материалы Упарта коллегами Барсукова. По свидетельству Леховича, с созданием Упарта «был установлен строгий учет боевого снабжения на фронте», великий князь Сергей Михайлович был «постоянно в курсе... потребности фронта», обладал «воистину изумительной», «исключительной осведомленностью» о наличии вооружения на фронте и в тыловых запасах³. Противоположную картину в этом вопросе («неразбериха») наблюдал Игнатьев⁴.

¹ Генерал В.С. Михайлов. С. 255. На заседаниях Думы сообщалось о поступающих на ее рассмотрение аналогичных законопроектах Военного министерства. О проекте Саратовского завода до самого конца существования старого строя не сообщалось.

² Сидоров А.Л. Экономическое положение России. С. 313, 316, 317; Иоффе А.Е. Указ. соч. С. 34; Stone N. The Eastern Front. P. 210—211; Jones D.R. Imperial Russia's Forces at War. P. 270; Бодров А.В., Виноградов П.В., Малыгина А.А. Указ. соч. С. 199, 231; и мн. др.

³ Лехович В.А. Светлой памяти августейшего генерал-инспектора артиллерии вел. кн. Сергея Михайловича // Артиллерийский журнал. Paris, 1930. № 1—2. С. 12—13. По Барсукову, Упарт «педаanticески следил» за состоянием вооружения на фронтах (Маниковский А.А. Указ. соч. Изд. 1937 г. С. 586).

⁴ Игнатьев А.А. Указ. соч. С. 466—467.

Данные таблицы, приведенной Сидоровым по сводке Упарта, не вполне совпадают с теми, что имеются в «Боевом снабжении» Маниковского и в архивных материалах делопроизводства.

Документ в виде таблицы, опубликованный Сидоровым, в подлиннике имеет другой заголовок («О производительности предметов вооружения с 19 июля 1914 г. по 1 ноября 1916 г.»), и под ним стоит подпись Барсукова. Составлен этот документ на основе другой таблицы, присланной ранее в ГАУ Барсуковым из Ставки в ходе подготовки к конференции союзников (озаглавлена в оригинале «Картина вооружения действующей армии к началу войны, производительность отечественных и заграничных заводов с начала войны до 1 ноября 1916 г. и современное наличие вооружения к этому сроку с имеющимися запасами»)¹. Под ним было предложено подписаться Маниковскому, и поэтому впечатана его фамилия². Приложенные к оригиналу исходные материалы, также доставленные из Упарта от Барсукова в ГАУ (варианты таблицы «Сведение о состоянии главнейших предметов вооружения на фронтах и в запасах»), свидетельствуют о том, что в Упарте не располагали точными данными о наличии вооружения и, поскольку не были в состоянии указать распределение его, вынуждены были устранить в таблице намеченную было разбивку по фронтам. На документе, под которым должен был подписаться Маниковский, сделана помета: «Совсем не сходится с вед[омостью] полковника Григорьева на 1 декабря», а сам Маниковский добавил запись: «За верность цифр я поручиться не могу, так как Упарт меня по этой части в курсе не держит». Наряду с позднейшим его суждением о другой справке (для союзников) как «единственном достоверном документе», у Маниковского встречаются обмолвки, из которых следует, что в действительности сведения в справках такого рода подвергались в его ведомстве целенаправленному искажению³.

¹ РГВИА. Ф. 504. Оп. 2. Д. 496. Л. 1—2.

² Там же. Ф. 2003. Оп. 1 доп.; Д. 1915 (бывш. оп. 10. Д. 109). Л. 130—130 об.

³ Маниковский А.А. Указ. соч. Изд. 1937 г. С. 500, 544, 567. Также и по заказам за границу 3-дм снарядов Маниковский, приводя противоречивые числа, предупреждал, что не располагает «подробным и исчерпывающим перечнем этих заказов» (с. 523).

Со своей стороны Ф.Ф. Палицын как представитель Ставки в Военном совете союзных армий во Франции убедился, что пользоваться сведениями Упарта невозможно, «ибо данные Генерального штаба и ГАУ не сходились со сведениями Ставки, в особенности по части тяжелой артиллерии. Но прибыв в Париж, оказалось, что сведения парижские об артиллерийских потребностях расходились со Ставкой и Петроградом», и он, как можно понять, в конечном счете так и не выяснил истинное положение¹.

Цифры в обоих документах Упарта (исходном и предложенном к подписанию Маниковскому) в основном совпадают, но едва ли вполне достоверны. Взять, например, строку таблицы о 42-лин. скорострельных пушках образца 1910 г. («основном оружии полевой тяжелой артиллерии»²). Согласно таблице Упарта, то есть Барсукова (и, соответственно, это же у Сидорова), к 1 ноября 1916 г. в действующую армию поступило 185 таких орудий. Из них 173 якобы дали русские заводы. Непонятно, как это могло произойти, если к концу 1915 г. ни один из заводов в России не имел специального оборудования для изготовления таких пушек; за 1916 г. они произвели 89 шт. (Обуховский, Путиловский и Петроградский орудийный)³. Эти иные сведения, приведенные в «Боевом снабжении» Маниковского, находят подтверждение в том, что Путиловский завод сдавал 42-лин. пушки начиная с июня 1916 г. — в среднем по 6—7 шт. в месяц без лафетов. Промедление объяснялось тем, что «до сего времени (3 августа. — В. П.) не доставлено и не установлено 48 станков» «из числа заказанных за границей в начале 1915 г. 58 специальных станков для обработки пушек и салазок». Первое ис-

¹ Палицын Ф.Ф. Указ. соч. Т. 2. С. 6. Замечено также несовпадение данных у Игнатьева и в материалах Главзагрона (Сидоров А.Л. Финансовое положение России. С. 495—496).

² ВПР. С. 740.

³ Маниковский А.А. Указ. соч. Ч. 2. С. 166—167. Свою конструкцию 42-лин. пушки предложил в 1908 г. Артиллерийский комитет ГАУ, и 11 февраля 1910 г. дело подошло к заказу пробного экземпляра Обуховскому заводу и Петербургскому арсеналу, но конструкцию Шнейдера ГАУ признало более удачной; по замечаниям Артиллерийского комитета французский завод сделал дополнительные усовершенствования и получил заказ на 122 экз. в августе 1910 г. (РГВИА. Ф. 1. Оп. 1. Д. 72928. Л. 542 и об.; Д. 74436. Л. 275 и об.).

пытание путиловских пушек возкой, то есть с лафетами, состоялось в начале октября 1916 г. (по контракту февраля 1914 г. завод должен был начать сдачу с апреля 1916 г.)¹.

Из-за границы, согласно таблице Упарта (и по Сидорову), русская артиллерия получила за время войны до 1 ноября 1916 г. 12 таких пушек, тогда как, по данным делопроизводства, 12 орудий поступили из Франции еще в 1915 г.² (это количество сходится с более поздней, датированной сентябрем 1917 г., сводкой самого же Упарта, но не совпадает с учетными данными французского артиллерийского ведомства об отправке в Россию к декабрю 1915 г. 24 орудий)³, а с марта по май 1916 г. — 48 сверх того⁴. Таким образом, в таблице Упарта количество полученных из Франции пушек уменьшено в пять раз против действительного.

¹ РГВИА. Ф. 29. Оп. 3. Д. 969. Л. 32; Ф. 504. Оп. 10. Д. 515. Л. 9, 10, 25, 65; Д. 175. Л. 129.

² Там же. Ф. 2000. Оп. 2. Д. 1785. Л. 8. Памятная записка фирмы «Шнейдер», 1/2.X.1915. Эти 12 пушек поступили на фронт в августе 1915 г. (Ванков С.Н. Указ. соч. С. 8; Краткий отчет о главнейших предметах артиллерийского снабжения, поданных в действующую армию с начала войны до 1 января 1916 г. Пг., 1916 // ГПИБ. I/3482). О полученных 12 орудиях упоминалось на заседании Комиссии по артиллерийским вопросам 29 сентября 1915 г. (РГВИА. Ф. 369. Оп. 3. Д. 74. Л. 59), но они не значатся в перечне имущества, поступившего из-за границы за год по октябрь 1915 г. (РГВИА. Ф. 504. Оп. 10. Д. 187. Л. 84—86).

³ Артиллерийский журнал. Париж, 1929. № 9. С. 6; Бодров А.В., Виноградов П.В., Малыгина А.А. Указ. соч. С. 178.

⁴ В соглашении Шуваева с А. Тома 4/17 мая 1916 г.: «Франция до сего времени сдала России 24 орудия со всей материальной частью; в данное время 12 орудий... находятся в периоде сдачи» (РГВИА. Ф. 29. Оп. 3. Д. 969. Л. 49 об.). С 15 по 23 мая было принято 36 шт. с лафетами, а также 12 шт. без лафетов (как и еще четыре ранее) (Там же. Ф. 504. Оп. 6. Д. 99. Л. 97. Донесение А.А. Игнатьева из Парижа, 24/25.V.1916). У Маниковского (Ч. 2. С. 170) указано не 48, а 56, но это за весь 1916 г. У него же в другой таблице, на с. 73, — лишь 32, хотя существует справка Игнатьева, с точным указанием дат отправки в Россию пароходов и числа орудий на борту каждого. К 1 июля 1916 г. было погружено 36 42-лин. пушек и, кроме того, 28 пушек без лафетов; 37-я учитывалась отдельно, как относившаяся к окончанию довоенного заказа (Там же. Ф. 2000. Оп. 1. Д. 8396. Л. 243, 218. Телеграмма 1 июля 1916 г., являвшаяся ответом на уточняющий запрос ГАУ относительно ранее полученных неясных сведений). Данные Маниковского в некоторых случаях включают отремонтированные орудия (см. Ч. 2. С. 56 и 57), а в числе орудий, отправленных из Франции 15 марта 1916 г. без лафетов, 4 шт. представляли собой рассверленные до 42 линий (107 мм) французские 105-мм пушки.

Недостоверную таблицу, подписанную в конечном счете не Маниковским, а Барсуковым, великий князь не использовал в своем докладе на Петроградской конференции 18 января 1917 г. Этот доклад, как припоминал Лехович, «изумил своей обоснованностью всех... представителей наших союзников», но цифры, произнесенные Сергеем Михайловичем, согласуются не с заготовленной Барсуковым справкой, а с реальным количеством союзнических поставок. О 42-лин. пушках в протокольной записи указано: «4 в дор[оге], 52 прибыл[и], 36 конч[ают] ф[ормирование], 16 фор[мируются]». Представить же союзникам общий итог, ясную сводную справку о состоянии заготовлений (как то было задумано первоначально, в ноябре), русское артиллерийское ведомство не смогло. Сначала великий князь пообещал им 18 января, что «будет составлена таблица, которая после проверки Великим Князем будет роздана»¹, а затем 20 января, как записано в том же черновом протоколе, Сергей Михайлович «обещает составить просимые данные к пон[едельнику]-вторн[ику]», но уже по сокращенной схеме: «необх[одимо]; что требуется из-за гр[аницы] (не хватает)»²; это и было исполнено.

В работе другого исследователя, Л.Г. Бескровного, имеется таблица — «Производство тяжелых орудий»³. Согласно ей, в 1914 г. было изготовлено 80 шт. 42-лин. пушек⁴, в 1915 — 84, в 1916 — 309 и в 1917 г. — 98. Здесь допущена неточность — одна из многочисленных, имевшихся в рукописи посмертно изданной книги. Противоестественно выглядит уже само по себе совпадение цифр в той же таблице: 309 и 98 пушек показаны одновременно и как изготовленные, и как починенные в 1916 и 1917 гг.. Установить происхождение странных цифр затруднительно: из трех архивных дел, названных в легенде к таблице,

¹ РГВИА. Ф. 2003. Оп. 1 доп. Д. 1915. Л. 201 об., 202 об.

² Там же. Л. 206.

³ Бескровный Л.Г. 1) Армия и флот России. С. 94; 2) Производство вооружения. С. 112.

⁴ В источнике Бескровного — таблице «Картина вооружения» — цифра 80 показывает в действительности не число пушек, изготовленных в 1914 г. именно в России, а лишь наличие 42-лин. орудий на 19 июля 1914 г. (РГВИА. Ф. 504. Оп. 2. Д. 496. Л. 1 об.).

ни одно не содержит сколько-нибудь близких по смыслу сведений¹.

В конечном счете наиболее пригодными для использования итоговыми сведениями об изготовленных в 1914—1917 гг. на русских заводах орудиях до сих пор представляются те, что приведены во 2-й части (1922 г.) труда Маниковского².

На совещании в Ставке в декабре 1916 г. высшие военные чины, обсуждая характер будущих операций в 1917 г., ставили возможность наступательных действий в зависимости от силы артиллерии. Эверт (Западный фронт), по его словам, не имея резервов, занялся формированием новых дивизий, но «откуда взять для них артиллерию?». Оказалось, что «этого сделать нельзя. Я создал шесть дивизий, но они небоеспособны, они не имеют артиллерии. А одной грудью пробивать — преступно. Конечно, они могут служить для затыкания пустых пространств, но для нанесения удара их применить нельзя». Поэтому лучше «сохранить прежнюю организацию, укомплектовать части, чем создать новые части... При создании новых частей без артиллерии... получим только временное утешение... при первых же боях они станут небоеспособными». А.А. Брусилов (Юго-Западный фронт) тоже указывал на нехватку артиллерии: «Числом штыков мы подавляюще больше противника. Поэтому мы можем приступить к формированию новых дивизий... Вопрос весь в том, чтобы снабдить их артиллерией и пулеметами... Если Августейший полевой генерал-инспектор артиллерии и военный министр постараются, это возможно сделать».

Великий князь Сергей Михайлович привел данные о количестве орудий на фронтах на 1 декабря. На версту фрон-

¹ Дело № 4729 физически не существует (по описи числится лишь 1554 дела), оно названо вследствие опечатки, вместо д. № 472.

² Однако что касается 42-лин. пушек, то данные 2-й части труда Маниковского не совпадают со сведениями, представленными старшим артиллерийским приемщиком А.Г. Матюниным. Он указывал, что «от начала сдачи» к 29 апреля 1917 г. с Путиловского завода было отправлено 58 орудий, а судя по таблице у Маниковского — 83; к 30 ноября 1917 г. по Матюнину — 122, а по Маниковскому — 172 (РГВИА. Ф. 504. Оп. 10. Д. 175. Л. 137, 156. Рапорты Матюнина от 29.IV. и 30.XI.1917; Маниковский А.А. Указ. соч. Ч. 2. С. 167—168).

та приходилось (даже если считать без Кавказского фронта) 5 орудий, тогда как у французов — 24, а у англичан — 35. «Из этого вы видите, насколько наши союзники богаче нас в этом отношении... В настоящее время Северный и Западный фронты формируют новые дивизии, которые могут получить только позиционную артиллерию, и то с большими затруднениями. Орудия и снаряды есть (мы ежемесячно выпускаем на фронты 100 орудий), но у нас нет амуниции, зрительных приборов; панорам имеется минимальное количество, идущее на пополнение пришедших в негодность. Поэтому формирование артиллерии для новых, формируемых... дивизий может произойти в ущерб формирований для старых дивизий... (Эверт: «Тришкин кафтан!») Для новых формирований артиллерии нет, нет стереотруб, нет панорамных прицелов», лошадей. Когда Н.В. Рузский (Северный фронт) попытался объяснить неудачный ход последних боев плохой организацией снабжения («Общее мнение таково, что у нас все есть, только ничего нельзя получить... У нас нет внутренней организации»), военный министр Шуваев не согласился: «Не в этом дело. Нам надо 12 млн пудов железа, мы имеем всего 7 млн... Надо принимать все меры, но и отдавать себе также отчет в действительности». «Нельзя ли увеличить поступление минометов?» — поинтересовался Рузский. Шуваев ответил: «Весь вопрос сводится к металлу». Но дело заключалось не только в «железе»: рабочих, работающих на армию, надо кормить; «в начале войны... на довольствии было 1 300 000, а теперь 10 млн, к ним надо добавить и до 2 млн рабочих».

По вопросу об артиллерии для новых дивизий совещание в конце концов решило, что в 1917 г. «за неимением артиллерии, временно при этих дивизиях не будет сформировано новых артиллерийских частей, почему вновь сформированные дивизии будут работать с артиллерией других дивизий корпуса»¹.

¹ РГВИА. Ф. 2003. Оп. 2. Д. 1017. Л. 118—119 об., 124, 125—125 об., 126 об., 128 об., 184. Протокол совещания 17—18 декабря 1916 г. в Могилеве.

4. Новые военные производства

ОПТИЧЕСКИЕ ПРИБОРЫ

Первым отечественным поставщиком оптических приборов армии и флоту являлась «Фабрика оптических снарядов» в Варшаве¹. Сначала она изготовляла фотообъективы, но затем освоила орудийные панорамы, трубы, бинокли и перископы. Основную часть своих заказов ГАУ передавало заграничным заводам, но не избегало и товарищества Фос, находя, что «в видах поддержания и прочного установления у нас этого производства... можно согласиться на отдаление срока» и «допустима некоторая переплата», поскольку эта фабрика — единственная в России, способная изготовлять стереоскопические бинокли. Главное — «следить за тем, что действительно бинокли и их части изготовляются в России на фабрике Фос»². В составе мастеровых были специалисты, ранее приглашенные в Варшаву с предприятий Шотта и Цейса в Йене и Е. Крауса в Париже. Военное ведомство считало, что «крайне желательно поставить дело изготовления оптических инструментов в России на твердую почву», а для этого стремилось, «кроме фирмы Фос, заинтересовать какую-либо солидную фирму, которая устроила бы внутри России завод для изготовления всех оптических приборов, необходимых для военного дела»³.

¹ Официально фирма именовалась: «“Фос”. Первый в России оптико-механический завод под фирмой «Александр Гинсберг и К° в Варшаве».

² РГВИА. Ф. 514. Оп. 1. Д. 269. Л. 9—11 об. Надпись Артиллерийского комитета № 192, 26.II.1904.

³ Там же. Д. 269. Л. 238—238 об. Рапорт приемщика В.Н. Демина, 15.VI.1906; ВПР. С. 227—228.

В 1905 г. оптическую мастерскую устроил у себя Обуховский завод морского ведомства. В изготовлении прицелов Обуховским заводом (там выполнялась окончательная сборка) принимали участие мастерская А.Н. Рейхеля («изготовление только труб»), предприятия Лесснера, Однера, Сименса и Гальске, «Арматура», мастерская К.С. Герцика «и отчасти заграница». Качество выпускаемых мастерской приборов хромало: «На службе стали обнаруживаться многие дефекты, в большинстве случаев от работы зависящие», да и «невозможно было собрать оптику без оптиков». Для изготовления более сложных приборов недоставало специалистов и оборудования. Обучение рабочих требовало времени, их производительность была «долгое время минимальна», претензии же сравнительно высокооплачиваемых оптиков, механиков и юстировщиков, «как только таковые несколько подучились работе», возрастали¹.

На должность помощника заведующего мастерской Обуховского завода был приглашен итальянец Г.Ф. Коро (в 1914 г. — заведующий мастерскими), для научных консультаций — профессор А.Л. Гершун, еще в 1895 г. ознакомившийся с постановкой оптических заводов в Германии, Англии и Франции; в 1909 г. он стал начальником мастерской. Это был «единственный человек в России, умевший в то время вычислять оптические системы»².

Поставить собственное производство оружейных панорам, принятых на вооружение в 1906 г. (для 3-дм полевых пушек требовалось 8230 шт.), Обуховскому заводу мешало право собственности на конструкцию германской фирмы «Гёрц». Патриархально мыслящий управляющий Министерством торговли и промышленности А.А. Штоф предлагал не считаться с ее правом, ссылаясь на Устав о промышленности с его нормой: «Предметы, до обороны государства относящиеся, в России привилегированию не подлежат». Но Военное министерство выступило против такого способа действий, подрывающего основы деловых отношений,

¹ РГВИА. Ф. 1. Оп. 1. Д. 70295. Л. 210—213 об.

² Здесь наш дом. История Ленинградского оптико-механического объединения им. В.И. Ленина. Л., 1982. С. 48—54; Осинковский А.Н., Кононков А.Ф. Д.С. Рождественский. М., 1974. С. 36.

тем более что Обуховскому заводу все равно были бы нужны от берлинской фирмы и чертежи и инструктаж¹. Принимая очередной заказ, Гёрц согласился понизить цену панорамы.

Зато другое условие, выдвинутое артиллерийским ведомством, — выполнить часть заказа на своем заводе в Петербурге — фирма «Гёрц» отклонила, ссылаясь на невозможность «в течение желательного ГАУ короткого срока» собрать в Петербурге «то количество рабочих, которое потребовалось бы для изготовления всех панорам». Это «абсолютно невозможно», заявила немецкая фирма. При изготовлении панорам не обойтись без «специально подготовленного комплекта рабочих»; даже в Берлине на это ушло три года. В России «хороший состав рабочих может быть приобретен лишь при постепенном обучении» на опыте изготовления менее сложных приборов (монокулярные зрительные трубы, стереотрубы); пройдя эти «ступени развития», русские рабочие «сделались бы пригодными для изготовления панорам, требующих крайней точности». Рабочий вопрос — «единственная причина» отказа².

Министерство торговли и промышленности, несмотря на свое стремление сдерживать заграничные заказы, разрешило ГАУ в этом вопросе уступить, но высказало пожелание, «чтобы в будущем заказы на панорамы орудийных прицелов не давались бы заграничным фирмам и чтобы военным ведомством были приняты, по возможности, меры к установлению и развитию производства этих панорам в России», что и было принято к исполнению. «Путем этого заказа, — докладывало Совету министров Военное министерство, — правительство приобретает право на дальнейшее производство панорам в России»³. В 1907 г. условием очередного заказа 3560 панорам (на 1 157 000 руб.) фирме «Гёрц» Комиссия по перевооружению полевой артиллерии выдвинула обязательство «принять меры к установлению

¹ РГВИА. Ф. 1. Оп. 1. Д. 70295. Л. 219, 221 и об.

² Письмо представителя фирмы «Гёрц» К.К. Шпана от 27 февраля 1907 г. — ответ на запрос ГАУ от 14 февраля. Цит. по: Ошарин А.В. Военное оптико-приборостроение в России (1900—1908) // Война и оружие. Новые исследования и материалы. СПб., 2011. Ч. 2. С. 154—156.

³ РГВИА. Ф. 1. Оп. 1. Д. 70313. Л. 157, 156 об.

такового производства внутри государства». Одновременно заказ на 2000 панорам получил Обуховский завод. Комиссия решила выписать для оптического отдела Обуховского завода «комплект заграничных рабочих», чтобы они могли «подучить русских»¹, в результате большинство рабочих отдела были иностранцы. 16 мая 1908 г. начальник завода А.П. Меллер уверял И.Ф. Бострема (товарища морского министра), что в оптической мастерской завода «с большим трудом теперь удалось правильно поставить производство оптики в России» и что эта мастерская, «вполне независимая теперь в отношении научных и технических сил от иностранных своих конкурентов», если и нуждается в чем-либо заграничном, то только в специальном оптическом стекле². Однако сборочным отделом заведовал немецкий специалист; вычислительное бюро при оптическом отделе завода возглавлял немец, работавший у Гёрца; заведовать отделом пригласили из Германии Г.В. Ахта³.

Из требовавшихся 8230 панорам к 1912 г. были изготовлены 4160, остальные же, включая 50-процентный запас, по плану полагалось сдать во второй половине 1913 г.⁴ На установку производства панорамных прицелов Обуховский завод затратил три года, при этом ему приходилось передавать часть механических работ мастерской Рейхеля. Тогда же началось изготовление стереотруб и прицелов для горных пушек у Рейхеля⁵. Заказ на отечественный далеко-

¹ РГВИА. Ф. 1. Оп. 1. Д. 72928. Л. 248; Д. 70295. Л. 207—208, 210—213 об. Доклад ГАУ в Военный совет, 30.X, утв. 10.XI.1907; Там же. Ф. 514. Оп. 1. Д. 120. Л. 567. Журнал Комиссии по перевооружению, 18.VIII.1907. Конечно, придется дорого платить иностранцам «за те неудобства и лишения, которым они подвергаются в чужой стране, при других условиях жизни», отметила комиссия.

² Цит. по: Ошарин А.В. Указ. соч. С. 156—157.

³ Здесь наш дом. С. 48—54; Генерал В.С. Михайлов. С. 183.

⁴ РГВИА. Ф. 1. Оп. 2. Д. 109. Л. 26—27 об.

⁵ Бахрах А.М. Из истории оптического приборостроения. М., 1951. Т. 1. С. 107—108, 218—220; Генерал В.С. Михайлов. С. 182. 1 декабря 1907 г. Обуховский завод взял заказ на 200 больших стереотруб 10-кратного увеличения; одновременно получили заказы петербургский завод Гёрца и завод Цейса — по 360 шт. Но лишь во второй половине 1912 г. была утверждена образцовая большая стереотруба изготовления Обуховского завода. Заказ на 255 оптических прицелов для горных пушек предназначался Орудийному заводу ГАУ в Петербурге, но он не взял из-за перегруженности другими работами, и поставка перешла к мастерской

мер, изобретенный М.М. Поморцевым, достался парижской мастерской — «ввиду того, что такой дальномер не мог быть изготовлен в России за неимением соответствующего механического заведения»¹.

Дальномеры поступали из Германии (в декабре 1913 г. заводу Цейса в Йене было заказано 502 дальномера с базой в 1 метр — для всех командиров дивизионов полевой артиллерии)² и из Англии (завод Барра и Струда, Barr and Stroud, в Глазго), поставить же собственное производство оптических дальномеров не удалось, от английской фирмы было получено право лишь ремонтировать их. По мнению Михайлова, дело уперлось в нехватку денег: показалось, что завод Барра и Струда оценивает свой патент слишком дорого. Н.И. Иванов указывает также на запрет со стороны британского Адмиралтейства³.

Во всяком случае, с созданием мастерской на Обуховском заводе в России появилось «первое оптико-механическое предприятие заводского типа», было положено начало оптической промышленности в России⁴.

Военный министр А.Ф. Редигер сделал «распоряжение, чтобы бинокли, заготавливаемые для производимых офицеров, впредь заказывались не иностранным фирмам, а

Рейхеля. Эта мастерская (в документах ГАУ именовалась заводом) в 1911 г. изготовляла заказ на 168 оптических прицелов, в 1913 г. в заказ было добавлено еще четыре (РГВИА. Ф. 1. Оп. 1. Д. 77797. Л. 15, 97 и об.; Д. 70295. Л. 163—167).

¹ РГВИА. Д. 71581. Л. 9. В 1915—1916 гг. дальномеры поставляла парижская фирма «Краус», присылавшая в свое петроградское отделение «незаконченные» дальномеры «для окончательной их там отделки» (Там же. Ф. 2000. Оп. 1. Д. 829. Л. 13).

² Там же. Ф. 1. Оп. 1. Д. 77797. Л. 485, 487 об., 88—91, 57. Усовершенствованные дальномеры Цейса были приспособлены для определения дистанций до воздушных целей и удаленных на большое расстояние объектов, неразличимых в отдельности (верхние контуры лесов, гор). По февральскому докладу 1913 г. для береговой артиллерии Кронштадта и Севастополя были заказаны Цейсу и Гёрцу по 23 оптических дальномера трех систем: с базой в 10, 6 и 3 метра (окончание поставки через год). В апреле 1913 г. изготовление дальномеров для пулеметных команд (база 70 см) было поручено тем же фирмам (по 60 экз.) в Германии «с предъявлением к сдаче дальномеров на заводах тех же фирм в Риге».

³ *Иванов Н.И.* Александр Львович Гершун. 1868—1915. Л., 1976. С. 36—37.

⁴ *Бахрах А.М.* Указ. соч. С. 108; *Иванов Н.И.* Указ. соч. С. 26; From Tsarism to the New Economic Policy. London, 1990. P. 196.

Обуховскому заводу». Об успехах своего предприятия в этой области морской министр доложил Николаю II, и, утверждая меморию Военного совета о заказе за границей биноклей для вручения выпускникам военно-учебных заведений, царь приписал: «Обуховский завод изготавливает прекрасные бинокли той же системы». Однако новому военному министру Сухомлинову пришлось скорректировать завышенную оценку. «Доставленные этим заводом бинокли оказались, по испытании их... не отвечающими необходимым требованиям», уступая биноклям Цейса «как по своим оптическим качествам, так и в отношении герметичности. При этом Обуховский завод не мог выполнить к сроку принятого на себя заказа на сравнительно небольшое количество биноклей». В 1911 г. Обуховский завод соглашался впредь принимать заказы в полном объеме годовой потребности (3—4 тысячи биноклей) при условии дооборудования своей мастерской, то есть не ранее 1913 г., а пока брался изготовить к выпуску офицеров 1912 г. лишь 500 биноклей. Когда же выяснилось, что средства на пополнение оборудования дадут только в 1912 г., то и «от поставки военному ведомству биноклей в потребность 1912 г. завод отказался». Перспективы на 1913 г. определялись тем, получит ли завод на оборудование 76 тысяч рублей. Эти деньги Николай II распорядился дать, присовокупив: «Необходимо поставить дело производства биноклей у нас на прочную ногу»¹.

Но на прочную ногу производство биноклей еще не встало. Общий вывод напрашивался безрадостный: «Из приведенных заявлений фирмы Фос... а равно из рассмотренных ранее заявлений завода Гёрца видно, что русские оптические фирмы еще не успели установить у себя вполне надежным образом производство оптических приборов»². В 1911 г., не сделав, по существу, ничего по ранее полученному заказу на 1188 панорам, завод «Фос» закрылся и перестал существовать. Позднее Маниковский утверждал, что

¹ Редигер А.Ф. Указ. соч. Т. 2. С. 269; Ошарин А.В. Указ. соч. С. 160—161; РГВИА. Ф. 504. Оп. 8. Д. 2052. Л. 1 и об.; Иванов Н.И. Указ. соч. С. 31—32.

² РГВИА. Ф. 514. Оп. 1. Д. 269. Л. 321 и об. Журнал Артиллерийского комитета № 6, 4.I.08.

эта фирма «не могла выдержать конкуренции с германскими заводами», а Михайлов и А.Л. Корольков ставили ликвидацию завода в связь также со смертью владельца, А.Д. Гинсберга. Но решающую роль в гибели предприятия сыграло, очевидно, не состязание с германскими или французскими производителями, а появление конкурента еще более мощного — не техническими возможностями, а правительственной поддержкой — в лице оптического отдела Обуховского завода. При ликвидации варшавского завода оборудование, материалы и полуготовые изделия достались («по весьма дешевой цене») Обуховскому заводу, который с этого времени расширил выпуск оптических приборов; завод располагал мастерскими обработки стекол, обработки деталей, сборки, инструментальной, опытным отделением, химической лабораторией¹.

Недоделанные бинокли пришлось перезаказать в Риге заводу «Гёрц», 66 больших стереотруб — «Цейсу»; 1188 панорам, 160 малых стереотруб взялся изготовить Обуховский завод; к 11 июля 1913 г. этот завод сдал 15 панорам, а не 300, как от него требовалось на этот срок². В 1912 г. львиную долю заказов на панорамы получило основное (берлинское) предприятие Гёрца (2903 панорамы), много работы досталось и его российскому филиалу³. Перископы для подводных лодок вплоть до Первой мировой войны поступали из Германии; впрочем, оттуда же получали их и флоты Антанты⁴.

Заказывая оптические приборы за границей («главным образом в Германии, на заводах Цейса и Гёрца»), ГАУ в предвоенные годы вновь и вновь выдвигало поставщикам условием «готовить заказываемые приборы в России». Не-

¹ РГВИА. Ф. 970. Оп. 3. Д. 1621. Л. 16 и об.; Ф. 1. Оп. 1. Д. 76728. Л. 100—102, 146 и об.; Ф. 504. Оп. 8. Д. 2501. Л. 78; Д. 8. Л. 39; Ф. 29. Оп. 3. Д. 2152. Л. 1 и об.; *Генерал В.С. Михайлов*. С. 183, 185.

² РГВИА. Ф. 1. Оп. 1. Д. 77797. Л. 11—12 об.; Ф. 504. Оп. 6. Д. 524. Л. 53.

³ Там же. Ф. 504. Оп. 2. Д. 125. Л. 40. Материалы к всеподданнейшему докладу по ГАУ за 1912 г. В августе 1913 г. рижский завод Гёрца получил на срок 15 месяцев заказ на 252 панорамы для полевых пушек обр. 1902 г. (Там же. Ф. 1. Оп. 1. Д. 77797. Л. 359 и об.).

⁴ ИТМО. Годы и люди. СПб., 2000. Ч. 1. С. 37. ИТМО — СПб. Институт точной механики и оптики.

мецкие фирмы вышли из положения обычным способом: в Риге действовали небольшие заводы, но все станки, инструмент, поверочные приборы, мелкие части, стекло, наждаки, окись железа, применявшаяся при полировке стекла, доставлялись из-за границы. Работали у Цейса и Гёрца «в основном немцы и рижане, умеющие говорить по-немецки»; технологические тонкости производства администрация держала в секрете¹.

Участвовавшие в торгах фирмы Цейса, Гёрца и Крауса назначали «совершенно одинаковые цены», «явно и чрезмерно преувеличенные». Заметив это, ГАУ предложило К.С. Герцику-Полубенскому, бывшему владельцу ранее ликвидированной мастерской, выступить конкурентом, чтобы «заставить синдикат фирм Цейсс, Гёрц и Краус понизить цены». В результате удалось добиться снижения цены на бинокли на 6—7 руб., до 55 руб. за штуку. Сам Герцик принял заказ на 956 биноклей по 53 руб., обязавшись предъявить к сдаче первую партию к 20 августа 1912 г.

Однако Герцику, очевидно, пришлось восстанавливать свое производство почти из ничего. «В интересах насаждения отечественной промышленности» и во избежание ущерба для казны в случае отказа Герцика от поставки биноклей (на понижении цен в ходе торгов удалось сэкономить 25—30 тысяч рублей), ГАУ предлагало поддержать Герцика субсидией в 16 889 руб. «на окончательное оборудование» его мастерской и затем удерживать из платежей ему за бинокли по 17 руб. 67 коп. с каждого экземпляра².

Обозревая в апреле 1913 г. состояние неприкосновенных запасов, ГУГШ обнаружило недостаток панорамных при-

¹ РГВИА. Ф. 29. Оп. 3. Д. 786. Л. 1 об. Доклад ГАУ о заводе оптического стекла, 19.II.1916; *Осиновский А.Н., Кононков А.Ф.* Указ. соч. С. 37; Красногорский завод им. С.А. Зверева. От истоков до дня сегодняшнего. М., 2007. С. 8—9. Цит. воспоминания В.Ф. Юрге, работавшего на заводе Цейса с 1911 г. По его словам, первоначально этот завод в Риге размещался в двух этажах частного дома, а перед войной было построено специальное четырехэтажное здание.

² По свидетельству ГАУ, поддерживавшего ходатайство Герцика об авансе, его мастерская ранее приносила пользу тем, что исполняла «небольшие, особенно опытные заказы оптических приборов по указаниям Артиллерийского комитета» (РГВИА. Ф. 1. Оп. 1. Д. 77797. Л. 39 об. Доклад ГАУ в Военный совет, 15.I, утв. 19.I.1913).

целов — такой, что он «ставит батареи в критическое положение»¹. С объявлением в 1914 г. войны германские подданные были удалены из состава рабочих и технического персонала филиалов Цейса и Гёрца, и производство почти прекратилось. После высылки немцев — хозяев заводов предприятиями управлял гвардии полковник Оттон Александрович Лойко, являвшийся до того приемщиком заказов военного ведомства на тех же заводах. 15 мая 1915 г. на заводы был наложен секвестр, а затем ГАУ добилось и реквизиции их «для устройства казенного оптического завода» в Петрограде. При этом на протяжении 1915 г. ввиду «полного отсутствия в России кадра подготовленных рабочих по оптике, особенно мастеров-специалистов», приходилось пользоваться «услугами германских и австрийских подданных». Уже в 1914 г. ГАУ остановило высылку служивших на заводах в Риге германских подданных (Гертель, Кейль, Кнепфмахер, Биндзейль, Отто, Грезер), откомандировав их в распоряжение Лойко в качестве военнопленных².

Для технических расчетов и для точного изготовления пробных стекол «мы не имеем русских мастеров, — докладывал ГАУ 16 августа 1914 г. профессор-генерал Корольков. — Мастера, которые работали ранее на Обуховском заводе, теперь высланы в центральные губернии». Но их можно вернуть; в России также «имеется несколько военнопленных», их можно «принудительно привлечь к работе». В поданном Корольковым списке таких специалистов перечислены Ахт, Адольф Задтлер, Павел Гербер, Л.Л. Бенгуерель. 5 сентября начальник Петроградского военного округа распорядился вернуть их³.

¹ РГВИА. Ф. 962. Оп. 2. Д. 87. Л. 93. Докладная записка по ГУГШ военному министру «О состоянии неприкосновенных запасов», 25.IV.1913.

² РГВИА. Ф. 369. Оп. 5. Д. 81. Л. 11—12; Ф. 29. Оп. 3. Д. 2152. Л. 5 об.; Ф. 504. Оп. 10. Д. 8. Л. 62.

³ Там же. Ф. 504. Оп. 10. Д. 8. Л. 8, 3 об., 32. Через два года по поводу неправомерного использования этих специалистов для принудительных работ сделало протест посольство США (немцы были задержаны в статусе военнообязанных, а не военнопленных), но к тому времени Ахт и Задтлер уже считались освобожденными от работ на заводе, а Бенгуереля (австриец) ГУГШ предложило ГАУ также освободить от работ. ГАУ возражало, называя Бенгуереля «безусловно необходимым работником» (Там же. Л. 417, 423, 492).

В 1914 г. Корольков предложил воспользоваться переходом в руки ГАУ рижских немецких заводов, чтобы «дать возможность всем нашим оптическим заводам знакомиться со всеми деталями производства на этих заводах, не заботясь об интересах немецких владельцев заводов и не помогая их конкуренции с русскими заводами». В ГАУ, однако, нашли, что «этого допустить нельзя»; «помощник военного министра держится того же мнения». И в подкрепление было добавлено: «Ведь заводы, кроме Обуховского, не русские, а жидовские». Против соображения Королькова: «В настоящее время техника оптического дела в России стоит уже на такой точке, что мы можем обойтись без немецких заводов, в этом я вполне убежден» — вновь ремарка: «Сомневаюсь».

Возобновить производство оптических приборов удалось с помощью австрийского подданного Густава Кнепфмахера, который «выдан был в мое распоряжение», писал Лойко в рапорте 21 декабря 1915 г. с просьбой о разрешении смертельно больному мастеру-оптику выехать в Австрию, чтобы «повидать перед неизбежной скорой смертью свою семью и детей». По словам Лойко, Кнепфмахер «являлся моим лучшим помощником, причем, обладая большими познаниями и опытом в оптическом деле, трудился в высшей степени добросовестно, находясь, несмотря на слабое здоровье, безотлучно по 15 часов в сутки на заводе, и лишь благодаря ему удалось успешно восстановить на заводе производство». Маниковский поддержал ходатайство Лойко¹.

Свой филиал в Петрограде создала и парижская фирма Крауса. Этот завод имел к 1916 г. «незначительное», по оценке Петроградского заводского совещания, оборудование — 26 станков, причем из них не все годились для специальных оптических работ. Управлял предприятием к началу войны германский подданный Эрнест Фишер. Генерал Н.М. Филатов, врид начальника Офицерской стрелковой школы в Ораниенбауме, являвшейся у петроградского Крауса основным заказчиком биноклей и компасов, уведомил парижского владельца фирмы, что Фишера должны будут выслать, но Краус предупредил, что «в настоящее время у

¹ РГВИА. Ф. 504. Оп. 10. Д. 8. Л. 39, 318—320.

него подходящего лица для замещения г-на Фишера не имеется, и обещал подыскать такового или подучить». Когда в апреле 1915 г. Фишера все же отправили в Вятку, руководство делом пришло в расстройство. В начале 1916 г. немца пришлось извлечь из Вятки якобы для передачи дел новому управляющему. К тому времени петроградский завод сам выпускал лишь пятую часть заказанного, а остальное перезаказывал в США и во Франции, некоторые заказы даже приемку проходили «на месте». ГАУ считало этот завод малополезным, а Офицерская стрелковая школа, получая оттуда бинокли фирмы «Краус» для выпускаемых офицеров, главным образом использовала возможность именно приобретать за границей бинокли «через посредство той же фирмы» (упоминалось о покупке таким путем по наряду Главного управления военно-учебных заведений 4820 призматических и 10 186 галилеевских биноклей и 23 тысячи компасов). «В настоящее время ГУВУЗ снова прислало в Школу наряд на 11 тысяч компасов, — сообщал Филатов, — и поступают многочисленные требования со стороны войсковых частей на бинокли и компасы. Наряды эти Школа выполняет, также пользуясь работой петроградского отделения фирмы "Краус"»¹.

Производство биноклей на этом заводе (по состоянию оборудования, возможное в объеме 150 шт. в месяц) задерживалось из-за нехватки оптического стекла, доставляемого из Франции. ГАУ, видя «бесхозность» администрации после удаления Фишера, ставило вопрос о реквизиции. Лойко доложил Наблюдательной комиссии Особого совещания по обороне, что объединенным в его руках заводам Цейса и Гёрца не хватает механических станков — как раз таких, какие он еще в прошлом году пытался разыскать для реквизиции «у часовых дел мастеров», а теперь без вреда для Крауса можно эти два станка забрать. Но «если заводское совещание найдет целесообразным реквизировать все оборудование, то все находящиеся на заводе Крауса станки найдут применение на секвестрованных оптических заводах

¹ РГВИА. Ф. 369. Оп. 4. Д. 208. Л. 6 и об. Доклад Филатова заводскому совещанию Петроградского района, 23.II.1916; Там же. Л. 9 и об. Выписка из журнала заседания Реквизиционной комиссии, 18.II.1916.

и дадут возможность увеличить производство... на означенных заводах». Угроза реквизиции или секвестра заставила Крауса приложить усилия, завод получил из-за границы запас стекла, достаточный на 3—4 месяца, и «теперь, — признал представитель заводского совещания на заседании Реквизиционной комиссии 18 февраля 1916 г., — все станки его заняты работой». В результате от реквизиции или секвестра решено было воздержаться, ограничившись установлением наблюдения¹.

За первые два года войны в ГАУ поступило 72 053 бинокля, из них 5053 — с отечественных заводов, выпускавших до 300 шт. в месяц. Между тем артиллерия на фронте нуждалась еще в 24 тысячах биноклей, а «требования тыловых учреждений — 50 550 биноклей — удовлетворить не представлялось возможным». Эти сведения, доложенные Особому совещанию по обороне, касались лишь артиллерии и «не обнимали собою нужд всех войсковых частей», а кроме того, не учитывали «значительную убыль». Всего надо было получить на 1917 г. и до 1 июля 1918 г. 241 тысячу биноклей².

По сведениям ГУГШ, потребность армии составляла 210 280 призматических биноклей 6-кратного увеличения плюс на ежегодную замену — 27 796. Из этих 28 тысяч «может быть поставлено имеющимися заводами лишь... 15 тысяч, остальные же 12 тысяч не могут быть изготовлены в России даже при полном напряжении заводов»³. На этот расчет опиралось ГАУ, составляя законопроект об отпуске 4,8 млн руб. на постройку в 1917—1919 гг. казенного завода оптических приборов в г. Изюме (южнее Харькова). Разрабатывая проект этого завода, ГАУ исполняло указание Совета министров, преподанное на заседании 8 июля 1916 г., когда рассматривался другой проект ГАУ — об Изюмском заводе оптического стекла. О заводе оптико-механическом, который целесообразно устроить в том же месте, что и стекольный, на заседании высказался морской министр Григорович, и Совет министров предписал ГАУ

¹ РГВИА. Ф. 369. Оп. 4. Д. 208. Л. 5, 13 и об., 9 об.—10.

² Там же. Оп. 3. Д. 74. Л. 169—172; Ф. 1. Оп. 2. Д. 179. Л. 22.

³ Там же. Ф. 29. Оп. 3. Д. 2152. Л. 2 об.—3.

«войти в ближайшее рассмотрение» этого вопроса. Изюмский оптико-механический завод, согласно проекту, должен был давать в год 6 тысяч панорам (то есть столько же, сколько секвестрованные филиалы предприятий Цейса—Гёрца, и втрое больше Обуховского), 24 тысячи биноклей (в полтора раза больше всех трех существующих заводов), 2000 больших и 1000 малых стереотруб (почти столько же, сколько все три) и 2700 дальномеров (еще невыпускаемых в России)¹.

Наиболее авторитетным в союзнических странах производителем дальномеров являлась фирма «Барр и Струд», ее продукция «впечатляюще» показала себя при стрельбе японцев по русским кораблям в 1905 г. Фирма в дальнейшем не упускала возможностей создать свои филиалы в Австро-Венгрии и США.

В феврале 1914 г. наконец дошло дело и до учреждения в России оптико-механического завода «солидной фирмой», как ставила вопрос еще в 1905 г. комиссия ГАУ. Такой фирмой оказалась французская «Шнейдер и К^о», основавшая «Российское а. о. оптических и механических производств», причем часть его акций досталась фирме «Барр и Струд» в обмен на право выпускать дальномеры (воспользоваться лицензией петроградской фирме помешало открытие военных действий в 1914 г.)². Начало своей деятельности новое общество ознаменовало тем, что переманило в организуемое предприятие из Обуховского завода несколько видных специалистов, включая заведующего оптическим отделом А.Л. Гершуна (ум. 26 мая 1915 г.), Коро и главного вычислителя, а также часть рабочих. Первое время там работали иностранные специалисты, но с началом войны и этот завод лишился «нескольких опытных мастеровых и мастеров завода — германских, австрийских

¹ РГВИА. Ф. 369. Оп. 1. Д. 166. Л. 35—36. Законопроект Военного министерства «Об отпуске средств на постройку казенного завода оптических приборов», 31.X.1916. Договор с фирмой «Барр и Струд» об установке производства дальномеров на строящемся заводе в Изюме разрабатывался ГАУ в апреле 1917 г. (Там же. Ф. 504. Оп. 10. Д. 64. Л. 18).

² Williams M.E.W. The Precision Makers. A History of the Instruments Industry in Britain and France, 1870—1939. London; N.Y., 1994. P. 45, 55.

подданных», отправленных в лагеря; среди оставшихся «94% были русские». ГАУ уже 25 августа 1914 г. обратилось в ГУГШ с просьбой вернуть высланных из Риги мастеров и направить на завод Акционерного общества к Гершуну. Без этих специалистов встречается «затруднение в производстве технических выкладок и в точном изготовлении пробных стекол, так как подготовленных русских мастеров не имеется»¹.

По мнению Королькова, новое Общество, обладавшее значительными средствами, старалось «монополизировать оптическую промышленность, задавив другие мелкие заводы и пытаясь купить оборудование завода Гёрца»². Заводу предстояло перейти к выпуску перископов, прицелов, зрительных труб, морских биноклей, стереотруб. ГАУ признавало «солидность названной фирмы, выполняющей значительные заказы морского ведомства»; 21 мая 1916 г. состоялся заказ ГАУ на 735 больших полевых стереотруб. Однако осенью 1916 г. работа даже по предыдущему заказу на 200 стереотруб, как выяснилось, была «еще не закончена благодаря затруднениям в получении оптического стекла». По сведениям на 13 октября 1916 г., к валовому производству оптики завод не приступил и еще не исполнил ни одного из своих контрактов. В ноябре 1916 г. в правлении Общества осознали необходимость ограничиться чисто механическими, не требующими стекла заказами³.

Завод «так и не был закончен». Его администрация перенесла внимание на другие поставки — на сборку взрывателей для 3-дм снарядов. Один такой заказ был получен

¹ РГВИА. Ф. 504. Оп. 10. Д. 8. Л. 12; *Иванов Н.И.* Александр Львович Гершун (К 35-летию со дня кончины) // *Успехи физических наук.* 1950. Т. 42. Вып. 3. Ноябрь. С. 479; Красногорский завод им. С.А. Зверева. С. 10. С окончанием войны оптико-механическое производство встретило с новым затруднением, когда сказался недостаток рабочих рук «благодаря отъезду эстонцев, поляков и проч.» (*Фрейберг С.* Производство в России оптического стекла и оптических приборов // *Технико-экономический вестник.* 1922. Т. 2. № 1. С. 104).

² РГВИА. Ф. 504. Оп. 10. Д. 8. Л. 39 об. Отчет Королькова о командировке в Ригу, Москву и Вильно, 12.IX.1914.

³ Там же. Ф. 369. Оп. 16. Д. 301. Л. 1; Ф. 29. Оп. 3. Д. 2152. Л. 1 и об. Журнал Подготовительной комиссии по артиллерийским вопросам Особого совещания по обороне, 6.IX.1916; *Здесь наш дом.* С. 55—56.

по контракту с Путиловской группой (утвержден 18 июня 1915 г., на 3 млн шт., а после секвестра Путиловского завода, сопровождавшегося ликвидацией группы и расторжением договоров, и пересмотра цен — на 2 млн), другой — с Организацией С.Н. Ванкова (на 6950 тысяч шт.). ГАУ указывало на завод Общества как на «единственный, выполняющий сборку детонаторных трубок типа «Шнейдер и Ко» для организации генерал-майора Ванкова и заводов бывшей Путиловской группы». В начале 1917 г. правление Общества обратилось в ГАУ за разрешением на ряд построек, расширяющих производительность трубочного отдела (надстройка второго этажа над частью заводского корпуса, сооружение складских помещений) с 450 тысяч до 1 млн шт. в месяц, и 16 февраля 1917 г. последовало согласие Особого совещания по обороне¹.

Снабжение армии стереотрубами выглядело сравнительно благополучным. Фронт получил 1637 шт., недоставало еще 474. За первые два года было заказано в России 3629 шт., за границей — 1500, из них прибыло 300, а 200 находилось в пути². Оптический завод самого ГАУ (бывшие «Цейс» и «Гёрц») предназначался главным образом для выпуска орудийных панорам, но изготовлял и стереотрубы (до 100 шт. в месяц). Всего из-за границы и с отечественных заводов поступило 1714 стереотруб. Потребность в них в основном была удовлетворена³. В стереотрубах использовались стальные и латунные винты, получаемые из-за границы; особенно трудно было добывать стальные, поступавшие только из Швейцарии. Из-за границы выписывали в 1916 г. также наждак, крокус, алмазы для обработки стекол и канадский бальзам. Специальную проволоку для щеток офицеры ГАУ разыскивали по всему свету (требовался 1 пуд),

¹ Баумгарт К.К. Академик Дмитрий Сергеевич Рождественский // Рождественский Д.С. Собр. трудов. М.; Л., 1949. С. 30; РГВИА. Ф. 369. Оп. 16. Д. 545. Л. 1—3, 5. Мемории Подготовительной комиссии по артиллерийским вопросам Особого совещания по обороне, 7.II. и 9. III. 1917.

² РГВИА. Ф. 369. Оп. 3. Д. 74. Л. 169—172.

³ Там же. Д. 41. Л. 54; Д. 86. Л. 24—25. В очерке истории завода ГАУ говорится, что ежемесячный выпуск был доведен до 80 больших и 50 малых стереотруб, а кроме того, 350 панорам, 400 биноклей (Красногорский завод им. С.А. Зверева. С. 10).

но наиболее доступным источником оставалась Германия (через Стокгольм)¹.

К 1917 г. завод ГАУ размещался в зданиях бывшей казенной пробочной фабрики и располагал собственной силовой станцией в 250 л. с.; в августе 1917 г. на заводе работали около 500 человек. Ввиду намерения расширить завод было заказано дополнительное оборудование².

К производству оптических дальномеров (потребность — около 25 тысяч, в войсках имелось «не свыше 200 шт.») в Петрограде не знали как подступиться. При проектировании нового завода в Изюме пришлось эту задачу «вовсе не затрагивать»: «выяснить условия такового [производства] теперь же не представляется возможным», отмечало ГАУ 13 октября 1916 г., потому что еще только начинались переговоры с фирмой Барра и Струда — возьмется ли она установить его на Изюмском заводе³ (тем не менее в законопроекте, направленном в Думу, была указана ожидаемая годовая производительность в 2700 шт.).

ОПТИЧЕСКОЕ СТЕКЛО

Серьезным препятствием для утверждения оптических производств в России являлось отсутствие производителей специального стекла.

К началу Первой мировой войны оптическое стекло для биноклей, стереотруб, перископов, прицелов, прожекторов «целиком получалось из Германии, так как в России заводов, изготовлявших такое стекло, не было»⁴. Стеклозавод-

¹ По утверждению Игнатьева, через Италию и Швейцарию удавалось закупить и бинокли из Германии, от Гёрца и Цейса (*Игнатьев А.А. Указ. соч. С. 395*). Подобные сделки практиковали также и англичане. Через Швейцарию они производили обмен своих материалов (в частности, резины) на немецкие красители; велись переговоры и о поставках десятков тысяч биноклей. См.: *MacLeod R., MacLeod K. War and Economic Development. Government and the Optical Industry in Britain, 1914—18 // War and Economic Development, Essays in Memory of David Joslin, Cambridge U.P., 1975. P. 174.*

² РГВИА. Ф. 504. Оп. 10. Д. 89. Л. 54, 136 и об., 325.

³ Там же. Ф. 29. Оп. 3. Д. 2152. Л. 5 об., 2 об.

⁴ Там же. Д. 786. Л. 1 об. Доклад ГАУ военному министру «О необходимости постройки специального казенного завода для приготовления оптического стекла», 19.II.1916; ВПР. С. 624.

чики причину того, что производство оптического стекла в России «совершенно не существует», видели в «полной невозможности конкурировать» с иностранными заводами, особенно германским Шотта в Йене, «обставленным научными лабораториями и обслуживаемым прекрасно подготовленными химиками-специалистами». По отзыву А.Е. Чичибабина, и сам «промышленный класс... был настолько невежественен в науке, что был совершенно неспособен создать аппарат для практического использования научных открытий»¹.

Морское министерство по крайней мере с 1908 г. проявляло заинтересованность в постановке собственного производства и «освобождении от иностранной зависимости в этом деле»². Помощник начальника Обуховского завода Я.Н. Перепелкин и заведовавший оптико-механической мастерской Гершун по поручению начальника завода Меллера побывали у военного министра Редигера и доложили ему, что ввиду чрезвычайной технологической сложности дела желательно «опыты, а затем и выделку стекла... установить на хрустальном заводе Министерства двора. По этому поводу, — вспоминал Редигер, — я написал барону Фредериксу (министру императорского двора. — В. П.), который согласился на предлагаемые опыты при условии, чтобы это не вызывало расхода для Министерства двора». Редигер полагал, что поставленное условие можно будет выполнить, если направить ассигнование по сметам Военного и Морского министерств. «Мне, однако, не пришлось довести это дело до конца» из-за последовавшей вскоре отставки³.

Между тем 9 февраля 1909 г. в Кабинете императорского двора состоялось совещание с участием Перепелкина и Гершуна⁴. Обсуждались возможности организации сотруд-

¹ Доклад инженера П.С. Философова — управляющего делами Съездов стекозаводчиков. Апрель 1915 г. // Материалы по истории и современному состоянию стекольной промышленности в России. Пг., 1915. Вып. 1. С. 10; *Евтеева П.М.* А.Е. Чичибабин // Труды Института истории естествознания и техники. 1958. Т. 18. С. 334; *Бастракова М.С.* Становление советской системы организации науки (1917—1922). М., 1973. С. 458.

² *Бахрах А.М.* Указ. соч. С. 177.

³ *Редигер А.* Указ. соч. Т. 2. С. 269.

⁴ РГВИА. Ф. 504. Оп. 10. Д. 8. Л. 42—43 об.

ничества Обуховского завода с царским Фарфоровым для проведения в полузаводской, полулабораторной обстановке систематических, научно поставленных опытов. Фарфоровый завод Кабинета должен был изготавливать и передавать Обуховскому заготовки стекла в виде чечевиц, а Обуховский, располагавший химической и физической лабораториями и оптической мастерской, брался исследовать свойства получаемого стекла и сообщать на Фарфоровый завод сведения, необходимые для повышения качества изделий, — результаты изучения физических и оптических качеств стеклянных масс. Как объяснял на совещании Гершун, «Обуховскому заводу известно в общих чертах изготовление первоначальной стеклянной массы, но шихта, размер тиглей, температура, а равно различные приспособления для мешания, а затем моллировки стекла, работа с терморегулятором и т. д. должны быть получены путем опытов, так как секреты изготовления оптического стекла хранятся в большой тайне». Первые шаги в изготовлении небольших количеств стекла, главным образом для исследовательских целей, предполагалось проделать под руководством специалистов Обуховского завода в помещениях Фарфорового, так как для постановки собственного производства стекла у Обуховского завода не было условий¹.

Заведовавший кабинетскими заводами барон Н.Б. Вольф оптимистически заявил, что достаточно переделать одну из имеющихся на Фарфоровом заводе печей «в газовую с шестью горшками», и тогда завод будет давать до 2000 кг стекла в полгода (Обуховскому заводу требовалось 1000—2000 кг в год), «изготавливая массу хотя бы только в одном

¹ Бахрах А.М. Указ. соч. С. 177—179. В литературе упоминается о выплавке стекла на Обуховском заводе (Иванов Н.И. Александр Львович Гершун. 1868—1915. Л., 1976. С. 67; Мелуа А.И. Инженеры Санкт-Петербурга. СПб.; М., 1997. С. 37), но в действительности речь должна была идти о производстве оптических приборов, а не о стекле. В 1909 г., судя по заявлениям Перепелкина и Гершуна на совещании 9 февраля, они действительно помышляли об экспериментах со стекловарением на Обуховском заводе, но на практике «опытов по изготовлению стекла в 1909 г. и в последующее время на Обуховском заводе не производилось» (РГВИА. Ф. 504. Оп. 10. Д. 8. Л. 53, 55, 59. Запрос ГАУ и ответ председателя правления Обуховского и Ижорского заводов Ф.Х. Гросса, 6.IX.1914).

горшке», и только «просил выяснить некоторые детали производства».

Представители Обуховского завода предупредили партнеров, что ограниченный размер предполагаемого производства означает, что оно «будет операцией убыточной», но управляющий Кабинетом князь Н.Д. Оболенский пообещал, что «Министерство двора готово идти на жертвы в общегосударственных интересах», оно выкроит 20 тысяч рублей на переделку печи и предоставит для опытов помещения. Подчеркивалось, что специалисты Обуховского завода должны будут, «когда опыты дадут удачные результаты», «сообщить чертежи и соответственные указания относительно устройства новых печей» Кабинету, а если состоится переход к заводскому производству, то «техник, лаборант и двое рабочих должны перейти на императорские заводы и находиться под непосредственным наблюдением старшего техника... техник императорского завода должен быть постоянно в курсе дела и тщательно составленные журналы по производству опытов [должны] поступать полностью в распоряжение императорских заводов». На этой стадии Кабинету было желательно «устранить полную зависимость от Обуховского завода в отношении браковки», для чего предполагалось устроить у себя химическую и оптическую лаборатории.

По оценке представителей Обуховского завода, приспособление Фарфорового завода для нового производства могло обойтись в 100 тысяч рублей; к этому добавлялось 37 тысяч рублей на содержание в течение двух лет личного состава в опытном производстве.

Практических последствий совещание не дало. А.М. Бахрах, использовавший в своем исследовании журнал совещания 9 февраля 1909 г., полагал, что препятствием к исполнению замысла послужила скупость в данном случае Министерства двора (в этом смысле довольно откровенно высказался позднее В.Б. Фредерикс)¹, «ежегодно тративше-

¹ РГВИА. Ф. 504 Оп. 10. Д. 8. Л. 41—41 об. Фредерикс — Сухомлинову, 12.IX.1914. «Еще в 1909 г... Кабинет Е[го] В[еличества] принципиально изъявил свое согласие... но вместе с этим тогда же возбужден был вопрос о расходах, необходимых как на производство опытов, так и

го многие миллионы рублей на содержание и увеселения царя и его многочисленной челяди»¹. Дальнейшее показало, что это обстоятельство приходится учитывать; по сведениям Михайлова, вместо начала самостоятельных изысканий «решено было пользоваться заграничным, германским стеклом», потому что требовалось его лишь «несколько десятков пудов» в год, «постановка же производства... вызывала расходы не менее чем в полмиллиона рублей»². Но обращает на себя внимание и то, что представители Обуховского завода считали затею с самого начала рискованной. Они полагали, что опасно, даже «недопустимо» вести опыты «в больших размерах... потому что о таких работах стало бы немедленно известно фирме Цейса», а тогда Обуховский завод лишился бы немецкого оптического стекла и попал «в безвыходное положение, так как уже теперь заграничные заводы отпускают стеклянную массу в очень ограниченных размерах и Обуховский завод имеет запас стекла, вместо разрешенного ему трехгодичного, всего на четыре месяца». Между тем опыты «могут продолжаться до полутора, а то и до двух лет»³.

Ограниченный запас стекла получали из Германии и рижские заводы Гёрца и Цейса. Завод Цейса, ссылаясь на это обстоятельство, несколько раз даже отказывался от военных и морских заказов. Артиллерийский генерал, обследовавший эти заводы в первые дни войны, увидел, что «вследствие недостатка оптического стекла завод Гёрца мо-

на валовое изготовление стекла», — писал Фредерикс. Именно «для выяснения последнего вопроса было образовано при Кабинете Е.В. особое совещание... 9 февраля 1909 г.». Министерство двора «готово было идти на жертвы в общегосударственных интересах», но расходы сверх упомянутых до 20 тысяч руб. «признано было справедливым относить на счет Военного и Морского министерств». Фредерикс добавил, что «и в настоящее время» дворцовое ведомство «готово в общегосударственных интересах оказать помощь Военному и Морскому министерствам в производстве опыта получения оптического стекла с затратами в определенных выше размерах и на условиях, изложенных в журнале совещания от 9 февраля 1909 г.».

¹ Бахрах А.М. Указ. соч. С. 178.

² Генерал В.С. Михайлов. С. 182.

³ РГВИА. Ф. 504. Оп. 10. Д. 8. Л. 42 об., 45—46. Журнал совещания об изготовлении оптического стекла на императорских заводах для нужд Военного и Морского министерств, 9.II.1909.

жет выполнить едва треть заказа на панорамы и шестую часть — на трубы и бинокли», запас иссякнет через два-три месяца, как и на заводе Цейса. И Корольков обратился к управляющему Фарфоровым заводом «с просьбой попытаться начать фабрикацию оптического стекла, на что получил с ведома управляющего Кабинетом Е[го] В[еличества] полное согласие». У него даже сложилось впечатление, что расходы на материалы, топливо и техников будут приняты этим заводом на свой счет. В 1914 г. все начиналось с той же точки, что и в 1908 г., со «сбора литературных данных»¹.

В начале августа 1914 г. Артиллерийский комитет воззвал «к большим частным стекольным заводам... Некоторые из этих заводов откликнулись с большой охотой, и опыты начались одновременно в разных местах», — свидетельствовал профессор Г.Ю. Жуковский. Однако все эти опыты «до сих пор, — то есть к концу 1915 г., — не привели решительно ни к каким результатам». «Изготовление оптического стекла является делом настолько сложным, что требует... нового оборудования, специальных плавильных печей и разработки особого способа плавки, непрacticуемого на стеклянных заводах, изготавливающих обыкновенное или зеркальное стекло». Надлежит определить условия отжига стекла, состав стекла, подходящий по физическим свойствам, подобрать сорта глины для горшков. Нужны «такие исключительные условия, которые не встречаются при выработке даже самых тонких сортов [обычного] стекла». Российские заводы «оказались бессильными самостоятельно решить поставленную задачу» — они «не обладали соответствующими научными силами», чтобы «поставить систематические опыты и разъяснить [техникам] основные требования производства, а также разыскать причины неудач»; сказывалась и «малая личная заинтересованность работающих лиц»².

¹ РГВИА. Ф. 504. Оп. 10. Д. 8. Л. 2, 6—7. Рапорт совещательного члена Артиллерийского комитета генерал-лейтенанта А.Л. Королькова, 16.VIII.1914.

² Жуковский Г.Ю. Производство оптических стекол. Пг., 1918. Ч. 1. С. 37; РГВИА. Ф. 504. Оп. 10. Д. 8. Л. 305 и об. Заключение IV отдела Артиллерийского комитета ГАУ «Об изготовлении на Гусевских хрустальных заводах оптических стекол», 7.XI.1915.

Малая заинтересованность частных заводов была очевидна еще в 1909 г., когда Меллер пытался сдвинуть дело с места и при этом возлагал надежды на императорский Фарфоровый завод. Меллер признавал, что производство оптического стекла будет «мало выгодным» и «вряд ли окажется заманчивым» для частных предпринимателей из-за «очень ограниченного сбыта». Ему представлялось, что при таком положении «вполне естественно обратить взор на Императорский Фарфоровый и стеклянный завод, который мог бы, не гоняясь за доходностью предприятия, взять на себя это немаловажное даже в государственном отношении дело»¹. Он ошибочно полагал, что Фарфоровый завод, именовавшийся императорским и состоявший в ведении Министерства двора (Кабинета Е. И. В.), подобно обычному казенному заводу, не станет «гоняться за доходностью».

Теперь, когда на стекло из Германии рассчитывать уже не приходилось, была создана специальная комиссия. Состав ее свидетельствовал о том, что к организации производства оптического стекла привлечены «лучшие научные силы страны» — Н.Н. Качалов, профессора В.Е. Тищенко, А.Л. Гершун и другие специалисты. Комиссия думала проводить опыты на Императорском фарфоровом и стекольном заводе².

В литературе встречаются указания на то, что «дореволюционные “инновационные менеджеры”... сделали фактически чудо»: в военных условиях они сумели «“с нуля” создать производство высококачественного оптического стекла» на Фарфоровом заводе; в этой области «русские достигли сравнимых с германскими, британскими и французскими чудес в производстве»³. Происхождение сведений

¹ Доклад Меллера морскому министру, 10.II.1909. Цит. по: *Ошарин А.В.* Указ. соч. С. 162—163.

² *Бахрах А.М.* Указ. соч. С. 179—180; *Цейтлин М.А.* Очерки по истории развития стекольной промышленности России. М.; Л., 1939. С. 123. Стекольный и фарфоровый заводы, принадлежавшие Кабинету и существовавшие раздельно, в начале XX в. были объединены.

³ *Сапрыкин Д.Л.*: 1) Образовательный потенциал Российской империи. М., 2009. С. 46—47; 2) «Золотой век» отечественной науки и техники и «классическая» концепция инженерного образования // Вопросы истории естествознания и техники. 2013. № 1; *Малинина Т.А.* Императорский стеклянный завод. СПб., 2009. С. 348.

относительно такого успеха не раскрыто, и они противоречат источникам.

По заданию артиллерийского ведомства Жуковский обследовал частные заводы во Владимирской, Воронежской, Пензенской, Саратовской, Харьковской и Екатеринославской губерниях. Единственным предприятием, подававшим надежды, представлялись ему Мальцовские хрустальные заводы (завод) в Гусе-Хрустальном Владимирской губернии, «ныне принадлежащие графу Игнатьеву». По донесению артиллерийского приемщика, стекольно-хрустальный отдел завода изготовлял по военным заказам фляги, изоляторы, стекла для фонарей и для противогазных очков¹.

П.Н. Игнатьев (министр народного просвещения в 1915—1916 гг.) унаследовал завод от Ю.С. Нечаева-Мальцова, которому приходился внучатым племянником. Не имея склонности к предпринимательству, Игнатьев не уделял большого внимания управлению доставшимися ему заводами. Предприятие в финансовом отношении пришло в «катастрофическое» состояние². Тем не менее владелец завода соглашался сделать попытку и потратить на оборудование до 500 тысяч рублей, «не требуя никаких предварительных субсидий, но ставил условие, чтобы заботы по техническому оборудованию и постановке этого производства приняло на себя артиллерийское ведомство» и чтобы в случае успеха ему были возмещены понесенные им расходы. Жуковский находил, что завод в Гусе «хорошо оборудован», но «низший технический персонал, привыкший к кустарному способу ведения дела, трудно приспособляется к новому производству и противится всяким усовершенствованиям»³.

Как отмечал П.С. Философов в докладе съезду стеклозаводчиков в апреле 1915 г., на русских заводах было в избытке опытных мастеров, владевших приемами изготовления «простейших изделий, как то: бутылок, банок», но ощущался «громадный недостаток» их уже в чуть более сложном производстве — обычного листового стекла. Считалось, что

¹ РГВИА. Ф. 29. Оп. 3. Д. 786. Л. 3 об.—4; Ф. 504. Оп. 10. Д. 8. Л. 288.

² Макушев А.А. Предпринимательская деятельность Мальцовых во второй половине XVIII — начале XX в. Саранск, 2006. С. 101—102.

³ РГВИА. Ф. 29. Оп. 3. Д. 786. Л. 3 об.—4.

термометры лабораторного типа выпускают русские заводы, но вплоть до войны на их изготовление приходилось выпивать из Йены стекло завода Шотта. Непосредственно выработкой стекла руководили «практики, вышедшие или из наиболее толковых мастеров, или же из приказчиков, — лица, обыкновенно, без всякого технического образования и с незначительной общей подготовкой. На Западе для подготовки таких техников существуют... специальные профессиональные школы, у нас же в этом отношении не сделано до сих пор еще ничего»¹.

В таком же положении находился Фарфоровый завод. Здесь, как вспоминал его технический руководитель Качалов, наблюдалось даже «систематическое снижение общего уровня технической культуры». Производством заведовали лица, в большинстве «попавшие на свои места по фамильным связям и не соответствовавшие своему назначению». В их среде «авторитет науки и ее роль на производстве... стояли не очень высоко». Заводская лаборатория представляла собой «темное полуподвальное помещение, оборудованное самым жалким образом»². Столь неприглядное положение Качалов объяснял позднее влиятельностью при дворе немецкого сообщества; подтверждение этой влиятельности давал и его собственный опыт. На Фарфоровый завод он попал в 1911 г. в качестве внештатного лаборанта, породнившись с семейством авторитетного горного инженера И.А. Тиме (Thieme) с его связями при дворе. Чистка администрации завода в 1914 г. от лиц с «немецкими» фамилиями способствовала восхождению Качалова до роли технического директора Фарфорового завода³.

С 25 августа там начались опыты под руководством профессора Петербургского университета Тищенко, пытавшегося ориентироваться в новом деле по скудным сведениям о технологии, собранным из печатных источников. Первая плавка состоялась 4 сентября, но усилия были тщетными:

¹ Материалы по истории... Вып. 1. С. 9; *Тищенко В.В.* Вячеслав Евгеньевич Тищенко. Л., 1968. С. 41.

² *Качалов Н.Н.* Стекло. М., 1959. С. 269—271.

³ *Петровский Г.Т.* История оптического стеклоделия в России // Наука и военная техника. СПб., 2001. С. 157—158.

оказалось, что использованный фарфорообжигательный горн, дававший необходимую высокую температуру, не был пригоден, так как не обеспечивал равномерного ее распределения в расплавленной массе¹. За конструирование специальной печи взялся профессор Политехнического института В.Е. Грум-Гржимайло. Зима «прошла безрезультатно», но удалось добиться «сильного увеличения ассигнований», была модернизирована лаборатория. С мая 1915 г. для опытных работ на Фарфоровый завод был приглашен профессор Варшавского политехнического института Жуковский. Помимо негодности печей, «обнаружилось несовершенство плавильных горшков», для них нужно было выработать состав глиняной массы; предстояло определить температуру и время плавки, химический состав стеклянной массы, условия ее остывания. За лето 1915 г. были проведены «более систематические и разносторонние опыты», появилась надежда².

Но все же изготовленное во второй половине 1915 г. стекло не имело «оптического качества», было не «вполне отвечающим своему назначению» (позднее выяснилось, что достигнуть этого нельзя, если пользоваться, как это делали на Фарфоровом заводе, горшками слишком малой емкости). Его «нельзя считать пригодным для оптических целей, — писал в августе 1915 г. Жуковский, — так как, во-первых, оно содержит камни, во-вторых, пузыри, в-третьих, свили³, в-четвертых, оно обладает желтовато-зеленым цветом». В этом деле «нам неизвестны основные задания, — признавал Жуковский, — они могут быть выработаны только при ши-

¹ Стожаров А.И. Наука об оптическом стекле в ГОИ за 50 лет // 50 лет Государственного оптического института им. С.И. Вавилова. Л., 1968. С. 449—450; Осинковский А.Н., Кононков А.Ф. Указ. соч. С. 37.

² Качалов Н.Н. Указ. соч. С. 447; РГВИА. Ф. 29. Оп. 3. Д. 786. Л. 2; Жуковский Г.Ю. Указ. соч. С. 11. С сентября 1914 по сентябрь 1915 г. состоялось до 12 плавок стеклянной массы — «насколько это допускалось незначительным масштабом и механическим оборудованием» кабинетского завода (Стеклозаводчик. 1915. № 23. С. 8).

³ С в и л и — волнистые прослойки, разграничивающие слои стекла разной плотности и разного коэффициента преломления. Оптическое стекло, содержащее свили, даже безупречное во всех остальных отношениях, делается совершенно непригодным (Стеклозаводчик. 1915. № 12. С. 3—4).

роком участия научных сил» — физиков, химиков, техников; при заводе должна быть лаборатория с «научным отделением, производящим систематические опыты». Не добьется успеха «завод, не произведший почти никаких собственных исследований», ограничивающийся «простым копированием приемов иностранной техники». Жуковский доложил ГАУ о том, что дальнейшие опыты следует поставить «на иных основаниях и в более широком масштабе». ГАУ отозвалось ассигнованием 40 тысяч рублей на продолжение изысканий и обещанием «привлечь к этому делу опытных специалистов»¹.

В октябре 1915 г. Качалов составил коллегия консультантов (комиссию), в которую вошли заведующий производством И.В. Гребенщиков, академик Н.С. Курнаков, профессора-химики Н.А. Пушкин, В.Е. Тищенко и профессор-физик Д.С. Рождественский. Наконец показалось, что «достигнут небольшой, но существенный успех». 10 ноября Рождественский доложил коллегам о результатах исследования призмы, изготовленной заводом: она как будто «вполне» удовлетворила требованиям ГАУ. Призма была «не лучше среднего стекла, изготавливавшегося до того времени», но Рождественский все же считал возможным в условиях военного времени удовлетвориться и этим. Собранный с использованием этой призмы опытный экземпляр бинокля «несмотря на наличие большого числа свилей... был вполне годен для эксплуатации»². Такая непритязательность была обычным явлением: «Вследствие недостатка стекла во всех странах на стекло перестали быть разборчивыми: брали в инструменты стекло и со свиями, лишь бы были инструменты, хотя бы второкачественные», — писал Рождественский. И добавлял, что, по видимому, то же наблюдалось даже у немцев: «В их биноклях, попадавших в наши руки, было подчас плохое, второкачественное стекло»³.

Дворцовое ведомство постаралось придать полученному результату преувеличенное значение: «Получен сорт стекла

¹ Доклад Жуковского на заседании бюро съездов стекольных заводчиков, 5.IX.1915 // Стеклозаводчик. 1915. № 23. С. 8; Стожаров А.И. Наука об оптическом стекле. С. 450; Жуковский Г.Ю. Указ. соч. С. 32, 126, 125.

² Бахрах А.М. Указ. соч. С. 192.

³ Рождественский Д.С. Записка об оптическом стекле. 1922 г. // Академик Д.С. Рождественский. Собрание трудов. М.; Л., 1949. С. 591.

такого качества, что изготовленная из него призма была найдена Главным артиллерийским управлением безукоризненной»; «в настоящее время Императорский стеклянный завод становится четвертым в мире заводом по изготовлению оптического стекла». Несмотря на ограниченность успеха, Кабинет объявил, что приступит «немедленно к оборудованию устройств для валового производства» оптического стекла «всех необходимых сортов» и доведет выпуск до 720 пудов в год¹. Комиссия, в сущности, не блефовала: «Имея самую авторитетную коллегия, которую можно было создать в стране по вопросам стекловарения, и 200 тысяч рублей на эксперименты, Фарфоровый завод чувствовал себя уверенно, — вспоминал Качалов, — и полагал, что производство оптического стекла будет налажено в кратчайшие сроки». Демонстрация же успеха, по выражению Рождественского, «прельщала взор начальства, дававшего деньги на опыты». Однако «шли месяцы. Ученая коллегия участила свои заседания, ее члены проводили многочисленные консультации в цехах и лабораториях, мы с Гребенщиковым сутками высиживали у опытных печей, но все труды продолжали пропадать даром, и ничто не свидетельствовало о приближении успеха»; «работа кипела... день и ночь... непрерывно поступали образцы полученных разными способами стекол. Они подвергались всесторонним испытаниям... и в Физическом институте университета, и в ГАУ, однако неизменно качество их оказывалось никуда не годным»².

На опыты, проведенные под руководством Жуковского, Качалова и Гребенщикова, Кабинет потратил 120 тысяч рублей. В ноябре 1915 г. «должно быть окончено сооружение печей для изготовления стекла по новейшему способу», отчитывался Кабинет, и тогда завод «обеспечит потребность в оптическом стекле военного и морского ведомств». Но на практике для подготовки перехода к валовому производству все же понадобилось дооборудование завода еще

¹ Обзор деятельности Кабинета Его Императорского Величества за 1906—1915 годы. Пг., 1916. С. 99, 100; РГВИА. Ф. 369. Оп. 1. Д. 122. Л. 1, 1 об.; Ф. 29. Оп. 3. Д. 786. Л. 2. Е.Н. Волков — А.А. Поливанову, 15.XII.1915.

² Качалов Н.Н. Указ. соч. С. 448; Рождественский Д.С. Записка. С. 594.

на 113 тысяч рублей (пришлось строить новые печи для более вместительных горшков, от чего зависело качество стекла); санкция хозяина завода, Николая II, была получена 27 ноября 1915 г.¹

На протяжении 1915 г. попытки овладеть секретами технологии «не привели ни к каким результатам»². Она оставалась монополией лишь трех фирм в Англии, Франции и Германии. ГАУ пользовалось тающими запасами стекла в Риге на секвестрованных заводах Цейса и Гёрца. По сведениям к 1 января 1916 г., имевшимся в ГАУ, английская фирма «Чанс» (или «Ченс», *Chance Brothers, Birmingham*), лишь на 10% удовлетворяла потребности самой Англии в оптическом стекле, а остальные 90% Англия закупала во Франции. От поставок в Россию фирма «совершенно отказалась» и работала «исключительно для выполнения заказов своего правительства». Поскольку от англичан ничего ожидать не приходилось, французский завод «Парра-Мантуа» [*Verrierie scientifique spéciale pour l'astronomie, l'optique & la photographie Parra-Mantois & Cie*] во время войны «оказался единственным в мире поставщиком сырого оптического стекла в союзных и нейтральных государствах». Как доносил 10 декабря 1915 г. из Парижа военный агент А.А. Игнатьев, «мы, как и все союзники, находились в его [Парра] руках и принуждены были примиряться с его упорным нежеланием развить свою производительность до желательных размеров. Французское правительство само видело один исход — реквизицию, но не решалось на это, опасаясь, что обозленный Парра испортит завод и сожжет секретные рецепты»³.

Время уходило; «наконец всем стало ясно, что разрешить поставленную задачу в те короткие сроки, которые диктовала война, невозможно, и единственным выходом оставалась попытка получить секреты производства оптического стекла от союзников». В Петрограде стеклозаводчики на своем заседании 5 сентября 1915 г. признали, что

¹ РГВИА. Ф. 369. Оп. 1. Д. 122. Л. 1 об.; Обзор деятельности Кабинета. С. 100.

² Технология стекла. Специальный курс. М.; Л., 1939. Т. 2. С. 373.

³ РГВИА. Ф. 369. Оп. 1. Д. 122. Л. 70; Ф. 29. Оп. 3. Д. 786. Л. 1 об.; Ф. 504. Оп. 10. Д. 8. Л. 314.

«организация производства оптического стекла в России возможна только в настоящее время, если же время будет упущено, то по окончании войны дело может заглухнуть»¹.

Переговоры с фирмой семейства Парра-Мантуа об уступке технологии оказались бесплодными. Многочасовую беседу провела с упрямым Нума Парра целая делегация из России — профессора Гарднер, Пушкин, артиллерийский полковник В.А. Свидаерский; они пытались «убедить Парра выдать секреты производства, предлагая какие угодно денежные вознаграждения», но ничего не вышло. «Следуя по иерархической лестнице, — писал Игнатъев, — я довел это дело до самого президента Республики». Р. Пуанкаре, «учитывая критическое положение под Верденом» и рассчитывая на помощь с Восточного фронта, «счел нужным оказать... содействие». Командированный им адъютант попытался повлиять на заводчика, но тот «пришел в ярость и, в ответ на призыв к патриотическим чувствам, заявил, что покончил с патриотизмом, что сын его, единственный его помощник в варке стекла, убит под Верденом и если его, старика, будут продолжать волновать такими разговорами, то он вообще будет не в состоянии варить оптическое стекло. “Так и передайте президенту”, — отрезал он на прощанье и попросил гостей о выходе». По просьбе Игнатъева французское военное ведомство заказало пробную партию стекла небольшим заводам «Грайо» и «Энне», или «Хенне» (Grillot и Henne) в пригороде Парижа. Он рассчитывал, что артиллерийский приемщик в дальнейшем «сможет, пожалуй, извлечь часть необходимых сведений от этих двух заводчиков, хотя и менее совершенных, но более сговорчивых, чем Парра»².

В конце концов пришлось обратиться к англичанам; на фирму «Чанс» было произведено «сильное давление» со стороны английского правительства. Выяснилось, что на переоборудование Фарфорового завода «потребуется крупная затрата, хотя и раскладываемая на несколько ближайших лет, но в общем достигающая суммы свыше 500 тысяч рублей». Согласие английской фирмы оказать техническое

¹ Стеклозаводчик. 1915. № 23. С. 8.

² РГВИА. Ф. 504. Оп. 10. Д. 8. Л. 314 и об.; Качалов Н.Н. Указ. соч. С. 448.

содействие обошлось заводу еще в 600 тысяч рублей золотом¹. Качалову и инженерам Гребенщикову и Б.Ф. Тарнке было разрешено «в деталях» ознакомиться с постановкой производства в Бирмингеме. Вместе с ними в мае и летом 1916 г. на английском заводе побывали трое рабочих Фарфорового завода — стекловар, горшечник и мастер разрезки стекла. Качалову передали «все чертежи печей и установок вплоть до мельчайших деталей, описание всего производства», и он приступил к проектированию цеха «по типу завода братьев Чанс». Этим «производство оптического стекла было гарантировано в России», — писал Рождественский².

Прежде чем снова запросить согласие Николая II на отпуск денег, управляющий Кабинетом Волков 15 декабря 1915 г. поинтересовался у Поливанова относительно гарантии дальнейших заказов. «Ввиду важного государственного значения означенного дела, — писал он, — Кабинет Е.В., конечно, не остановился [бы] перед означенной затратой, но, не будучи уверен в том, что Императорские заводы и после окончания войны будут получать заказы от военного и морского ведомств, затрудняется испросить Высочайшее соизволение на расходование столь крупной суммы». Кабинет, представлявший основной источник личных доходов императора, ставил условием письменное обязательство, «будет ли военное ведомство и после окончания войны в течение хотя бы 10 лет давать заказы на оптическое стекло Императорским заводам в количестве до 720 пудов в год. При этом цена за стекло должна определяться по себестоимости с наложением до окончания войны прибыли в 5%, а после войны — 10%³. Себестоимость... не превысит 300 руб. за пуд».

¹ РГВИА. Ф. 369. Оп. 1. Д. 122. Л. 2, 14; *Рождественский Д.С.* Записка. С. 594; *Цейтлин М.А.* Указ. соч. С. 124; *From Tsarism to the New Economic Policy*. P. 196.

² РГВИА. Ф. 29. Оп. 3. Д. 786. Л. 2; *Рождественский Д.С.* Записка. С. 594; *Стожаров А.И.* Наука об оптическом стекле. С. 450; *Качалов Н.Н.* Указ. соч. С. 448.

³ Выдвинутые пожелания — в духе британских деловых традиций работы на русском «рынке» казенных военных заказов, они напоминают условия концессии «Виккерса» на пушечный завод в Царицыне и на пороховой завод под Владимиром. Царь был воспитан «в сознании своих обязанностей по отношению к России», — свидетельствовал вел. кн. Александр Михайлович. Из года в год «Самодержец Всероссийский испытывал

В случае согласия военного ведомства, сообщал Волков, «Императорские заводы немедленно приступят к оборудованию устройств, необходимых для валового производства, и я убежден, что в конце апреля 1916 г. уже явится возможность поставлять стекло в потребном количестве»¹. Между тем стекло приходилось варить в глиняных горшках, а изготовление их требовало длительного высушивания (малые горшки — не менее двух месяцев, 100-литровый горшок — около года) по очень строгому режиму². «Необходимо дать гарантии», — распорядился Поливанов.

В то же время Фарфоровый завод отклонил предложение поставлять стекло для аппаратов оптического телеграфирования. По разъяснению Кабинета от 14 января 1916 г., такое стекло «по исследовании оказалось обыкновенным зеркальным, которое императорским стеклянным заводом не изготавливается. Вследствие этого заказ... дан быть не может». Учитывалось, очевидно, что оборудование завода специальными бельгийскими печами-машинами потребовало бы больших средств, как и приобретение патента³.

16 января Поливанов сообщил Волкову, что «определить точно потребность... на 10 лет не представляется возможным. В настоящее время для состоящих в ведении ГАУ оптических заводов требуется ежемесячно 35 пудов... то есть

материальные затруднения», ему не хватало обычных 200 тысяч рублей «на личные нужды». При этом Фредериксу «было строжайше запрещено» вкладывать деньги в какие бы то ни было частные предприятия, «чтобы не дать пищи разговорам о том, что Государь Император заинтересован в той или иной отрасли промышленности» (*Великий князь Александр Михайлович*. Книга воспоминаний. М., 1991. С. 131).

¹ РГВИА. Ф. 369. Оп. 1. Д. 122. Л. 1 об.—2. В «Обзоре деятельности Кабинета» указано, что заводу уже «гарантированы заказы... на оптическое стекло в течение 10 лет, всего на 750 пудов в год» (с. 100).

² Жуковский Г.Ю. Указ. соч. С. 37; Стожаров А.И. Начало производства оптического стекла в СССР // Оптико-механическая промышленность. 1957. № 5. С. 65.

³ РГВИА. Ф. 369. Оп. 1. Д. 122. Л. 10, 11, 15; Материалы по истории. Вып. 1. С. 7. Ряд других частных заводов («Северного стекольно-промышленного общества» в Петрограде, «Анонимного общества зеркальных заводов» в Константиновке и др.) принимал за опыты по изготовлению зеркального стекла, применяемого в виде призм в биноклях, панорамах, стереотрубах, заменяя оптическое стекло, отмечал Артиллерийский комитет 7 ноября 1915 г. (РГВИА. Ф. 504. Оп. 10. Д. 8. Л. 305 и об.).

420 пудов в год» — 4200 пудов на 10 лет. «Следует полагать, что эта потребность не уменьшится в течение предстоящих 10 лет, а увеличится, но в какой мере — это зависит от причин, которые нельзя теперь предусмотреть». Морское ведомство тратило 250 пудов в год. Таким образом, совокупно армия и флот могли взять до 670 пудов в год¹.

5 февраля 1916 г. Совет министров постановил дать Фарфоровому заводу «гарантии в обеспечении казенными заказами»². На этом заседании Совета министров Поливанов указал ежегодную гарантированную для Фарфорового завода потребность военного ведомства в оптическом стекле 420 пудов.

Тем временем артиллеристы взвешивали сравнительные преимущества создания еще одного, частного либо казенного, завода оптического стекла. Выяснилась возможность быстро построить свое предприятие, воспользовавшись пустующим винным складом с прилегающей городской территорией в г. Изюме Харьковской губернии. В таком случае ГАУ «явится полным хозяином предприятия, чего не будет при выдаче субсидии частному заводу, и будет иметь возможность устанавливать производство любого сорта нужного стекла и нормировать цену продукта» при закупках у частных поставщиков. «Опыт войны ясно показал, — утверждал Маниковский, — что только казенные заводы могли быстро смобилизоваться и своевременно начать поставки». Близость к Харькову позволяла пользоваться научным содействием местной профессуры и технических специалистов, лабораториями высших учебных заведений, не ожидая пуска собственной лаборатории, а если бы потребовалось, то ГАУ с таким же успехом, как и Кабинет, могло получить содействие фирмы «Чанс». Принималось во внимание также наличие местных материалов: угля, глины и песка.

19 февраля 1916 г. Маниковский доложил Поливанову, что нужно строить собственный завод ведомства, так как мощности Фарфорового завода, «даже при полной успеш-

¹ РГВИА. Ф. 369. Оп. 1. Д. 122. Л. 3, 9; Ф. 29. Оп. 3. Д. 786. Л. 6—7. Ответ Поливанова воспроизводит справку, представленную из ГАУ 19.XII.1915 (Там же. Ф. 504. Оп. 10. Д. 8. Л. 547).

² Вопросы истории. 1994. № 10. С. 155.

ности работы», не хватит. «При существующем оборудовании Фарфоровый завод, по имеющимся сведениям, мог бы выплавить около 38 пудов годного стекла в месяц», но «потребность только одних секвестрованных заводов Гёрца и Цейса составляет 35 пудов», всего же артиллерийскому ведомству требуется 110 пудов; на исполнение морских заказов — еще 21 пуд; всего в месяц, таким образом, — 131 пуд; если Фарфоровый завод и даст 38, то «93 пуда оптического стекла в месяц все-таки нужно получать из-за границы». К этому добавлялось изготовление зеркального стекла, от чего отказался Кабинет. В настоящее время, докладывал Маниковский, «по почину артиллерийского ведомства производятся уже попытки к установлению шлифовки прожекторных зеркал у нас»; в случае успеха «явится новая потребность в зеркальном стекле... около 100 пудов в месяц».

«Постройка казенного завода... является желательной», — поддержал ГАУ Лукомский. Иначе отозвался министр, предчувствовавший скорую опалу и встревоженный угрозой столкновения с Кабинетом. «Мы только что заявили, что потребность в количестве стекла вполне определить нельзя, — гласила резолюция Поливанова от 20 февраля, — и потому показали таковую для Фарфорового завода в очень скромной цифре, а теперь становимся на путь постройки своего завода. Я не сторонник казенного хозяйства в тех его отраслях, которые могут изготавливаться частной промышленностью, а потому предпочитаю обосноваться на Фарфоровом заводе и на предложении Мальцовских заводов»¹.

Лукомский должен был признать, что Поливанов правильно указывает на «непонятную разницу в расчетах ГАУ»: оно «на протяжении незначительного времени» заявило сначала 35 пудов (в декабре), а затем 110 пудов (в феврале). Неудивительно, что военному министру было «более чем неудобно» выставить подобное обоснование постройки нового завода, да еще оспариваемое Кабинетом. Фарфоровый завод, если б ГАУ сразу назвало бóльшую цифру, в большем размере устраивал бы свое производство. Маниковскому 23 февраля было предписано «срочно выяснить

¹ РГВИА. Ф. 29. Оп. 3. Д. 786. Л. 1, 2 об., 3 об.—6 об.

точную потребность» и объяснить расхождение цифр, узнать, может ли Фарфоровый завод развиваться насколько требуется, и, получше разобравшись с условиями завода Игнатьева в Гусе-Хрустальном, сделать доклад заново¹. ГАУ, оправдываясь, представило справку: в делах имеется «бумага из Кабинета Е.И.В., что завод может варить в месяц до 400 пудов стеклянной массы, из которой может получиться годного стекла, по примеру заграничных заводов, около 10%, то есть 40 пудов». Переделанный доклад Маниковского Поливанов снабдил резолюцией «Согласен»².

С конца марта 1916 г. на Фарфоровом заводе действовали нефтяные «печи проф. Грума»; в конечном счете именно в этих печах, а не в английских газовых, главным образом производились плавки, даже по технологии фирмы «Чанс»³. (Тем временем в Артиллерийском комитете заканчивалось составление проекта собственного завода ГАУ.)⁴ Кабинет рассчитывал, что в апреле—июне выплавка годного стекла постепенно дойдет до 50—60 пудов в месяц, а «с пуском мастерских, сооружаемых по плану фирмы «Чанс», достигнет, начиная с октября с. г., 130—160 пудов» (около 1800 пудов в год) — если «в течение постройки печей не

¹ РГВИА. Ф. 29. Оп. 3. Д. 786. Л. 6—7 об. Расхождение коренилось в данных А.Г. Гагарина. Оно объяснялось тем, что Гагарин суммарно в 110 пудов оценил месячную потребность всех оптических заводов (секвестрованных заводов бывш. Гёрца—Цейса, Обуховского, Герцика, Российского а. о. оптического и механического производства, завода Крауса в Петрограде, Таубера—Цветкова в Москве), хотя без учета заказов морского ведомства. Гагарин доложил эту сводку 22 декабря 1915 г. IV отделу Артиллерийского комитета. Из нее следует, что в 35 пудов определялась месячная потребность одного только завода ГАУ (бывш. Цейса—Гёрца). По поводу же 110 пудов Гагарин сообщил комитету, что «удовлетворение этой потребности можно ожидать от Императорского фарфорового завода не раньше лета 1916 г.» (Там же. Ф. 504. Оп. 10. Д. 8. Л. 325 и об. Журнал Артиллерийского комитета, 25.XII.1915).

² Там же. Д. 792. Л. 8, 8 об. 22 февраля 1916 г. Волков уведомил ГАУ, что Фарфоровый завод будет давать около 40 пудов в месяц, причем это стекло будет поровну предоставлено ГАУ и морскому ведомству, «и только при дальнейшем оборудовании», «в будущем» мог бы вполне «удовлетворить потребность обоих ведомств» (Там же. Ф. 369. Оп. 1. Д. 122. Л. 65).

³ Стожаров А.И. Наука об оптическом стекле. С. 450.

⁴ РГВИА. Ф. 29. Оп. 3. Д. 792. Л. 8 об. «Ожидается, что к варке стекла можно будет приступить через 3—4 месяца, максимум через 6 месяцев со дня отпуска средств», — доложило ГАУ 29 марта 1916 г.

будет задержек в материалах и в железных частях конструкции в смысле их приобретения и доставки»¹.

4 апреля Волков, раздосадованный скептическими оценками перспектив Фарфорового завода, встретился с Маниковским и выразил недовольство, а на следующий день прислал и письмо с указанием на то, что сообщенные Маниковским в докладе Военному совету сведения о неспособности завода выплавлять более 38 пудов годного стекла в месяц, а также о недостатке свободного места для дальнейшего развития производства «противоречат действительному положению дела». «Выплавка годного оптического стекла в апреле, мае и июне с. г. будет постепенно возрастать, — писал Волков. — ...В июле, августе и сентябре будет получаться около 50—60 пудов в месяц, а начиная с октября и далее — около 130—160 пудов в месяц». Ничто не помешает и дополнительному расширению, тем более что прилегающие земли также принадлежат Кабинету².

Маниковский ответил Волкову 14 апреля примирительным письмом, призывая к сотрудничеству ведомств. Работы по артиллерийским заказам много, заверял он, ее «как для Фарфорового, так и для Изюмских заводов будет более чем достаточно, не говоря уже о применении оптического стекла в частной промышленности, а также и о необходимости изготовления зеркал для прожекторов». Но возможность расширения Фарфорового завода Маниковский вновь оспорил, имея в виду «необеспеченность Петрограда в стратегическом отношении» и сославшись на общий запрет на учреждение новых производств в столице, объявленный 26 февраля 1916 г.³ (постановления в этом смысле Николай II утвердил еще 8 декабря 1915 г.).

¹ РГВИА. Ф. 369. Оп. 1. Д. 122. Л. 65—66.

² Там же. Л. 21, 21 об. В журнале стеклозаводчиков 1 июня 1916 г. появилось победное сообщение: производство оптического стекла «до того развилось на Императорской фарфоровой фабрике», что возникла необходимость в постройке специального завода «в Екатеринбурге, на территории местной гранитной фабрики». В действительности замышлялось создание оптико-механического завода (для выпуска биноклей, фотообъективов, проекционных аппаратов) в помещении Петергофской гранитной фабрики, тоже принадлежавшей Кабинету (*Осиновский А.Н., Кононков А.Ф.* Указ. соч. С. 42; *Очерки по истории советской науки и культуры.* М. 1968. С. 122).

³ РГВИА. Ф. 29. Оп. 3. Д. 792. Л. 24—25 об.

В мае 1916 г. на Фарфоровом заводе состоялся «первый выпуск русского оптического стекла»¹. «Чуда» не произошло. Вопреки ожиданиям, вместо ежемесячных 50 пудов завод дал 25 фунтов стекла («то есть почти в 100 раз меньше предположенной выше подачи до 2400 фунтов в 1 месяц»), и ГАУ жаловалось, что «из-за недостатка оптического стекла начинает уже задерживаться выход биноклей и стереотруб с нашего завода» (бывш. Цейса и Гёрца)². В июне выпуск достиг 14,4 пуда (в начале 1917 г. 30 пудов), но Рождественский называл и другой показатель — 8,8 пуда за восемь плавок в июне 1916 г. Он и такой результат расценивал как «фантастический» и пояснял, что еще «вопрос в том, какое стекло считать годным». Отмечались «большие колебания оптических данных каждого сорта стекла»³.

В этом вопросе отчетные сведения Фарфорового завода основывались на «принципиальной неправильности в постановке отбора годного стекла». При строгой оценке «вряд ли из 8,8 пуда “годного” стекла оказался бы 1 фунт действительно годного». Но по сравнению с тем, что поступало в Россию из США (в биноклях), оно все же было «несравненно лучше» (заказываемое в США стекло поступало «неудовлетворительного качества и по тройной цене»⁴). Оптико-механические мастерские Обуховского завода и завода ГАУ (бывш. Цейса—Гёрца) не браковали лишь четверть «годного» стекла, но, по мнению Рождественского, мера их придирчивости зависела от того, сколько они сами успевали приготовить металлических частей для сборки инструмента⁵. Обращает на себя внимание и тот факт, что, как выяснилось в мае 1917 г., Фарфоровый завод не только делал попытки изготавливать собственное оптическое стекло, но и давал «прямые заказы» фирме «Чанс» — негласно, минуя Русский правительственный комитет в Лондоне, централизовавший заказы

¹ *Технология стекла*. Т. 2. С. 372—373.

² РГВИА. Ф. 369. Оп. 1. Д. 122. Л. 66.

³ Первый призмный бинокль 6-кратного увеличения «целиком из русского стекла» был выпущен Обуховским заводом в 1917 г. (*Фрейберг* С. Указ. соч. С. 104).

⁴ РГВИА. Ф. 504. Оп. 10. Д. 8. Л. 481. Петровский — А.А. Игнатьеву, 18.XII.1916.

⁵ *Рождественский Д.С.* Записка. С. 596—597.

за границей, оплачиваемые на английские кредиты¹. Одновременно правительственная печать распространяла сообщения о том, что «оптические стекла, впервые приготовленные в России» по своему совершенству «почти вне всякой конкуренции со стороны соответственных отраслей иностранного производства». Упоминание о помощи английских специалистов сопровождалось оценкой «затрат по организации всего данного дела» в 2,5 млн руб.²

В ГАУ о действительном положении дел в кабинетском заводе хорошо знали благодаря тому, что там сотрудничал проф. Жуковский. Как свидетельствовал А.Г. Гагарин, он «держит артиллерийское ведомство в курсе хода работ на Императорском фарфоровом заводе». Но эта его роль не могла оставаться тайной, и еще 3 декабря 1915 г. Волков сообщил Маниковскому, что полагает возможным обойтись без дальнейшего участия Жуковского в изготовлении оптического стекла. А когда Гагарин, чтобы спасти положение, предложил Маниковскому «ходатайствовать о назначении теперь же проф. Жуковского на должность приемщика на этом заводе», то Волков поспешил до решения этого вопроса в ГАУ передать через Гагарина, что «не соглашается на назначение приемщика». Запрошенный по этому делу Лойко посоветовал не настаивать, потому что «в случае назначения приемщика от артиллерийского ведомства опасаясь, чтобы секвестрованные оптические заводы (Цейса—Гёрца, управляемые Лойко. — В. П.) не были бы поставлены в худшие условия по снабжению стеклом, чем оптический завод морского ведомства», который своего приемщика не назначает. «Ввиду недостатка в стекле придется часто довольствоваться» стеклом Фарфорового завода, «хотя бы и не вполне удовлетворительного качества», и, введя приемку, не будет возможности выдерживать определенные, бесспорные требования к качеству³.

¹ РГВИА. Ф. 504. Оп. 10. Д. 64. Л. 21. Телеграмма Гермониуса из Лондона А.А. Михельсону в Главзагран, 22.V.1917.

² Вестник прикладной химии и химической технологии. М., 1916. № 11—12. С. 668—669 (со ссылкой на сообщение И. Корзухина в «Торгово-промышленной газете» № 232).

³ РГВИА. Д. 8. Л. 541—542, 544. Гагарин — Маниковскому, 17.XII.1915; Рапорт Лойко, 29.XII.1915.

Видя затруднения кабинетского завода, ГАУ 15 апреля 1916 г. внесло в Военный совет доклад об устройстве собственного завода производительностью до 1000 пудов стекла в год. При годовой потребности военного ведомства в 1300 пудов предполагалось, что 420 пудов даст Фарфоровый завод. Военный совет 21 апреля дал согласие и обязал ГАУ немедленно по образовании строительной комиссии приступить к сооружению; постановление получило санкцию царя 8 мая 1916 г.¹

24 мая дело о соответствующем ассигновании рассматривалось в Совете министров, где Волков добивался преимущественных заказов Фарфоровому заводу, указывая на то, что его «производительность... не ограничивается теми 420 пудами, которыми бывший военный министр [Поливанов] определил в заседании Совета министров 5 февраля 1916 г. ежегодную потребность». Когда понадобится больше, то мощность Фарфорового завода можно «легко», «с самым ограниченным добавочным оборудованием» развить до 1200 пудов ежегодно, «причем не исключена, конечно, возможность дальнейшего усиления производства — во всем объеме заявленной военным ведомством потребности», пусть только укажут, какова же она. Настойчивость Кабинета повлияла на принятое Советом министров решение: считать преждевременной дальнейшую разработку «вопроса о постройке нового казенного стеклянного завода»; Военное министерство должно «предварительно войти в ближайшее с Министерством Императорского двора сношение на предмет выяснения возможности удовлетворения последним всей испытываемой военным ведомством в оптических стеклах потребности»².

Новый военный министр Шуваев на заседании не возражал против такой ликвидации дела, внесенного опальным предшественником, и решение Совета министров оставалось только оформить по всем правилам в виде журнала.

¹ РГВИА. Ф. 29. Оп. 3. Д. 786. Л. 11—12; Ф. 2011. Оп. 1. Д. 16. Л. 222, 222 об.

² Там же. Ф. 2011. Оп. 1. Д. 16. Л. 222 об. ОЖСМ 24 мая и 8 июля 1916 г. «О постройке казенного завода для выделки оптического стекла»; Там же. Ф. 369. Оп. 1. Д. 122. Л. 71, 71 об. Проект ОЖСМ 24 мая 1916 г.

11 июня Канцелярия Военного министерства указала ГАУ, что «впредь до особого со стороны Канцелярии уведомления надлежит воздержаться от какого-либо расходования отпущенной на эту надобность из военного фонда суммы в 100 тысяч рублей»¹. Но в процесс подготовки официального текста журнала Совета министров энергично вмешался Маниковский. Он подал такие «замечания» на проект журнала, что в действительности они сводились к отмене принятого постановления, — как выразился управляющий делами Совета министров И.Н. Лодыженский, «возражения, затрагивающие самое существо состоявшегося в заседании 24 мая решения». В представленной Маниковским в июне записке² ГАУ настаивало на создании собственного завода наряду с существующим кабинетским Фарфоровым.

Помимо того что недопустимо в производстве боевых материалов «базироваться на одном лишь этом [кабинетском] заводе» — он может пострадать от диверсии, пожара, воздушной бомбардировки, перерыва подвоза, забастовок, ГАУ ссылалось еще и на его окраинное местоположение, неудобное в смысле «снабжения его всем необходимым»: завод работает на всем привозном (песок, глина, топливо). Перемещение же такого завода на новое место равносильно постройке его заново. Расширять его нельзя из-за запрета на «дальнейшее во время войны развитие фабрично-заводской промышленности» в Петрограде. «Необходимо, — писал Маниковский, — чтобы заводов было не менее двух и в значительно удаленных районах».

ГАУ стремилось иметь «в одних руках» производство стекла и оптических приборов, то есть, по сути, два завода, поскольку беспрепятственное усовершенствование оптических приборов связано с «непроизводительными расходами и постоянной огромной лабораторной работой», явно невыгодной постороннему производителю. «Такая именно связь стекловаренного и оптического заводов намечена ар-

¹ РГВИА. Ф. 29. Оп. 3. Д. 786. Л. 11, 11 об. Председатель строительной комиссии не посчитался с таким запретом и все же пригласил для проектирования заводских зданий инженера, уплатив за эту работу 1850 руб. из своих средств. В дальнейшем ему эта затрата была возмещена.

² Там же. Ф. 369. Оп. 1. Д. 122. Л. 63, 65—70.

тиллерийским ведомством в г. Изюме, где оба завода предположено расположить на одной территории. У Фарфорового завода подобной связи с нашим оптическим заводом не имеется, и едва ли можно рассчитывать на столь необходимую, но безусловно очень недешево стоящую отзывчивость Фарфорового завода к новым потребностям артиллерии»¹.

Как заявлял начальник ГАУ, ссылаясь и на свою переписку с Волковым в апреле 1916 г., «оптическое стекло должны изготовлять и Фарфоровый и Изюмский заводы»; «совместная работа этих заводов на почве благородной конкуренции была бы очень полезна для государства. Монополии тут быть не должно»².

Подобная постановка вопроса вредила коммерческим интересам Кабинета; на их защиту встал уже и сам министр двора. Фредерикс запросил Шуваева, будет ли Фарфоровому заводу дана десятилетняя гарантия прибыльных заказов на оптическое стекло; в противном случае «встречается сомнение в целесообразности затрат еще до 1 млн руб. на установку валового производства стекла на Императорских заводах»³.

Для сомнений имелись и другие основания. Стеклозаводчикам было известно, что низший заводской персонал — стекловары, гончары, каменщики — состоит из «людей, имеющих самые фантастические представления о предметах, явлениях и процессах, над которыми... они работают. При всем желании они не могут вполне добросовестно исполнять требования, им совершенно непонятные, кажущиеся им... капризами, “мудрствованием”; от них нельзя добиться точных показаний, сведений... Приложение к практике теоретических знаний почти невозможно при таких условиях, но еще труднее вести систематические наблюдения, производить опыты»⁴. В 1916 г. при содействии министра народного

¹ На необходимость соединить стекольное и механическое производства указывал положительный опыт предприятия Шотта—Цейса в Йене (Жуковский Г.Ю. Указ. соч. С. 124—125), а равно и отрицательный — Фарфорового завода.

² РГВИА. Ф. 369. Оп. 1. Д. 122. Л. 65.

³ Там же. Л. 64, 64 об.

⁴ Доклад С.Л. Гуревича на съезде стеклозаводчиков // Материалы по истории... Пг., 1917. Вып. 2. С. 36.

просвещения Игнатьева было учреждено Техническое училище по керамико-стеклольному делу, но организационный период училища затянулся по меньшей мере до осени 1917 г. В данном случае подтверждается общее заключение историографии о том, что слабость профессионально-технического образования в империи не позволяла «в полной мере обеспечить возрастающие запросы промышленности» на специалистов, обладающих высоким уровнем технической и практической подготовки, а также о «катастрофическом дефиците специалистов... практически во всех отраслях народного хозяйства»¹.

На Фарфоровом заводе постройка нового цеха закончилась к осени 1916 г., и к зиме удалось поставить «выпуск этого продукта в небольших количествах», — вспоминал Качалов. Качество стекла, «несмотря на малый выход, было низкое»². Морское ведомство в июне запросило завод, сможет ли он дать в два года три тонны стекла для перископов (то есть по 31 пуду в месяц), ГАУ в сентябре 1916 г. интересовалось, удастся ли получить по 50 пудов, хотя бы и не идеального качества. Завод отвечал, что даст доброкачественного стекла не свыше 15—18 пудов в месяц³. Но кое-каких результатов завод все же достиг⁴.

На июнь 1916 г. общая потребность в оптическом стекле составляла около 35 пудов в месяц для казенного оптического завода (бывш. Гёрц—Цейс) и еще около 75 пудов для частных — «исполняющих или могущих исполнять заказы» ГАУ⁵ (в разряд частных предприятий чиновники ГАУ иногда зачисляли и «чужой» — морской — Обуховский завод). Ввоз оптического стекла за 1914 г. достиг 1000 пудов, в

¹ *Сломинская Е.В.* Российская научно-техническая интеллигенция XVIII — начала XX века в отечественной историографии. Тула, 2013. С. 216, 183, 176, 172.

² *Качалов Н.Н.* Указ. соч. С. 449. По сообщению управляющего заводом Министерству торговли и промышленности, в октябре строительство было в разгаре, а полный пуск производства намечался на декабрь (*Орлов А.В.* Императорский фарфоровый завод // *Энциклопедия*. Т. 1. С. 803).

³ *Орлов А.В.* Указ. соч. С. 804.

⁴ *Технология стекла*. Т. 2. С. 386; *Бахрах А.М.* Указ. соч. С. 196, 198; *Стожаров А.И.*: 1) Начало производства. С. 65; 2) Наука об оптическом стекле. С. 450.

⁵ РГВИА. Ф. 369. Оп. 1. Д. 122. Л. 65.

1915 г. — 1560 пудов¹. Летом 1916 г. продолжались сделки с поставщиками стекла во Франции. Петровский (ГАУ) просил военного агента в Париже «дать дополнительный заказ» заводу «Хенне» (или «Генне», Henné), несмотря на то что «данными уже заказами на стекло заводам Парра-Мантуа [и] «Чанс» наш казенный завод обеспечен вполне». Завод Парра-Мантуа отличался «крайне медленной сдачей стекла», между тем Хенне, получивший весной 1915 г. пробный заказ на 1368 кг стекла (по 228 кг в месяц), как выяснилось, дал стекло «удовлетворительных качеств» и брался изготовить вдвое большее количество².

8 июля 1916 г., вновь рассмотрев доклад Военного министерства о казенном заводе оптического стекла, Совет министров разрешил строить завод «в полной исчисленной по представлению сумме» (1,2 млн руб.), 26 октября отпустил еще 4,8 млн руб. на сооружение оптико-механического завода³.

В дальнейшем стоимость обоих оптических заводов в Изюме возросла вдвое. Первоначально предполагалось, что сооружение и оборудование завода оптического стекла (на 1000 пудов в год) займет строительный сезон 1917 г.⁴

В итоге установить свое производство оптического стекла в промышленном масштабе в то время не удалось. По заключению ГАУ, в 1917 г. Фарфоровый завод давал стекло «таких сортов и качества и в таком количестве, что увеличить более или менее ощутительно производство биноклей за счет этого стекла... не представляется возможным»⁵. В конце 1917 г. постройка в Изюме остановилась, но в 1923 г.

¹ Стожаров А.И. Наука об оптическом стекле. С. 450.

² РГВИА. Ф. 2000. Оп. 1. Д. 829. Л. 72, 72 об.; Ф. 504. Оп. 10. Д. 8. Л. 372. В переписке Игнатьева с ГАУ упомянута еще фирма «Греллио» (встречаются также написания Граллио, Грайо, K. Grallie, Grallio, Graillot, Grayllot), поставлявшая в 1916—1917 гг. по 200 призм в месяц и предлагавшая увеличить размер поставки до 500, на что ГАУ не согласилось (Там же. Ф. 504. Оп. 10. Д. 64. Л. 14, 25—26, 19).

³ Там же. Ф. 2011. Оп. 1. Д. 16. Л. 222—223; Ф. 504. Оп. 10. Д. 87. Л. 195—196.

⁴ ВПР. С. 624—625. К весне 1918 г. завод считался построенным на две трети (Российский государственный военный архив. Ф. 20. Оп. 2. Д. 482. Л. 30. Протокол заседания Совета ГАУ, 4.IV.1918).

⁵ Иванов Н.И. Указ. соч. С. 69; РГВИА. Ф. 29. Оп. 3. Д. 1010. Л. 125 об.

была возобновлена¹. В Петрограде оптический отдел Фарфорового завода был остановлен на консервацию в 1920 г. К тому времени английский метод «был более или менее освоен», но выпускалось лишь небольшое количество стекла, да и «качество продукции было невысокое». До февраля 1918 г. было проведено 585 плавок; хотя трудоемкие подготовительные операции выполнялись вручную или с помощью примитивных устройств, удалось получить три тонны годного стекла, то есть около половины обещанного годового производства в 420 пудов (6,7 тонны)². С 1926 г. Рождественский изменил метод перемешивания расплавленной массы, отказавшись от английской технологии, и разработал «совершенно новый процесс ускоренных варок», основанный на идее физика Дж. Мореля, после чего и производительность и качество продукции ЛенЗОС и ИЗОС существенно повысились³.

Примечательно, что в своих воспоминаниях исследователи-энтузиасты, приложившие огромные усилия для насаждения сложнейшего и ответственного производства, с сознанием исполненного долга описывая реальные обстоятельства, не считали для себя достойным скрывать трудности, встретившиеся на этом пути.

За годы войны к выпуску оптического стекла были привлечены 7 заводов в США, по 4 завода в Англии и Франции, 3 — в Германии, 1 в Японии⁴. В Англии и США утверждение производства оптического стекла в годы войны происходило при государственной поддержке. С фирмой «Чанс» английское правительство заключило выгодный для нее в финансовом отношении контракт, и фактически предприятие стало наполовину государственным, получая от

¹ Генерал В.С. Михайлов. С. 271.

² Указывая, что за 1916—1917 гг. завод дал около 7 т годного стекла, Осиновский и Кононков, видимо, приняли за факт именно этот проектированный показатель (Осиновский А.Н., Кононков А.Ф. Указ. соч. С. 39).

³ Качалов Н.Н. Указ. соч. С. 451; Стожаров А.И. Д.С. Рождественский // Воспоминания об академике Д.С. Рождественском. Л., 1976. С. 97; Morey G.W. An Improved Method of Optical Glass Manufacture // Journal of American Ceramic Society. 1919. № 2; Технология стекла. Т. 2. С. 374.

⁴ Бужинский И.М. Производство оптических стекол в СССР // Сквозь призму стекла и времени. М., 2004. С. 11.

правительства также и научно-техническое содействие. К 1918 г. Великобритания располагала собственным производством оптического стекла, зависимость от Франции была преодолена¹. В США перед войной основной производитель оптического стекла представлял собой, по сути, филиал «Шотта—Цейса». Участие в создании новой отрасли приняло правительство, поставив ее под строгий контроль; рациональное государственное административное и научно-техническое руководство создаваемыми новыми предприятиями позволило с успехом решить проблему².

Русская частная промышленность в этой области не сказала своего слова — если не считать обращения к власти, как обычно, с ходатайством о защите «от иностранной конкуренции», чтобы избавить русские заводы от «ненормальных условий деятельности» вследствие недостаточно высокого таможенного барьера³. Полугодовое же состязание между артиллерийским ведомством и принадлежавшим царю привилегированным псевдокоммерческим предприятием, претендовавшим на монопольное положение, замедлило принятие решений, и без того запоздавших еще в 1909 г. В итоге ни Кабинету, ни собственно казенной промышленности, этим двум разнородным по своему внутреннему строю, но одинаково архаическим структурам, не по силам оказалась сложная научная и техническая задача. Были выпущены «первые небольшие партии оптического стекла, далеко не совершенного по качеству», но новое производство «не могло считаться установившимся», что особенно проявилось в 1925—1926 гг. По словам Рождественского, Фарфоровый завод в 1917 г. «еще находился в героическом периоде своей деятельности», до 1920 г. шло строительство больших печей, а «настоящая плавка еще не начиналась»⁴. Отдаленная возможность овладеть монопольной техноло-

¹ MacLeod R., MacLeod K. Op. cit.

² Sambrook St. No Gunnery Without Glass. <http://www.europa.com/~telescope/binotele.htm>.

³ Журнал заседания XI общего съезда стекозаводчиков 19 марта 1917 г. // Стекозаводчик. 1917. № 4—5. С. 2.

⁴ Кононков А.Ф., Осинковский А.Н. Создание советской оптики и деятельность Д.С. Рождественского // Очерки по истории советской науки и культуры. С. 122; Рождественский Д.С. Записка. С. 597.

гией, принадлежавшей зарубежной фирме, открылась лишь благодаря условиям мировой войны, диктовавшим Великобритании заинтересованность в поддержании боеспособности царской армии.

СВЯЗАННЫЙ АЗОТ ИЗ ВОЗДУХА

Способность промышленности снабжать фронт артиллерийскими снарядами, сама по себе недостаточная, была в начале войны подорвана прекращением ввоза из Германии основного сырья для изготовления взрывчатых веществ — бензола и толуола¹. Правительство, готовясь к войне, недооценило серьезность этой давно выявленной угрозы, как и затруднений с получением селитры из Чили — основного поставщика другого главного сырья. Германия, также использовавшая до войны чилийскую селитру и теперь ее лишившаяся, преодолела последствия этого урона благодаря тому, что немецкие химики сумели поставить в промышленном масштабе собственное производство, основанное на новой технологии получения связанного азота. В России разработки в этой области не дали ощутимого результата.

Внимание к ней было привлечено еще во время войны с Японией. Начальник химической лаборатории Николаевской инженерной академии А.И. Горбов² уже тогда с тревогой указывал на то «интересное обстоятельство, что Германия является главной поставщицей даже и таких продуктов, которые не добываются в ней; так, например, из почти 800 тысяч пудов чилийской селитры, которые были ввезены к нам в 1903 г., около 700 тысяч пудов (точно 86,87%) поступили из... Гамбурга». Также «из Германии преимущественно были ввезены “концы”, идущие на приготовление бездымного пороха»³. Горбов считал нужным, чтобы специ-

¹ Урибес Э. Указ. соч.; Трофимова Е.В. Создание и деятельность Химического комитета при Главном артиллерийском управлении в годы Первой мировой войны. М., 2002; Дмитриев И.С. Указ. соч. С. 30—32, 58—59.

² О Горбове (1859—1939) см.: Гончаров Вл. Из следственного дела А.И. Горбова // Источник. 1996. № 6. С. 82—83.

³ ВПР. С. 202—203.

алисты «ознакомились с искусственными способами добы-
вания азотной кислоты (из аммиака — способ Оствальда и
из азота и кислорода воздуха — американский способ) и что-
бы наиболее экономически выгодный из них был прочно
поставлен у нас». В конце 1905 г. глава военно-инженерного
ведомства великий князь Петр Николаевич учредил Комис-
сию по добыванию азотной кислоты из воздуха под предсе-
дательством Г.А. Забудского¹. Попытки собрать исходные
данные из литературы и «путем частной переписки с раз-
личными представителями науки и техники в Норвегии» ни
к чему не привели, и «комиссии не оставалось ничего дру-
гого, как приступить к самостоятельным опытным иссле-
дованиям»². Поставленные в физической лаборатории Гор-
ного института первоначальные опыты вселяли надежду на
успех, и Горбов сконструировал собственный тип электри-
ческой печи для сжигания воздуха. 18 мая 1906 г. Военный
совет предоставил 10 тысяч руб. на дальнейшие опыты «в
бóльших размерах, более близких к заводским»; они прово-
дились в Петербургском Политехническом институте «в осо-
бом помещении, которое и было приспособлено для этого
на средства Института». Работы исследователей затянулись,
сожалел Горбов, так как «можно было вести опыты только в
свободное от обязательных занятий время, то есть главным
образом по воскресеньям и праздникам»³. Год спустя комис-
сия Забудского вновь, казалось, получила благоприятные
результаты и запросила ГАУ, какое количество азотной кис-
лоты ему нужно «как в мирное, так и в военное время», на-
мереваясь подготовить расчеты для создания специального
завода. Выяснилось, что, исходя из максимального выпуска
пороха в условиях войны Охтенским, Шостенским и Казан-
ским заводами, им потребуется кислоты, соответственно,

¹ В ее состав вошли: от ГАУ профессора В.Н. Ипатьев, А.В. Сапож-
ников, полк. Н.Н. Витторф, от морского ведомства П.П. Рубцов,
С.П. Вуколов, от Министерства торговли и промышленности профес-
сора Н.С. Курнаков, И.Ф. Шредер, В.Ф. Миткевич, от Главного инже-
нерного управления А.И. Горбов.

² Сапожников А.В. Азотная кислота и селитра из воздуха. СПб., 1911.
С. 53, 54.

³ РГВИА. Ф. 2000. Оп. 1. Д. 1787. Л. 24 об. Записка Горбова началь-
нику Главного инженерного управления, сентябрь 1909 г.

140 000 пудов, 108 000 и 119 000 (в мирное время — 50—60% этого количества)¹.

Ввиду достигнутых химиками успехов (тем не менее в 1907 г. закупка чилийской селитры была продолжена²) ГАУ отвергало услуги частных фирм, предлагавших установить электрохимическое производство азота при условии гарантированных на длительное время казенных заказов.

Одной из первых со своим проектом выступила фирма «Сломницкий Крейцбергер» (так в документах. — В. П.) от имени «группы финансистов, предполагающих в самом скором времени основать в пределах Российской империи крупный электрохимический завод». Сломницкий Крейцбергер ссылался на опыт норвежских предприятий и исчисленную возможность использовать энергию «водяной силы» в России. В заявлении от 20 февраля 1908 г. фирма предложила ГАУ поставлять азотнокислую известь (а не азотную кислоту — для удобства и безопасности перевозки), полученную из азота с помощью вольтовой дуги, по цене не дороже чилийской селитры. Как говорилось в заявлении, со временем азотнокислая известь могла найти широкий сбыт в качестве сельскохозяйственного удобрения. Но экстенсивность земледелия еще не позволяла полагаться на быстрое образование такого рынка сбыта, поэтому предприниматели не могли вложить средства в создание нового завода без договора с ГАУ и запрашивали ведомство, на какое количество азотнокислой извести и на сколько лет возможен заказ от артиллерии. На этот запрос ГАУ ответило через три месяца формальной отпиской: азотнокислую известь в ГАУ не используют; но если б она и потребовалась, то ни на какие гарантированные заказы нечего надеяться (да и не ГАУ, вообще, утверждает заготовительные сделки)³.

В то время вопрос «об утилизации атмосферного азота» с целью получения азотной кислоты и ее солей уже служил

¹ РГВИА. Ф. 504. Оп. 8. Д. 2376. Л. 94—96 об.; Д. 2391. Л. 2. Максимальный выпуск пороха был указан по Охтенскому заводу — 80 тысяч пудов бездымного пороха и 10 тыс. пудов лекального пироксилинового; по Казанскому — 62 тыс. пудов и 10 тыс. пудов соответственно и по Шостенскому — 67 300 пудов бездымного пороха.

² РГВИА. Ф. 1. Оп. 1. Д. 70313. Л. 63 и об. ОЖСМ 22.VI. и 31.VII.1907.

³ ВПР. С. 334.

предметом обсуждения на 7-м международном конгрессе чистой и прикладной химии в Лондоне в мае 1909 г. Этот вопрос, по оценке В.Н. Ипатьева, «новый для многих стран и очень важный», привлек внимание участников конгресса, где «в особенности много было химиков немецких». Один из докладов сделал норвежец Кристиан Биркеланд, уже построивший в 1905 г. вместе с Сэмюэлем Эйде на норвежских водопадах первые заводы для сжигания азота кислородом воздуха в окись азота. По словам Ипатьева, «у многих явилось убеждение, что смелые попытки норвежских ученых в скором времени создадут новую эру в химической промышленности». Другой способ разработали в Германии Ф. Габер (за это открытие, синтез аммиака, он в 1918 г. получил Нобелевскую премию) и К. Бош; их технология применялась на заводах Баденской фирмы (именно этот способ и «спас Германию от азотного голода во время мировой войны»)¹.

В сентябре 1909 г. Горбов подал по инженерному ведомству новую записку². В ней, напомнив по пунктам, какие именно пробелы в снабжении вооруженных сил заполняются импортом, он обращал внимание на то, что итог исследований, проведенных комиссией в 1905 г., не только не опроверг его тревожных наблюдений, но и «еще более подчеркнул нашу подчиненность соседям». Основное содержание своей записки Горбов посвятил проблеме замены селитры, ввозимой из Чили, и указывал, что создать двухгодовые запасы чилийской селитры³ в принципе невозможно, так как «по своей гигроскопичности она не выдерживает долговременного хранения (выветривается) и действует разрушительно на помещения, в которых хранится». Опять обратившись к вопросу о замене селитры, ввозимой из Чили, он изложил

¹ Ипатьев В.Н. Жизнь одного химика. Воспоминания. Нью-Йорк, 1945. Т. 1. С. 347—349.

² РГВИА. Ф. 2000. Оп. 1. Д. 1787. Л. 22—23 об.

³ Как отмечал зав. техническими артиллерийскими заведениями ГАУ Якимович, «при настоящем положении дела на пороховых заводах предполагается иметь довольно большой запас селитры, как заграничного материала, на случай каких-либо недоразумений на нашей западной границе» (Там же. Ф. 504. Оп. 8. Д. 2391. Л. 134 об. Якимович — 6-му отделению ГАУ, 1.VII.1911).

результаты лабораторных исследований о способах добывания азотной кислоты из атмосферного азота с помощью электрической энергии.

Проводимые опыты, казалось, позволили выработать приемлемую технологию. Печь, сконструированная Горбовым и Миткевичем, уже в 1908 г. дала «богатый опытный материал»; в представлении членов комиссии, «несмотря на свою простоту устройства», она сулила результаты, «несколько не уступающие» действию печи Биркеланда и Эйде (в 1909 г. Миткевич побывал в Норвегии и осматривал их оборудование, посетив Нотодденский завод), даже «превосходящие ее»; да и в отношении устройств фирмы BASF «пока еще трудно судить, имеются ли какие-нибудь серьезные преимущества» у немцев¹. Постановке этого производства в промышленном масштабе должно было предшествовать ассигнование небольших средств на окончание опытов, с одновременным обследованием гидроэнергетических ресурсов в бассейне Суны (река вблизи Кондопоги, севернее Петрозаводска). Постройка завода, по расчетам Горбова, обошлась бы в 4—5 млн руб. и заняла «не менее четырех лет». Допуская вероятность того, что к сооружению завода проявит интерес частный капитал, Горбов, однако, считал этот путь нежелательным: «Если предположить, что будет признано возможным временно отдать производство азотной кислоты для военного ведомства в частные руки, что равносильно, по-моему, передаче в руки частных лиц государственной обороны, то и тут было бы желательно принять во внимание необходимость долговременных предварительных изысканий и обширность гидротехнических работ, так как иначе может оказаться, что в конце концов завод запоздает и что в течение ближайшей войны мы принуждены будем... экономить ружейный и артиллерийский огонь».

Всеми этими соображениями обосновывалась целесообразность отпуска 56 тысяч рублей по смете военного ведомства на 1910 г. на химические опыты и гидротехнические изыскания. «Считаю важным отметить при этом, — доклады-

¹ Сапожников А.В. Указ. соч. С. 57, 45.

вал Горбов, — что если на Суне окажется больше 20 тысяч л. с., то они найдут применение для нужд того же военного ведомства, так как они необходимы для электрометаллургии... и для электрохимического добывания алюминия, водорода (для дирижаблей) и т. п.»¹.

Точку зрения Горбова, не склонного полагаться на частную инициативу, разделяли в ГАУ. 30 декабря 1909 г. туда обратился техник Ф.А. Фредер — «представитель заграничной группы, желающей заняться в России постановкою добычи азотной кислоты сжиганием воздуха по способу Биркеланда—Эйде». Подготовка ответа в ГАУ заняла три месяца (тем временем проблема «норвежской селитры» уже обсуждалась и в широкой печати)². 26 марта 1910 г. Фредеру сообщили, что казенным заводам ежегодно требуется 225—540 тысяч пудов селитры, но что «азотная кислота не приобретается казенными заводами, а изготавливается в них самих». Долгосрочного же договора не предвидится, и вообще поставку селитры или кислоты можно получить лишь путем конкуренции «на торгах на общих основаниях».

В эти же дни, 10 марта 1910 г., предложение соорудить завод поступило к военному министру от инженера М.А. Токарского — председателя Совета съездов металлостроителей Северного и Прибалтийского районов. Он представился как «единственное лицо, могущее организовать скорое получение азота внутри страны». Сделать это, заявил Токарский, способен «только я, в силу особого высочайше утвержденного за мной права на пользование Кондопожской водяной энергией в Олонецкой губернии». По его словам, достигнуть той же цели «путями, предположенными военным ведомством», удастся не раньше как через 6—7 лет (что и оправдалось), тогда как «я имею возможность осуществить снабжение армии отечественным азотом лет на

¹ РГВИА. Ф. 2000. Оп. 1. Д. 1787. Л. 26—27.

² 8 января 1910 г. в Политехническом институте декан электромеханического отделения проф. М.А. Шателен сделал доклад о передаче электроэнергии с помощью токов высокого напряжения. По этому поводу «Новое время» (10 января) отметило, что особенно «мы нуждаемся в удобрительных туках, вырабатываемых из азота (норвежская селитра), и в азотной кислоте для военной надобности, получаемой ныне исключительно из-за границы».

пять скорее». Он брался приступить к сооружению завода «немедленно» и, по его уверению, «без затрат со стороны военного ведомства». Однако тут же он сам обязательным условием такого шага выдвигал «подписание договора на предмет поставки азотной кислоты»¹.

Свое ходатайство Токарский подкрепил сообщением, что «сейчас в Гамбурге образовался синдикат... во главе с Морганом и Немецким банком» и с участием в нем «шведских заводов электрохимического изготовления азотной кислоты», а потому теперь «обеспечение русской армии порохом находится всецело в руках иностранцев». Действительно, в Норвегии и Швеции не оказалось достаточных капиталов для устройства электрохимического производства селитры, и Эйде сначала организовал фирму Norsk Hydro с привлечением преимущественно французского капитала, а затем другую (с участием немецкой фирмы BASF), существовавшую в 1907—1910 годах². Норвежцы предлагали и России уступить свою технологию в виде проекта химической части производства, рассчитанного на использование 24 тысяч л. с., за 870 тысяч рублей — без собственного участия в его реализации. Для этого нужно было прежде создать соответствующую электроэнергетическую базу. В этом качестве, с их точки зрения, больше, чем Суна, подходили реки Выг, Кемь и Поньгома с общим энергоресурсом в 180 тысяч л. с.³

О ходе собственных вялых переговоров, закончившихся отказом, Токарский позднее рассказывал так: «Я и два инженера из Варшавы сделали предложение в артиллерийское ведомство учредить на нашей водной энергии в Олонецкой губернии завод азотной кислоты» — за свои средства, «на свой риск и страх», не требуя никакого содействия от казны, кроме гарантированного десятилетнего заказа на азотную кислоту по существующей рыночной цене. «Дело поступило в разные комиссии артиллерийского ведомства, разбиралось там в течение около года, и [в 1912 г.] резолю-

¹ РГВИА. Ф. 504. Оп. 8. Д. 2391. Л. 5, 7—9.

² Derry T.K. A History of Modern Norway. Oxford, 1973. P. 194—195.

³ Юргенс Б.А. Первая гидростройка на Суне (из истории электрификации Карелии) // Ученые записки Петрозаводского университета. 1962. Т. 11. Вып. 1. С. 63.

ция одного из последних заседаний была такова: так как предприниматели говорят, что ими вопрос изучен досконально, а по мнению комиссии он изучен недостаточно ясно и точно, то это предоставление им заказа и невыполнение ими, в случае неудачи, может дискредитировать в России постановку частного изготовления азотной кислоты. А посему полагается отклонить это предложение. Ну хорошо, — подытожил свое сообщение Токарский, — мы ведь 800 000 так, на воздух, не хотели кинуть. Мы ведь уже 70 тысяч на изыскания израсходовали. (Смех.) Это курьезно... В частной практике никто бы не сказал лицам, предлагающим тратить свои деньги на дело, что, господа, вы с ума сходите, там ничего нет, вы тратите зря. Частные предприниматели, может быть, покачали бы головой, но отговаривать во всяком случае не стали бы»¹.

Обескураженный прожектор уступил землю под Кондопогой, предназначавшуюся для сооружения завода, «Красносельской писчебумажной фабрике наследников К.П. Печаткина».

У артиллеристов опыты продолжались. Комиссия Забудского проводила их на Сестрорецком оружейном заводе и в Химической лаборатории Артиллерийской академии (там были установлены поглотительные башни для опытов по преобразованию окислов азота в кислоту). 12 августа 1910 г. ГАУ подготовило законопроект об ассигновании на эти опыты в 1911 г. 40 тысяч рублей. Поливанов как временно управляющий Военным министерством, ознакомившись с этим докладом, посетил обе лаборатории, присутствовал при опытах и, «признавая крайнюю желательность» скорейшего успеха, 18 августа распорядился все же обойтись без обращения в Думу, а воспользоваться для продолжения экспериментов остатками по смете ГАУ 1910 г., и поэтому переделать доклад. Внесенный в Военный совет 9 октября переделанный доклад (на 25 тысяч рублей из остатков — «сбережений» по закупкам материалов, спирта и мазута Казанским пороховым заводом) был утвержден 23 октября 1910 г.²

¹ Труды съезда представителей военно-промышленных комитетов 25—27 июля 1915 г. Пг., 1915. Вып. 1. С. 94—95. Заседание 26.VII.1915.

² РГВИА. Ф. 504. Оп. 8. Д. 2391. Л. 14, 15, 31.

Обозревая ход исследований, Сапожников писал: с технической стороны «ожидать каких-нибудь серьезных затруднений... нет основания», главное — «отыскание необходимых источников водяной силы». Но тут же признавал, что «в какой форме и когда» будет достигнуто «практическое осуществление» проектов, «сказать сейчас невозможно». На весну 1911 г., по его словам, комиссия наметала «последнюю крупную серию опытов», и тогда «закончатся лабораторные исследования», «предмет пятилетней деятельности комиссии»¹.

Промедления в работе Комиссии Забудского отчасти объяснялись слабостью энергетического хозяйства Сестрорецкого завода (пруд, плотина, турбина). Заказывая в начале 1911 г. трансформаторы в Швейцарии и Германии, Забудский доносил ГАУ, что дело это срочное: использовать «избыток водяной энергии, потребной для успешного хода опытов» на Сестрорецком заводе, можно только в весеннее время, и если не поспешить, то комиссия не сможет «начать опыты весной или во всяком случае до летнего времени на СОЗ. А между тем с электрическими печами для азотной кислоты комиссия может рассчитывать главным образом только на весеннее время». 2 апреля 1911 г. состоялось экстренное решение построить для комиссии одноэтажное здание опытной станции на территории СОЗ². 29 июля Забудский рапортовал, что идет сооружение электростанции, из-за границы получены почти все заказанные приборы (ожидались еще электродвигатель и воздуходушный насос) и, кроме того, изготавливаются в механической мастерской Политехнического института электрические печи в 300 и 10 кВт и три водяных реостата. Однако изготовление печи для сжигания азота задержалось, и первые опыты Горбов и Миткевич провели лишь 16 октября.

Испытания печи проходили по воскресным дням, когда завод «имеет возможность предоставлять комиссии свою электрическую энергию, — докладывал ГАУ Забудский. —

¹ Сапожников А.В. Указ. соч. С. 60—62.

² Заказанные трансформаторы, двигатели и приборы начали поступать в мае, здание было достроено к 19 сентября 1911 г. (РГВИА. Ф. 504. Оп. 8. Д. 2391. Л. 18 и об., 23, 95, 56, 60, 178).

После некоторых неудач... в последнее воскресенье, 30 октября, опыты с горением дуги шли удачно» — при использовании предельной «водяной механической энергии завода (до 400 л. с.)», и на ближайшие дни Забудский намечал опыты с «наблюдениями над количеством и составом получающихся продуктов горения воздуха». «Установкой переносной печи, — сообщил он в ГАУ 2 ноября 1911 г., — и другими мерами, надо полагать, удастся нагревать дощатую постройку с башнями настолько, чтобы вода в трубах не замерзала, а потому можно надеяться, что зимой в несильные холода опыты представится возможным производить»¹. Опыты проводились все воскресенье без пропусков; оказалось, что «результаты в общем отвечают ожиданиям», затрата 1 кВт дает 68 г окиси азота в 1,6% объемных². Однако 11 декабря работы пришлось приостановить: «Ввиду ранних морозов и недостатка воды оказалось невозможным сосредоточить в дугах ту мощность (до 400 лоша. сил), на какую была рассчитана установка... С 14 декабря СОЗ перешел на паровой резерв ввиду полного недостатка воды [“в резервуарах, питающих гидроэлектрическую станцию завода”]... Можно ожидать, что к марту прибыль воды позволит возобновить работы». Действительно, опыты возобновились 11 марта³.

В мае 1912 года комиссия Забудского доложила конференции Артиллерийской академии о достигнутых успехах. Заключение конференции удостоверило, что печь Горбова—Миткевича является «самостоятельно разработанным изобретением, в достаточной мере подтвержденным опытом», и что представленный доклад Сапожникова о способе получения азотной кислоты и селитры из воздуха «имеет существенное значение»⁴. В этом документе, датированном 31 января 1913 г., однако, отмечено, что доклад Сапожникова, представленный в мае 1912 г., в той части, где был описан сам способ сжигания воздуха, является, по сути, общим

¹ РГВИА. Ф. 504. Оп. 8. Д. 2391 Л. 181, 188, 189.

² Это означало, что при мощности в 185 кВт и 68 г азотной кислоты на 1 кВт · час печь дала бы в год (считая в среднем 8500 рабочих часов) около 6500 пудов концентрированной азотной кислоты.

³ РГВИА. Ф. 504. Оп. 8. Д. 2391. Л. 227, 257—258. Рапорты Забудского, 22.XII.1911 и 12.V.1912.

⁴ Юргенс Б.А. Указ. соч. С. 63—64.

«очерком современного состояния вопроса», тогда как «самостоятельная часть работы» касается лишь произведенных этим исследователем «опытов над уловлением окислов азота», то есть именно связанных с устройством в Артиллерийской академии поглотительной башни для этих опытов¹, к тому времени еще не законченных. При этом конференция оценивала оба доклада, Горбова—Миткевича и Сапожникова, на основании экспертного «разбора», порученного комиссии под председательством самого же Забудского (остальные члены — Корольков и Шредер, то есть члены все той же комиссии Забудского, с Сапожниковым, Горбовым и Миткевичем в ее составе, которая производила опыты на СОЗ и в Артиллерийской академии).

К середине 1913 г. Забудский считал эксперименты законченными, после чего деятельность комиссии, по его словам, выражалась в обсуждении полученных результатов и проектировании «устройства завода азотной кислоты на Сунских водопадах». Продолжались опыты («еще заканчивались») в академии с печью в 10 кВт (прерываемые на зиму «из-за невозможности работать зимой на опытном заводе, расположенном в легком дощатом сарае», после чего весной этот завод должен был быть «приведен в порядок»). В сентябре 1913 г. он опять сообщил, что в Химической лаборатории Артиллерийской академии «ведутся непрерывные опыты по разработке целого ряда вопросов... и в ближайшем будущем будут совершенно закончены», можно будет получать «за одну операцию несколько пудов азотной кислоты». Все это говорит о том, что Забудский опасался тревожить начальство откровенным признанием встретившихся затруднений. Слабосильное оборудование позволяло производить «только кратковременные опыты, продолжавшиеся не более $\frac{1}{2}$ —1 часа», из-за чрезмерного нагревания; потребовалось заказать за границей новые аппараты. 12 декабря последовал рапорт о том, что «опыты, которые велись на СОЗ комиссией... вполне закончены и не будут возобновляться», а оставшееся оборудование надлежит передать в Центральную научно-техническую лабораторию военного ведомства. 30 января 1914 г.

¹ Артиллерийский журнал. 1913. № 1. С. 1, 4.

ГАУ уведомило Военный совет, что в дальнейшем, «по решению вопроса о постройке», потребуется «кредит на разработку проектов завода для добывания азотной кислоты из воздуха»¹. (В Германии уже с сентября 1913 г. началось промышленное производство азотной кислоты на заводе BASF в Оппау близ Людвигсхафена².)

Тем временем артиллеристам вновь и вновь причиняла беспокойство частная инициатива, пробивавшаяся через другие ведомства. «МПС, в ведении которого находились Сунские водопады, запросило заключение военного ведомства о возможности передачи этих водопадов частным предпринимателям, — припоминал Кузьмин-Караваев. — Я представил военному министру проект ответа министру путей сообщения с протестом... так как дешевая энергия р. Суны потребуется для проектируемого казенного кислотного завода». Сухомлинов согласился с мнением ГАУ «и ответ был послан». Но через несколько месяцев от ГАУ потребовали «подробную справку» о положении дела с «искусственной добычей воздушной азотной кислоты», и обрисовывавшаяся картина дала повод для резолюции помощника военного министра (очевидно, уже Вернандера) «о недопустимости отдавать обширный водный бассейн с водопадами в руки военного ведомства»: оно «с делом не справится, а лишь воспрепятствует частным лицам устроить мощную гидравлическую станцию, имеющую государственное значение». Кузьмин-Караваев, а затем и Сапожников отправились с личными докладами к помощнику военного министра, но не смогли его переубедить, и Сухомлинов приказал «уведомить МПС о неимении препятствий» для сдачи водопадов в аренду.

Спасти от нависшей угрозы помогло патриотическое вмешательство народного представительства. 9 июня 1913 г. при обсуждении в Думе сметы Департамента государственных земельных имуществ³ прошла формула перехода специ-

¹ РГВИА. Ф. 504. Оп. 8. Д. 2391. Л. 441, 448 и об., 451 и об.

² *Mauersberg H.* Deutsche Industrien im Zeitgeschehen eines Jahrhunderts. Stuttgart, 1966. S. 322.

³ Предприниматели делали попытки получить водопады через ведомство земледелия еще с 1907 г. (Проф. Альбицкий В. Пазрецкие водопады, их прошлое и желательное будущее // Новое время, 1916, 2 июня).

ально по этому вопросу. «Энергия движущей силы воды» была признана «крупнейшим источником развития средств сообщения, фабрично-заводской промышленности и пр.», так что использование этого источника «требует настоящей охраны интересов государства и населения». От правительства Дума потребовала законопроекта о правилах «отдачи в эксплуатацию источников водной силы» и предупреждала, что «до утверждения соответствующего закона не могут быть отдаваемы в эксплуатацию частным лицам принадлежащие государству источники водной движущей силы»¹. Стоит отметить, что норвежское правительство, напротив, было озабочено привлечением частных капиталов в гидроэнергетику и с этой целью в 1909 г. облегчило условия предоставления концессий предпринимателям, как норвежским, так и иностранным. Осталось ограничение по срокам: после 80 лет частной эксплуатации водопада и прочие природные ресурсы подлежали возвращению государству. В подобном ограничении ряд политических деятелей Норвегии усмотрел «намеки на социализм»².

К 1914 г. практических последствий петербургские опыты по добыванию азотной кислоты путем сжигания воздуха еще не дали, хотя подобного рода производства уже имелись в Норвегии, Швейцарии, Германии и Австрии. Несмотря на неудобства, связанные с длительным хранением, ГАУ было вынуждено все же пополнить запас чилийской селитры³.

Давать объяснения о положении дела с сырьем для азотной кислоты военному ведомству пришлось при утверждении бюджета на 1914 г. в Государственном совете. Финансовая комиссия верхней палаты на заседании в апреле 1914 г., в разгар пока еще «газетной» войны с Германией, поинтересовалась, «в какой мере военное ведомство обеспечено запасами получаемой через Германию селитры», необходимой для «изготовления бездымного пороха и других

¹ СОГД IV/1. СПб., 1914. Ч. 3. Стб. 1496—1497, 1530. Соответствующий законопроект МПС в 1916 г. ожидал рассмотрения Советом министров (ОЖСМ 1916. С. 64—65).

² *Ристе У.* История внешней политики Норвегии. М., 2003. С. 109—111.

³ *Амиркулиев Г.Д.* История химической промышленности Азербайджана. Баку, 1990. С. 193.

взрывчатых веществ». Успокоив Финансовую комиссию сообщением, что имеется двухлетний запас селитры, докладчик по артиллерийской смете П.Ф. Унтербергер добавил, что, по примеру других государств, «у нас тоже в близком будущем ожидается устройство завода для выработки азотной кислоты из воздуха», причем «завод этот устраивается частными предпринимателями на р. Суне»¹. Дело тормозилось, по его словам, жадностью предпринимателей, исчисливших цену пуда азотной кислоты в 4 руб. 85 коп. (пуд кислоты из селитры стоил 3 рубля).

Повторялась история с попытками привлечения частной инициативы и в ряде других военных производств. В результате предпочтение было отдано устройству военным ведомством «собственного небольшого завода». В Финансовой комиссии находили, что «правильнее было бы теперь же приступить к сооружению» не небольшого (опытного), а «завода, рассчитанного на удовлетворение всех потребностей военного ведомства в азотной кислоте», но оказалось, что все-таки еще не раскрыт секрет производства. «Исследование соответствующих вопросов поручено было комиссии под председательством генерала Забудского», отвечал на замечания членов Государственного совета докладчик; произведенные опыты «дали весьма благоприятные результаты, но тем не менее некоторые детали этого дела не вполне еще исследованы и могут быть окончательно выяснены только при постановке опытов в более широком масштабе». Поэтому придется начать «с постройки небольшого опытного завода», чтобы получить «необходимые

¹ РГВИА. Ф. 2000. Оп. 2. Д. 2440. Л. 598 и об. Доклад по сметам Военного министерства на 1914 г. в Финансовой комиссии Государственного совета (IX сессия). В числе предпринимателей, претендовавших на сотрудничество с ГАУ, фигурировали Бобрицкий и Половцевы (Там же. Ф. 29. Оп. 3. Д. 736. Л. 1 и об. Доклад Лукомского Сухомлинову, 24.I.1915). В августе 1912 г. образовалось «СПб. а. о. электропередачи силы водопада» (председатель правления А.И. Путилов, директор-распорядитель П.И. Ратнер). Оно перекупило источники энергии (волховские пороги, финляндские водопады) у ранее завладевшего ими франко-английского синдиката и рассчитывало протянуть линию электропередачи до Петербурга (Новое время. 1912. 14 авг.). 26 февраля 1914 г. через МПС и ГАУ добивалось концессии «Товарищество электрохимической промышленности» (представителем его выступал инженер Зенгер) (РГВИА. Ф. 29. Оп. 3. Д. 736. Л. 1—2, 5).

данные для более широкой постановки в ближайшем же будущем добывания азотной кислоты из воздуха».

2 июля 1914 г. начальник Охтенского порохового завода М.П. Дымша доложил ГАУ о результате сравнения химического состава и экономической выгоды чилийской селитры и селитры искусственной, закупленной у Норвежского общества добывания азотных веществ. Была удостоверена, «как и следовало ожидать, полная пригодность искусственной селитры для изготовления азотной кислоты». Дымша сообщил, что норвежскую фирму он уже запросил «о цене селитры при заказе больших количеств». Азотная кислота из норвежской селитры, при небольшой покупке, 700 пудов, обошлась в 2 руб. 70 коп. за пуд, дороже, чем из чилийской селитры (2 руб. 23 коп.). После этого рапорта в ГАУ снова заинтересовались собственным проектом. «Прошу ускорить ответ о заводе азотной кислоты», — гласит резолюция на докладе Дымши¹. А тем временем в первой половине августа 1914 г. из-за отсутствия натровой селитры и, соответственно, нехватки азотной кислоты для нитрации толуола почти остановилось производство тротила на Самарском заводе взрывчатых веществ².

В 1914 г. в Германии, лишившейся доступа к чилийской селитре в связи с началом войны, синтез азотной кислоты из воздуха приобрел решающее значение, без развития этого производства удовлетворительное снабжение фронта боеприпасами становилось невозможным уже в 1915 г. Но с этого времени и началась все более разворачиваемая с помощью правительства Германии деятельность, обеспечивавшая также и сельское хозяйство азотистыми удобрениями. Косвенными путями Сапожников во время пребывания его в 1915 г. в США собирал сведения о германских способах добычи азота из воздуха, причем вынужден был признать, что «самый способ [Габера] в деталях нам мало известен»³.

Выявившаяся после начала войны нехватка материалов для производства в России взрывчатых веществ, необходимость огромных заграничных заказов для преодоления

¹ РГВИА. Ф. 504. Оп. 8. Д. 2391. Л. 469 и об.

² ВПР. С. 771.

³ РГВИА. Ф. 369. Оп. 3. Д. 4. Л. 107.

«снарядного голода» заставила перейти от теоретических исследований и опытов к безотлагательному исполнению идеи на практике. Сухомлинов потребовал справку; в январе 1915 г. его помощник Лукомский доложил о затянувшемся исследовании и проектировании и заодно перечислил ряд поступивших в прошлом предложений от частных предпринимателей (последним было заявление Зенгера). «Ввиду возникновения войны, — напомнил Лукомский, — разрешение возбужденного вопроса было отложено», но теперь он «представлялся неотложным», и Сухомлинов распорядился создать при ГАУ междуведомственную комиссию. 3 марта 1915 г. эта комиссия (с участием представителей Министерства путей сообщения и специалистов по гидроэлектрическим и электрохимическим сооружениям) решила, что завод на Суне должен быть казенным; построить электростанцию сможет само ведомство, а чтобы установить производство и обучить русский персонал, придется привлечь иностранную фирму¹. Поступившие после этого новые предложения отечественной «частной предприимчивости» не встретили отклика².

16 мая 1915 г. Военный совет утвердил доклад ГАУ о постройке завода, обоснованный тревожной оценкой ближайших политических перспектив: «В течение нынешней войны, — говорилось в докладе, — когда водные пути сообщения охраняются Англией, мы не испытываем больших затруднений» с сырьем для производства взрывчатых веществ. Но после разгрома Германии, «при иной политической группировке держав ввоз к нам чилийской селитры будет совершенно невозможен»; «единственным выходом из создавшегося положения является организация добычи азотной кислоты путем окисления азота воздуха и сооружения для этой цели соответствующего завода».

Было решено, что, по сравнению с расчетами, подготовленными комиссией Забудского, сооружаемый завод дол-

¹ РГВИА. Ф. 29. Оп. 3. Д. 736. Л. 1—2, 30—31.

² 16 апреля предложило сотрудничество акционерное общество «Северный белый уголь» во главе с крупными военно-промышленными и банковскими деятелями А.И. Вышнеградским, Ф.Л. Радловым и В.М. Ивановым, 2 мая — а. о. «Сила вод» (В.П. Басаков, Д.С. Хрулев) (Там же. Ф. 2000. Оп. 1. Д. 2262. Л. 134, 139).

жен быть вдвое больше, чтобы мог покрывать потребность в кислоте трех существующих пороховых заводов, исчисленную в 500 тысяч пудов в год. Для этого ему была нужна электроэнергия от водопада Кивача. Специалисты МПС подсчитали, что на сооружение электростанции уйдет 2 млн руб., а сколько потребуется на сам завод, можно было судить лишь очень приблизительно, увеличивая намеченную Забудским стоимость постройки и оборудования с учетом того, что завод вдвое более мощный, материалы и рабочие руки подорожали и, кроме того, «устройство его поручается иностранной фирме». Приходилось считаться с тем, что «у нас опыта в этом отношении нет», печь Миткевича и Горбова в заводских условиях так и не была испытана, а «потому, принимая во внимание спешность и важность» дела, «необходимо передать постройку и оборудование кислотного завода иностранной фирме¹ с тем, чтобы по установлении производства и по обучении нашего личного состава... завод был бы передан военному ведомству»; все предприятие «должно быть обязательно казенным» — «чтобы с объявлением войны не оказаться в зависимом положении» (объявленной могла быть в будущем, как ясно из предыдущего, война с Англией, с союзниками). Вместе с электростанцией примерный расход на этот объект намечался около 6 млн руб.

Когда настали еще более «тяжелые дни» «великого отступления» летом 1915 г. и военному ведомству пришлось изображать большую готовность к сотрудничеству с частными предпринимателями, стремившимися приобщиться к поставкам на армию, снова напомнил о себе Токарский. Ему стало известно о намеченном строительстве азотного

¹ Сохранились документы, относящиеся к заключению договора с «Норвежским азотным обществом»: заявление директора общества Эйде (как иной вариант, в нем указывалось возможное место постройки на реках Выг или Кемь), Главные основания концессионного договора и чей-то критический отзыв об этом предложении (РГВИА. Ф. 23. Оп. 3. Д. 5419, 5420, 5422). Предложение Эйде было рассмотрено на заседании Особого совещания по обороне 15 июля, после чего Поливанов «приказал предложить ГАУ в ближайшие дни завершить исследование вопроса... и приступить к действительному его выполнению в текущем строительном сезоне», и 30 июля Маниковский подал в Военный совет соответствующий доклад (Там же. Ф. 1. Оп. 1. Т. 46. Д. 1282. Л. 1—2).

завода ГАУ близ Кондопоги — «на бывшем моем (а ныне принадлежащем «Красносельской писчебумажной фабрике наследников К.П. Печаткина») участке». 18 июля Токарский направил в Особое совещание по обороне записку, в которой доказывал ошибочность принятого правительством решения и предлагал свой, иной вариант создания завода.

По его мнению, все можно было сделать «гораздо дешевле и проще» и при этом окончить «во время войны, а не после таковой», но в другом месте — не на Суне, где ведет строительство ГАУ¹, а близ г. Боровичи Новгородской губернии, на реке Мсте. По его словам, стройка на Суне вызвала бы затраты не менее 3,8 млн руб. (3 млн на гидротехнические сооружения, без водяных турбогенераторов, плюс 800 тысяч рублей на возмещение убытков наследникам Печаткина) и заняла не менее трех лет. Вместо всего этого Токарский думал учредить «Мстинское общество электрической энергии» и обещал, даже под гарантию в виде залога, построить предприятие той же мощности не за три, а за два года и затратив «всего только 2 млн руб.», с пуском первой очереди гидротехнических устройств «до весеннего половодья 1916 г.».

Полгода спустя, видя, что записка «лежит без всякого движения», а стройка ГАУ уже идет (с участием специалистов от МПС), Токарский 3 марта 1916 г. подал заявление в Наблюдательную комиссию Особого совещания по обороне, добавив к прежним аргументам экономию тысяч пудов взрывчатки на строительных работах; он утверждал, что на Мсте не потребуется прокапывать «колоссальные деривационные каналы», достаточно будет «простых плотин» и отпадет нужда в большом числе землекопов, при сроке постройки на два года меньше. Токарский предупреждал, что гидротехнические работы на Суне повредят сооружаемой там же Мурманской железной дороге, и просил Наблюда-

¹ В спешном порядке под строительство в октябре 1915 г. были заняты, не принимая во внимание юридические тонкости владения, земли крестьян и арендованные у них Токарским — «перешеек между озером Нигозер и Кондопожской губой [Онежского озера] шириною ок. 2 верст и ок. 2 верст по берегу на обоих озерах» и полуверстовая полоса по обоим берегам р. Сандалки (РГВИА Ф. 29. Оп. 3. Д. 5171. Л. 201 об.).

тельную комиссию «приостановить» нерациональное строительство¹.

Как установил А.Л. Сидоров, окончательное решение о постройке завода на Суне было принято в августе 1915 г. и утверждено царем; председателем строительной комиссии был назначен Забудский, он же составил проект завода. «В конце 1915 г. военным ведомством было приступлено к строительству завода, — писал Сидоров. — Однако более детальные данные о строительстве этого завода отсутствуют», известно лишь, что «пока строился небольшой опытный завод»². Сооружаемый «небольшой» завод, даже в первоначальном проекте рассчитанный на полное удовлетворение потребности всех пороховых заводов, к августу 1916 г. обрел иной проектируемый масштаб, и стоимость сооружения его с 6 млн возросла до 26 146 679 руб. (к 1917 г. из этой суммы было истрачено 1,5 млн)³.

Указанный Сидоровым пробел заполнил Н. Стоун. В ряду приведенных им примеров того, в чем «несомненно» проявилась «реальная» и «значительная мощь» российской экономики, Стоун назвал и завод «русской постройки», «работающий по методу Габера—Боша», на Суне, который якобы был готов к концу 1916 г. «и работал... Даже в Германии это было последнее слово научной технологии в данной области»⁴.

¹ РГВИА. Ф. 369. Оп. 4. Д. 209. Л. 1. К своим заявлениям Токарский приложил копии ряда своих проектов, относящихся еще к 1901—1902 гг., об использовании порохов Мсты, включая брошюру «Электропередача водяной энергии» — проект замены паровой тяги на Николаевской железной дороге электрической. Дело тогда заглохло, очевидно, потому, что собрание отделов Русского технического общества в 1902 г., поддержав идею, обратилось за финансированием изысканий в ведомство финансов. В декабре 1903 г. «смета эта должна была быть внесена в Государственный совет по Министерству путей сообщения», но «открытие военных действий в Порт-Артуре наложило руку на все новые кредиты, и дело о р. Мсте замерло». Отчаявшись добиться казенных средств, Токарский в дальнейшем хотел взяться за работу на частные средства, если Николаевская дорога согласится воспользоваться электроэнергией будущего предприятия (Там же. Л. 43 об.—48).

² Сидоров А.Л. Экономическое положение России. С. 445.

³ ОЖСМ 1917. М. 2009. С. 170.

⁴ Stone N. Organizing an Economy for War. P. 112. Откуда взялись сведения об этом достижении, Стоун не указал. Сидоров не располагал источниками, чтобы судить о том, чем все закончилось на Суне, и это его признание (Экономическое положение России. С. 445), конечно, создавало свободное поле для домыслов.

Другой автор в исследовании о гидросооружении на Суне тоже утверждал, что получилось «успешное решение вопроса», что «научно-техническая мысль России независимо от заграницы обеспечила создание эффективного и экономического способа», что «этот успех является еще одним подтверждением высокого уровня русской науки, сумевшей в неблагоприятных условиях общей экономической отсталости страны добиться разрешения еще одной технической проблемы, имеющей мировое значение». Но возведение агрегата на Суне он расценивал как «неудачу»: царизм «оказался не в состоянии осуществить планы освоения гидроресурсов Карелии и довести до конца крупнейшую в стране гидростройку»¹.

К 1917 г. удалось построить лишь небольшой поселок барачного типа в Кондопоге, проложить железнодорожную ветку до деревни Сопохи, где планировалось сооружение водонапорной плотины, провести нивелировку трассы канала ГЭС и расчистить ее от леса. Была завезена также часть оборудования; эта стройка в Кондопоге, с использованием свыше тысячи военнопленных, не близилась к концу и в 1917 г.²

Технологию сжигания атмосферного азота в ГАУ не смогли довести до конца, и, поскольку «у нас опыта в этом отношении нет», было признано необходимым прибегнуть к содействию иностранной фирмы. После Февральской революции работы на Суне были приостановлены. 8 апреля Временное правительство высказало «сомнения, следует ли вообще ныне продолжать постройку», и поручило изучить этот вопрос комиссии Покровского, занимавшейся пересмотром программы сооружения казенных военных заводов. При обсуждении проекта специалисты признали, что в нем намечено использовать схему производства с «небольшими отступлениями от способа, принятого в Норвегии». Горбов и

¹ Юргенс Б.А. Указ. соч. С. 64, 60, 71.

² Баданов В.Г., Кораблев Н.А., Жуков А.Ю. История экономики Карелии. Петрозаводск, 2005. Кн. 1. С. 170. К 1 января 1917 г. на стройке работали 1000 военнопленных, охраняемых 4 ротами солдат, «в ближайшее время» должны были доставить еще 600 военнопленных (РГВИА. Ф. 1. Оп. 1. Т. 46. Д. 1282. Л. 20; Ф. 29. Оп. 3. Д. 722. Л. 64—65; Генерал В.С. Михайлов. С. 264; Нахтигаль Р. Мурманская железная дорога. 1915—1919 годы. СПб., 2011. С. 117, 179, 177).

Миткевич дали подробные объяснения предложенной ими конструкции печи. Она была к тому времени испытана в малом и среднем варианте, и, по мнению участников обсуждения, промышленное применение ее, во избежание потерь, должно было быть установлено все-таки в опытном масштабе — «полузавод, чтобы было больше уверенности». Норвежские фирмы не взялись изготовить такую печь, и заказ был передан заводу «Атлас» сроком до 15 ноября 1917 г. Химическая секция постановила «продолжить обследование Онежского завода»¹.

7 мая комиссия Покровского постановила с кислотным заводом повременить, а гидроэлектростанцию строить «без особой форсировки», вести главным образом работы первой очереди. Помощник военного министра Маниковский, правда, добивался ассигнования — «впредь до выработки плана ликвидации» — еще полумиллиона для расчетов с частными фирмами, а затем (3 августа) попытался и вовсе отменить постановление о передаче Онежского завода в ликвидационную комиссию, с тем чтобы, наоборот, «постройку завода азотной кислоты продолжать в полном объеме»². В середине декабря 1917 г. артиллерийским генералам явилась неожиданная поддержка: председательствовавший в Особом совещании по обороне Н.М. Потапов принял «делегацию от рабочих строящегося Онежского завода... с ходатайством немедленно разрешить вопрос» об отпуске на этот объект очередных 2,3 млн руб. и постановил «признать принципиально желательной достройку завода» и дать эти деньги³. В условиях усиливавшейся военной разрухи стройка была все же прекращена; лишь в 1923—1929 гг. возобновилось и было закончено строительство Кондопожской гидроэлектростанции.

Добыча азотной кислоты сжиганием воздуха к тому времени уже считалась экономически нерациональной: пред-

¹ РГВИА. Ф. 369. Оп. 2. Д. 78. Л. 16—18 об. Журнал заседания химической секции подкомиссии Н.Н. Покровского по вопросу о казенном строительстве, 20.IV.1917.

² Там же. Ф. 1. Оп. 1. Т. 46. Д. 1282. Л. 26—27; Ф. 29. Оп. 3. Д. 1008. Л. 99 об.

³ Там же. Ф. 29. Оп. 3. Д. 1005. Л. 42—42 об.; ЖОСО. 8 ноября 1917—16 марта 1918 г. М., 1980. С. 92—93.

почтение было отдано «прямому синтезу из азота и водорода по Габеру и Клоду», «за ним идет более доступный по оборудованию и простоте выполнения способ цианамидный», — писал Тищенко¹. В 1915 г. технология окисления аммиака по способу Вильгельма Оствальда была настолько разработана, что в 1916 г. началось строительство и в феврале 1917 г. был пущен в ход Юзовский завод для использования этой реакции. «В работе была только треть завода, которая вырабатывала в среднем 3 тысячи пудов азотной кислоты в месяц»².

Упорство, проявленное профессурой и инженерами в их усилиях, направленных на приобщение России к новейшим технологиям военных производств, в данном случае с использованием атмосферного азота, не привело к своевременному решению задачи. Обращает на себя внимание одна из причин неудачи: нищенское обеспечение экспериментаторов денежными и техническими средствами, тормозившее исследования. Эта особенность научно-технического прогресса в предвоенные годы (как свидетельствуют данные, относящиеся также, например, к военно-оптической или автомобильной технике) имела не случайный, а системный характер и составляет существенную черту историко-научного и историко-технического контекста, без учета ее невозможно понять обстоятельства времени и места. Едва ли и в данном случае проявилась «особенность Российского государства, российской власти» — «уникальная способность к удивительно мощной концентрации ресурсов и достижению самых передовых рубежей в науке, технике, военном строительстве»³. Владельцы капиталов не торопились потратиться на устройство хотя бы и явно перспективных предприятий, не заручившись со стороны каз-

¹ Тищенко В.Е. Химическая промышленность и война. Пг., 1922. С. 39; СВП. С. 301—302.

² Колосов А.К. Первый русский завод контактной азотной кислоты // Техничко-экономический вестник. 1922. Т. 2. № 1; Лукьянов П.М. К вопросу о создании в России производства синтетической азотной кислоты // Труды Института истории естествознания и техники. 1958. Т. 18.

³ Российская государственность: исторические традиции и вызовы XXI века. М., 2013. С. 970 (выступление В.А. Садовниченко на конференции 19 сентября 2012 г. в Великом Новгороде).

ны гарантией выгоды. Столь же существенное отрицательное значение для насаждения важнейших промышленных производств имело враждебное отношение бюрократического аппарата империи к проявлениям частной инициативы, усвоенное даже наиболее прозорливыми и просвещенными деятелями военно-технической мысли и практики. Припертая к стене, на пороге гибели, в попытках преодолеть отставание власть делала такие уступки, как приглашение зарубежных фирм, расплачиваясь за собственную косность не только людскими потерями на фронте, но также и материальными издержками, несопоставимыми с размерами средств, уделенных на развитие образования и науки.

АВТОМОБИЛИ

Успехи в производстве новейших средств ведения войны кажутся ряду авторов особенно убедительными при доказательстве «взрывного» роста российской экономики в связи с войной. В постройке грузовиков он проявился, по мнению Стоуна, с такой же силой, как и в производстве пушек, снарядов, самолетов; «автомобильная промышленность сделала во время войны впечатляющие успехи» — «пять больших автомобильных заводов выпускали грузовики». Неважно, что еще у Сидорова можно было прочесть: предназначенное для заводов оборудование «так и не было поставлено». «Это показатель для растущего потенциала» российской экономики и армии, — пишет также и Джоунс, опираясь на сведения Стоуна, и А.И. Уткин: «Как пишет английский историк Н. Стоун, характеризуя промышленные усилия страны, “в 1916 г. начала возникать новая Россия”»¹.

Годовой выпуск автомобилей в России тех лет доведен новейшей литературой до 20 тысяч грузовиков². В справоч-

¹ *Stone N.*: 1) *Organizing an Economy for War*. P. 112; 2) *The Eastern Front*. P. 210; *Jones D.R.* *Imperial Russia's Forces at War*. P. 270. См. также: *Уткин А.И.* Указ. соч. С. 235; *Шагин Э.М.* Указ. соч. С. 160—162, 495, 506, 699; *Новейшая история отечества. XX век*. С. 224. Ср.: *Сидоров А.Л.* *Экономическое положение России*. С. 368.

² *Шамбаров В.* *Оккультные корни Октябрьской революции*. М., 2006. С. 142.

нике 1934 г. действительно названы 20 тысяч грузовых автомобилей, но не как произведенные в России, а как поступившие в армию, и не за год, а «за весь период войны 1914—1918 гг.», и притом не из России: «Заграничные закупки... почти полностью покрывали заготовку автоимущества». В компромиссном варианте (произведенные «во время войны» и якобы в России) та же цифра, 20 тысяч, введена в соответствующую таблицу справочного издания 2010 г. О 20 тысячах «автомашин» в действующей армии к сентябрю 1917 г. сообщал статистический сборник 1925 г. (по материалам Ставки). Автомашинами в этом случае именвались и мотоциклы с самокатами, но не действительное наличие, а количество, положенное войскам по штатам¹. К началу 1916 г. автомобилей разного назначения имелось в наличии 5283 и ожидалось, по условиям сделанных заказов, поступление до середины 1917 г. еще 4946 шт., в том числе российского производства — 1926 шт. Но эти ожидаемые 1926 машин (даже больше — 3000) должны были дать заводы, еще не построенные в России².

История автомобильного транспорта России гласит, что «уже в начале XX в. в России появились достаточно крупные автозаводы, а также множество фабрик и мастерских, выпускавших автомобили»³. Но в июне 1915 г. Г.А. Крестовников утверждал: «Производства таких крупных отраслей, как... автомобилей, у нас совсем нет», и это не расходится с данными С.В. Воронковой: «Россия вступила в Первую мировую войну, совершенно не имея автомобильной промышленности»⁴. Дж. Купер и Р. Льюис оспаривают вывод Воронковой и приводят сведения о выпуске машин заводами Г.А. Лесснера («наиболее важный» автомобильный завод между 1906 и

¹ В 1913—1917 гг. из-за границы поступило 16 тысяч мотоциклов, но за это же время выбыли из строя 12—15 тысяч; после ремонта часть из них удалось восстановить, и к 1 сентября 1917 г. армия располагала примерно 6 тысячами мотоциклов (Курихин О.В. История отечественных мотоциклов. 1899—1945 гг. М., 2007. С. 31).

² *Мировая война в цифрах*. Л., 1934. С. 33. Табл. 20; *Россия и СССР в войнах XX века. Книга потерь*. М., 2010. С. 81; *Россия в мировой войне 1914—1918 годов (в цифрах)*. М., 1925. С. 59, 52.

³ Рубец А.Д. История автомобильного транспорта России. М., 2003. С. 3, 83.

⁴ ВПР. Т. 1. С. 507; Воронкова С.В. Указ. соч. С. 147.

1909 г.), И.П. Пузырева и Русско-Балтийским: «В период непосредственно перед войной существовали три фирмы, строившие автомобили на регулярной основе»¹.

Их уточнение неубедительно, поскольку они не упоминают, что «Лесснер» прекратил эту деятельность в 1909 г. и более не существовал в качестве автомобильного предприятия. А. о. Г.А. Лесснера, осваивавшее производство автомобилей с 1901 г. по лицензии от германской фирмы «Даймлер», как считается, «действительно наладило автомобильное производство, а не являлось лишь сборочным цехом». Но за шесть лет этот завод выпустил около сотни машин, то есть до 17 экземпляров в год. Затем — «в условиях рынка и свободной конкуренции» — это производство «оказалось недостаточно рентабельным». В 1909 г. Г.А. Лесснер расторг контракт с Даймлером и, «оставив автомобили, обратился к более выгодным поставкам торпед и оборудования для военных кораблей», а выпуск автомобилей «был прекращен»².

«Русский автомобильный завод И.П. Пузырева» упомянут в исследованиях по истории русского автомобилестроения как изготовитель «десятков машин» в год. Но при конкретизации оказалось, что за время действия на этом поприще (1911—1913 гг.) он выпустил 38 экземпляров, то есть по 13 машин в год. 8 января 1914 г. завод Пузырева сгорел («пострадал от огня», по выражению Купера—Льюиса), а вскоре умер и его хозяин³.

От имени малолетних наследников Пузырева остатками предприятия распоряжался их опекун Л.Н. Чернушевич.

¹ From Tsarism to the New Economic Policy. P. 193—194. О трех автомобильных заводах, не называя их, пишут также С.И. Сметанин (*Сметанин С.И. Второй этап индустриализации России // Экономическая история России XIX—XX вв. Современный взгляд. М., 2001. С. 280*) и Э.М. Шагин (Указ. соч. С. 161), о народившейся «новой отрасли промышленности» — авторы учебного пособия: *Кулешов С.В., Свириденко Ю.П., Федулин А.А. Модернизация России (XIX—XX вв.). М., 2007. С. 56.*

² *Шугуров Л.М. Автомобили России и СССР. М., 1993. Ч. 1. С. 28; Шляхтинский К.В. Автомобиль в России. М., 1993. С. 83; История автомобильного транспорта России до 1917 [года]. М., 1994. С. 39—40.*

³ *Шугуров Л.М., Ширишов В.П. Автомобили страны Советов. М., 1983. С. 17—18; Шугуров Л.М. Автомобили России и СССР. Ч. 1. С. 45—46.*

Он попытался возродить автомобильное производство на новом месте, на Волге, и весной 1916 г. купил в Симбирске пришедший в упадок старый чугунолитейный завод М.В. Андреева¹ за 600 тысяч руб. (вместе с землей). В мае 1916 г. началось сооружение моторного завода (двигатели для автомобилей, самолетов и подводных лодок). К осени 1916 г. фирма «Л.Н. Чернушевич и наследники И.П. Пузырева» построила главный корпус для размещения литейной, кузницы, производственных цехов, испытательной станции, а также формовочной, сушилки и машинного отделения. Из Петрограда были доставлены образцы двигателей и часть станков, установлены небольшие нефтяные двигатели и электрогенератор — и на этом у хозяев кончились деньги. После недолгих попыток организовать силами 50 рабочих ремонт автомобилей и изготовление деталей карбюраторов владельцы в августе 1917 г. объявили о продаже своего завода².

Действительно существовавшим являлся до конца войны лишь «Русско-Балтийский завод» с годовой производительностью менее 100 автомобилей при значительном использовании заграничных материалов, деталей и узлов³. На этом заводе (до его эвакуации в 1915 г.) в автомобильном отделе к 1914 г. числилось 85 рабочих⁴. Как признала Следственная комиссия по делу Сухомлинова, до 1916 г. единственным в России заводом, выпускавшим «самодвижущиеся повозки», оставался «Русско-Балтийский вагонный завод», «производительность которого весьма незначительна»⁵.

Не вызывало сомнений, что «нельзя строить и развивать перспективный род войск, опираясь только на зарубежную

¹ К тому времени завод долгое время не работал, обследование показало, что заброшенные заводские корпуса разрушались, «литейная не имеет крыши и заросла кустарником», оборудование ржавело, пропали медные части и приводные ремни; сохранившиеся устаревшие станки были непригодны для точных работ.

² Ефимов Ю.Д. Указ. соч. С. 48—50.

³ По другим данным, к 1914 г. завод достиг выпуска в 140 машин в год (Шаров П. Влияние экономики на исход мировой войны 1914—1918. М.; Л., 1928. С. 39).

⁴ ГАРФ. Ф. ДП ОО. 1914 г. Д. 341. Л. 6 об., 25 об.

⁵ РГВИА. Ф. 962. Оп. 2. Д. 128. Л. 53 об. Свод сведений о самодвижущихся повозках.

производственную базу». Если бы Николай II ознакомился с новогодним «Новым временем» (30 декабря) 1911 г., с отчетом о действиях русских войск при вторжении в Персию, то мог бы получить ценный совет: «Венцом дела будет, конечно, устройство военно-автомобильного завода в России, не менее нужного, чем судостроительные, иначе мы будем в зависимости от европейских фирм». Но рекомендация пришлась не ко времени. Действенных усилий в поиске путей для решения этой проблемы так и не было предпринято¹. После падения Сухомлинова активисты Российского автомобильного общества (РАО) с сожалением отметили, что «в мирное время со стороны военного ведомства не было сделано ничего для создания отечественной автомобильной промышленности». Ссылаясь на заключение Верховной следственной комиссии, Л.М. Шугуров также утверждает, что Сухомлинов и начальник Генерального штаба Я.Г. Жилинский проглядели проблему автомобилизации армии внутренними средствами страны. Как и в отношении заготовления снарядов, Сухомлинов «избрал самый легкий путь — размещение заказов на автомобили за рубежом», покровительствуя тем иностранным фирмам, с которыми имел «личные деловые связи»; «военный министр благоволил к иностранным фирмам»². Обвинение вряд ли вполне справедливое. Меры по «насаждению» новой отрасли производства были слабы и неизобретательны, но они были, и они показали, в какой степени готова на них отозваться промышленность.

Вплоть до 1910 г. для заказов такого рода отсутствовала финансовая база: «Финансовые затруднения... заставляют временно отказаться от формирования теперь же специальных автомобильных воинских частей», докладывало Военному совету Управление военных сообщений 9 февраля 1909 г. Приходится «в виде временной меры, в целях подготовки кадра шоферов и монтеров, организовать хотя бы

¹ Кирилец С., Канинский Г. Автомобили Русской Императорской армии. М., 2010. С. 73.

² РГВИА. Ф. 369. Оп. 16. Д. 97. Л. 247. Журнал соединенного заседания Комитета, Технической комиссии и особо приглашенных гг. членов Имп. РАО, 16.XI.1915; Шугуров Л.М. Погоня за Руссо-Балтом. М., 2004. С. 164, 168.

небольшие команды при железнодорожных батальонах Европейской России»¹. Разумеется, заявления об отсутствии денег требуют критического восприятия, если иметь в виду промотанные и «брошенные в воду» миллионы. Но на практике влияние финансовых обстоятельств сохранялось. К началу войны существовала программа моторизации войск (создание за 1914—1920 гг. 44 автомобильных рот, 44 транспортов, не считая запасных, ремонтных, крепостных команд, рот, мастерских), выполненная в какой-то мере только в организационной части (создано пять автомобильных рот и шесть отдельных автокоманд). Из-за недостатка материальной части в 1915 г. удалось сформировать только четыре отдельные автомобильные роты, причем укомплектованность их машинами «не превышала 70%»².

В обстановке военной тревоги осенью 1912 г. Военное министерство, ощутив «экстренную потребность», закупило за границей 360 грузовых и 40 легковых автомобилей «для формируемых пяти армейских транспортов», крепостей и штабов дивизий. Заказ на 60 легковых автомобилей получил и «Русско-Балтийский завод» — именно «с целью поощрения отечественной автомобильной промышленности»³, несмотря на то что его продукция была «столь низкого качества, что и частные потребители, и государство предпочитали покупать автомобили за границей»⁴. По оценке Шугурова, из 600 автомобилей, выпущенных «Русско-Балтийским заводом», «львиную долю», две трети, составляли заказанные Военным министерством; оно заказывало ему «из года в год» «крупные партии» машин⁵.

В мае 1911 г. артиллерийское ведомство для перевозки мишеней на полигоне под Лугой решило обзавестись грузовиками и запросило Министерство торговли и промышленности: каким русским заводам следует дать заказ на эти

¹ РГВИА. Ф. 1. Оп. 1. Д. 71658. Л. 185; Ф. 2000. Оп. 1. Д. 1571. Л. 13. Поливанов (за министра) — в Государственную думу, 29.X.1909.

² Кирилец С., Канинский Г. Указ. соч. С. 105—106, 190.

³ РГВИА. Ф. 1. Оп. 2. Д. 110. Л. 10. Всеподданнейший доклад по Военному министерству 1913 г.

⁴ Ткачев В.М. Крылья России. Воспоминания о прошлом русской военной авиации. 1910—1917. СПб., 2007. С. 271.

⁵ Шугуров Л.М. Погоня за Руссо-Балтом. С. 41, 43, 72, 177.

автомобили. Ответ гласил, что министр «не встречает препятствий к приобретению автомобилей грузового типа за границей». И все же 22 декабря 1911 г. Военное министерство заказало шесть машин «Русско-Балтийскому заводу». Завод взялся (контракт от 15 февраля 1912 г.) сдать первые два грузовика в январе 1913 г., а остальные не позже мая. «Однако до сего времени, — отмечало ГАУ 30 ноября 1913 г., — названный завод не поставил еще ни одного из заказанных ему шести грузовиков».

Несмотря на столь маловдохновляющий опыт, в 1913 г., когда потребовались пятитонные грузовики для Варшавского артиллерийского склада, вновь последовало предложение «Русско-Балтийскому заводу». По техническим данным, срокам и цене поставки начальник Варшавского окружного артиллерийского управления отдавал предпочтение другой фирме — заводу Бюссинга (Брауншвейг, Германия). Но Артиллерийский комитет решил иначе. «Заказывая грузовозы за границей, мы никогда не разоведем у себя автомобильной промышленности, — объяснял он обращение к услугам рижского завода. — ...Необходимо всячески поддержать его, во-первых, для того, чтобы дать ему возможность закрепить за собою рекомендации как хорошего завода, а во-вторых, при заказах у себя весьма вероятно, что явятся желающие конкурировать с имеющимся заводом, и этим возможно будет способствовать открытию новых автомобильных заводов в России вообще».

Из Варшавы торопили: кончается срок контракта с подрядчиком-ломовиком и, кроме того, в случае объявления мобилизации, когда как раз потребуется перевезти на станции железных дорог 200 тысяч пудов «артиллерийских тяжестей», этот еврей-подрядчик, как и все прочие евреи, будет подлежать удалению из района крепости. Срочно вызванному 15 ноября 1913 г. в ГАУ директору «Русско-Балтийского завода» В.И. Строгонову было предложено сократить намеченный в проекте контракта срок поставки, но он «на первоначальном своем заявлении», сделанном по запросу Варшавы 18 апреля 1912 г., учинил надпись, что заводу потребуется не семь, а 12 месяцев. Это значило, что заказываемые «грузовозы» «могут поступить в названный

склад, при наиболее благоприятных условиях, не ранее первой половины 1915 г.».

Тем не менее ГАУ решило подчиниться «необходимости приобретать автомобили-грузовики русского производства», как неизбежности, и, «несмотря на более высокие цены и чрезмерно продолжительный срок поставки», заказ «предоставить «Русско-Балтийскому заводу», который является монополистом, как единственный в России завод, изготавливающий автомобили-грузовозы, хотя Главному артиллерийскому управлению известно уже, что названный завод, даже при назначаемых им больших сроках, бывает крайне неисправным в соблюдении сроков поставки»¹.

Пытаясь насадить производство автомобилей, военное ведомство к началу войны имело опыт переговоров с рядом фирм, но выяснилось, что «без гарантии новым заводам определенных крупных казенных заказов на несколько лет вперед» либо устранения заграничной конкуренции введением запретительных пошлин «отечественная промышленность народиться и окрепнуть не может». Ввиду таких обстоятельств в феврале 1915 г. решено было взять у «Русско-Балтийского завода» все, что он сможет дать, а остальное заказать за границей. Учитывалось, что цены, запрошенные этим заводом, «по сравнению с ценами английского и американского рынков непомерно высоки, и если могут быть признаны приемлемыми, то лишь в целях поддержания производительности единственного русского автомобильного завода при настоящих трудных для него условиях»².

Опираясь на сообщение журнала «Автомобилист» 1913 г., Н.П. Ионичев указывает, что автомобильный отдел «Русско-Балтийского завода» выпускал «до 200 автомобилей в год» — «грузовые и легковые автомобили», якобы «целиком из узлов своего производства»³. По данным Воронковой, завод был

¹ РГВИА. Ф. 1. Оп. 1. Д. 77799. Л. 35—38. Доклад ГАУ «О заготовлении двух грузовозов для Варшавского артиллерийского склада», 20.XI.1913, утв. 30.XI.1913.

² Там же. Ф. 962. Оп. 2. Д. 128. Л. 54, 62. Свод сведений о самодвижущихся повозках.

³ Ионичев Н.П.: 1) Внешние экономические связи России. М., 2000. С. 246—247; 2) Иностранный капитал в экономике России. М., 2002. С. 171.

рассчитан на годовой выпуск даже 250 машин¹, но «не смог достичь расчетной производительности... встретившись с непреодолимыми трудностями»: из-за высоких пошлин ввоз используемых материалов и частей обходился дорого. Всего «Русско-Балтийский завод» выпустил, по одним сведениям, 451 машину за 1910—1915 гг., то есть в среднем не по 200—250, а по 75 в год. По другим, более полным и надежным сведениям, выпуск достиг 623 шт. за 1909—1918 гг., то есть в среднем свыше 60 машин в год². В 1916 г. «Русско-Балтийский завод» не делал все у себя, а получал из-за границы (через Стокгольм) необходимые для производства автомобилей сталь, шарикоподшипники, свечи, насосы, покрышки и камеры, карбюраторы, магнето, колеса, масленки, приборы, валы, тросы, шурупы, винты, болты, различные материалы. С конца 1914 г. завод овладел искусством изготовления радиаторов, а затем и конических шестерен. Это и есть та автомобильная промышленность, какой реально располагала Россия в 1914—1917 гг.: по оценке Шугурова, «единственный, пусть небольшой, автомобильный завод»³.

При «самой широкой» оценке (как это представлялось к ноябрю 1915 г.), с начала войны до середины 1916 г. фронт нуждался в 24 526 автомобилях и 16 455 мотоциклах, 23 905 самокатах, половину всех этих машин еще только предстояло заказать. «Предметы предстоящей заготовки в главной массе, к сожалению, относятся к числу не изготавливаемых в России», — докладывало ГВТУ Особому совещанию по обороне; лишь «часть поставки», «вероятно, представится возможность разместить в России» (в том числе самокаты, часть

¹ Испытывая в 1912 г. острую нехватку заказов, завод сделал отчаянное заявление военному ведомству о готовности за четыре месяца, к марту 1913 г., поставить армии 288 автомобилей (Шугуров Л.М. Погоня за Руссо-Балтом. С. 170—171). В США в 1914 г. производилось 569 тыс., в Англии (в 1913 г.) 34 тыс., в Германии — 20 тыс., во Франции — 45 тыс. (Розенфельд Я.С., Клименко К.И. История машиностроения СССР. М., 1961. С. 102).

² Воронкова С.В. Указ. соч. С. 148, 11, 41, 43, 72, 177. К.В. Шляхтинский повышает итог до 1000—1100 («неизмеримо больший»), добавляя те автомобили, которые на «Русско-Балтийском заводе» прошли капитальный ремонт (Шляхтинский К.В. Указ. соч. С. 91—92).

³ РГВИА. Ф. 2000. Оп. 1. Д. 8397. Л. 57 об. Телеграмма ГВТУ военному агенту в Стокгольме, 18.II.1916; Шугуров Л.М. Погоня за Руссо-Балтом. С. 40, 179.

шин, броню, кузова для санитарных автомобилей), но приходилось считаться с перегруженностью заказами одних заводов и неустроенностью других после эвакуации на новом месте. Освоивший шины рижский «Проводник» как раз обшивался на новом месте, а «Треугольник», во-первых, проводил у себя переоборудование и расширение, а во-вторых, не мог изготавливать шины для основного количества приобретаемых за границей, в США (хотя европейские изделия были выше качеством), автомобилей, не имея на съемные обода патента и специальной фасонной стали. Сама возможность заказа за границей недостающих машин и материалов зависела от согласия союзников¹.

В Реутове под Москвой с марта 1914 г. начало постройку своего автомобильного завода на купленной для этой цели земле «Русское а. о. Делажэ» (Delahaye). Этому обществу Вернандер за полгода до того пообещал (в условной форме) заказ на военные грузовики — в случае согласия законодательных инстанций, ожидавшегося «не позже апреля 1914 г.». Такое обещание имело принципиальное значение для учредителей «Русского а. о. Делажэ». Как и прочими соискателями концессии, этой компанией «вопрос о постройке завода ставился в зависимость от получения казенных заказов». Уже одно только обещание помощника военного министра побудило французов, не дожидаясь асигнования законодательными учреждениями денег на заказ автомобилей, основать упомянутое «русское а. о.», и, собрав капитал в миллион рублей, оно заключило контракты со строительными подрядчиками, поставщиками оборудования и нанимаемыми служащими.

Совместно с ГВТУ «Русское а. о. Делажэ» выработало технические условия для грузовых автомобилей и «неоднократно ходатайствовало о выдаче ему заказа». Но к 10 декабря 1915 г. заказ еще не состоялся; Е.А. Данилов, брат начальника Канцелярии Военного министерства (в 1914 г. член правления Общества «Руссуд»²), представлявший фир-

¹ РГВИА. Ф. 369. Оп. 16. Д. 97. Л. 154—156. Доклад 8.XI.1915.

² Булатов В.В. Иностранный предпринимательский капитал в военной промышленности России. «Группа Виккерс» и Русское а. о. артиллерийских заводов (1912—1918 гг.). (Дисс.). Волгоград, 2000. С. 42.

му в переговорах с военным ведомством, уведомил Лукомского, что фирма уже понесла расходы, основываясь на обещании Вернандера, и если дело с оформлением договора не сдвинется, то он не сможет больше «удержать французскую группу директоров от ходатайства через их правительство о выдаче этого заказа»¹. Такие ходатайства, как известно, обладали повышенной весомостью.

Лукомский запросил в ГВТУ справку, и выяснилось, что, наряду с обществом Делагэ, предложения учредить в России автомобильные заводы сделали и другие заграничные фирмы; одновременно ГВТУ с помощью Министерства торговли и промышленности обратилось к русским заводчикам. К концу 1915 г. отмечалась активность шести русских фирм, рассчитывавших получить поставку. Из них «уже строил автомобили» один только «Русско-Балтийский вагонный завод», при этом количество деталей, импортируемых РБВЗ, к 1914 г. «свелось к минимуму»: магнето, карбюраторы, обода колес «и некоторые другие»². Эвакуированный из Риги в Фили (на окраине Москвы), завод «приступил к налажению этого дела» на новом месте³. Среди остальных пяти фирм о той или иной причастности к автомобильному делу имели основание заявлять ремонтные мастерские компании П. Ильина в Москве, за которыми числился «большой опыт в ремонте и постройке кузовов» (вскоре, однако, вопрос о заказе этой фирме «отпал» из-за увеличения запрошенной цены⁴), и мастерские в

¹ РГИА. Ф. 1276. Оп. 12. Д. 208. Л. 67 и об. Данилов — Поливанову, 10.XII.1915.

² *История автомобильного транспорта России до 1917 [года]*. М., 1994. С. 40.

³ По сведениям в биографической справке о рабочем этого завода Э. Апшенеке, к автомобильному отделу проявили интерес владельцы АМО: «За автомобильным отделением приехали учредители АМО, миллионеры Рябушинские, купили и отправили в Москву» (*Штраус В.* Латышский дневник // Бутовский полигон. М., 2007. [Вып. 8]. С. 281—282). На работу в АМО взяли и инженеров и конструкторов РБВЗ (*Воронкова С.В.* «Заводское строительство в России в годы Первой мировой войны» // *Экономический журнал*. 2002. № 8. С. 22). В 1915—1916 гг. была намечена «пересадка» в Москву моторного отдела РБВЗ, но к моменту спешной эвакуации помещения для этого отдела в Москве еще не были построены, и оборудование оказалось в Петрограде (РГВИА. Ф. 369. Оп. 2. Д. 78. Л. 19 и об.).

⁴ ВПР. С. 558.

Петрограде фирмы «Русский Рено» — «весьма солидного предприятия» с «большим техническим опытом». Доставляемые в Россию грузовики фирма «Рено» отправляла на свой завод в Рыбинск, где машины «распаковывались, осматривались и приводились в исправность»¹. (В Петрограде фирма занималась во время войны только заказами Организации Ванкова на запальные стаканы и детонаторы, «не имея для других целей никаких орудий производства»².)

Прочие же три фирмы лишь проявили готовность приспособиться к постройке автомобилей. Это были «А. о. воздухоплавания В.А. Лебедев» с заводом аэропланов в Петрограде, устраивавшее также завод в Ярославле; механический завод а. о. «Акса́й» в Нахичевани — «одно из крупных и прекрасно оборудованных предприятий Юга России»; проект автомобильного завода для общества А. Кузнецов и С. Рябушинский готовили в США. «Предполагали приступить» к организации автомобильных заводов в России, кроме «Рено», еще «Фиат», американская «General Motors Truck & Co», общество Бекос, французская «Шнейдер и Ко». Свой завод под Одессой устраивала американская компания Rounley Motor Truck Co³.

Подготовительную комиссию Особого совещания по обороне привлекала низкая цена, назначенная обществом Делагэ, но еще ниже назначило цену общество Бекос («British Engineering Co of Siberia»). Тем не менее по соображениям таможенной политики комиссия была вынуждена рекомендовать (наряду с пятью русскими компаниями) фирму «Русский Рено»⁴.

Условия правительственной поддержки возникающим в России автомобильным предприятиям включали временное разрешение ввоза 30% материалов из-за границы. Докладчик на заседании РАО 16 ноября 1915 г. В.Ф. Давыдов предлагал, что «по окончании войны эта льгота пойдет в ущерб развитию отечественной промышленности... Если оборудовать заводы и приступить к производству, получив 30% за-

¹ РГИА. Ф. 1276. Оп. 12. Д. 208. Л. 52; РГВИА. Ф. 369. Оп. 16. Д. 54.

² История Организации уполномоченного ГАУ. С. 189.

³ Marge G.T. Nearing the End in Imperial Russia. N.Y., 1970. P. 477.

⁴ ВПР. С. 536—538, 555—559.

граничных материалов, поручить руководство делом иностранцам и оперировать еще на иностранные капиталы, то можно ли при таких условиях нарождающуюся промышленность назвать русской»¹.

Одоблив ссуды и авансы пяти фирмам², Совет министров предоставил военному ведомству 55 млн руб. на создание еще и казенного автомобильного завода. Как доложило царю в отчете за 1915 г. Военное министерство, оно не желало мириться с таким положением, когда правительственные заказы на автомобили «производились почти полностью за границей» (при этом в 1913 г. 81% ввоза автомобилей приходился на Германию). Но возлагать всю ответственность за эту отрасль машиностроения на собственные предприятия казны и создавать другие казенные автомобильные заводы, чего добивались в Думе, министры не желали, тем более что уже выявились неизбежные затруднения на пути утверждения в России собственного автомобилестроения.

Барк считал, что невозможно и нежелательно идти «далее в направлении еще более широкого производства автомобилей средствами казны» и что следует остановиться на одном, уже намеченном казенном предприятии. Так же и министр торговли и промышленности В.Н. Шаховской возражал против навязывания этого нового дела «казне, обремененной множеством других, гораздо более свойственных ей, важных задач», и предлагал выждать и посмотреть, насколько успешно пойдет дело на остальных заводах в России. Очевидное затруднение заключалось в том, что для этого производства потребуются «высокие сорта стали, отливок и поковок», подшипники и резиновые шины с ободами. Между тем «высшие специальные сорта стали» «пока в России не выделяются», лишь в будущем «имеется в

¹ РГВИА. Ф. 369. Оп. 16. Д. 97. Л. 253.

² «Русский Рено» получил заказ на 1500 грузовиков; русские заводы — «А. о. воздухоплавания В.А. Лебедев», «А. о. Русско-Балтийского вагонного завода», Т-во С. Рябушинский и А. Кузнецов и А. о. «Акса́й» в Нахичевани — по 1500 легковых и грузовых автомобилей. Оборудование будущих заводов полагалось закончить к октябрю 1916 г. при сроке окончания поставки не позднее 1 августа 1918 г. Судя по условиям договора с АМО, фирмы брались самостоятельно изготовить шасси и кузова с запасными частями, но не моторы (*Москва* в годы Первой мировой войны. С. 382—383).

виду... поднять вопрос о расширении, с правительственной поддержкой, Невского судостроительного и механического завода» специально для выпуска подходящей стали, поковок, отливок, подшипников¹.

При общем пересмотре заводской программы Комиссией Покровского 6 мая 1917 г. было решено в основном продолжить строительство казенного завода военных автомобилей в Мытищах².

Для создания этого казенного завода, возложенного по договору с Военным министерством на фирму «Бекос», требовалось разрешение британских властей на вывоз в Россию материалов, командирование английских инженеров, предоставление на эти цели части кредита, отпущенного союзниками России, и тоннажа для доставки грузов из Англии и США. Это ходатайство русского посла (сентябрь 1916 г.) встретило в Лондоне лишь «сдержанное» отношение. Э. Грей ответил, что промышленность Великобритании перегружена. Для России изготавливается много автомобилей; тоннажа может хватить либо на автомобили, либо на оборудование. Кроме того, нецелесообразно отвлекать средства на такие начинания, от которых нельзя ожидать пользы для текущей войны, а новый завод не даст продукции ранее двух лет. Министр вооружений Э.С. Монтэгю предложил сузить задачу: Бекос установит в России производство автомобильных кузовов, а из Англии к ним были бы доставлены 7500 шасси. Кредит в 3 млн фунтов (на все заводы) все же был согласован в ноябре 1916 г., а в марте 1917 г. Петроград получил обещание и относительно оборудования³, но затем дело свелось для Бекоса к большой ремонтной мастерской и затянулось до Октября, а о комплектах оборудования для ряда других заводов вовсе договориться не удалось, вместо этого Англия предложила готовую продукцию.

В целом со снабжением армии автомобилями в 1916 г. обрисовалось неутешительное положение. С 25 сентября

¹ РГИА. Ф. 1276. Оп. 12. Д. 208. Л. 59 об., 39. До войны Россия «ввозила из Германии сталь для нашего микроскопического автостроения» (Шаров П. Указ. соч. С. 39).

² РГВИА. Ф. 1. Оп. 2. Д. 178; Ф. 13251. Оп. 28. Д. 1. Л. 23—26.

³ Bonwetsch B. Op. cit. S. 78, 61—63. О моторах для 7500 кузовов и шасси Бонвеч ничего не сообщает.

по 13 ноября 1915 г. отправлено было из США в Россию 1880 «повозок Студебеккера» пятью пароходами (из них один, «Сигурд» с 13 машинами, пропал в пути) и приготовлены к отправке еще 120¹, а предполагалось (в ноябре 1915 г.) заказать за границей (в США, Франции, Италии) 2541 машину в счет потребности, рассчитанной по середине 1916 г. (общий размер ее — 3012 полуторатонных и 372 однотоновые машины)². Когда ГУГШ снова затребовало ассигнования на закупку автомобилей 1712 тысяч руб., то в основном рассчитывал на заказы у иностранных фирм. Но междуправительственное совещание отказало ввиду того, что «надеяться на возможность покупки автомобилей за границей в настоящее время совершенно не приходится». То есть если и купить, то «едва ли удастся» доставить их в Россию — «за крайней ограниченностью свободного фрахта». Поэтому ГУГШ получило санкцию междуправительственного совещания на приобретение машин лишь в России — на 152 тысячи руб.³ Однако в 1917 г. выявилось отсутствие машин на русском рынке.

Обнаружилось также, что тяжелой артиллерии особого назначения грозила «полная потеря боеспособности» из-за неудовлетворительного ремонта тракторов⁴ и автомобилей. Остро не доставало ремонтных мастерских, и отсутствовала возможность их быстро завести. Это «сейчас невозможно, — писал начальнику ГАУ Леховичу Барсуков 25 августа 1917 г., — за отсутствием на русском рынке машин, а также

¹ РГВИА. Ф. 2000. Оп. 1. Д. 5573. Л. 23. Н.Л. Голеевский — ГАУ, 9.I.1916.

² Там же. Ф. 369. Оп. 16. Д. 97. Л. 259. ГВТУ — Лукомскому, 12.I.1916. ГУГШ предупреждало тогда же, что нужда фронта в полуторатонных машинах значительно возрастет в дальнейшем, так как «предположено снабдить ими все пехотные и кавалерийские полки, батареи, штабы пехотных и кавалерийских дивизий — по одной [на] каждый» (Там же. Л. 259 об.).

³ Там же. Ф. 369. Оп. 10. Д. 10. Л. 4 и об. Журнал Междуправительственного совещания по проверке расходов, заседания 2.IX—19.XII.1916.

⁴ ЖОСО 1917. С. 20. Артиллерийское ведомство заказало в Англии и в Америке 988 тракторов; получено было к концу 1917 г. 690 машин, после чего остальные трактора «в результате перерыва сношений с заграницей, понятно, не могли поступить к нам» (Гольберг Я.М. Тракторное хозяйство в России за 1917—1922 гг. // Сельское и лесное хозяйство. 1923. № 11. Кн. 7. Январь—февраль. С. 180—185).

[ввиду] трудности собрать необходимый технический персонал». Надо было срочно организовать «где-либо в тылу» большую мастерскую, переместив туда технические средства Петроградского оружейного завода, использовать также заводы Гельферих Саде в Харькове и Рябушинского в Москве, поскольку они не сумели наладить у себя производство автомобилей «и теперь их оборудование можно обратить на ремонт машин в широком масштабе»¹.

В поиске решения проблемы Барсуков предложил ГАУ привлечь к ремонту мастерские так называемого Депо машин и Тракторной роты 1-й запасной тяжелой артиллерийской бригады, расположенные в Царском Селе, — «при условии перемещения этих мастерских из Царского Села в район по линии железных дорог Тула—Орел—Курск, и во всяком случае не южнее Харькова, чтобы не завозить слишком далеко предметы тяжелой артиллерии, получаемые через Архангельск и требующие сборки в мастерских». Начальник этих мастерских Н.И. Фонштейн, возражая, доложил ГАУ, что выполняемая ими работа по приему, сборке и «обладке» поступающих из-за границы гусеничных тракторов и автомобилей «так громадна по сравнению со средствами мастерской», что Депо «едва справляется» «по причине... незначительного количества работников и станков». В день удается собрать 7—8 грузовых автомобилей, между тем «уже сейчас... прибыло до 200 тракторов и 70 грузовых автомобилей», а «ожидается прибытие вдвое большего количества машин». Мощность Тракторной школы «также слишком мала для того, чтобы она могла принимать посторонний ремонт», да это и вредно для обучения шоферов. Переориентация Депо разрушила бы, предупреждал Фонштейн, «снабжение машинами частей тяжелой артиллерии», при-

¹ РГВИА. Ф. 509. Оп. 1. Д. 1. Л. 50—51 об.; Д. 8. Л. 224. К тому времени при Оружейном заводе существовала автомобильная мастерская — «завод бывш. Брейтигама», как назвал ее Лехович 8 июня 1917 г. (Там же. Д. 8. Л. 246). Завод «Иван Брейтигам» к 1913 г. был крупнейшей в Петербурге кузовной фирмой, там было занято 400 рабочих; в 1915 г. — 180. Экипажная фабрика Брейтигама была преобразована в автомобильный отдел Оружейного завода в апреле 1917 г. Туда переместилась ремонтная мастерская, организованная в середине 1915 г. на Большой Охте в «случайном» помещении (*Шугуров Л.М.* Автомобили России и СССР. Ч. 1. С. 20; ВПР. С. 541; РГВИА. Ф. 29. Оп. 3. Д. 1010. Л. 84—85).

том без существенной пользы — «опять же ввиду бедности оборудования мастерских Депо», «незначительности технических средств»¹. Гужевая транспортировка для ТАОН не годилась.

Во 2-й запасной бригаде тяжелой артиллерии остро не хватало тракторов и грузовиков, но «если бы и были отпущены автомобили, — рапортовал в сентябре 1917 г. в МВО командир бригады, — то обслуживающий их персонал так плохо обучен, что в самом скором времени все машины ломаются настолько основательно, что пользоваться ими нет возможности»². Фонштейн обращал внимание и на еще большую угрозу: вскоре «в ТАОН вольется новая большая партия автомашин» и гусеничных тракторов (сейчас на фронте 30 гусеничных тракторов, а будет около 600), фронтовые автомастерские к ремонту их не приспособлены, и «положение еще более ухудшится». К этой деятельности подключится и Депо, если его усилить и «дать ему возможность скорее разгрузиться от машин, получаемых из-за границы и идущих на переформирование, на фронт»³. Но решение было принято иное. В ноябре 1917 г. Фонштейн рапортовал ГАУ: «Переезд Депо машин в Ростов закончен. К работам по сборке тракторов [в] Ростове уже приступлено и [в] скором времени отпуск вполне собранных тракторов будет продолжаться по-прежнему»⁴.

Заслуживает внимания упоминание в одном из исследований о том, что еще около 1911 г. в России «формировалось» и «собственное тракторостроение»; автор ссылается на данные Я.М. Гольберга⁵. Но Гольберг не утверждал ничего

¹ РГВИА. Ф. 509. Оп. 1. Д. 1. Л. 49—51 об. Фонштейн — ГАУ, 7.IX.1917.

² Там же. Д. 8. Л. 224 об. В 1913 г. намечено было создание шести тыловых авторемонтных мастерских, но до начала войны с этим не успели. См.: *История автомобильного транспорта России до 1917 [года]*. М., 1994. С. 109.

³ Осенью 1915 г. из Архангельска телеграфировали, что туда больше не следует направлять автомобили: этим грузом уже «загромождены тут огромные пространства» (РГВИА. Ф. 369. Оп. 16. Д. 97. Л. 184).

⁴ РГВИА. Ф. 509. Оп. 1. Д. 1. Л. 51 об.; Д. 8. Л. 220.

⁵ Кротт И.И. Применение тракторов в сельском хозяйстве Западной Сибири в начале XX в. // Вопросы социальной и экономической истории Сибири XVII — начала XX вв. Омск, 2002. С. 106.

больше того, что перед войной в России изучали возможности применения в сельском хозяйстве тракторов и — с этой точки зрения — сравнивали различные образцы закупаемых за границей машин¹.

1911 г., принимаемый за начало русского тракторостроения, — это отголосок борьбы 1940-х гг. против «рабOLEпия и преклонения перед иностранщиной», за русский технический приоритет против американской даты 1912 г.² Подразумевается, что в 1911 г. изобретатель Я.В. Мамин построил (не «выпустил», как писали в 1940-х гг.) первых два гусеничных агрегата разной мощности, громоздкие и неповоротливые, но все же действовавшие, как опытные образцы, и добивался официальной экспертизы, чтобы получить поддержку от Министерства земледелия. Обращаясь к министру А.В. Кривошеину в марте 1912 г., он писал, что «это дело под силу не частным лицам, а только государству» (финансовую устойчивость его фирмы опыт с тракторами подкосил), и просил правительство «принять в свои руки изготовление тракторов». Оно и взяло в свои руки его завод с началом войны, чтобы делать там «токарные станки для изготовления шомпольных гранат и мин». В дальнейшем, после 1917 г., Мамин продолжал конструирование тракторов³.

План снабжения крепостей автомобилями и тракторами, рассчитанный на исполнение в течение 10 лет, был составлен в 1912 г., но помешало отсутствие денежных средств, и поставки тракторов до войны не производились⁴. В середине 1913 г. именно по этой причине ведомство земледелия

¹ В 1913 г. в России насчитывалось 152 трактора (Кочешков Г.Н. Российские землевладельцы в 1917 г. Ярославль, 1994. С. 23).

² Опровергались «утверждения многих литературных источников и специальных общеизвестных учебников в период с 1921 по 1946 г. о том, что первые гусеничные тракторы были созданы фирмой «Холт» (США). См.: Решение научно-технической конференции, посвященной 75-летию юбилею первого русского тракторостроителя Я.В. Мамина. Челябинск, 27—30 ноября 1948 г. // Труды Челябинского института механизации и электрификации сельского хозяйства. 1950. Вып. 4. С. 14—15.

³ Шепелев А.Н., Деревянченко А.А. Яков Мамин. Очерк о жизни и творчестве изобретателя Я.В. Мамина. Челябинск, 1988. С. 82, 83, 85—89.

⁴ Кирилец С., Канинский Г. Указ. соч. С. 168.

ставило вопрос о беспошлинном пропуске тракторов («исключительно по тем соображениям, что производство этих машин у нас не установилось»). Даже в изготовлении таких менее сложных агрегатов, как локомобили, система покровительства с «выдачей премий за производство внутри Империи не оправдала возлагавшихся на нее надежд», ее влияние на увеличение производства локомобилей «оказалось незначительным»; вся надежда была на казенные заказы — как на сельскохозяйственные машины, так и на автомобили¹. В цитируемом Гольбергом документе говорится о предполагаемом заказе Министерством земледелия 80 гусеничных тракторов заводу Котляренко—Шестернева в Самаре. «Если бы этот завод получил еще заказ на 20 машин упомянутого типа, — сообщал Автомобильно-авиационный отдел ЦВПК Г.Г. Кривошеину 20/21 января 1917 г., — то он мог бы развиваться в смысле технического оборудования и приобрести в Саратове один из готовых заводов, занятых изготовлением двигателей внутреннего сгорания для нужд волжского пароходства». Отдел считал, что с точки зрения реально ощущаемых потребностей имелись основания для создания в России двух заводов с выпуском по 1500 тракторов в год. Все эти предположения, писал Гольберг, не осуществились².

В постановке ремонта автомобилей военное ведомство связывало надежды с постройкой завода АМО. В литературе распространено представление, будто Рябушинские строили этот завод на собственные средства³ и он к 1917 г. уже действовал⁴. Но Рябушинские, как и все русские фирмы, бравшиеся строить автомобили, получали казенные ссуды и авансы, а цены по заказам включали погашение

¹ РГВИА. Ф. 369. Оп. 16. Д. 97. Л. 167—168 об. Шаховской — Поливанову, 13.XI.1915.

² Гольберг Я.М. Указ. соч. С. 180—185.

³ Пискотин М.И. Россия в XX веке: неоконченная трагедия. М., 2001. С. 118.

⁴ Конотопов М.В., Сметанин С.И. Очерки истории экономики. М., 1993. С. 220; Кувшинов В.А. П.П. Рябушинский — предприниматель, финансист, политик // Клио. 1997. № 3. С. 202; Смирнова Ю.Б. Предпринимательство и монополистический капитализм в России в конце XIX — начале XX в. Ярославль, 1999. С. 42.

оборудования и построек¹. Часть станков, предназначенных для АМО, погибла: 30 сентября и 26 октября 1916 г. нагруженные ими суда были потоплены германскими подводными лодками². Способность же отечественных машиностроительных компаний изготавливать столь сложные станки не засвидетельствована; о каких-либо попытках Рябушинских адресоваться к этим компаниям не известно. Таким образом, речь могла бы идти лишь о том, что завод АМО в 1917 г. в построенных корпусах «готовился приступить» к сборке грузовиков «фиат»³.

16 июня 1917 г., несмотря на принятое за месяц до того решение комиссии Маниковского «постройку и оборудование завода продолжать», правление объявило рабочим о расчете. Закрыть завод Рябушинским не удалось из-за сопротивления, оказанного рабочими и служащими, добивавшимися передачи предприятия в собственность военного ведомства; они захватили завод, и правление получило основание заявить, что «слагает с себя ответственность за возможные последствия». Г.Г. Кривошеин, ведавший в Военном министерстве постройкой автомобильных заводов, 13 июля 1917 г. уверял Подготовительную комиссию Особого совещания по обороне, что станки, отправленные из Америки, уже в пути, движутся из Владивостока, и что поэтому можно «ставить вопрос и об использовании завода для постройки новых автомобилей», но комиссия высказалась за «срочный пересмотр договора», заключенного с Товариществом 27 февраля 1916 г. Вместо постройки новых автомобилей комиссия отводила заводу роль «крупной ремонтной мастерской», что в тех условиях больше соответствовало интересам фронта. В августе 1917 г. был заключен

¹ ВПР. С. 557—559.

² ЖОСО 1917. С. 879—880; *История автомобильного транспорта*. С. 43.

³ *Шнотов Б.М.* Автомобили Форда в России, русские рабочие у Форда (1909—1919 гг.) // *Экономическая история. Ежегодник*. 2000. М., 2001. С. 333. Первый грузовик марки АМО—Фиат обр. 1915 г. был выпущен в 1924 г. В октябре 1916 г. приступил к сборке автомобилей из частей, поставляемых из-за границы, недостроенный завод «А. о. механических передвижений и производств» в Ярославле, сооружаемый с февраля 1916 г. при содействии английской фирмы Бекос (*Воронкова С.В.* Лебедев В.А. // *Энциклопедия*. Т. 2. С. 207—208).

договор с военным ведомством «о чистке, сборке и регулировании получаемых из-за границы авто различных марок», выпускать же собственные автомобили завод не мог. 14 октября на заседании Особого совещания по обороне директор завода утверждал, что на заводе получено «уже машин 60%, [еще] 20% — прибыло во Владивосток, а остальные 20% машин и запасных частей готовы к отправке в Америке». В конечном счете, поглотив технические средства и специалистов «Русско-Балтийского завода», АМО в 1917 г. все же начал сборку грузовиков «фиат»¹.

Специалисты отмечали сдвиги, наметившиеся в производстве различных узлов автомобилей. В ноябре 1915 г. сообщалось, что «в России одним заводом уже начато с большим успехом фабричное производство магнето по испытанным образцам», уже поставлено производство рессор на рессорной фабрике Мохова, «выпускающей превосходный по качеству товар», но карбюраторы «фабричным способом еще не изготавливаются», не дается также изготовление радиаторов².

Рассчитывая начать в России производство запасных частей, ГВТУ в январе 1917 г. намечало дать заказ на шестерни, коробки передач и дифференциалы листопрокатному заводу «Влохи», эвакуированному в столицу империи из Варшавы. Ведомство считало его «единственным заводом, подготовленным к исполнению заказа на зубчатые колеса». При этом выяснилось, что заводу надо будет дать аванс на закупку около 4 тысяч пудов хромоникелевой стали, а также на устрой-

¹ ЭПР. Ч. 1. С. 387—391; *Петров Ю.А.* Династия Рябушинских. М., 1997. С. 64—65; *Покровский А.С.* Материалы промышленной переписи 1918 г. о предприятиях, работавших на оборону // Труды Московского государственного историко-архивного института. 1961. Т. 16. С. 209; *Шугуров Л.М.* Автомобили России и СССР. Ч. 1. С. 47; РГВИА. Ф. 509. Оп. 1. Д. 1. Л. 51.

² РГВИА. Ф. 369. Оп. 16. Д. 97. Л. 252. Журнал соединенного заседания в РАО, 16.XI.1915; Там же. Ф. 962. Оп. 2. Д. 82. Л. 8. Разъяснения о состоянии снабжения армии. К середине 1917 г. начали сдавать магнето, заказанные в январе 1916 г., мастерские Политехнического института (*Шильцев Е.А.* Исследовательская и производственная деятельность в С.-Петербургском Политехническом институте в интересах армии в годы Первой мировой войны // Война и оружие. Новые исследования и материалы. Труды 5-й международной... конференции. СПб., 2014. Ч. 4. С. 437).

ство специальных печей для термической обработки этой стали и на усиление фрезерного отдела станками, причем их предполагалось «достать на местном рынке»¹. Таким образом, речь шла лишь о замысле на будущее.

Сравнительно легко устанавливалось автомобильное производство в той его части, которая и ранее была привычной: многие заводы и мастерские изготавливали шасси, кузова. Но для утверждения действительно специальной автомобильной промышленности определяющее значение имела способность предприятий обеспечивать «самодвижущиеся повозки» моторами.

САМОЛЕТЫ И ДВИГАТЕЛИ

В области конструирования летательных аппаратов, как и автомобилей, российская инженерная мысль не отставала от мировой науки. Чисто российских конструкций, не являвшихся переделкой французских или немецких, было немного, но среди них имелись «просто удачные» машины², достаточно назвать работы конструкторов И.И. Сикорского и Д.П. Григоровича. Решающую же роль в развитии авиации играло массовое изготовление специальных двигателей, но это предполагало другие возможности, другой уровень развития промышленности.

Отчитываясь за свою работу в течение 1911 г., Военное министерство докладывало царю, что в России уже могут изготавливаться «все предметы воздухоплавательного имущества за исключением воздухоплавательных двигателей и немногих точных приборов... Попытки некоторых русских заводов изготавливать двигатели не дали благоприятных результатов»³. Перечислив «все, что было сделано» для постановки производства авиационных двигателей в России, Сидоров в 1940-х гг. нашел, что русская авиация «не получила

¹ РГВИА. Ф. 369. Оп. 16. Д. 542. Л. 1, 2, 6 и об. Журнал Комиссии Особого совещания по обороне, 19.I.1917.

² *Соболев Д.А.* К 100-летию отечественной авиапромышленности. Российское самолетостроение в 1910—1917 гг. // Вопросы истории естествознания и техники. 2011. № 1. С. 153.

³ ВПР. С. 401.

собственной моторной базы»¹. Дальнейшее тщательное изучение источников рядом историков авиационного дела подтвердило этот вывод. Анализ положения, создавшегося к ноябрю 1916 г. в снабжении фронта самолетами, привел авиационное ведомство к заключению, что невозможно исполнить «хотя бы минимальную программу русского аэропланного строительства», сводившуюся при этом примерно лишь к трети полного плана снабжения армии. Потребность фронта достигала 3375 самолетов. Русские заводы в этот момент были заняты заказами в общей сложности на 2290 самолетов, но 80% из них строить не имело смысла, потому что для них не было моторов: налицо 525 — «15% требуемого количества», не считая устаревших и непригодных (1933 шт.). Не хватало 1765 шт. Управление ВВФ признавало, что «рассчитывать на производительность русских моторных заводов в размерах, сколько-нибудь способных выполнить этот пробел в моторах, не имеется достаточных оснований». Слабую надежду «хотя бы частично исправить» это «катастрофическое положение» Управление видело в том, чтобы «провести в жизнь обмен с союзниками предметов авиации на сырье, которое мы могли бы им дать». На конференции в Петрограде в январе 1917 г. союзники согласились разместить заказы на 3200 самолетов, в том числе во Франции — на 2200². Как считает М.Ю. Мухин, «можно с высокой степенью вероятности предположить», что, не произошли в феврале—октябре 1917 г. «известных событий», российская авиационная промышленность «могла бы достичь» больших успехов, но в реальности ничего не остается, как «зафиксировать горький итог — в годы Первой мировой войны российская авиапромышленность удовлетворила потребности армии по самолетам на 9%, а по моторам — на 5%»³.

¹ Сидоров А.Л. Экономическое положение России. С. 178.

² Дузь П.Д. История воздухоплавания и авиации в России (июль 1914 — октябрь 1917 г.). 3-е изд. М., 1989. С. 305—308; ЭПР. Ч. 2. С. 489.

³ Мухин М.Ю. Авиапромышленность СССР в 1921—1941 годах. М., 2006. С. 28—29. Стоун утверждает, что в 1915—1916 гг. четырем русским заводам удавалось покрыть 80% потребности русской авиации (Stone N. The Eastern Front. P. 209; Keegan J. Op. cit. S. 386). Киган, используя в общей форме оценку Стоуна, все же не решился воспроизвести столь яркую цифру.

Сослагательное наклонение традиционно помогает в подобных случаях примириться с действительностью: в России «удалось создать современные авиационные двигатели», будто бы даже «превосходящие иностранные», но не получилось развернуть их производство — помешала «недооценка возможностей» царской бюрократией с ее «преклонением перед иностранными образцами»; «привязанность к заграничным фирмам руководителей Военного ведомства, вопреки здравому смыслу» (как и с заказами «грузовозов» или снарядов) побуждала царскую администрацию «всячески тормозить изготовление в России отечественных двигателей». Но и здесь помимо бюрократической косности сказывалось еще и то, что отсутствовала возможность «воспользоваться опытом создания двигателей в автомобильной промышленности (ее в России не было)». Не только в постановке массового производства авиационных двигателей не произошло существенного сдвига, но и в конструировании отмечается отставание: «отдельные талантливые изобретатели двигателей» по известным причинам «не могли достигнуть в условиях царского самодержавия успехов»¹.

Счет, предъявленный царской бюрократии, представляется справедливым, если учитывать, что часть его тяжести солидарно несли хозяева промышленности. Пожелание о мерах «к развитию выделки на русских заводах авиационных моторов» Дума адресовала Военному министерству при рассмотрении сметы ГУГШ на 1913 и 1914 гг., и тогда думцам был представлен ведомством успокоительный ответ: меры принимаются. «С этой целью заказы передаются исключительно русским заводам, и только незначительная часть приобретает за границу в качестве образцов» — это что касается самих воздушных судов. Но обеспечение авиации двигателями «достигнутым еще считаться не может» «ввиду технических трудностей их изготовления». В отчете царю, впрочем, положение было представлено в более светлом тоне: «В настоящее время почти все предметы... в том числе... аэропланы и моторы к ним, строятся на русских заводах. За

¹ Сорокин В.Н. Авиамоторостроение в России // Авиация в России. М., 1988. С. 276—277, 270—271; Дузь П.Д. Указ. соч.

границей приходится приобретать лишь самое ограниченное число предметов, требующих для своего изготовления специальных условий»¹.

В поддержке единственной к началу войны фирмы, проявившей на деле способность заняться не только сборкой моторов из иностранных узлов, но и оригинальным конструированием, был замечен начальник ГУГШ Жилинский. Рижской фирме «Мотор» военное ведомство заказывало двигатели «Калеп», и Жилинский думал, что это будет «способствовать поощрению нашей промышленности»².

Рижский завод Ф.Г. Калепа освоил выпуск авиамоторов с 1910 г. Первый его двигатель «Райт—Рига» (усовершенствованный Калепом в Риге мотор американской конструкции, по образцу, проданному немцами вместе с самолетом) испытывался в 1911 г., но, как указывает историк авиамоторов, к тому времени «по своим данным, особенно по мощности, уже не соответствовал требованиям времени». Затем Калеп перешел к совершенствованию французского двигателя «Гном» и в 1912 г. выпустил пять экземпляров; в 1913—1914 гг. два из них были установлены на летающие машины. До своей смерти в 1913 г. Калеп продолжал осваивать различные модификации моторов той же французской фирмы, и считалось, что его завод в принципе был способен в то время поставлять чуть ли не сотни моторов в год.

Однако для боевой авиации заказ на двигатели «Гном» (50 шт.) правительство отдало во Францию. В литературе это предпочтение иностранному поставщику иногда объясняют косностью и недостаточным патриотизмом военных чиновников либо взятками. Но известно, что в данном случае, как и в других подобных, правительство не решалось переступить через права перспективных французских партнеров. Переделывая по-своему (совершенствуя) «Гном», Калеп пытался действовать «обходным путем», не имея согласия фир-

¹ РГВИА. Ф. 1. Оп. 2. Д. 110. Л. 26 об.; Оп. 1. Д. 78702. Л. 23 об., 3 об., 6 и об., 108 и об.

² Сорокин В.Н. Указ. соч. С. 270; Vitarbo G. *Army of the Sky. Russian Military Aviation Before the Great War, 1904—1914*. N.Y.; Washington, 2012. P. 60.

мы, так как ему показалась чрезмерной претензия французов на слишком большую долю прибыли, и французы пытались через суд заставить Калепа прекратить нелегальный выпуск «Гномов». Это обстоятельство имело особенно важный смысл ввиду того, что тогда же, в 1912—1913 гг., фирма «Гном», следуя призывам русских властей, учредила в Москве собственный сборочный филиал (в 1912 г. рассматривалась также возможность ввести производство «Гномов» на ТОЗ)¹. В 1914 г. там уже собирали по 7—10 двигателей в месяц².

Наиболее крупному поставщику авиамоторов, «Русскому Рено», Подготовительная комиссия Особого совещания по обороне 2 февраля 1917 г. одобрила заказ на 1000 авиационных двигателей «автомобильного типа» для поставки с ноября 1917 по середину 1918 г. При этом «Русский Рено» выдвинул «ряд пожеланий о содействии ему Управления [военного воздушного флота] в получении материалов, топлива, машин, станков, магнето, рабочих рук и пр.». По предыдущему контракту на моторы того же типа (утвержденному 12 октября 1915 г.) ГВТУ также оказало «содействие заводу по получению готовых частей из Франции для сборки в России части заказанных моторов». В феврале 1917 г. Общество заявляло, что «обязуется изготовить моторы и запасные части на его русских заводах и из материалов русского происхождения» — с многозначительной оговоркой: «исключая тех, которые не представляется возможным найти на русском рынке». Со своей стороны, Управление аттестовало «Русский Рено» как «один из немногих русских моторных заводов, который, обладая достаточным оборудованием, техническими силами и преем-

¹ Михайлов А.В., Малахов Г.В., Птицын В.В. Указ. соч. С. 204.

² Котельников В.Р. Отечественные авиационные поршневые моторы (1910—2009). М., 2010. С. 44—48; Соболев Д.А. Указ. соч. С. 123. Так же, не считаясь с интересами фирмы «Ньюпор», копировали французскую конструкцию планера «Русско-Балтийский вагонный завод» и завод С.С. Щетинина. Не получив поэтому (в отличие от завода «Дукс», действовавшего по договору с «Ньюпором») от нее чертежей, образцов и консультаций, эти два завода, существенно просрочив свои заказы, дали в конце концов лишь «несовершенные копии» (*История отечественной авиапромышленности. Серийное самолетостроение 1910—2010*. М., 2011. С. 12, 16).

ственностью производства от такового же во Франции, в состоянии выполнить заказ в обусловленный срок на такое количество моторов и оказать действительное содействие в снабжении аэропланов моторами русского изделия»¹.

В 1914—1916 гг. заводы, действовавшие в России, дали авиации треть нужных ей двигателей. За ноябрь 1915 — ноябрь 1916 г. было доставлено из Франции и Англии 1184 двигателя; с русских заводов — около 500. В момент наивысшего развития русская промышленность дала в 1916 г. 1769 самолетов (666 моторов)². В Германии в тот же год выпуск самолетов достиг 8182 (7823 двигателя), во Франции — 7549 самолетов и 16 875 моторов, в Великобритании — с июля 1915 по февраль 1917 г. — 7131; при этом треть моторов для английских самолетов поступала из Франции³. Но и такое сравнение хромает, поскольку в значительной части русские показатели и по моторам и по самолетам относятся к сборке из готовых деталей и узлов. Разработкой авиационных двигателей занимались в лабораториях и мастерских Кораблестроительного отделения Петроградского Политехнического института⁴, но оставалось в силе суждение М.В. Алексеева: «Главная причина слабого развития авиации у нас — это отсутствие двигателей. В этом отношении мы беспомощны. Корпуса аппаратов мы делаем, а “души” их — моторы — производить не можем»⁵.

В целом в 1912—1916 гг. русская авиапромышленность «сделала мощный скачок». Это было «большим достижением для страны с только начинавшей развиваться машиностроительной промышленностью». При этом она «оставалась несамодостаточной, односторонней. По сути, в России научились делать только планеры самолетов и пропеллеры. Собственной конструкторской школы по двигателям не су-

¹ РГВИА. Ф. 369. Оп. 16. Д. 541. Л. 1—2. Журнал Подготовительной комиссии по авиационным вопросам, 2. II. 1917.

² СВП. С. 463; История отечественной авиапромышленности. С. 24, 29. Если же учитывать только принятую в казну продукцию — то 1420 самолетов (Соболев Д.А. Указ. соч. С. 147, 150).

³ Murray W. War in the Air, 1914—45. London, 1999. P. 61—62; Военная мысль и революция. 1921. Июль—август. С. 244.

⁴ Шильцев Е.А. Указ. соч. С. 436.

⁵ РГВИА. Ф. 2003. Оп. 2. Д. 1017. Л. 220 и об. Протокол совещания 1 апреля 1916 г. в Могилеве.

ществовало. Оставалось неосвоенным производство приборов, авиационного вооружения, электрооборудования, радиаторов», алюминиевого литья, специальных сталей. И все же за годы войны авиация получила 3761 самолет отечественного изготовления¹. В свете приведенных Д.А. Соболевым данных о зависимости русского производства от поставок из Франции выглядит преувеличением его вывод о том, что хотя бы в снабжении самолетами истребительных авиаотрядов «в целом отечественные заводы справились с задачей», поскольку из России поступило «более половины» их парка².

ПРОЧЕЕ: ЗАОКЕАНСКИЕ ПОДКОВЫ, ШИПЫ И СЁДЛА

Моторизация армии, при всех ее успехах, не означала отказа от лошадиных сил. При этом снабжение фронта подковами и шипами представляло собой нелегкую задачу. В начале 1915 г. выяснилось, что получить от русской металлургии подковы «быть может и возможно», как выразился главный интендант, «но что касается шипов, то за перегруженностью специальных заводов нарядами военного ведомства, за недостаточностью... металла и необходимых оборудования» заготовить их внутри России не удастся. «Большинством поступающих ныне предложений от разного рода мастерских, заводов и предпринимателей изъясляется согласие на заготовление лишь подков, но без шипов». «Наиболее крупный специальный завод Посселя» отказался от подряда на 60 млн шипов из-за отсутствия материалов и недостаточности заводских помещений. Другой специальный завод, Оршанский, не имея материалов, не смог исполнить данный ему заказ на шипы. Прочим предприятиям потребовалось бы еще выписать из-за границы необходимое для изготовления шипов оборудование. Все это вынуждало интендантское ведомство продолжать заказы-

¹ История отечественной авиапромышленности. Серийное самолетостроение. С. 30, 16; *Соболев Д.А.* Указ. соч. С. 152.

² История отечественной авиапромышленности. С. 24.

вать шипы преимущественно на американских заводах¹. Завод Посселя, входивший в военно-промышленную группу Русско-Азиатского банка, подобно Путиловскому и другим не справлявшимся с военными заданиями предприятиям группы, 9 ноября 1915 г. подвергся конфискации², после чего именовался Петроградским военно-подковным заводом.

Заказами за границей ГАУ покрывало и другие потребности артиллерийского транспорта и кавалерии. Юго-Западный фронт в апреле 1915 г. требовал 25 тысяч выучных сёдел, но оказалось, что российская промышленность может дать в течение ближайших 10 месяцев только 3900 и придется делать заграничный заказ. Действительно, во время войны сёдла, конскую амуницию доставляли из-за океана: в марте и мае 1916 г. из США двигались пароходы с 41 тысячей сёдел³. (Едва ли поэтому прав эксперт, который, довершая средствами статистики «разрушение ангажированных идеологических стереотипов» советской историографии и пересматривая «сложившиеся догмы и перекосы практики изучения отечественной истории», полагает, что во время Первой мировой войны Россия «оказалась в полной изоляции»⁴, иначе говоря, не ввозила ничего.) Но и при таком размере ввоза потребность оставалась неудовлетворенной. Для формируемых новых дивизий, как говорил на совещании в Ставке

¹ РГВИА. Ф. 962. Оп. 2. Д. 115. Л. 136—137. За главного интенданта Н.И. Богатко — Министерству торговли и промышленности, 29.I.1915. «Большой шиповый завод» И.Е. Терехова (300 рабочих) был устроен при содействии местного ВПК в Омске в 1916 г. (*Скубневский В.А.* Сибирь // *Энциклопедия*. Т. 3. С. 195—196; *Серебренников И.* Претерпев судеб удары. Дневник. [Иркутск,] 2008. С. 265. Запись 23.IX.1916). В какой мере этот завод развернул свою деятельность, из записи Серебренникова не ясно, но ему было заказано 7,5 млн шипов.

² *Бовыкин В.И., Тарновский К.Н.* Концентрация производства и развитие монополий в металлообрабатывающей промышленности России // *Вопросы истории*. 1957. № 2. С. 27; СУ. 19.II.1916. № 48. Ст. 318.

³ Русские поставщики брали заказы на сёдла для пулеметных команд только после того, как им обещали разрешение «получить из-за границы или Финляндии» «материалы, полуфабрикаты и ленчики в готовом виде или сухой лес для ленчиков». Еще в 1913 г. ГАУ предупреждало, что нельзя рассчитывать изготовить сёдла в России исключительно из русских материалов (РГВИА. Ф. 962. Оп. 2. Д. 115. Л. 145; Ф. 1. Оп. 1. Д. 77797. Л. 144 и об.; Ф. 2000. Оп. 1. Д. 5573. Л. 194, 425).

⁴ *Симчера В.М.* Развитие экономики России за 100 лет. М., 2006. С. 245, 373.

17 декабря 1916 г. Гурко, пулеметы имеются, «перевозочных же средств нет. Поэтому пулеметы надо ставить в двуколки, так как, чтобы выйти из создавшегося положения, другого средства нет». С двуколками тоже обнаружилась проблема: хотя пулеметов к концу 1916 г. было изготовлено по 32 на полк (24 «Максима» и 8 «Кольтов»), это «пулеметы без двуколок и упряжи, — подводил итог своей деятельности великий князь Сергей Михайлович. — ...Полного снаряжения нельзя получить ни в 1917, ни в 18, ни в 19 году»; «все наши формирования рассчитаны на снабжение ими старых дивизий, но мы их дать им не можем вследствие недостатка [конской] амуниции». Брусилов считал, что формируемые для действий в 1917 г. дивизии следовало бы снабдить пулеметами «хотя бы на повозках». Также и орудиям не хватало транспорта: великий князь Сергей Михайлович признавал «невозможность перейти на четверочную запряжку в артиллерии» и предлагал «перейти на обывательские подводы»¹.

¹ РГВИА. Ф. 203. Оп. 2. Д. 1017. Л. 119 об., 125, 126, 128, 142. Протокол совещания 17—18 декабря 1916 г. в Могилеве.

5. Политическое содержание военно-промышленной программы царизма

«КОММЕРЧЕСКАЯ ТАЙНА» АРТИЛЛЕРИЙСКОГО СНАБЖЕНИЯ

Побывав 9 мая 1915 г. в Ставке, Смысловский из «интимного, товарищеского характера» разговора с Янушкевичем вынес впечатление, что начальник штаба Верховного главнокомандующего «считал наше предстоящее отступление предрешенным вследствие недостатка снарядов»¹. Верховный главнокомандующий великого князя Николай Николаевич вину за провал операций на себя не принимал и 26 апреля прямо предупредил великого князя Сергея Михайловича, что недостаток снабжения «ляжет на ответственность ГАУ». Тот признался, что надежд на скорое улучшение нет никаких².

Резко обострившееся в связи с военными поражениями и людскими жертвами общественное недовольство заставило Романовых отбросить взаимные счеты и постараться совместными усилиями направить его в безопасное русло. Для того чтобы переложить ответственность за «кровавый» вопрос на оппозиционные круги, великие князья Николай Николаевич и Сергей Михайлович, возглавлявшие операции на фронте и артиллерийское снабжение в тылу, в мае 1915 г. предприняли крупный политический маневр.

В расчете выгородить себя, удобных подставных фигур они нашли в лице вождей цензовой «общественности»: нуж-

¹ РГВИА. Ф. 962. Оп. 2. Д. 137. Л. 161. Показания Смысловского, 18.I.1917.

² Емец В.А. Указ. соч. С. 165.

но было лишь вынудить их «не только критиковать, но и активно действовать», а для этого допустить «общественных деятелей», представителей легальной оппозиции к делам по снабжению армии. «Родзянко так много шумит, пусть же он теперь сам поработает, а участие его снимет у них возможность потом критиковать», — пояснял этот замысел Сухомлинову Янушкевич. «Надо все сделать, чтобы Родзянко и всем членам Думы казалось, что это новое и важное дело, и чтобы они сознавали свою ответственность... Будет польза политическая», — развивал ту же мысль Кривошеин при обсуждении в Совете министров вопроса о включении думцев в состав Особого совещания по обороне. «Это есть только совещание, собранное по соображениям тактического свойства или политического». Или, как сказал Горемыкин, «совещание при военном министре, у коего права, для [дезорientации] общественного мнения»¹.

К снабжению армии были допущены Земский и Городской союзы, заводчикам разрешено создать независимые от власти военно-промышленные комитеты, депутаты Государственной думы, члены Государственного совета и Центрального военно-промышленного комитета включены в состав Особого совещания по обороне. В этой новой обстановке одним из направлений политической борьбы, правительственной пропаганды становилось разоблачение хищнического поведения предпринимателей, извлекавших — при содействии представителей «общественных организаций» в органах снабжения — невиданные в мирное время прибыли. Одновременно, в августе, в Военном министерстве началась оптимизация денежной отчетности, направленная на искусственное занижение фактических издержек по казенным заводам.

В предвоенные годы чины, занимавшиеся снабжением армии, при назначении цен на вооружение и боеприпасы добивались понижения расходов по заказам в частной промышленности, используя в качестве рычага ведомственные

¹ Тарновский К.Н. Указ. соч. С. 44; Сидоров А.Л. Экономическое положение России. С. 58—60; Совет министров Российской империи в годы Первой мировой войны. Бумаги А.Н. Яхонтова. СПб., 1999. С. 397, 170—172.

заводы: слишком алчный предприниматель мог не получить поставку, ее передавали в «наряд» казенному заводу. Государственная промышленность исстари, со времен Екатерины II, рассматривалась как «регулятор цен» по военным заказам.

В условиях, когда начались поиски виновников катастрофы, эта теория «регулятора» приобрела характер наступательного идеологического средства против оппозиционной «общественности». Петроградское охранное отделение сделало из агентурных донесений вывод и 23 октября 1915 г. доложило его правительству, что «основная идея тактики» умеренных кадетов — «систематическое дискредитирование деятельности правительственных органов постоянным противопоставлением образцовых действий общественных учреждений» и что кадеты испуганы слухами «о намерении правительства в самом близком будущем ограничить сферу деятельности и компетенцию» этих учреждений¹. В тот же день «Новое время» поместило «письмо в редакцию» Маниковского, опровергавшего заслуги «общественных организаций» (зря себя нахваливают, еще не дали ни одного снаряда!). Оно было максимально использовано в дальнейшей пропаганде «органами рептильной печати» как неоспоримый аргумент, исходящий от самого компетентного и объективного лица, «заслуженного боевого генерала», создавало идеальный «предлог для открытия похода против военно-промышленных комитетов»².

На одном из ближайших заседаний, 3 ноября 1915 г., Совет министров обсудил этот вопрос в связи с ассигнованием 300 тысяч рублей на организационные расходы Центрального военно-промышленного комитета. В деятельности военно-промышленных комитетов была отмечена «чрезмерная преувеличенность цен по передаваемым частной промышленности заказам». В журнале заседания Совета министров это подтверждалось сопоставлением тех

¹ Буржуазия накануне Февральской революции. М.; Л., 1927. С. 66, 68.

² К нападкам на военно-промышленные комитеты // Торгово-промышленный вестник. 1915. № 10—11. С. 150. Здесь Маниковского не назвали по имени и представили как начальника Двинского военного округа.

цен, которые назначали частные заводы, с теми, по которым работали казенные заводы горного ведомства: «Так, цена на 3-дюймовые шрапнели, поставляемые горным ведомством, колеблется между 6 руб. 40 коп. и 8 руб. 50 коп., а последние заготовительные цены для частных заводов достигают 14 руб. 25 коп.; 3-дм гранаты поставляются горным ведомством по 6 руб. 90 коп. ... а частными заводами — по 12 руб.». Далее были перечислены такие же расхождения цен, назначаемых казенными и частными заводами, по другим снарядам. Был приведен и «самый разительный, однако, пример непомерного подъема цен»: наиболее массовая 3-дм полевая пушка, изготавливаемая казенными заводами «по нормальной цене 3750 руб.», обходилась при заказе частным заводам «в 7000 руб., 9000 руб. и даже 12 000 руб. за орудие». В этом обнаруживались признаки «нежелательного и вредного стремления объединившихся промышленников и посредников, пренебрегая благом общим и интересами государственными, извлекать из обстоятельств военного времени возможно большие выгоды». Совет министров, высоко оценив своевременное разоблачительное выступление Маниковского в «Новом времени», сожалел, что указания на «корыстные побуждения» в деятельности общественных организаций «лишь в единичных случаях проникали в повременную печать», она вообще чересчур «благожелательно» относится к «общественно-промышленным организациям». Такая односторонность печати «вводит в заблуждение общественное мнение, утверждая в нем превратное убеждение в безупречном и плодотворном функционировании [военно-промышленных] комитетов, противопоставляемых оказавшимся будто бы несостоятельными правительственным органам», а это «роняет престиж» правительства. Совет министров сделал вывод, что освещение в печати «отрицательных сторон деятельности комитетов представляется существенно необходимым»¹.

¹ ОЖСМ 1915. С. 482—486. Сразу же, 4 ноября Поливанов распорядился, чтобы органы Военного министерства прекратили передавать заказы за границу через военно-промышленные комитеты и Земгор: «Если бы даже эти заказы и вызывались тем, что рынок России не в состоянии был дать заказываемые предметы или в требуемом количестве, или в определенные сроки, то все же такие заказы ведомствами

Решительный шаг в этом направлении был сделан, когда в феврале 1916 г. с трибуны Государственной думы вождь правых, Н.Е. Марков, не ссылаясь прямо на журнал Совета министров от 3 ноября, точно воспроизвел по этому документу сопоставления цен — «не для того, чтобы опровергнуть» военно-промышленные комитеты, язвительно пояснил он. Просто «нельзя так огульно хвалить только общественные организации и только порицать казенные», где вооружение изготавливается «примерно вдвое дешевле, чем патриотически настроенными общественными организациями и частными заводами»¹.

Пока в Думе и в газетах развертывалось публичное разоблачение военно-промышленных комитетов, ведомства занимались дальнейшим накоплением материала. Первоначально разработку в этом направлении вопроса о ценах по контрактам с частной промышленностью Совет министров возложил на Министерство торговли и промышленности, но затем была создана комиссия во главе с начальником ГАУ (такую же работу провели чиновники МПС и Морского министерства). Итог усилий комиссии Маниковского выразился в виде сводки о соотношении цен частных и казенных заводов по разным типам артиллерийских снарядов. Смысл ее сводился к тому, что казенные предприятия всегда работали дешевле и на одних только снарядах дали государству экономию в размере миллиарда рублей.

Эту таблицу Маниковский привел в обоснование выдвинутой ГАУ в октябре 1916 г. программы строительства около 40 новых казенных заводов (минимум на 600 млн руб.), а в 1920 г. воспроизвел ее в своем труде «Боевое снабжение русской армии», пользовавшемся в дальнейшем большим успехом и дважды (в 1930 и 1937 гг.) переизданном в поуче-

должны были бы даваться за границу непосредственно самими, а не через общественные организации. На недопустимость в будущем повторения подобного рода заказов через общественные организации... Советом министров обращено особое внимание» (циркуляр Лукомского, 4.XI.1915. Цит. по: *Сенин А.С. Организация снабжения русской армии вооружением и боеприпасами в годы Первой мировой войны // XX век и Россия: общество, реформы и революции: Электронный сборник. Вып. 2. Самара, 2014. С. 69 //sbornik.lib.smr.ru/*).

¹ СОГД. IV/4. Пг., 1916. Ч. 2. Стб. 2464—2465.

ние советским артиллеристам. Яркость разоблачительных данных, их предельная конкретность и авторитетность источника навсегда привлекли к этой сводке внимание историков. В советской стране и в эмиграции¹ они одинаково осуждали поведение дельцов, наживавшихся на народном бедствии. Сама таблица или извлеченные из нее показатели воспроизведены в десятках исторических сочинений², не исключая новейшие. Актуальность этому вопросу придает заметная в современной литературе тенденция — показать преимущества государственного военно-промышленного производства над частным и, шире, раскрыть антинациональный, предательский характер деятельности всякой оппозиции и вообще любой независимой инициативы. Резкая критика по адресу ВПК и других «общественных» организаций и деятелей «неоднократно повторялась историками в Советском Союзе и на Западе, — отмечает Дж. Санборн, — и в данный момент она снова набирает популярность», подкрепляя более общие «ущербные интерпретации», порочащие русский либерализм. Вопрос, могли ли казенные учреждения справиться с теми же задачами лучше, — «во-

¹ Минц И.И. История Великого Октября. М. 1977. Т. 1. С. 112, 113. Как писал А.А. Керсновский, «руководимые... лучшими знатоками артиллерийского дела в мире, наши казенные заводы быстро и сноровисто делали огромное дело... Полной противоположностью этой плодотворной деятельности казенных заводов была бестолковая шумиха и крикливая самореклама... Военно-промышленного комитета и Земско-городского союза, навязанных оппозиционной общественностью растерявшемуся правительству. Эти организации... располагая в России всей печатью и всеми ораторскими трибунами, убедили страну в том, что только они и работают на оборону — помимо правительства, а то и вопреки правительству. Этим создавалось в стране революционное настроение, что было главной целью... Другой целью была нажива...» Далее Керсновский воспроизводит сопоставления цен. Но пятирублевая разница цен на шрапнели (по Маниковскому) показалась ему неубедительной, и в другой работе этого поклонника фашизма появилось более впечатляющее соотношение: «Радикальная общественность... не пренебрегала и наживой. Военно-промышленный комитет Гучкова стал поставлять снаряды действующей армии по цене 32 руб. за 3-дм шрапнель», а «та же шрапнель, но тщательного изготовления казенных заводов, обходилась в 9 рублей» (Керсновский А.: 1) История русской армии. Белград, 1938. Ч. 4. С. 758; 2) Мировая война: Краткий очерк. Белград, 1939. С. 9—10).

² Stone N. The Eastern Front. P. 196; Haumann H. Op. cit. P. 78, 109, 399. Fn. 38; Jones D.R. Imperial Russia's Forces at War. P. 262; и мн. др.

прос интересный и важный, хотя я подозреваю, что ответ на него будет отрицательный»¹.

Маниковский человек «прямой, непосредственный», «в искренности и правдивости его не может быть никаких сомнений» — но и допускавший «заведомую для него неправду»². Материалы, представленные Маниковским с эмоциональной убедительностью и подкупающим критическим в отношении высшей администрации зарядом, производя впечатление искренности патриотического переживания и солдатского прямодушия, до сих пор вводят историков в заблуждение. Высказанные в разное время замечания относительно «сомнительной достоверности арифметических подсчетов» в этом труде, о том, что приведенные в нем показатели в выгодном свете «отражают работу... инстанций, ведавших артиллерией, а не боевое снабжение вооруженных сил» и не фактическую работу промышленности, проходят незамеченными³.

Колоссальная нажива частных предпринимателей на военных поставках ни у кого не вызывала сомнений, и ее не отрицали сами поставщики. Но доказать, что казенные заводы действовали с меньшими затратами, было возможно только систематически исключая из подсчета часть издержек. Чиновники не слишком утруждали себя реальными исчислениями. Намеренная же фальсификация документов выражалась в том, что «цены» своих изделий эти заводы назначали произвольно, с оглядкой на расценки частных фирм. В советское время эти сфабрикованные комиссией Маниковского данные использовались для разоблачения хищничества монополий. Новейшая литература использует те же фальшивые данные по их первоначальному назначению — для восхваления военной бюрократии и шельмования «либеральных», «общественных» организаций.

Подгоняя цифры, чиновники проявляли изобретательность. Например, они указывали на то, что казенный Вот-

¹ *Русский сборник. Исследования по истории России. XIII. М., 2012. С. 411—413 (перевод обзора новых исследований, опубликованного в 2007 г. в журнале «Kritika»).*

² *Залюбовский А.П. Указ. соч. С. 2, 12.*

³ *Книга и оборона СССР. 1930. № 3—4. С. 24, 25. Ряд подобных замечаний высказал также Головин.*

кинский завод оценивает свои 48-линейные бомбы в 30 руб., тогда как частные, получая от 45 до 58 руб., берут лишние как минимум 15 руб. на каждом снаряде. На деле казенному заводу горного ведомства эти снаряды обходились вдвое дороже, но, «принимая во внимание, что повышение казенному заводу стоимости снаряда до 60 руб. могло бы неблагоприятно отразиться на частных заказах, Комиссия [Маниковского] находила предпочтительным» оформить ассигнования Воткинскому заводу на изготовление снарядов, «не вводя стоимость оборудования в стоимость изделий»; в таком случае военное ведомство готово было принять этот недобор на счет своих «строительных ассигнований». В результате в сведениях о казенных заводах в своей таблице Маниковский получил возможность указать цену не в 60, а в 36 руб.¹

Иначе поступила администрация Александровского завода МПС: в июле 1916 г. перерасход по заказу на 20 тысяч таких же снарядов (потребовалось оборудовать снарядную мастерскую) она отнесла «на эксплуатационные средства [Николаевской] дороги». Прочно вошла в жизнь практика доплат казенным заводам из «военного фонда» по поводу вздорожания материалов. Пермский пушечный завод горного ведомства в сентябре 1916 г. принял заказ на 220 тысяч таких же снарядов (на срок до середины 1917 г.) по 30 руб. При этом была сделана оговорка: «...с тем, однако, условием, чтобы горному ведомству предоставлено было право в зависимости от цен на материалы просить о повышении цены»²; месяц-полтора спустя оно провело через ГАУ и Исполнительную комиссию увеличение цены (до 35 руб.), при этом еще и увеличив размер заказа, что должно было дополнительно способствовать понижению расценки.

¹ РГВИА. Ф. 29. Оп. 3. Д. 754. Л. 262, 262 об.; Ф. 369. Оп. 16. Д. 265. Л. 1—2, 4. Доклад Маниковского, 4.IX.1916 г., утвержден Особым совещанием по обороне 21.IX.1916 и Исполнительной комиссией при военном министре 28.X.1916. Переоборудование Воткинского завода включало постройку третьей мартеновской печи и перестройку «с самого основания» одной из старых (Родионов Н.А. Указ. соч. С. 46).

² РГВИА. Ф. 29. Оп. 3. Д. 753. Л. 6/№; д. 754. Л. 101, 101 об., 331, 331 об.

Власть старалась произвести благоприятное для себя впечатление об успешности работы казенных военных предприятий по сравнению с частными, особенно «общественными». Верхнетуринский завод горного ведомства должен был получать за свою 48-лин. шрапнель «твердую» цену 32 руб., но «в целях ускорения производства» предпринял дооборудование на 700 тысяч рублей, и к цене было добавлено 2 руб. 30 коп.¹ Н.Е. Марков в выступлении в Думе 29 февраля 1916 г., перечисляя (по журналу Совета министров) цены казенных горных заводов в сравнении с частными, когда подошел к ценам на 48-лин. шрапнель, указал цену горных заводов не 34 руб. 30 коп., а 21 руб., как и значилось в журнале Совета министров. Для частных заводов Марков назвал цену 41 руб. 80 коп., опять же как в журнале, хотя именно казенный Обуховский завод исполнял заказ на 48-лин. шрапнель по 41 руб. 80 коп.² По тому же образцу и теперь ряд авторов сопоставляет цены, назначенные частными заводами (до 9 тысяч рублей и более за пушку), с ценами казенных Петроградского оружейного и Пермского заводов (5—6 тысяч рублей)³.

Заводы ГАУ черпали из так называемого военного фонда в прямом смысле несчитанные деньги. 20 августа 1915 г., то есть в момент обострения критического внимания к развалу снабжения фронта, Военный совет негласно запретил казенным заводам «дополнительные расходы», возникавшие сверх «плановых», покрывать из кредитов, отпущенных на выполнение «нарядов». Между тем Петроградскому арсеналу, например, ввиду усиленных «по случаю военного времени» работ не хватило в 1915 г. средств, ассигнованных по плану, составленному еще в марте 1914 г., и пришлось в сентябре 1915 г. ходатайствовать о дополнительном отпуске средств. Эти дополнительные (сопоставимые, впрочем, с плановыми)

¹ РГВИА. Ф. 1. Оп. 1. Д. 78774. Л. 5 об.; Д. 78779. Л. 19 об.; Д. 78775. Л. 6. Ведомости расходов из военного фонда, декабрь 1915 г.

² Там же. Ф. 369. Оп. 3. Д. 86. Л. 31. 2 ноября 1916 г. Обуховский завод получил на 1917 г. наряд на такие шрапнели по 39 руб. за снаряд (Там же. Д. 754. Л. 356, 356 об.).

³ Айрапетов О.Р.: 1) Указ. соч. С. 107; 2) Нарочская операция и отставка А.А. Поливанова // Вестник Московского университета. Сер. 8. История. 2001. № 6. С. 93; Никонов Вяч. Указ. соч. С. 273.

расходы «можно было бы... отнести на кредиты, за счет которых выполняются наряды на изготовление различных изделий, но ГАУ, во избежание... чрезмерного повышения стоимости этих изделий... полагало бы необходимым отпустить Петроградскому арсеналу просимую им сумму в 190 тысяч рублей из военного фонда». Военный совет 19 сентября 1915 г. согласился с этим предложением Маниковского.

Свои «перерасходы», обусловленные ростом цен на приобретаемые на рынке сырье, материалы, механизмы и отчасти на рабочую силу, ведомства лишь фиксировали в документах, предназначенных для отчета в будущем. В середине 1916 г., давая наряды Ижевскому заводу и Петроградскому арсеналу на части 3-дм пушек и 48-лин. гаубиц, при рассмотрении исчисленной заводом «примерной стоимости» ГАУ находило излишним вникать в ее обоснование: «Истинная же стоимость изготовления предметов выяснится по представлении... заводами в ГАУ установленного отчета на поверку» для списания разницы на «военный фонд». 17 февраля 1917 г., не согласившись с предложенной Пермским заводом ценой 6-дм крепостной гаубицы (30 тысяч руб.), Комиссия по артиллерийским вопросам Особого совещания по обороне решила дать заводу заказ по той («нормальной») цене, какая была установлена при таком же заказе в «нормальное» время, в 1913 г., то есть 20 500 руб., «с тем, чтобы впоследствии, по определении действительной стоимости указанных орудий, установлена была окончательная их цена»¹.

Действительно, корректировка цен оказывалась необходимой. Марков в Думе, сравнивая, по журналу Совета министров от 3 ноября 1915 г., цены заводов, приводил — как «самый разительный пример непомерного подъема цен» — заказы на 3-дм полевые пушки. Казенные заводы, по его словам, брали, в отличие от частных, всего лишь по 5—6 тысяч руб. за пушку. Из документов видно, что такие цены действительно существовали в 1915—1916 гг., когда Пермский завод получил один наряд на 2000 орудий по 6090 руб. и другой — на 3000 орудий по 5080 руб. Но пока завод исполнял эти заказы, произошло «вздорожание материалов

¹ РГВИА. Ф. 29. Оп. 3. Д. 5330. Л. 31, 85, 52; Ф. 369. Оп. 16. Д. 511. Л. 11.

и рабочих рук», вызвавшее «повышение нарядной стоимости» пушки. В результате в 1917 г. заводу было доплачено по этим заказам 28 920 000 руб., так что получилось по 8000 руб. за пушку одного наряда и по 8350 руб. — другого¹. Ясно, что установленные подобными способами цены ни в каком случае не могут служить основанием для выводов о степени эффективности бюрократической хозяйственной администрации, поскольку артиллерийское и горное ведомства указывали в качестве «цен» чисто условные цифры, фактически отражавшие, лишь частично, размер только изначальное требуемых ассигнований.

Даже один и тот же заказ мог быть показан, в зависимости от решаемой бюрократической задачи, либо с более высокой, либо с более низкой «ценой». В июне 1916 г. при заказе 120 тысяч 3-дм шрапнелей ГАУ докладывало о заявленной казенным Ижорским заводом цене 12 руб. 50 коп. и о том, что эта цена «ниже всех цен других заводов морского ведомства». Правда, она была уже выше, чем цена предыдущего заказа тому же заводу (18 января 1916 г.) — тогда цена составляла 12 руб. ровно. Но 12 руб. — это была «условная, номинальная» цена, а «если заменить обусловленные этим нарядом исходные цены материалов биржевыми» ценами, то вышло бы не 12, а 12 руб. 71 коп., то есть даже больше, чем нынешняя «твердая цена» нового заказа («твердая, не зависящая от изменения цен сырых материалов на сумму 1,5 млн руб.»).

Частному заводу тоже можно было цену на эту же шрапнель исчислить, по усмотрению, в двух вариантах. В марте 1916 г. Петроградский металлический завод получил высшую из всех заводов цену — 17 руб. 22 коп. за снаряд. Но это — «при замене показанных исходных цен материалов биржевыми», тогда как «номинальная, условная» цена была бы 13 руб. 30 коп.²

При таком «ценообразовании» доверчивость исследователя к источнику дела делает избыточно патетическим его заявление

¹ РГВИА. Ф. 504. Оп. 6. Д. 198. Л. 92—95. Доклад ГАУ, утвержденный Исполнительной комиссией при военном министре, 9.VII.1917.

² Там же. Ф. 29. Оп. 3. Д. 753. Л. 6/№. Доклад ГАУ, утвержденный Исполнительной комиссией 15.VI.1916.

о готовности патриотически пострадать за правду: пусть-де «за факты, которые я сейчас вновь приведу, — пишет О.Р. Айрапетов, — я буду подвергнут критике как черносотенец и сторонник “псевдопатриотического приукрашивания монархически-имперского дореволюционного государства”»¹.

К сожалению, автор не указывает, откуда взяты сведения о том, что Путиловскому заводу доставалось по 9 тысяч рублей за пушку. В используемом им обычно источнике данных о Путиловском заводе — в истории завода² — этого нет. Марков в Думе 29 февраля 1916 г., называя эту цену («от 9000 руб. до 12 000 руб.»), не сказал прямо, что он имеет в виду Путиловский завод³, но речь его была произнесена по поводу чрезвычайно громких событий, связанных именно с этим предприятием (крупнейшая забастовка, секвестр). Судя по контрактам, заключенным ГАУ с Путиловским заводом в сентябре 1914 и марте 1915 г., этот завод делал в 1915 и 1916 гг. 3-дм полевые пушки все же не по 9, а по 7 тысяч рублей.⁴ В июле—августе 1915 г. при новом заказе таких же пушек по 7 тысяч рублей. Путиловскому заводу, чтобы поторопить его, была обещана премия в 2000 руб. сверх 7 тысяч за каждую пушку, сдаваемую до истечения года, но одновременно назначена и неустойка в 10% — за пушки, сдаваемые в 1917 г.⁵ Получить премию в 2000 руб. Путиловскому заводу не довелось, так как даже к концу 1916 г., находясь уже в казенном управлении, он выполнил лишь часть из трех ранее полученных (в сентябре 1914, январе и марте 1915 г.) заказов — 2102 орудия из 2500⁶, а далее должен был получать уже не премию, а штраф, то есть сда-

¹ *Русский сборник. Исследования по истории России.* 2009. Т. 6. С. 303.

² *Мительман М., Глебов Б., Ульяновский А.* История Путиловского завода. 1801—1917. М., 1961.

³ В конце 1915 г. Брянский завод добивался заказа по цене 12 500 руб., но это предложение было отклонено (РГВИА. Ф. 369. Оп. 3. Д. 80. Л. 7—8).

⁴ Там же. Ф. 29. Оп. 3. Д. 720. Л. 194а—196; Ф. 504. Оп. 6. Д. 16. Ч. 1. Л. 124—125, 1 об.—2 об. Цена — 6750 руб., количество — 600, срок — с мая 1915 по май 1916 г.

⁵ Там же. Ф. 29. Оп. 3. Д. 941. Л. 211.

⁶ *Маниковский А.А.* Указ. соч. М., 1922. Ч. 2. С. 155; РГВИА. Ф. 369. Оп. 4. Д. 32. Л. 238—239; Ф. 29. Оп. 3. Д. 969. Л. 32. На 3 августа 1916 г. было сдано 1360 шт. из 2500.

вать орудия не за 7 тысяч, а за 6300 руб. В дальнейшем давая новые заказы казенной администрации Путиловского завода, Особое совещание по обороне учитывало, что цены ему следует определять «с особой осторожностью, дабы не подать повода частным заводам поднять цены»¹.

Указанная Н.Е. Марковым, О.Р. Айрапетовым и В.А. Никоновым цена могла бы относиться, скорее, к тому заказу 3-дм пушек, который получила группа Царицынского завода («группа Виккерса»), в августе 1915 г. объединившая Царицынский завод РАОАЗ в качестве головного и компании «Металлического завода» Г.А. Лесснера в Петрограде, а также Сормовский завод. Речь шла о поставке 2500 орудий по скользящей цене: ГАУ должно было платить от 10 600 руб. за орудие, изготовленное в марте 1916 г., с понижением до 7900 руб. — в августе 1917 г. (в среднем получалось 9228 руб.)². Но к августу 1917 г. из 2500 орудий заводы поставили лишь 1442, причем 602 из них — без лафетов, а в марте 1916 г. — пока еще ни одного³, так что и в этом случае в итоге едва ли вышла хотя бы средняя цена.

¹ РГВИА. Ф. 369. Оп. 3. Д. 74. Л. 339 об. Журнал комиссии Особого совещания по обороне, 25.X.1916.

² РГВИА. Ф. 29. Оп. 3. Д. 724. Л. 16. Цену в 10,5 тыс. руб., назначенную «Царицынской группой» (а также Солодовниковым) по заказу на 2500 орудий, Маниковский называл «прямо грабительской», но все же «общественные организации», военно-промышленные комитеты он в этом случае не обвинял (можно добавить, что председатель ЦВПК А.И. Гучков являлся как раз застрельщиком кампании против «Царицынской группы»). В свое время эту напраслину возвел на военно-промышленные комитеты Марков. Айрапетов и Никонов также утверждают (не указывая источника), что «Царицынская группа» выторговала себе этот контракт «при помощи» военно-промышленных комитетов. Фактически же ЦВПК и в самом деле взялся было устроить заказ на такие же пушки — и не по 10,5, а по 12 тыс. руб. (*Миц И.И.* Указ. соч. С. 123), но не на 2500, а на 250 пушек, да и группа заводов имелась при этом в виду другая (ряд петроградских и Николаевский заводы, «при условии получения поковок от Сормовского завода») — не «Царицынская», и попытку эту Особое совещание по обороне ликвидировало, заставив ЦВПК заявить об отказе в январе—феврале 1916 г.

³ Булатов В.В. Концерн «Виккерс» и группа Царицынского завода // Экономическая история России. Проблемы, поиски, решения. Ежегодник. Волгоград, 1999. Вып. 1. С. 274; Маниковский А.А. Указ. соч. Ч. 2. С. 160. Задержку с изготовлением лафетов «Металлический завод» объяснял тем, что из Америки не были получены заказанные там 224 токарных, 35 фрезерных, 12 сверлильных и др. станки (*Боженкова М.И.* Ленинградский Металлический завод. Исторические очерки. СПб., 1997. С. 80).

Из всех этих данных о заказах на 3-дм пушки следует, что даже при столь выгодных условиях, побуждавших фирмы торопиться с исполнением, контракты оказались не по силам ни Путиловскому, ни группе «Царицынских» заводов.

Тягу «частной инициативы» к военной наживе власть использовала как для решения практических задач в снабжении фронта, так и для того, чтобы по возможности переложить с себя на заводчиков и «общественных деятелей» ответственность за скандальный провал. Насаждать представление о превосходстве казенного производства вооружения над частной военной индустрией Маниковский был заинтересован также и вследствие собственной уязвимой позиции, получая постоянные разносы и «цуканье» из Ставки, от августейшего «верховного артиллериста»¹, огражденного от всякой критики и доносившего до царя свое недовольство состоянием снабжения, работой якобы не подчиненного ему аппарата.

Артиллерийское ведомство еще перед войной и в ее начале занялось не только расширением своих заводов, но и постройкой и проектированием новых. На протяжении 1915—1916 гг. Военное министерство провело через Совет министров несколько решений об ассигнованиях, но в июне 1916 г., при составлении бюджета на следующий год, возникло разногласие из-за того, что, как обнаружили финансовое и контрольное ведомства, ГАУ намерчало создать, в условиях военной дороговизны и при опустошенной казне, 11 крупных заводов, хотя возможность использовать их в ходе текущей войны вызывала сомнения.

Уже в этот момент артиллерийскому ведомству при составлении бюджета на 1917 г. пришлось придать своему заводскому строительству вид своеобразной программы. 15 июня 1916 г. Государственный контроль в ответ на тре-

¹ По поручению великих князей Сергея Михайловича и Николая Николаевича Янушкевич 4 июля 1915 г. из Ставки просил Поливанова действовать «надавив на Маниковского». «При нажиме и палке с ним, конечно, лучше работать, чем с Д.Д. [Кузьминым-Караваевым]», но он «очень ловкий фокусник и любит очень много кричать. Без него пропадает Кронштадт, пропадает Россия и т. д.». Ему надо «непременно “приказать” сделать (просьба не поможет)» (РГВИА. Ф. 2000. Оп. 1. Д. 4387. Л. 2 и об.).

бование ГАУ дать денег на очередной (15-й) завод — Уфимский завод взрывчатых веществ — выдвинул условие: прежде решить вопрос, возможно ли одновременно соорудить все намеченные заводы. Взвесив затем «степень необходимости каждого из них», следовало выделить первоочередные объекты, а строительство остальных отложить до конца войны. В совещании, созванном Военным министерством по настоянию Государственного контроля, соглашения о постройке Уфимского завода достигнуто не было. Представители Министерства финансов и Государственного контроля не шли на уступки, добиваясь, чтобы сооружение заводов военного ведомства развивалось по определенному «общему плану», имеющему хоть какие-то границы. Но сколько-нибудь существенно ослабить этот неотступный военно-промышленный нажим на финансы им не удалось: бюджетные соображения отодвинулись на задний план перед политическими.

6 августа Д.С. Шуваев обратился к председателю Совета министров за санкцией на образование при Военном министерстве особого совещания для рассмотрения вопросов, связанных с этим планом. 12 августа Совет министров распорядился передать спорное дело о заводе взрывчатых веществ в «Особое под председательством генерала от инфантерии П.А. Фролова совещание из высших чинов заинтересованных ведомств». Созданное по частному поводу совещание Фролова должно было заняться «общим планом сооружения намеченных военным ведомством заводов», выясняя «степень неотложности каждого из них». 25 августа совещание Фролова утвердило ассигнование, послужившее поводом для этого спора¹.

600-миллионная² программа строительства 38 артиллерийских заводов была оформлена в виде доклада ГАУ военному министру от 20 октября 1916 г. По существу, в ней

¹ РГИА. Ф. 1276. Оп. 15. Д. 28. Л. 84. Исполнительное письмо, 22.VIII.1916; РГВИА. Ф. 2000. Оп. 2. Д. 2456. Л. 261; Ф. 29. Оп. 3. Д. 5413. Л. 309 об., 312; Ф. 505. Оп. 2. Д. 46. Л. 7 об., 17 и об. Журнал совещания.

² Это сопоставимо с суммарным размером собственных капиталов всех частных банков России к 1916 г. — 815,6 млн руб. (Там же. Ф. 369. Оп. 10. Д. 11. Л. 55).

содержалась сводка не бумажных проектов на будущее, а, скорее, мер уже исполненных или вполне обеспеченных правительственными решениями и ассигнованиями. Знаменитую таблицу о мнимой миллиардной экономии, приносимой казенными заводами, никто не мог подвергать сомнению, и она оправдывала артиллерийский натиск на финансы империи. Лишь в отношении двух объектов программы — орудийного завода (37,5 млн руб.) и снарядного отделения сталелитейного завода (138 млн руб.) — окончательное решение к марту 1917 г. еще не было принято из-за неготовности расчетов. Однако нет каких-либо признаков того, что правительство намеревалось их отклонить.

Итак, заводская «программа Маниковского» еще до выхода ее за пределы Канцелярии Военного министерства была по частям на две трети утверждена правительством. Появление же этого документа в качестве программного можно объяснить, с одной стороны, стремлением Маниковского твердо гарантировать проекты, в случае ее утверждения, от возможных в будущем попыток урезания (на «культурные» нужды государства, о чем упоминается в тексте доклада), а с другой — желанием представить под видом «программы», скорее, некий отчет о проделанной его ведомством работе, для оправдания против обвинений со стороны великого князя Сергея Михайловича.

ГЕНЕРАЛ МАНИКОВСКИЙ И НЕМЕЦКИЕ ДИВЕРСАНТЫ

Опасность для дальнейшей судьбы заводской программы, да и для всего режима надвигалась с другой стороны, и ее ясно видел Маниковский, сознававший себя одним из немногих, кто готов этой угрозе деятельно противостоять. Похваляясь, что еще в 1905 г. приобрел опыт подавления беспорядков, он заявлял, что и теперь не остановится перед «палкой» и «висельницей» для либералов, что он противник «гуманничания», «мирволенья и пасования» перед забастовщиками, всегда готов дать им урок. Приведенный в ярость попустительством, проявленным, как он считал, со

стороны военного министра А.А. Поливанова (стачка Путиловского завода), Маниковский, опередив доклад, направленный самодержцу председателем Совета министров Б.В. Штюрмером по тому же вопросу, сам примчался в Ставку. Согласно записи М.К. Лемке, 14 марта начальник ГАУ, «сидя утром за кофе в собрании», «довольно громко говорил с артиллеристами о рабочих казенных артиллерийских заводов и высказывал, что с ними нужна твердая власть», хотя при этом и «вникание в их материальные условия. Такой политики он и держится». Приподнятое состояние духа объяснялось тем, что Маниковский получил аудиенцию у царя и имел возможность доложить ему «о своих деловых», но «принципиальных расхождений с Поливановым, особенно в области рабочего вопроса. Уехав отсюда, он стал еще тверже на своем посту», а Поливанов в этот же день получил оскорбительную отставку¹. Преимуществом казенных заводов перед частными Маниковский считал их недоступность для революционной заразы.

Накануне революции в письмах Барсукову в Ставку он постоянно возмущался и скорбел по поводу бездействия высшей власти перед лицом назревающего военного бунта. Он яростно клеймил окружение Николая II за то, что министры не принимают мер и никто даже не решается открыть Верховному главнокомандующему глаза. Он попытался сделать это сам, пробившись 4 ноября 1916 г. на аудиенцию к царю, был обласкан и тут же произведен в генералы от артиллерии. Бдительный генерал и от других не скрывал своей тревоги: в армии готовятся «адовы планы»². Мог ли он предположить, что век спустя именно из-за этого получит обвинение в национальном предательстве. Ныне Маниковский разоблачен как соучастник «целенаправленной подрывной акции с целью свержения существующего строя, организованной группой лиц», включавшей военное руководство заводов, в интересах

¹ Лемке Мих. 250 дней в царской ставке. Пб., 1920. С. 632, 633. Сообщение Лемке находит подтверждение в выступлении Маниковского на заседании Особого совещания по обороне, где он в том же смысле разъяснял характер проводимой им политики в отношении рабочих (ЖОСО 1916. С. 187).

² См.: dlib.rsl.ru/01003391035 (С. 314—315, 334).

американских банкиров и при содействии «немецких диверсантов»¹.

Улики отыскиались в произведении С.П. Мельгунова (1931) о либералах-заговорщиках.

При определении его жанра автор и сам колебался: роман? история? «Думаю, что последнее». Своей задачей в этом сочинении он считал заставить оказавшихся в эмиграции участников событий поделиться сведениями или «хотя бы в полемической форме высказать свои предположения» о заговорах перед Февралем. И соответственно, сам не скупился на провоцирующие «предположения и догадки».

«По словам Хатисова, — писал Мельгунов, — Львов говорил, что у него есть *заявление со стороны ген. Маниковского, что армия поддержит переворот*»². В этом вторичном (через Г.Е. Львова и А.И. Хатисова) пересказе «заявления» Маниковского еще можно прочесть все то же отчаяние перед грозной перспективой, но Мельгунов своим истолкованием придал ему смысл чуть ли не клятвенного обязательства перед заговорщиками.

Однако это, в истолковании Мельгунова экстраординарное и поразительное, заявление Маниковского историк взял даже не из третьих рук. Источником ему послужила статья С.А. Смирнова в «Последних новостях» 1928 г. При этом вовсе не случайно Мельгунов, ссылаясь на нее, не воспроизвел текст дословно. Там было сказано более интригующе — не только то, что, по мнению генерала, «армия поддержит переворот», но что и сам он не останется в стороне: Маниковский *«может быть рассматриваем, по полученным им [А.И. Хатисовым] в Москве сведениям, как сочувствующий проекту дворцового переворота и могущий оказать в этом деле свою поддержку»*, — так (по сведениям

¹ Мультипули П.В. Император Николай II и заговор 1917 г. М., 2013. С. 219—222; Никонов Вяч. Указ. соч. С. 603. К заговорщикам Маниковского причисляет и С. Ляндрес, хотя сам же сообщает, что им удалось приобщить к своим замыслам лишь единственного генерала — А.М. Крымова (Lyandres S. The Fall of Tsarism. Oxford, 2013. P. 264. См. также воспоминания Л.Н. Новосильцева: Исторический архив. 1994. № 1. С. 90).

² Мельгунов С. На путях к дворцовому перевороту. Париж, 1931. С. 107.

Смирнова, полученным «из первоисточника»), передал позицию Маниковского Хатисов великому князю Николаю Николаевичу, беседуя с ним 1 января 1917 г. В это не поверил и сам Мельгунов и, понимая, что как раз имеет дело с «предположением и догадкой», версию Смирнова «успокоил», ослабив своим все-таки хоть сколько-то более правдоподобным пересказом.

Причину подобной его сдержанности можно понять. Узнав из статьи Смирнова о заговорщической деятельности Хатисова, Мельгунов попытался проверить сенсационные сообщения у самого этого заговорщика, а также путем переписки с другими затронутыми лицами, но вынужден был признать, что в ответных письмах «многие из причастных к этому делу лиц решительно отвергают свое участие и заявляют о фантастичности сообщенных сведений»¹. Сам Смирнов отношения к переговорам о перевороте вообще не имел и что за «первоисточник» он упомянул — не раскрыл, а Мельгунова запутал. В его изложении получилось так, что, с одной стороны, «...писал Смирнов, передавая в сущности рассказ А.И. Хатисова». Однако, с другой стороны, осведомившись непосредственно у Хатисова, Мельгунов прояснил ссылку на какой-то неведомый «первоисточник» и добавил прямое указание на Г.Е. Львова, хотя Смирнов его не называл.

Пока Мельгунов вел переписку и готовил книгу к изданию, выступил со свидетельством и сам Хатисов. Оно как будто подтверждало, что Львов в своем выступлении 1916 г. использовал данную Маниковским оценку политического состояния армии. Но в то же время как раз свидетельство Хатисова исправляло смысл «заявления Маниковского»: в памяти Хатисова оно выглядело не так, как у Смирнова,

¹ Мельгунов С.П. Указ. соч. «От автора». Тогда же с той же целью выяснения истины вел переписку Т.И. Полнер — с тем же результатом: «Решительно отрицаю правильность изложенного в статье С. Смирнова»; «Абсолютная неправда»; «Не знаю, кому и для чего понадобилось сочинить такую историю», — писали Полнеру его корреспонденты (Полнер Т.И. Жизненный путь князя Георгия Евгеньевича Львова. Личность. Взгляды. Условия деятельности. Париж, 1932. С. 222). «Печатно, однако, никто из них не выступил с опровержением», — подкрепил свою позицию Мельгунов.

ссылавшегося на Хатисова. «За нами будет армия, — по словам Хатисова, сообщил Львов в речи, произнесенной в узком кругу единомышленников 9 декабря 1916 г. — Я позволяю себе назвать *генерала Маниковского, хорошо знающего настроение армии и свидетельствующего, что и она крайне недовольна*. Мы можем ее считать согласной с нами»¹. Это уже больше похоже на документированные высказывания Маниковского и лишает роль генерала той «двусмысленности», которая озадачила Мельгунова (заговорщик, а одновременно лично сигнализирует царю о ненадежности полиции «и т. д.»).

Таким образом, в очищенном от смирновского (и, соответственно, мельгуновского) перекоса варианте, по Львову—Хатисову, Маниковский не говорил: я поддерживаю переворот, а описывал настроение армии; он хорошо знал о ее «крайнем недовольстве». Из сообщения Хатисова видно, что, во-первых, мнение Маниковского о состоянии армии было приведено как своего рода экспертная оценка специалиста, а не рекомендация к использованию. Во-вторых, нет причин думать, что оценку эту Маниковский высказал самому Львову; через какие посредствующие звенья, то есть из какого источника мнение Маниковского дошло до Львова, остается неясным.

Хатисов при этом привел слова Львова в виде дословной цитаты, прямой речью, и подчеркнул, что тот говорил «взвешивая каждое слово». Другой свидетель этого выступления сообщал, что «торопливая речь князя Львова была неясна. Уточнять ее было неловко, тем более что, казалось, сам Львов не знает ничего точно»². Получается, что именно передавая слова Маниковского и сознавая их весомость, Львов постарался выразиться наиболее точно и в тщательно сформулированных фразах.

Собственные слова Хатисова в «Иллюстрированной России» — не прямое опровержение версии Смирнова, чью статью Хатисов не нашел заслуживающей упоминания, но

¹ Хатисов А.И. У поколебленного трона... Из истории предреволюционных дней // Иллюстрированная Россия. № 50(343). 1931. 5 дек. С. 1.

² Полнер Т.И. Указ. соч. С. 222—223.

нечто большее, поскольку его аутентичное свидетельство лишает версию Смирнова всякой цены в качестве источника сведений и о Хатисове, и о заговоре, вместе с основанными на ней описаниями в последующей исторической литературе.

Но отдать предпочтение собственному тексту Хатисова, пожертвовав сообщением Хатисова в передаче Смирнова, Мельгунов либо не успел, либо не смог, не желая поступиться более занимательной версией о «сочувствии заговору» Маниковского. Поэтому в другом месте той же книги Мельгунов все же писал по Смирнову: «Вспомним, что Хатисов должен был указать на *сочувствие заговору ген. Маниковского*»¹.

В итоге «заявление» Маниковского, далеко не крамольное по существу и, возможно, не извращенное в выступлении Львова (неизвестно еще, своими ли ушами услышал он от генерала приведенную оценку состояния армии), передернуто, перевернуто и превращено в улику (Смирнов: «сочувствующий... и могущий оказать в этом деле свою поддержку»; Мельгунов: «сочувствие заговору»). Трансформация «дискурса» и на этом не остановилась. Кое-что, естественно, прибавила от своей осведомленности Н.Н. Берберова: генерал Маниковский, в ее дальнейшей передаче, был по-масонски «готов всячески помочь в этом деле с армией»², как если бы он командовал войсками: «По уверениям князя Львова, генерал Маниковский обещал в этом случае поддержку армии»³. Верноподданного генерала, безумно тревожившегося за устойчивость власти, боявшегося, что «армия поддержит переворот» и рухнет карьера, окажутся погубленными его собственные усилия по насаждению новых военных заводов, — через совокупное перетолкование слухов из какого-то навсегда неясного источника Смирнов, Мельгунов и, наконец, Берберова и т. д. перевоплотили в прислужника либерально-масонского «кагала».

¹ Мельгунов С.П. Указ. соч. С. 193.

² Берберова Н. Люди и ложи. N.Y., 1986. С. 42; Куликов С.В. Бюрократическая элита Российской империи накануне падения старого порядка (1914—1917). Рязань, 2004. С. 369.

³ Никонов Вяч. Указ. соч. С. 507.

ОТ ВОЙНЫ К ВОЙНЕ

Помимо задач, имевших острое внутривойсковое значение, военно-промышленная деятельность государственного аппарата определялась также представлениями верхов о перспективах сотрудничества с союзниками.

Видя цель войны в овладении турецкими проливами, правители России ожидали противодействия со стороны союзников в момент «дележа добычи», когда мог повториться провал всех усилий, как уже случилось на Берлинском конгрессе после военной победы над Турцией. Еще тогда, в 1878 г., задача готовиться к военному реваншу за дипломатическое поражение была ясно и открыто поставлена: «Это не мир, это перемирие, война впереди... скорее, скорее готовьтесь к войне... Война будет решительная. Не только Восток, не только славянство, но и Россия будут ставками этой неизбежной и скорой игры»¹. В августе 1914 г., когда еще шла мобилизация, ГАУ доказывало необходимость усиленных заказов на боеприпасы тем, что эти снаряды будут больше нужны в конце войны, чем в начале, — для успеха в «дележе» добычи победителями². План войны, выработанный в Морском генеральном штабе, предусматривал овладение проливами вопреки противодействию не только Германии, но и Англии: «Пока Германия не разгромлена или, по крайней мере, не разгромлен ее флот, Англия... не сможет силою остановить нас в нашем стремлении овладеть проливами и Константинополем. Как только же разгром германского флота станет совершившимся фактом, она это непременно сделает». Неудивительно, что в МГШ в начале войны «видное лицо» высказывало надежду на столкновение британского и германского флотов, да такое, «чтобы от германского флота и дребезгов не осталось и чтобы от английского оста-

¹ См.: *Адо В.И.* Берлинский конгресс 1878 г. и помещичье-буржуазное общественное мнение России // Исторические записки. 1961. Т. 69. С. 140, 119—120.

² *Маниковский А.А.* Указ. соч. Ч. 3. С. 149—150. Так выразился Смысловский на заседании Военного совета 14 августа 1914 г. (РГВИА. Ф. 962. Оп. 2. Д. 137. Л. 119. Записка Смысловского «О довольствии действующей армии в текущую войну боевыми припасами», 18.I.1917).

лись одни дребезги»¹. В ноябре 1914 г. И.Г. Щегловитов, Н.А. Маклаков и М.А. Таубе внесли в Совет министров записку, в «в духе старой русской политики», привычной к «традиционному британскому вероломству». Они ставили вопрос о недоверии полученным «британским устным уверениям», обещаниям отдать Константинополь и проливы и о необходимости самим позаботиться о действенной «гарантии» в виде «возможно скорого завладения нами турецкой столицей с обоими проливами». Записка была представлена Горемыкиным Николаю II и «препровождена на усмотрение верховного главнокомандующего»².

Авторы записки указывали на реальную проблему, о существовании которой свидетельствовал со своей стороны руководитель британского внешнеполитического ведомства Эд. Грей. В лондонском Кабинете министров он говорил об опасности того, что если не исполнить требование министра иностранных дел С.Д. Сазонова о формальном обязательстве отдать проливы, то «консерваторы-германофилы, подобные Витте, убедят царя» не доверять Англии, поскольку «целью британской политики всегда было не допускать Россию в Константинополь и проливы». «Разумеется, такова и поныне наша политика», — признавал Грей. В том же ракурсе рассматривал эту проблему Г. Китченер. У руководителей британской внешней и военной политики не вызывало сомнений, что, как только свершится разгром Германии, Россия займет ее место в роли первостепенного противника. В секретной записке 6 марта 1915 г.

¹ Цит. по: *Игнатъев А.В.* Незавершенный этап. К истории русско-английских переговоров 1914 г. // *История СССР.* 1960. № 3. С. 113; *Лопухин Б.В.* Записки бывшего директора департамента Министерства иностранных дел. СПб., 2008. С. 261—262.

² *Таубе М.А.* «Зарницы». Воспоминания о трагической судьбе предреволюционной России (1900—1917). М., 2007. С. 183—184. После возмущения, вызванного оглаской этого шага в Думе как акта прогермански настроенных сил, Таубе, признавая сам факт внесения записки трех авторов в Совет министров и в «высокие сферы», пытался представить ее как записку «об основных задачах нашей внутренней политики» в условиях войны (см. его письмо в редакцию: *Речь.* 1916, 9 марта). Вопросы внутренней политики в ней затронуты, но в целом содержание записки касалось именно международных отношений, как это видно из конспекта и цитат, приведенных В.С. Дякиным (*Дякин В.С.* Национальный вопрос во внутренней политике царизма. СПб., 1998. С. 403—404).

Китченер связывал этот грядущий поворот событий с моментом, «когда придет время мирного урегулирования и встанет вопрос о разделе Азиатской Турции». Тогда возобновятся «прежняя вражда и соперничество, которые приглушены» сейчас, и «мы можем оказаться во вражде с Россией». Надо уже теперь осмотрительно расходовать свои силы в боевых действиях во Франции, указывал Китченер, чтобы к окончанию войны с Германией «наши интересы были обеспечены наилучшим образом». Генерал-квартирмейстер британского Генерального штаба Ч. Колуэлл также исходил из того, что «в будущем возможна война с Россией», о чем и заявлял на заседании комитета М. Бунсена (по Турции) 13 апреля 1915 г.¹

В феврале 1915 г. Генеральный штаб в Петрограде получил телеграмму из США от военного агента Н.Л. Голеевского. Тот предлагал «принципиально решить, безопасно ли ко времени заключения мира иметь пополнение наших боевых припасов в руках Англии». Но его совет запоздал: Военное министерство уже было занято исполнением повеления царя привести в порядок боевые припасы «ко дню заключения мира». Повеление было сообщено военному министру 15 декабря 1914 г.² и рассматривалось «как общее предуказание».

Известны обстоятельства, вызвавшие столь важное повеление Николая II. Союзническим военным представителям в Ставке было заявлено, что действия русских войск застопорились из-за нехватки винтовок и снарядов. 4 (17) декабря и французскому послу Верховный главнокомандующий «с горем» сообщил, что вынужден приостановить операции вследствие того, что израсходованы все запасы снарядов. Николаю II, прибывшему в Ставку 13 декабря после поездки по фронтам, английский военный предста-

¹ Цит. по: *McMeekin S.* The Russian Origins of the First World War. Cambridge (Mass.), 2011. P. 176, 195; *Doughty R.A.* Pyrrhic Victory. French Strategy and Operations in the Great War. Cambridge (Mass.), 2005. P. 139; *Simkins P.* Kitchener and the Expansion of the Army // *Politicians and Defence.* Manchester U.P., 1981. P. 97; *Neilson K.* Strategy and Supply. P. 360.

² РГВИА. Ф. 2000. Оп. 2. Д. 2284. Л. 92; Ф. 29. Оп. 3. Д. 720. Л. 298; *Сидоров А.Л.* Экономическое положение России. С. 22.

витель Х. Вильямс нажаловался на медлительность ГАУ в переговорах с группой канадских предпринимателей, готовых поставлять снаряды, и царь вызвал для объяснений Смысловского. Явившись в Барановичи 15 декабря, Смысловский доложил, что «интересующий Ставку контракт уже заключен 12 декабря»¹. «Попутно» же «я указал генералу Янушкевичу, — рассказывал Смысловский на следствии, — на необходимость получения хотя каких бы то ни было определенных предначертаний о том количестве патронов, какое подлежало впредь заготовлению. Результатом этого доклада и было сообщенное по телеграфу высочайшее предписание» заготовить к концу военных действий по 2000 снарядов на орудие².

На это «предначертание» всемерно готовить боевое снабжение к моменту ожидаемого — после разгрома Германии — нового военного противостояния, с бывшими союзниками, опирался Военный совет в журнале от 13 мая 1915 г.³ (журнал служил материалом к заседанию Совета министров 29 мая для рассмотрения вопроса о постройке 4-го оружейного и 2-го сталелитейного казенных заводов).

16 мая 1915 г. Военный совет утвердил проект постройки завода азотной кислоты, получаемой из атмосферного азота. При этом также учитывалась перспектива перегруппировки держав, после чего враждебная позиция Англии совершенно закроет подвоз чилийской селитры⁴. Год спустя, объясняя Министерству финансов необходимость устройства 4-го завода взрывчатых веществ (в Уфе), Военное министерство ссылалось на то, что «не всегда будет столь благоприятная политическая группировка держав,

¹ История с этим контрактом, получившая далее еще более скандальный оборот, освещена в статье: Neilson K. Russian Foreign Purchasing in the Great War: A Test Case // *The Slavonic and East European Review*. Vol. 60. № 4. Oct. 1982. См. также: Сидоров А.Л. Экономическое положение России. С. 261.

² РГВИА. Ф. 962. Оп. 2. Д. 137. Л. 158—160. Показания Смысловского, 18.I.1917.

³ Там же. Ф. 1. Оп. 1. Д. 78771. Л. 13.

⁴ Там же. Ф. 29. Оп. 3. Д. 722. Л. 64. Это обоснование дословно воспроизведено в легенде к соответствующему объекту «программы Маниковского» (Доклад начальника Главного артиллерийского управления 20 октября 1916 г. С. 53).

которая могла бы допускать выпуск и морскую перевозку заграничных предметов»¹.

П.А. Фролов (помощник военного министра, ведавший в Особом совещании по обороне валютной комиссией, а затем председатель Особого совещания по постройке новых казенных заводов) как будто прочитал мартовскую 1915 г. секретную записку Китченера. 15 мая 1916 г. Фролов напоминал министру финансов в этой же связи о Берлинском конгрессе. «Союзники в нас очень нуждаются и широко финансируют нас² под давлением собственной военной необходимости, ибо при настоящем положении на всех фронтах наши победы нужны союзникам, пожалуй, еще больше, чем нам самим. Когда же военная мощь Германии будет сломана, или хотя бы даже только решительно надломлена, у наших союзников мотив военной необходимости отпадет, и чисто финансово-политические соображения возьмут верх, и мы тогда денег так легко не получим». «Надобность в тяжелой артиллерии» он объяснял тем, что, только имея ее, Россия «будет в состоянии вести дипломатические переговоры о мире так, чтобы результаты принесенных ею огромных жертв (в том числе и финансовых) не были бы вновь сведены к нулю, как то было на Берлинском конгрессе»³. Такой же представлялась перспектива отношений с союзниками Министерству иностранных дел⁴.

¹ РГВИА. Ф. 29. Оп. 3. Д. 5413. Л. 186 и об. Объяснения Военного министерства по соображениям Министерства финансов, середина 1916 г.

² К апрелю 1917 г. на удовлетворение финансовых нужд России приходилось 58% всех долговых обязательств, принятых на себя союзниками, включая их займы в США, а из займов в США — свыше 70% (Strachan H. Op. cit. P. 957; Stevenson D. Cataclysm. P. 184).

³ Бабичев Д.С. К вопросу о финансовых отношениях царской России с Англией во время мировой империалистической войны 1914—1917 гг. // Ученые записки Ростовского-на-Дону гос. университета. 1958. Т. 63. Вып. 3. С. 148—149; ГАРФ. Ф. 1467. Оп. 1. Д. 609. Л. 15, 17 об.—18.

⁴ Константинополь и проливы. М., 1926. Т. 2. С. 387. Всеподданнейшая записка Н.Н. Покровского, 21.II.1917. Один из вождей черносотенцев, Н.Н. Тиханович-Савицкий, в ноябре 1916 г. предлагал Временному совету монархических съездов принять резолюцию, содержавшую особый пункт: «Немедленно приступить к спешному сооружению заводов, которые ко времени мирных переговоров вполне обеспечили бы русскую армию... всем военным снаряжением и поставили бы ее в полную независимость от союзников» (Правые партии. Документы и материалы. М., 1998. Т. 2. С. 582).

В своем «программном» докладе Фролову и через него военному министру 20 октября 1916 г. Маниковский высказывал опасение, что «в недалеком будущем» приобретение оружия у союзников затруднится, а потому «надо в самом спешном порядке» развивать свою промышленность «в расчете не только на потребность текущей войны, *но и в предвидении будущей*». Намечаемые новые казенные заводы «сослужат великую службу» во время выработки условий мирного договора, ибо тогда тотчас «начнется общая экономическая борьба, и эта борьба будет беспощадна»; в ней каждый из бывших союзников окажется «предоставлен своим собственным силам, и горе тому, у кого к этому времени не будут подготовлены свои боевые средства»¹. Ему довелось на заседании Совета министров доложить «обширный проект Военного министерства о рассчитанном на будущее срочном заводостроительстве» — «грандиозный, сопряженный с колоссальными затратами», как вспоминал об этом заседании А.Н. Яхонтов. Председатель Совета министров задал докладчику традиционный вопрос: зачем такие расходы делать сейчас, если заводы не пригодятся в текущей войне? Маниковский, сославшись на «высочайшее повеление о содержании армии в боевой полной готовности ко времени мирных переговоров», добавил: «Для того, чтобы вашему высокопревосходительству не пришлось бессильно сидеть на новом постыдном Берлинском конгрессе»². 18 января 1917 г. в Бюджетной комиссии Думы, прямо объявляя об антисоюзнической по сути направленности разработанной в ГАУ программы, Маниковский мотивировал строительство заводов опасением того, что «когда мирные переговоры наступят и начнется дележка, то мы останемся без патронов и снарядов». Шокированные думцы сочли услышанное объяснение «крайне неудачным»³, но отказать в деньгах не могли.

¹ ВПР. С. 596—597, 601, 602.

² Совет министров Российской империи в годы Первой мировой войны. Бумаги А.Н. Яхонтова. С. 349 (запись задним числом, сделанная на листе с заметками о заседании 26 июля 1916 г. Вероятно, эта запись отражает то заявление Маниковского, которое Яхонтов в другом месте отнес к последним дням премьерства Штюрмера, вернее, последним неделям, если подразумевалось заседание 14 октября. См.: Яхонтов А. Первый год войны // Русское прошлое. Кн. 7. СПб., 1996. С. 269).

³ Вопросы истории. 2000. № 4—5. С. 14.

Названными в программе ГАУ 38 заводами дело не исчерпывалось. По сведениям, оглашенным на заседании Совета министров 14 октября 1916 г., в то время Военное министерство «приступило к постройке 54 обширных заводов»¹. В их числе были авиационные, автомобильный, моторостроительный, электротехнический заводы Главного военно-технического управления и Управления военно-воздушного флота, тротильный, телеграфно-телефонный, сернокислотный и лесотехнические заводы ГАУ и др. 18 февраля 1917 г. началось ускоренное сооружение мастерской для снаряжения выстрелов тяжелой артиллерии: Военный совет отпустил 1,2 млн руб. на устройство этой мастерской на месте отдела огнестрельных припасов Кременчугского артиллерийского склада². Сверх того, «в ближайшем будущем» ГАУ обещало представить «подробную дополнительную программу» усиления производства пороха и взрывчатых веществ.

Действительно, 27 декабря 1916 г. на рассмотрение Особого совещания по обороне поступил доклад ГАУ об ассигнованиях в 1917 г. на новые заводы серной кислоты «в связи с расширением программы заготовки взрывчатых веществ». Будущие четыре завода должны были поднять выпуск серной кислоты более чем в 2,5 раза, по сравнению с уровнем, достигнутым в ноябре³. Программу по серной кислоте военный министр утвердил 23 января 1917 г.

Предпринимая «бешеную постройку новых артиллерийских заводов»⁴, правительство Николая II исходило из стратегических замыслов, нацеленных на распространение власти царя до Эгейского моря. На декабрьском совещании 1916 г. в Ставке под председательством Николая II о планах на 1917 г., когда выявилось разногласие в оценке реальности захвата проливов без содействия союзников, Николай не промолчал и поддержал сторонников похода «на Царьград»⁵. В официальных документах, разрабатывавшихся на протяжении всей войны, создание все новых и новых

¹ ОЖСМ 1916. С. 504.

² РГВИА. Ф. 29. Оп. 3. Д. 993. Л. 33—34.

³ Там же. Ф. 369. Оп. 16. Д. 704. Л. 4—5; Д. 511. Л. 14. Журналы комиссий Особого совещания, 3.I, 28.III.1917.

⁴ Ванков С.Н. Указ. соч. С. 16.

⁵ РГВИА. Ф. 2003. Оп. 2. Д. 1017. Л. 124.

заводов разъяснено прямыми словами как последовательные шаги в подготовке к неизбежному противоборству с Антантой, к реваншу если не за Крымскую войну, то во всяком случае за Берлинский конгресс. С учетом такой направленности политики царизма в 1914—1917 гг. правомерно утверждать, что крушение режима под тяжестью военных и экономических испытаний, февральские выступления военно-промышленных рабочих и солдат избавили страну и Европу от второго акта трагедии «Великой войны».

Рабочие главных военных заводов в событиях Февраля 1917 г. сыграли выдающуюся роль. Историки иногда приписывают инициативу также текстильщикам Выборгской стороны, но речь все равно идет фактически опять-таки о военно-промышленном производстве, поскольку и выборгские мануфактуры были заняты главным образом заказами интендантства¹. Едва ли даже Маниковский был вполне убежден в том, что предприятия, вверенные его попечению, недоступны для смуты, хотя, продвигая заводскую программу, он напирал на эту мысль; помимо усилий, направленных им на создание для рабочих артиллерийского ведомства привилегированного продовольственного снабжения, для него решающим «аргументом» против смутьянов тем не менее оставалось воздействие железной рукой. Современным же авторам, рассматривающим февральские события под полицейским углом зрения (недосмотрели в Питере, надо было вовремя «додавить» оппозицию; сработали «германские диверсанты»), не удастся логически последовательно раскрыть движущую силу переворота. С одной стороны, версия об «инспирированных народных выступлениях» отвечает стремлению доказать, что «вдохновителем и организатором» их являлась «либерально-радикальная интеллигенция», а народ был сбит с толку «умелой агитацией и пропагандой», «умелой манипуляцией общественным мнением». Оппозиция «воспользовалась моментом, чтобы вывести народ на улицы» и столкнуть его «с правоохранительными органами». Более того, «оппозиционные круги» якобы «со-

¹ По сведениям Министерства торговли и промышленности, к осени 1916 г. по военным заказам работала вся суконная и 70% хлопчатобумажной промышленности (РГИА. Ф. 1276. Оп. 12. Д. 1181. Л. 26 об.).

знательно вели продовольственное дело с таким расчетом», чтобы спровоцировать массовое недовольство¹.

С другой стороны, оказывается, нельзя не признать, что «возможность радикальным партиям спекулировать на трудностях» войны и «вывести народ на улицы в решающий момент» была создана все же «недовольством всех слоев населения», «тяготами войны», «материальными трудностями», даже «социальными противоречиями», которым «позволила выйти наружу» «неудачная для России Первая мировая война». Пытаясь объяснить отзывчивость масс на радикальную агитацию и не умея это сделать, политолог вместо причин такого поведения масс указывает на заинтересованность самой «либерально-радикальной интеллигенции» в сочувствии народа², то есть, как и Никонов в подобной ситуации («парадигма», однако), уходит от объяснения. Но этот отложенный вопрос, раз уж он затронут, заслуживал бы внимания.

Почему-то оппозиция вела свою агитацию с успехом, тогда как правительственная «манипуляция общественным мнением» — с использованием «всех доступных средств» (Миронов) — провалилась. И ведь нет оснований объяснять ее провал недостаточным усердием и невниманием власти к охранительной агитации. Не зря же при каждом заводе военного, морского, горного ведомств действовал собственный храм с причтом (средства, ежегодно ассигнуемые на содержание этого, по выражению Никонова, «инструмента пропаганды», не входили в расценки изделий). «Отцы» призывали свою военно-промышленную паству «вооружиться

¹ *Миронов Б.Н.* Указ. соч. С. 575, 579, 647, 700—701; *Никонов В.* Указ. соч. С. 600 и сл. Эта версия «находит поддержку», в глазах Миронова, «и у других современных исследователей: *Стариков Н.В.* 1917. Не революция, а спецоперация! М., 2007; *Сенявский А.С.* Великая русская революция 1917 г. Никонов в этом ряду видит также О.А. Платонова, П.В. Мультипули и др.

² *Миронов Б.Н.* Указ. соч. С. 646—647, 694, 700. Вот эти «причины»: 1) «без народной поддержки общественность не имела сил низвергнуть монархию и удержаться у власти», 2) «участие народа обеспечивало легитимность свержения». Вместо логики — «паническая» боязнь «всякой тени любой революции»: современные власти и обслуживающие их «элиты» из собственного страха перед смутой прибегают к «запугиванию всяким насилием» (*Булдаков В.П.* Указ. соч. С. 637—638, 900).

спокойствием и терпением, а не искать виновных в нашей неготовности», «не злобствовать», а «каяться, и молиться, и в очищенной совести трудиться»; те же идеи несли в массы Союз русского народа, Общество активной борьбы с революцией и с анархией при Путиловском заводе и другие подобные организации. Рабочих Брянского арсенала и Бежицкого завода «батюшки» увещевали так: «приросшая к земле душа», исполненная «животной сытости», думает о мире, но «не надо этого мира, страшен он, страшнее самой кровопролитной войны»¹. «Пресловутые идеи права, свободы личности... исповедание принципа “человек есть мера вещей”» — все это требовалось «отринуть» в пользу «национальных и государственных интересов»². Однако перевесили «лживые посулы революционеров, безбожников и предателей, увлекших русский народ... в разверстую пасть отступления от Бога и церкви»³.

Наряду с собственно церковниками и «либеральная интеллигенция», лучшие умы и перья того, что называлось «культурной элитой», употребили свои таланты вовсе не на борьбу с милитаризмом или подрыв военных усилий власти, а вели все ту же «стилизованную под проповеди пропаганду». В 1914—1917 гг., заполняя столбцы «Русского слова», «Биржевых ведомостей», «Утра России» милитаристскими статьями, православные мыслители силились объяснить «взрослым детям — Иванам и Петрам», этому «человеческому материалу», что война — не братоубийство, а «творческое действие», угодное «Самому Богу», тогда как абстрактный гуманизм («отвлеченный морализм», «гладко-поверхностный гуманизм» и т. д.) «антирелигиозен по своей природе». Они радовались, что наконец-то «пали утопии гуманизма, пасифизма, международного социализма, международного анархизма

¹ Восторгов И., *прот.* Во дни войны. Голос пастыря-патриота. М., 1916. Вып. 3. С. 36, 38, 39, 101; Орловские епархиальные ведомости. 1915. № 1. Цит. по: *Первая мировая война: взгляд спустя столетие*. М., 2011. С. 347—348.

² Восторгов И., *прот.* Отрезвление // Московские ведомости. 1917. 1 янв. Цит. по: *Экштут С.А. Закат империи: от порядка к хаосу*. М., 2012. С. 274.

³ Калинин Л.Д., *прот.* Православная церковь и Первая мировая война // *Первая мировая война: взгляд спустя столетие*. С. 312.

и т. п.»¹. В августе 1915 г. Н.А. Бердяев осудил социал-демократов за то, что они отказались участвовать в думской военно-морской комиссии и тем самым — «не берут на себя ответственности за оборону страны». Правые в Думе пытались заманить рабочих в Особое совещание по обороне, заявив, что только при условии их участия одобряют включение в его состав представителей ЦВПК. Предложенная правыми 20 июля 1915 г. формула перехода (постановление) Думы содержала требование («выражая надежду»), что деятелями ЦВПК «при выборе членов Особого совещания при военном министре будет дано место представителям рабочих». «Вот при принятии такой формулы перехода [к очередным делам] мы, правые, скрепя сердце, поддержим допущение в состав Особого совещания трех представителей ЦВПК», — объяснил Н.Е. Марков. К принятой Думой формуле правых присоединился и Государственный совет. Последовавший отказ социал-демократов принять приглашение к сотрудничеству Бердяев заклеил как «классический образец совершенной отвлеченности и формальной абсолютности в политике»².

«Проклятый вопрос» нравственного характера — отношение рабочего к труду на военном предприятии³ — получал практическое преломление. «Обязанность всех соприкасающихся с рабочими, занятыми в предприятиях по обороне, — всячески выяснять им решительную недопустимость приостановки работ... при каких бы то ни было условиях... Надо ежечасно говорить об этом рабочим», — наставляла свою либеральную аудиторию оппозиционная «Речь» 14 марта 1916 г. Думские заседания, посвященные вопросам военно-

¹ Голлербах Евг. К незримому граду: религиозно-философская группа «Путь» (1910—1919) в поисках новой русской идентичности. СПб., 2000. С. 19, 246 сл., 324 сл., 376 сл., 396; Бердяев Н.А. Падение священного русского царства: Публицистика, 1914—1922. М., 2007. «Более углубленному, более религиозному взгляду» Бердяева открылось, что «маленькая, чувствующая себя раздавленной частная жизнь» — ничто, а «частно-гуманистическое мировоззрение» — хуже анархизма.

² СОГД IV/4. Ч. 1. Стб. 290; Всеподданнейший отчет председателя Государственного совета за X и XI сессии 1915 г. Пг., 1915. С. 23; Бердяев Н.А.: 1) Об отвлеченности и абсолютности в политике // Биржевые ведомости. 1915, 18 авг.; 2) Судьбы России. Опыты по психологии войны и национальности. М., 1918. С. 213—214.

³ Шишкин В.Ф. Великий Октябрь и пролетарская мораль. М., 1976. С. 54.

промышленной политики, превращались в спектакли с заранее распределенными ролями («Надо нарисовать картину... Надо развернуть картину последствий германского завоевания») и обеспеченным широчайшим освещением в прессе. К «Иванам и Петрам» «либеральные» думцы применяли пропагандистские приемы, испытанные на английских рабочих (разъяснить «значение снарядов для победы и значение работы для снарядов»: на фронте «гибнут братья... всё для получения снарядов»). Патриотическая агитация должна была убедить «рвань» в совпадении ее интересов с интересами военно-промышленных дельцов, бюрократии, власти в целом. Для этого, как утверждает Никонов, правительству не хватало политехнологической ловкости: «Инструменты внутренней пропаганды были использованы властью явно недостаточно». Надо было больше рассказывать рабочим о правительственных успехах в производстве вооружения. Но эти «инструменты» потому и не действовали, что приходилось пропагандировать, по выражению П.Н. Милюкова (и Бердяева), «довольно фиктивное» единство. «Циммервальд» пустил «глубокие корни» в «широкие массы», и «никакая пропаганда не могла преодолеть» его идеи¹.

Как констатировал Милюков, у «либеральных» пропагандистов не было «общего языка» с рабочими военных предприятий², расходились их понятия о нравственности и «национальных интересах». Оборончески настроенный Г.В. Плеханов тоже делал попытки внушить рабочим, что «даже к стачкам можно прибегать теперь, во время войны, только всесторонне взвесив все их возможные военно-технические... последствия». Министерство внутренних дел в 1916 г. принялось распространять цитированное воззвание Плеханова «для объединения народных масс вокруг общего

¹ Никонов В. Указ. соч. С. 413—414; Ольденбург С.С. Указ. соч. Т. 2. С. 178, 183, 187, 209, 213.

² Шелохаев В.В. Российские либералы в годы Первой мировой войны // Вопросы истории. 1993. № 8. С. 32. Им «не удалось найти общего языка с широкими массами рабочих и крестьян, нейтрализовать идейно-политическое воздействие на них со стороны леворадикальных, социалистических партий», «привлечь на свою сторону и подчинить своему идейному влиянию даже реформистски настроенные элементы среди рабочих», указывает В.В. Шелохаев (Шелохаев В.В. Либералы и массы в годы Первой мировой войны // Там же. 1996. № 7. С. 135).

дела»¹. В саратовской глубинке его воззвание, по отзыву губернатора, «хорошо подействовало», но и там «под влиянием административно высланных» часть рабочих высказывалась против войны². В военно-промышленных центрах, не полагаясь только на действенность милитаристской пропаганды, ковать единство приходилось с помощью полиции и войск, розгами и палками, тысячами отправляя бастующих рабочих с военных заводов в окопы, вместо каторги, и прикомандировав на их место солдат, побывавших на фронте, а также внедряя в рабочую среду платную агентуру контрразведки и полиции.

Результат напряженных совокупных усилий военной администрации, полиции, черносотенцев и «либералов» разочаровывал. Разросшаяся военно-промышленная программа не смягчала «рабочего вопроса», а создавала новый масштаб проблем, доводя их остроту до предела.

¹ См.: Тютюкин С.В. Г.В. Плеханов: судьба русского марксиста. М., 1997. С. 320.

² Земцов Б.Н. Революция 1917 г.: социальные предпосылки. М., 1999. С. 203.

6. Рабочий вопрос и «опрокинутое правосознание»

В переломные 1914—1917 гг. патриархально-патерналистский, не обязательно царистский, но государственный в основе строй мышления все еще заметно влиял на поведение рабочих масс, порождая в верхах соблазн использовать в своих целях неизжитое доверие к власти. Но на первый план в переживаниях обездоленных слоев выступало негодование, вызванное наглым своекорыстием хозяев. Все большее значение в развитии стачечного движения приобретало не только стремление пролетариев улучшить свое материальное положение, но и моральные мотивы — отрицание права хозяев бессовестно наживаться на народном бедствии, войне, на казенных военных заказах¹. Втираясь в доверие к рабочим, газета «Русский рабочий», издаваемая Департаментом полиции, 24 февраля 1916 г., во время борьбы против мощной стачки путиловцев, требовала от правительства «побольше решительности, и твердости, и внимания к благополучию и обеспечению рабочих». Нарушена справедливость: «Директора акционерных предприятий получают больше министров. Надо положить запрет на выдачу колоссальных дивидендов»².

¹ Поршнева О.С.: 1) Социальное поведение рабочих, крестьян и солдат Урала в условиях Первой мировой войны // Уральская провинция в системе регионального развития России. Екатеринбург, 2001. С. 93—94; 2) Крестьяне, рабочие и солдаты России накануне и в годы Первой мировой войны. М., 2004. С. 148, 174.

² Цит. по: Раннепорт М.Л. Правительственная газета «Русский рабочий» (об одной затее тайной полиции) // Красная летопись. 1930. № 2 (35). С. 117.

После ликвидации нашумевшей забастовки в Петрограде и перехода Путиловского завода в казенное управление в разных концах империи на многих частных предприятиях, исполнявших военные заказы, развернулось стачечное движение с требованиями национализации¹. Из Екатеринославской губернии Департаменту полиции доносили о «тревожном» настроении, вызванном сообщениями печати «о забастовках и происходящих эксцессах» на Путиловском заводе и «отобрании завода в казну». «Большую неосторожность» усматривало губернское жандармское управление в данном газетам разрешении печатать эти сообщения. Но и сменивший Поливанова военный министр Шуваев позволил себе публичные высказывания о том, что заводчики, выполняя военные заказы, наживают «на этом деле до 400%, а некоторые 800%, 1200% и даже 2400% прибылей». И это в условиях «возрастающей с каждым днем дороговизны», пояснял начальник ГЖУ, когда «не хватает заработка рабочим на жизнь... Газеты с указанными заметками брались и читались нарасхват, не было никакой необходимости в агитации партийного элемента»². Вслед за отрицанием права получать скандальные прибыли «основания потеряла и сама частная собственность»³. Стачки с требованиями отнять заводы у частных собственников⁴ продолжались с

¹ dlib.rsl.ru/01003391035. С. 464—486.

² Цит. по: Б. Война и Екатеринославская организация РСДРП (большевиков) // Борьба за советы на Екатеринославщине: Сб. воспоминаний и статей. [Днепропетровск,] 1927. С. 27—28.

³ Цирель С.В. Почему в России произошла революция? // О причинах Русской революции. М., 2010. С. 190—191.

⁴ У. Розенберг появление подобных требований о национализации предприятий почему-то связывает со стачками костромских и ивановских текстильщиков летом 1915 г. (Розенберг У. Регулирующее государство и проявления «функциональной легитимности» на закате старого режима // На пути к революционным потрясениям. СПб.; Кишинев, 2001. С. 212—213). Названные им источники (Рабочее движение в годы войны. М., 1925. С. 211—217) поводов для этого не дают. Сложнее с его же ссылкой на статью Л. Хеймсона. Розенберг указал с. 389—452 в издании: *Heimson L., Sapelli G., eds. War, Strikes and Revolution: The Impact of the War Experience on Italy, Germany, France, England and Russia.* Milan, 1992. Такого издания, однако, не существует. Имеется сборник «*Strikes, Social Conflict and the First World War. An International Perspective*» (*Haimson L., Sapelli G., eds. Milano, 1992*), в нем именно на страницах 389—452 помещена статья: *Haimson L.H., Brian E. Labor Unrest in*

апреля до середины лета 1916 г., вынуждая власти вводить на заводы роты солдат, объявлять локауты, отправлять тысячи рабочих на призывные пункты, в исправительные батальоны. Ничто не помогало, и Отдел промышленности Министерства торговли и промышленности вынужден был опубликовать специальное разъяснение, объявляя в нем, что «забастовки ни в коем случае не являются основанием для взятия предприятий в управление казны»¹. С большими усилиями волну этих специфических стачек удалось сбить.

Популярность требования национализации объяснялась не только сиюминутной обстановкой, но и глубокой исторической традицией.

Ряд исследователей полагает, что в России всегда плохо прививалось понимание верховенства права и что правительству стоило больших усилий приучать народ к уважению законов, права собственности. По их оценке, царское правительство с гражданскими правами подданных считалось мало, а с политическими — вообще нисколько не считалось, но царский режим «неукоснительно соблюдал права собственности сначала на землю, а затем и на капитал»; «попирая права человека, царизм все же уважал право собственности». Еще Александр II признал его «полную неприкосновенность», а «к началу XX столетия царское правительство было уже решительно привержено принципу частной собственности»; в подкрепление цитируются соответствующие правительственные декларации². В конечном

Imperial Russia during the First World War: A Quantitative Analysis and Interpretation. Именно такое название и фигурирует у Розенберга в качестве литературного источника сведений о требованиях отобрать заводы. У Хеймсона действительно говорится о стачках костромских и ивановских рабочих, но о выдвижении ими требований столь специфического характера сведений нет.

¹ *Рабочее движение в годы войны*. М., 1925. С. 148—149.

² *Пайнс Р.*: 1) *Собственность и свобода*. М., 2001. С. 265, 268—270; 2) *Русская революция*. М., 2005. Кн. 1. С. 77; *Wortman R.* Property Rights, Populism, and Russian Political Culture // *Civil Rights in Imperial Russia*. Oxford, 1989. P. 14—15, 20, 21. Вместе с тем Пайнс пишет, что в вопросе о правах крестьян на приобретение и распоряжение землей власти по идеологически-политическим причинам, из соображений безопасности «занимали двусмысленную позицию» (или, по выражению Р. Уортмана, власть вела себя «непоследовательно»), а в результате «огромное большинство жителей России ни тогда, ни позднее не имело прав собствен-

счете «царское, а затем и Временное правительства не решались посягнуть на “священную” частную собственность, даже если это была собственность врага»¹. Отобразилось в годы Первой мировой войны «немецких предприятий» в порядке секвестра иногда истолковывают как всего лишь некое «взаимодействие», «переплетение и сращивание» укоренившегося в России иностранного капитала «с отечественными капиталами» в силу их «бурного инфляционного роста»².

Однако отмечается также, что в последние годы своего существования царизм «производил захват частных имуществ, экспроприацию предприятий и хозяйств, принадлежавших германским и еврейским подданным». Да и все в целом «здание капиталистической собственности, — по оценке П. Гэтрелла, — испытывало неустойчивость»; «зادолго до большевистской революции русские предприниматели столкнулись с покушениями на их экономические позиции... со стороны царского государства и образованного общества»³.

Таким образом, наблюдается стремление показать дореволюционную власть как крепнувший оплот священной права собственности, но эта тенденция противоречиво сочетается с признанием непоследовательности правительственного курса в отношении как самого права собственности, так и собственников, разделяемых по сословным, вероисповедным и национальным признакам⁴. Это устой-

ности на важнейший производственный ресурс своей страны — пахотную землю». Уортман также подметил, что именно крестьянские волнения 1905—1906 гг. научили царя, его сановников и поместное дворянство ценить блага частного владения. А в целом право собственности оставалось «чуждым элементом русского исторического развития».

¹ Дякин В.С. Германские капиталы в России. Л., 1971. С. 221.

² Бовыкин В.И. и др. Эволюция хозяйства и развитие капиталистического предпринимательства на путях перехода России к рыночной экономике // Предпринимательство и предприниматели России от истоков до начала XX века. М., 1997. С. 105.

³ Gatrell P. Russia's First World War. A Social and Economic History. Edinburgh Gate, 2005. P. 109, 238, 127.

⁴ См. Лутуев В.Н. Земельная собственность как дворянская монополия в капиталистической России. М., 1997. С. 58, 60, 135, 209, 219. Ср.: С. 55, 57, 59, 60, 62. См. также: Поткина И.В.: 1) Законодательное

чивое разногласие в литературе делает необходимой постановку вопроса о разрушении отношений собственности¹ как особом направлении государственной политики на закате царизма.

Существование разрядов неполноценных собственников (надельные крестьяне, евреи, поляки, заводчики-посессионеры) принадлежало к числу основополагающих начал в пореформенных порядках. Самодержавие оберегало устойчивость сословных перегородок, защищая их от попыток, предпринимаемых либерально настроенными общественными и государственными деятелями, привести права к единому знаменателю. Одновременно набирало силу стремление власти изменить и эти порядки, делая собственность все более открытой для перекройки по усмотрению правительства.

Основные законы 23 апреля 1906 г. в вопросе о собственности воспроизвели формулировку «Декларации прав человека и гражданина», принятой французским Учредительным собранием в 1789 г. «Так как собственность есть право неприкосновенное и священное, — гласила ст. 17 Декларации, — никто не может быть лишен ее иначе, как в случае установленной законом явной общественной необходимости и при условии справедливого и предварительного возмещения». В Основных законах 1906 г. (гл. 2. ст. 35) от этой формулы были допущены характерные, но, казалось бы, непринципиальные отступления: о лишении собственности говорилось как о «принудительном отчуж-

регулирование предпринимательской деятельности в России // История предпринимательства в России. Кн. 2. М., 2000. С. 27—28; 2) Правовое регулирование предпринимательской деятельности в России. М., 2009. С. 53, 62, 63, 65. В литературе встречаются и утверждения, что «с крестьян были сняты ограничения на право распоряжения наделными землями», отменен «запрет на продажу наделов другим сословиям» (Поткина И.В. Законодательство Российской империи: регулирование права собственности и имущественных отношений // Собственность в XX столетии. М., 2001. С. 836. Ср.: Тютрюмов И.М. Общее положение о крестьянах. Пг., 1915. С. 318. П. 8).

¹ Термин не нов: о «легкомысленной готовности государства задним числом разрушать собственность» пишет Ст. Уильямс (Уильямс Ст. Либеральная реформа при нелиберальном режиме. Создание частной собственности в России в 1906—1915 гг. М., 2009. С. 94). В работе Уильямса имеются разделы: «Ущербность новых прав собственности», «Поправление новых прав собственности».

дении» «недвижимых имуществ» во имя «государственной или общественной пользы», а о возмещении — как о «справедливом и приличном вознаграждении» (не «предварительном»).

Проблема экспроприации частной собственности занимала бюрократическую мысль весь XIX век¹. Известно о поданном в Негласный комитет в июле 1801 г. проекте манифеста, предназначенного для объявления при коронации Александра I. В нем А.Р. Воронцов предлагал признать юридическое равенство отдельного гражданина и государства при рассмотрении имущественных споров, так чтобы «казна рассматривалась как обычная спорящая сторона», без каких-либо преимуществ перед «простым собственником», решая такого рода тяжбы в суде². Однако манифест, хотя и одобренный императором, издан не был. Наоборот, 24 октября 1813 г. появился указ «О правилах конфискации имений и управления оными», устанавливавший, что отбираемое имущество либо переходит в казенную собственность, либо может быть сдано в аренду или в «частное управление». На практике подобная репрессия допускалась как по политическим основаниям, так и в случае неисполнения частными лицами своих обязанностей по условиям договора с казной о выполнении тех или иных работ или поставок³.

Идея вооружить власть «правилами для отобрания частной собственности в пользу общественной» была выдвинута в новосильцевском проекте «Государственной уставной грамоты», но вызывала разногласия. В 1821 г. такие столпы просвещенной высшей администрации, как члены Комиссии сочинения законов Н.С. Мордвинов и А.С. Шишков, выступили против самой мысли о допустимости «прикосновения со стороны правительства к частной собствен-

¹ См.: Венецианов М. Экспроприация с точки зрения гражданского права. Казань, 1891.

² Цит. по: Тимофеев Д.В. Европейские идеи в социально-политическом лексиконе образованного российского подданного первой четверти XIX века. Челябинск, 2011. С. 165, 169.

³ Там же. С. 385—388. Изданным еще в 1740 г. указом (ПСЗ № 8176) «О фабрикантах, кои будут содержать фабрики свои не порядком» предусматривались как раз такие случаи (Курицын И.С. К истории мануфактурного производства в XVIII в. // Труды Государственного Исторического музея. М., 1941. Вып. 14. С. 139).

сти»; может показаться, что они, эти приобщившиеся к европейским идеям, но с «ветхим, едва ли не боярским, нутром» сановники¹, занимали более радикальную позицию, чем авторы Декларации 1789 г. «Сколько бы исключительное владение каким-либо имением ни оказывалось противным общему благу, не можно для сего его взять в общее употребление... — писал Мордвинов, — ибо никогда общее благо не зиждется на частном разорении»².

Но все выглядит иначе и становится на свое место, «если рассуждать по одному только отношению к самодержавной власти»: воля самодержца выше всякой законности, писал Мордвинов, так что никаких правил не требуется; для самодержавной власти «нет законов и правил, писанных на хартиях тленных»; и без всяких правил «деяния оной власти всегда будут благотворны». Он соглашался в этом с Шишковым, который признавал «противными между собой» самодержавие и «непоколебимость собственности», но и «несогласие» между этими двумя «законами» считал «невозможным делом». Шишков предрекал, что если появятся какие-либо правила, то это породит «великие несправедливости», связанные с установлением способов оценки отбираемого имущества, и к тому же сузится круг мыслимых предлогов для отъема, подходящих под титул «общей пользы». Если же не связывать себя писаными правилами, то «предлоги сии к колебанию собственности от часу более могут умножаться». «Доселе не было у нас закона оценки», — писал Шишков. Самодержавная воля «была единственный судия... лучших сего правил придумать невозможно». Как бы ни сопротивлялся собственник отобранию, верховная власть «имеет тысячи средств преклонить его к добровольному на то соглашению», и он уступит ей свою собственность «непринужденно»³.

«Государственная уставная грамота» так и не была издана. Царь утвердил принятое 21 июня 1821 г. (с разногласиями) положение Комитета министров, присоединившись

¹ Ковальчук М.А., Тесля А.А. Земельная собственность в России. Хабаровск, 2004. С. 132.

² Цит. по: Иконников В. Граф Н.С. Мордвинов. СПб., 1873. С. 39.

³ Там же; Чтения в Обществе истории и древностей российских. 1858. Кн. 4. Отд. 5. Смесь. С. 133—138; Минаков А.Ю. Русский консерватизм в первой четверти XIX в. Воронеж, 2011. С. 423—424.

к мнению министра юстиции о том, что «случаи подобные (принудительное отчуждение имуществ. — В.П.) к кругу обыкновенного течения дел не принадлежат, и желать должно, чтоб они сколько можно реже встречались», а когда все же это потребуется, то и решения следует принимать «одною Самодержавною властью, указами сепаратными»¹. Специальные правила об экспроприации появились лишь в 1833 г. В то время применять их на практике приходилось преимущественно для нужд военного ведомства и при этом в виде редкого исключения, да и стоимость отчуждаемых имуществ была незначительной. Положение изменилось с развитием железнодорожного строительства, когда отчуждение земель совершалось во все более широких размерах, но редко — в принудительном порядке. Порядок действий администрации при отчуждении определялся положением Комитета министров, утвержденным 6 мая 1872 г., но он распространялся лишь на экспроприации в целях строительства железных дорог².

Изданный Наполеоном в 1810 г. закон поставил между частным лицом и властью суд, во Франции без судебного приговора принудительное отчуждение не применялось. Закон этот, составивший «эпоху в развитии экспроприации», служил «настоящим базисом всего современного законодательства об этом предмете»³. Но в дворянской империи в заявлениях о приверженности принципам личной свободы, неприкосновенности собственности, верховенства закона и пр. даже у наиболее последовательных сторонников либеральных ценностей «сознательно допускалось множество «оговорок», общий смысл которых сводился к утверждению, что реализация европейских идеалов в России возможна только при условии существования сильного государства»,

¹ Цит. по: Тимофеев Д.В. Указ. соч. С. 388—389.

² Объяснительная записка к проекту правил о вознаграждении за принудительное отчуждение имуществ, временное их занятие и установление права участия в пользовании ими // Журнал Особого совещания по пересмотру постановлений о принудительном отчуждении имуществ. [СПб., 1901—1903.] Разд. пагинация. (В основном хранении Российской государственной библиотеки имеются два тома под одним общим названием: сам журнал Совещания и конволют с материалами к нему.)

³ Grünhut C.S. Das Enteignungsrecht. Wien, 1873. Цит. по: Венецианов М. Указ. соч. С. 22—23.

что нельзя не учитывать «множество обстоятельств, отражавших принципиально важные... отличия социально-экономического, культурного и политического развития Российской империи в сравнении с развитыми странами Европы»¹.

Утвердившаяся в российских верхах идея о неприемлемости для самодержавного строя порядков, принятых в Западной Европе («в иных каких державах», как писал Шишков), показала свою влияние в 1870—1880-х гг., когда рассматривался вопрос о способах установления размера вознаграждения собственнику. Возникло разногласие: следовать ли европейскому опыту экспроприации, а значит, прибегать в спорных случаях к судебной процедуре, или, согласно отечественным обычаям, действовать исключительно в административном порядке.

Комиссия статс-секретаря Д.А. Оболенского в 1874 г. «останавливалась на мысли о привлечении к сему делу судебной власти», но Государственный совет, рассматривая проект комиссии Оболенского, нашел (1887), что подобное «заимствование из иностранных законодательств» «едва ли можно оправдать». Здесь, «в нашем отечестве», ведению суда подлежат лишь «споры о таких гражданских правах, которые нарушены одною из сторон и отыскиваются другою» — столь же равноправной. Но в «деле экспроприации имущества для государственной или общественной надобности» не предполагается равноправия сторон: «Здесь нет места спору об имуществе, ибо оно уже отчуждено правительством, помимо воли собственника». Правительство же должно само «озаботиться и справедливым вознаграждением владельца, не заставляя его вести судебный процесс», а гарантией справедливости послужит обязательное условие отчуждения — «высочайшее» утверждение такого решения. Государственный совет оставил в силе уже установленный «основной принцип»: «При принудительном отчуждении вознаграждение владельца должно быть определено в административном порядке заботами самого правительства, по распоряжению которого производится отчуждение»².

¹ Тимофеев Д.В. Указ. соч. С. 453.

² Положение Государственного совета в Объединенных департаментах гражданских и духовных дел, законов и государственной экономики

В 1897 г. Государственному совету пришлось вернуться к вопросу о порядке отчуждения, поскольку все же практика вынуждала выходить за установленные пределы. Наибольшую заинтересованность в расширении круга задач, оправдывающих экспроприацию, проявило военное ведомство, недовольное волокитой (трехлетней, в среднем) по делам об оценке имуществ, отбираемых под стрельбища, полигоны, склады, казармы, крепостные эспланады¹. Государственный совет поручил военному и путейскому ведомствам переработать статьи Законов гражданских, трактующие экспроприацию. В 1898 г. Военное министерство составило свой проект поправок, имевших характер механического добавления «надобностей военного ведомства» к упоминаниям о процедурах отчуждения при сооружении железных дорог. Волокита, однако, длилась еще десять лет, пока Государственный совет не положил ей конец, остановив в 1908 г. изъятие земли под постройку двух батарей в Севастопольской крепости. Закон «Об особом порядке принудительного отчуждения недвижимых имуществ для надобностей военного и военно-морского ведомств» был утвержден 15 января 1910 г. (СУ. 1910. Ст. 134).

В путейском ведомстве между тем работа продолжалась. В 1901—1903 гг. состоялось 27 заседаний «Особого совещания по пересмотру постановлений о принудительном отчуждении имуществ». Снова привлекла внимание идея о разрешении судом споров о размере вознаграждения, отвергнутая Государственным советом в 1887 г. при рассмотрении проекта комиссии Оболенского. Опять участники

№ 27 5 февраля и 9 марта 1887 г.; утверждено общим собранием 4 мая 1887 г. (Журнал Особого совещания по пересмотру постановлений...). Против «заимствований из иностранных законодательств» в вопросах собственности Государственный совет высказался и в 1893 г.; конечно, «с установлением неотчуждаемости наделов будет несколько нарушено отвлеченное понятие права полной собственности в том виде, как оно усвоено ч. 1 т. X Св. Зак.», но Государственный совет «затрудняется» «усвоить себе существующий на западе Европы взгляд» на эти вещи (цит. по: СОГД III/1. СПб., 1907. Стб. 363. Выступление П.Н. Милюкова).

¹ Извлечение из журнала Департамента гражданских и духовных дел Государственного совета от 31 марта 1897 г. // Журнал Особого совещания по пересмотру постановлений... Разд. пагинация.

дискуссии указывали на то, что судебный порядок (или смешанный — на выбор: судебный либо административный) установлен «во всех остальных, кроме России, государствах» и что казна, отбирая себе частное имущество, не должна бы претендовать на роль защитника интересов собственника, поскольку сама же и назначает спорную оценку имущества и является в этом споре заинтересованной стороной, «даже противною стороною».

Но совещание отклонило все эти суждения, сославшись на «совершенно категорически» выраженное Государственным советом заключение «насчет нежелательности введения у нас судебного порядка». Было решено, что это «совершенно невозможно», а «нормальным» должен быть признан «существующий ныне административный порядок, при котором правительство берет на себя все заботы о справедливом вознаграждении, не вводя собственника ни в какие хлопоты и расходы». Против судебного порядка было добавлено, что «лишена всякого основания» «презумпция», будто он «совершеннее административного». Административный порядок «во всяком случае представляет не меньшую гарантию, чем судебный, в отношении справедливого разрешения дела». А главное, если недовольный владелец получит возможность выбирать, куда ему обращаться: через Государственный совет к царю — или в суд, то «будет возникать сам собою» вопрос, от кого ждать ему «более справедливого решения: от верховной ли власти или от судебных установлений», но подавать повод к такому сомнению недопустимо.

Переработав проект, Министерство путей сообщения в 1912 г. представило его в Совет министров. От ведомств опять поступили замечания, потребовавшие «подробного пересмотра» проекта, и в конце концов в нем все же появилось положение о допустимости обращения в суд. Обсуждение проекта в Совете министров состоялось 30 сентября 1916 г., причем и тут не обошлось без спора. Против предоставления собственнику права судиться выступили представители Военного и Морского министерств, а также Государственной канцелярии: создается «крайне нежелательная» «двойственность», она «значительно замедлит и затруднит для ведомств решение этих дел».

Совет министров все же признал судебный спор частных лиц с ведомствами по оценке имущества допустимым: нельзя лишить собственника права обращаться в суд. Совет министров успокоил военное ведомство сообщением о том, что «так как административный порядок... окажется на практике и более удобным, и более быстрым, то, несомненно, случаи обращения сторон к суду будут сравнительно редки». Но одобренный Советом министров проект предстояло еще провести через Думу и Государственный совет¹, а пока — до самого конца существования царизма — оставался в силе бессудный, административный способ оценки². Против вторжения суда в дела о правительственной экспроприации говорила вся традиция законодательства, относившая такие дела к числу «бесспорных» для казны, таких, кои «ведению судебных установлений не подлежат»³.

Экспроприация земель в интересах железнодорожного строительства и военного ведомства, даже когда она производилась при сопротивлении частного владельца, принципиально не означала ломки отношений собственности. В конце концов, как правило, прежний владелец не лишался своего имущества безвозмездно, а получал по меньшей мере эквивалент, «приличное» вознаграждение. Еще меньше нарушало права собственников отчуждение в казну самих частных железных дорог, развернутое с 1880-х годов. Уставами железнодорожных компаний предусматривалось право правительства через определенный срок выкупить предприятие.

Вторжение власти в сферу промышленного предпринимательства имело свои особенности. Несамостоятельность многих заводчиков, основывавших свой успех на исполнении казенных заказов, делала их собственнические претензии зыбкими, а власть по своему усмотрению либо поддерживала

¹ ОЖСМ 1916. С. 470—472.

² *Беляцкий С.А.* Частное право в основных принципах. Каунас, 1928. С. 231—232.

³ *Проект* новой редакции Устава гражданского судопроизводства. СПб., 1900. С. 3. Согласно сенатским разъяснениям, «обязанность частного лица уступить свое право собственности на необходимое для государственной или общественной пользы имущество вытекает из закона и не дает собственнику права на иск об убытках за отчуждаемую у него землю» (*Исаченко В.В.* Законы гражданские. Пг., 1916. С. 207).

и обогащала такого «капиталиста», либо, по Шишкову, могла поставить его на колени, а то и отнять предприятие. Если иметь в виду лишь последние десятилетия существования империи, то заслуживают внимания манипуляции в отношении петербургских военно-морских Обуховского и Балтийского заводов (они последовательно описаны в годовых докладах государственных контролеров царям)¹ и Александровского сталелитейного.

В обобщенном виде взаимоотношения власти с этими, а также с Невским, Коломенским, Мальцовскими, Путиловским и другими заводами представлялись правительству как неудачный опыт насаждения и последующей поддержки нежизнеспособных частных предприятий — «заводов, вызванных к жизни правительственным поощрением» и существовавших «почти исключительно казенными заказами», как писал министр финансов М.Х. Рейтерн в докладе 19 апреля 1876 г.² Со стороны предпринимателей была нечистоплотная «азартная игра в промышленность» — «попытки без всякой затраты и без всякого труда нажить миллионы». Обуховский и Балтийский заводы, писал в 1878 г. государственный контролер С.А. Грейг, показывают «печальные особенности... предприятий, возникших в последнее десятилетие. Создать дело без прочных оснований и без денег, облечь его в акционерную форму, ограничивающую личную и имущественную ответственность владельцев пределами лишь внесенных вкладов, вкладов однако ж не вносить, выпустить облигации, по коим денег не поступало, заложить эти безденежные бумаги в банках, прибегнуть к помощи кредита во всех возможных видах, прибегнуть затем к помощи правительства — ссылаясь на дурные времена, на обязанность его покровительствовать отечественной промышленности, на пользу, приносимую предприятием отечеству; добившись помощи, домогаться новых пособий и новых льгот, упорно влачить изо дня в день искусственное существование, все более и

¹ ВОГК: за 1877 г. (СПб., 1878. С. 21—24), за 1880 г. (СПб., 1881. С. 36—37), за 1881 г. (СПб., 1882. С. 33, 35—36), за 1882 г. (СПб., 1883. С. 54—55), за 1883 г. (СПб., 1884. С. 47—50), за 1884 г. (СПб., 1885. С. 51, 53—55), за 1891 г. (СПб., 1892. С. 51).

² Цит. по: *Гиндин И.Ф.* Государственный банк и экономическая политика царского правительства (1861—1892 годы). М., 1960. С. 265.

более накапливая неоплатные долги до рокового дня окончательной несостоятельности и разорения доверчивых или неосмотрительных заимодавцев, — вот общие черты многих предприятий, созданных у нас в последние годы».

Учреждение Обуховского завода, напоминал Государственный контроль, состоялось «по инициативе Морского министерства», когда оно в 1863 г. заключило по этому поводу контракт с группой предпринимателей (С.Г. Кудрявцев, Н.И. Путилов, П.М. Обухов). «Они обязывались построить завод на собственный счет и выполнять поручаемые им морским ведомством заказы собственными средствами». Но свои обязательства эти предприниматели не исполнили: «С первых же дней существования завода Морское министерство принуждено было прийти к нему на помощь не только в выполнении заказов, а даже в сооружении заводских зданий». Последовали выдачи Обухову и Путилову «пособий», миллионных беспроцентных ссуд; со своей стороны, учредителям пришлось согласиться на то, чтобы и в управлении предприятием Морское министерство «приняло непосредственное участие»; от правительства были назначены начальник завода и два члена правления (в 1883 г. представителей Морского министерства в правлении было уже большинство)¹. Переходя к таким взаимоотношениям с партнером, Морское министерство не позаботилось о том, чтобы права владельцев предприятия и казенной заводской администрации были ясно очерчены, вообще министерство «относилось уже к заводу как к предприятию не частному, а полуправительственному», а потому и «не стеснялось отпуском денежных средств на его поддержание». Завод существовал «благодаря исключительно правительственным заказам, которые оплачивались вперед... авансами» и «по весьма высоким ценам». С 1868 г. ассигнования на Обуховский завод «стали даже вноситься в смету Морского министерства»; «расчеты Морского министерства с заводом запутывались». Тем временем первые собственники предприятия уже умерли «и права их перешли к другим лицам, самое число которых в точности не известно ни

¹ Гиндин И.Ф. Государственный банк. С. 206.

Морскому министерству, ни правлению завода», говорится в отчетах Государственного контроля.

Существование этой проблемы осознавалось правительством как неопределенность в отношениях казны с «частными лицами, считающими себя участниками в предприятии». Недостаток такого понимания вещей заключался в том, что эти частные лица не только «считали себя» владельцами паевого товарищества, но и действительно владели им по праву. Несмотря на то что была в точности исчислена вся незначительность сделанных частными владельцами вложений собственных средств (по сравнению с казенными вливаниями: на 1 мая 1877 г. соотношение 47 : 366), этому подсчету противостоял неоспоримый факт — их паи принадлежали им, а не казне. «С юридической стороны, — признавало Морское министерство, — все права на принадлежность им имущества и капиталов завода на их стороне»¹.

Вместо того чтобы распутывать узел, власть стала склоняться к мысли разрубить его в духе Шишкова—Мордвинова. 8 июля 1868 г. Александр II, давая разрешение проводить расходы Обуховского завода через морскую смету, повелел считать, что вследствие «таковых выдач» «завод уже не может считаться вполне частным предприятием» (мысль, сформулированная во всеподданнейшем докладе великого князя Константина Николаевича, утвержденном 8 июля), и потребовал доложить, «в какое отношение должен быть поставлен этот завод к Морскому министерству и какое участие в делах его может быть оставлено частным учредителям».

Образованная во исполнение царского повеления комиссия вскоре увидела, что дело не так просто: «приобрести в полную собственность казны» Обуховский завод, «ввиду его государственного значения, было бы желательно», но «немедленное приведение этой меры в исполнение встретилось бы со многими затруднениями». Утверждая, что, ввиду понесенных затрат на поддержание Обуховского завода, «в сущности правительство является главным собственником» его, Государственный контроль закрывал глаза на юридическую сторону дела. Юридическое совещание

¹ Цит. по: *Лаверычев В.Я.* Государственный капитализм в пореформенной России // История СССР. 1982. № 1. С. 22.

в 1881 г. не признало обоснованным «право казны как собственника завода». Характер выявившихся затруднений виден из того, каким путем пришлось их преодолевать.

В январе 1883 г. «представился случай» выкупить у владельцев (наследников Кудрявцева) треть паев Обуховского завода, по 11 500 руб. за пай, и, таким образом, только теперь правительство действительно стало собственником завода, но не главным, а лишь на одну треть, и Александр III утвердил это приобретение, состоявшееся «на выгодных для казны условиях». В октябре 1883 г., казалось, представился еще один «случай» купить часть паев, но, даже запросив цену 27 тысяч рублей за пай, владельцы на сделку все же не пошли, а затем, когда министерство снова попыталось купить пай (35 паев, то есть чуть больше трети), цена была доведена до 33 и 60 тысяч рублей за пай. А пока ведомства вникали в юридические и финансовые вопросы, две трети паев, остававшиеся у «прочих участников», «собрались в одних руках, и обладатель их предъявил свои права на участие в делах и прибылях» завода, что сразу поставило правительство перед необходимостью, не ожидая, когда товарищество погасит остаток долга казне по ссудам, положить конец «спекулятивной игре»¹. Приостановив дальнейшую скупку паев, Комитет министров решил разобраться с тем, нельзя ли и без этого построить управление заводом так, чтобы оно «наиболее отвечало бы видам правительства», а с волей «правопреемников частных учредителей» можно было бы не считаться. Царь утвердил это решение 2 декабря 1883 г., и была назначена междуведомственная комиссия под председательством генерал-адъютанта Н.Н. Обручева.

Данное ей поручение — разработать проект Положения об управлении Обуховским заводом — комиссия Обручева исполнила в июле 1884 г. Комиссия взяла за основу тот порядок управления предприятием, который уже сложился за 20 лет и отличался в лучшую сторону от излишне формальных принципов на казенных заводах. В подходе же к роли

¹ РГВИА. Ф. 400. Оп. 21. Д. 1371. Л. 52—55 об., 3—5. Журнал Комитета министров, 22 и 29.XI.1883, утвержденный Александром III 2.XII. В данном деле собраны документы об учреждении товарищества и развитии его отношений с правительством; *Колчак В.* История Обуховского сталелитейного завода в связи с прогрессом артиллерийской техники. СПб., 1903. С. 144.

в будущем управлении Обуховским заводом «частных лиц, являющихся представителями прав бывших учредителей», комиссия основывалась на невысокой оценке пользы от их участия. «Комиссия признала, что завод этот обязан своим учреждением главным образом правительству и доведен до настоящего удовлетворительного состояния средствами казны и трудами лиц, служащих в морском ведомстве, без всякого почти содействия частных предпринимателей (роль Обухова, решившего основную техническую задачу по изготовлению стали, пригодной для орудий, оказалась забытой. — В. П.); поэтому участие частных лиц в управлении Обуховским заводом... совершенно не нужно», а «может оказаться даже вредным» — «при решении таких вопросов, где интересы казны противоположны интересам прочих участников».

Едва завладев третью паев предприятия, правительство, таким образом, вознамерилось отстранить от влияния на ход дела всех этих «прочих участников», хотя им-то в действительности и принадлежало предприятие. Вопрос для комиссии заключался лишь в том, какую долю возможных доходов допустимо выплачивать собственникам — если им будет позволено остаться совладельцами предприятия, либо сколько уплатить единовременно — если состоится полный отъем. Одни члены комиссии считали, что в том и другом случае при исчислении долей казны и «прочих участников» следует исходить из соотношения 10 : 1, другие — 3 : 1. Правительству комиссия советовала совсем «освободить завод от участия частных лиц возможно скорее». Доля частных лиц в собственности Обуховского завода должна была быть «отчуждена в пользу казны путем экспроприации, а если бы они не согласились на получение той суммы, какая будет определена правительством, то за ними остается право предъявить иск судебным порядком»¹. В марте 1885 г. Комитет министров

¹ Специальное юридическое совещание признало, что «на основании действующих узаконений» нельзя завладеть имуществом без «взаимного согласия договорившихся сторон», а «всякий спор о праве гражданском подлежит разрешению судебных установлений». Это — по силе «действующих узаконений». Однако «в делах, касающихся имущества частного лица, силу закона может иметь Высочайшее повеление за собственноручным Высочайшим подписанием» (РГВИА. Ф. 400. Оп. 21. Д. 1371. Л. 73. Журнал совещания, 19.I.1881).

поручил Морскому министерству «испросить через Государственный совет применение к данному случаю порядка отчуждения имуществ в казну по распоряжению правительства». В пересказе члена Комитета А.А. Абазы, на заседании морской министр И.А. Шестаков и Обручев заявляли, что «пай эти ничего не стоят и должны быть отняты у предпринимателей даром». Абаза изумлялся: «Ничего подобного не происходит даже в Турции»¹. 1 февраля 1886 г. царь утвердил Положение Комитета министров об управлении Обуховским заводом; этим и закончилось существование предприятия в статусе частного владения. В 1890 г. для расчета с пайщиками Государственный банк выдал правлению 2,8 млн руб. — якобы в виде ссуды, которая была списана в убыток в 1906 г.²

Таким образом, задавшись целью сделать Обуховский завод казенным, правительство первоначально действовало с соблюдением права собственности, не нарушая интересы владельцев: сохраняло их формальную роль в управлении, добивалось изменения состава собственников путем коммерческой скупки паев. Когда же, преодолев треть пути, оно сочло дальнейшие затраты на продолжение выкупа паев чрезмерными, то стало на путь принудительного отчуждения («основной признак» — односторонняя, определяемая казной оценка «действительной стоимости имущества»³). Коммерческим приемам правительство предпочло административный нажим вплоть до царского повеления. Не получилось добровольной уступки, сделки двух равноправных собственников, хотя все же пришлось провести тяжбу через Сенат: «По решению Сената, куда перешло дело, морское ведомство уплатило за каждый предъявленный пай около 70 тысяч рублей»⁴.

Более гладко прошла ликвидация акционерного общества Балтийского завода, тоже сильно задолжавшего казне и существовавшего лишь благодаря казенным поставкам и поодачкам. Согласно одобренному царем 1 мая 1884 г. мнению Государственного совета, эта операция проводилась не столько с

¹ *Дневник* государственного секретаря А.А. Половцова. М., 1966. Т. 1. С. 300, 522. В источнике, вероятно, описка: «приобретателей» вместо «предпринимателей».

² Гиндин И.Ф. Государственный банк. С. 206—207.

³ ОЖСМ 1915. С. 514.

⁴ Колчак В.И. Указ. соч. С. 144—145.

целью вернуть казенный долг, сколько именно для того, чтобы обратить Балтийский завод в собственность правительства.

По заключению государственного контролера, английское Общество Балтийского завода, которому Морское министерство передало завод после банкротства в 1871 г. основателей предприятия (опять же англичан), тоже «было обречено на гибель, с самого начала все было в нем фиктивно», и оно существовало только благодаря тому, что «действует на казенные деньги и правление состоит из членов, Морским министерством назначаемых». Завод «утратил существенные признаки частного предприятия», потому что частные предприятия «учреждены и действуют на капиталы, принадлежащие частным лицам, управляются — непосредственно или через уполномоченных — самими владельцами, несущими на себе риск и, следовательно, близко заинтересованными в деле» и, наконец, подвержены «всем условиям свободного состязания». Балтийский же завод считался частным лишь «по одному названию». К тому же половина акций принадлежала Морскому министерству, купившему их в целях оказания обществу поддержки.

Располагая половиной акций, Морское министерство к 1877 г. получило возможность «устранить прежних распорядителей» и составить правление «из лиц, подчиненных Морскому министерству или им избранных», а затем с согласия царя (4 апреля 1877 г.) финансовое и морское ведомства занялись изучением вопроса «о том, что, в интересах флота и государственного казначейства, выгоднее — приобрести ли Балтийский завод в казну или поддержать существование его как завода частного».

В данном случае, как и в опыте с Обуховским заводом, Государственный контроль, утверждая, что Балтийский «утратил существенные признаки частного», заведомо отвлекался от действительных отношений собственности (частным лицам принадлежало в 1881 г. не менее 15% акций)¹, их, от-

¹ См.: Гиндин И.Ф. Государственный банк. С. 206. После преобразования Английского общества в Русское Балтийское железодельное и механическое из 10 тыс. его акций морскому ведомству в 1871 г. принадлежали 8405 (Шевырёв А.П. Русский флот после Крымской войны. М., 1990. С. 150).

ношения собственности, как раз и следовало, по его заключению, пересмотреть. 17 августа 1880 г. (дата утверждения Александром II) Особое совещание поручило введенному в состав правления представителю Государственного контроля «совместно с правлением Балтийского общества (в большинстве — чиновниками Морского министерства. — *В. П.*) разработать способ ликвидации настоящего общества и взятия завода в казенное управление». Они решили оформить ликвидацию общества путем приобретения казной «всех остающихся в обращении акций и облигаций» с последующим созывом общего собрания акционеров специально для того, чтобы вынести постановление о ликвидации.

1 мая 1884 г. царь утвердил мнение Государственного совета о выкупе акций и облигаций, причем это обошлось «без [новых] больших затрат», поскольку числившийся за заводом долг казне был в значительной части якобы обеспечен залогом облигаций в Морском министерстве (хорошее же обеспечение!). Созванное после этого собрание акционеров, как и намечалось, «постановило ликвидировать дела Общества», а в состав ликвидационной комиссии избрало «исключительно чинов морского ведомства». Ликвидационная комиссия составила баланс общества на 1 января 1891 г. — с таким дефицитом (3,7 млн руб.), что частным владельцам недовыкупленных акций уже не причиталось «никакого вознаграждения из имущества Балтийского завода». По указанию контрольного и морского ведомств комиссия снова провела общее собрание акционеров, окончательно ликвидировавшее общество.

Опыт с экспроприацией Балтийского завода, фактического банкрота, был, таким образом, проведен уже без явного покушения на права частных владельцев и в то же время без существенных новых издержек на вознаграждение прогоревшего собственника. С этой стороны он был поучителен.

В июле 1901 г., в условиях кризиса, в ходе кампании по спасанию пошатнувшихся предприятий, Николаю II было доложено, что дела «Общества Александровского сталелитейного завода» (артиллерийского по основной специализации) пришли в расстройство и, возможно, придется его ликвидировать. С.Ю. Витте в январе 1902 г. предложил

перевести завод в собственность Государственного банка (основного кредитора), а затем передать его Обуховскому казенному заводу. Приобретение Александровского завода могло пойти двумя путями. Следовало либо выкупить акции общества, либо объявить его несостоятельным, но второй путь Витте считал «неудобным» — не только потому, что это произвело бы «неблагоприятное впечатление на биржу», но и из понятий приличия: Государственный банк, «будучи учреждением правительственным, лишен возможности осуществлять свое формальное право [кредитора] из-за опасения нарушить интересы частных лиц».

Комитет министров санкционировал выкуп обесценившихся акций, как и предлагал Витте, за 8% их номинальной стоимости, но также разрешил — в случае несогласия акционеров удовлетвориться таким размером компенсации — все же объявить общество несостоятельным. Акционеры действительно заупрямились, и общество подверглось ликвидации (конкурсное управление состояло в основном из представителей Государственного банка и по одному — от прочих кредиторов и от правления общества), а сам завод перешел в конце 1903 г. в собственность Государственного банка и затем был передан Обуховскому заводу¹.

Здесь, как и в примере с Балтийским заводом, правительство проявило готовность в какой-то мере учесть «интересы частных лиц», а когда акционеры не согласились на 8%, привело в действие свое «формальное право» кредитора. И на этот раз, в отличие от опыта с Обуховским заводом, удалось проделать экспроприацию без судебной тяжбы и с минимальными издержками.

Таким образом, правительства трех последних императоров испытали разные способы экспроприации промышленных предприятий. Сановники вдумчиво и осторожно пользовались «европейскими» нормами, стараясь по возможности воздерживаться от идеологически, казалось бы, обоснованного откровенно репрессивного подхода к правам недобросовестных или неспособных партнеров. Опыт-

¹ См.: Гиндин И.Ф. Антикризисное финансирование предприятий тяжелой промышленности (конец XIX — начало XX в.) // Исторические записки. 1980. Т. 105. С. 122—124.

ным путем удалось выработать настолько совершенную процедуру отъема, что явного вторжения в собственнические права не требовалось: чуть ли не само собой выходило, что собственник так или иначе утрачивал свое право (продавал свои паи или акции, оказывался банкротом), и его завод переходил к казне. Не получилось, правда, с Обуховским заводом: пришлось дорого заплатить собственникам.

По сравнению с этим ограничения, касавшиеся наделных крестьян, выглядят более существенным нарушением прав собственности: в их имущественном праве, сословном по социальному качеству, изначально отсутствовало по меньшей мере одно из трех основополагающих, с точки зрения классической теории, начал собственности (владение, пользование, распоряжение): свобода распоряжения своим имуществом. «Личный собственник, по смыслу закона, властен распоряжаться своей землей... он может прикупить себе земли, может заложить ее... может, наконец, продать ее», — разъяснял права крестьянского сословия Столыпин. Но тут же напоминал, что установлены и «известные ограничения» и «стеснения»; «и мы, гг. ... ограничения эти сохраняем: наделная земля не может быть отчуждена лицу иного сословия; наделная земля не может быть заложена иначе, как в Крестьянский банк; она не может быть продана за наличные деньги; она не может быть завещана иначе, как по обычаю»¹. Не только продать по своему усмотрению, но и вообще как-либо расстаться со своим имуществом (наделом) крестьянину мешали, по закону, юридические рогатки, далекие от коренных принципов «римского» права (вплоть до запрета реализовать свое намерение, свою волю отказаться владеть имуществом).

Но и в отношении собственников промышленных заведений тот же принцип свободы распоряжения имуществом подвергался ограничению — по национальному и вероисповедному принципам. В 1870—1880-х годах правительство постепенно распространяло на все акционерные компании запрещение допускать участие евреев (как и иностранцев) в управлении предприятием. Кроме того, лицам иудейского

¹ Столыпин П.А. Полное собрание речей в Государственной думе и Государственном совете. М., 1991. С. 176—177. Речь в Думе, 5.XII.1908.

вероисповедания не разрешалось участвовать в капиталах предприятия, если у него свыше 200 десятин (или если оно арендует эту землю на срок более 12 лет). Всё новые ограничения по составу акционеров и администрации распространялись постепенно на другие категории акционерных компаний, что привело к громким скандалам после оформления совокупности стеснений в виде специальных секретных правил, утвержденных Николаем II 18 апреля 1914 г. Совет министров 24 мая 1916 г. фактически отклонил более либеральный в этом вопросе проект «Нормального устава», подготовленный в Министерстве торговли и промышленности для упрощения процедуры регистрации новых компаний¹. Центральный пункт секретных правил 1914 г., казавшийся промышленникам и банкирам неприемлемым (право акционерного общества владеть не более чем 200 десятинами земли, иначе евреев из администрации — вон), неуклонно соблюдался. В этом отношении на «еврейском» направлении еще до войны были предвосхищены те достижения правовой мысли, что были вскоре обращены против «неприятельских» собственников. В довоенное время правительство опасениями за безопасность военных предприятий объясняло ограничения, направленные против участия немцев в капитале и администрации заводов, поставлявших порох и взрывчатые вещества, однако было вынуждено идти на уступки, делая исключения, либо пыталось влиять на собственников, выставляя фильтрацию личного состава условием предоставления казенных заказов. При этом было вполне осознано, что всякие такие меры вредят приливу в отрасль иностранных капиталов («затрудняют реализацию складочного капитала») — при недостатке русских. Но с созданием под Самарой новых казенных заводов у военных властей прибавилось уверенности, и в 1910 г. явилось убеждение в том, что затруднение с приливом капиталов «едва ли может иметь существенное для интересов государства значение», так как теперь, пополняя боевые запасы, военное ведомство «в состоянии будет удовлетворять свою потребность во взрывча-

¹ См.: Шепелев Л.Е. Акционерные компании в России. Л., 1973. С. 122—125; *Власть и реформы*. СПб., 1996. С. 561—562; ОЖСМ 1916. С. 223—224, 184—186.

тых веществеах собственными средствами, не прибегая к услугам частной промышленности»¹.

Новые возможности усечения прав собственности открылись с началом мировой войны, когда образовалась еще одна категория неполноправных собственников — неприятельские подданные. Но репрессии распространялись и на «русских подданных из германских, австрийских или венгерских выходцев», и на «бывших подданных Германии, Австро-Венгрии или Турции, а равно их потомков». Исключение делалось для «лиц, удостоверивших... свою принадлежность к православному исповеданию» до 1914 г. или «к славянской народности» по крови, от природы². Как видно из доклада Министерства внутренних дел Совету министров от 10 октября 1914 г., сущность поставленной себе правительством задачи сводилась к «необходимости» вновь³ юридически обо-

¹ ВПР. Т. 1. С. 374—377.

² СУ. 1915. 20 декабря. № 366. Ст. 2749. Циркуляром МВД в начале ноября 1916 г. предписывалось удалять «неприятельских выходцев» со службы в акционерных обществах, имеющих право приобретать внегородскую недвижимость (*Линдеман К.Э.* Прекращение землевладения и землепользования поселян-собственников. Указы 2 февраля и 13 декабря 1915 г. и 10, 15 июля и 19 августа 1916 г. и их влияние на экономическое состояние южной России. М., 1917. С. 105). Слово «выходцы», употребленное в указе в применении к русским подданным, сильно озадачило пунктуального немца (Там же. С. 17, примеч. 2).

³ В 1874 г. колонисты-немцы были переименованы в «поселян-собственников» и на них было распространено общее положение о крестьянах и закон о воинской повинности. «Резкий перелом во всех предыдущих взглядах правительства» на «германскую угрозу» в землевладении произошел, по утверждению МВД, с 1885 г., когда была образована «для исследования вопроса» особая комиссия, и эту линию правительство лишь временно ослабило в 1905 г., но с 1910 г. оно было «вновь озабочено» этим вопросом, избегая, по внешнеполитическим соображениям, упоминаний в официальных документах (ГАРФ. Ф. 596. Оп. 1. Д. 55. Л. 2—4). В 1910—1912 гг. при министрах внутренних дел П.А. Столыпине и А.А. Макарове правительство дважды вносило в Думу законопроект об ограничении немецких колонистов в правах владения и пользования принадлежащими им землями, о лишении прав внегородского землевладения (покупка, аренда, наследование) всех лиц иностранного происхождения и немецких поселян в трех западных губерниях (Киевской, Волынской, Подольской; затем была добавлена Бессарабская) и оба раза до обсуждения забирало его назад «для дальнейшей его разработки»; она как раз и закончилась изданием указа 2 февраля 1915 г. Подробно история вопроса и практика применения репрессивного законодательства изложены в указанной работе профессора Петровской сельскохозяйственной академии (на 1917 г. — «бывшего») К.Э. Линдемана.

собрать иностранных поселенцев — русских подданных... в смысле... сужения их гражданских прав», так, чтобы в конечном счете «германское» землевладение было «до возможных пределов ликвидировано». Предполагалось, что имущество будет не отобрано у «немцев» безвозмездно, а «приобретено на условиях, напоминающих общий порядок принудительного отчуждения для государственных целей»¹. В случае, если бывший владелец не соглашался с заниженной, по его мнению, оценкой переходящего к Крестьянскому банку имени, он мог жаловаться, но не в суд, а в Сенат, где дело разрешалось «окончательно»². Совет министров с удовлетворением отмечал, что тем самым «интересы собственника находят себе полное ограждение», и в то же время — что таковое обжалование будет, «как сказано, бесцельным»³. Действительно, к тому времени Сенат представлял собой послушное орудие правительства и «способствовал проведению правительственных планов, расходящихся с законами... создавая новые толкования ранее имеющихся актов, противореча собственной ранее сложившейся практике, но открывая пути новым правовым решениям»⁴.

Анализ законов о ликвидации «германского» землевладения тогда же показал, что они «существенно подрывают коренные устои нашего гражданского права». Во-первых, оценка отбираемого имущества была предоставлена «безграничному усмотрению» Крестьянского банка, без судебной гарантии интересам прежнего владельца и третьих лиц. Во-вторых, был отменен принцип немедленной уплаты (вместо него — выплата по 4,5% в течение 25 лет). В-третьих, владелец получал за отобранное имущество не деньги, а «именные билеты» Крестьянского банка, реализовать которые не было возможности (владельцы не имели права этими бумагами расплачиваться, завещать их или вообще кому-либо переда-

¹ Линдемман К.Э. Указ. соч.; Соболев Г.Л. Тайный союзник. Русская революция и Германия. 1914—1918. СПб., 2009. С. 64—65.

² СУ. 1915. 20 дек. № 366. Ст. 2749.

³ ОЖСМ 1915. С. 517—519.

⁴ См.: Правилова Е.А. Административная юстиция в пореформенной России // Санкт-Петербургское научное общество историков и архивистов. Ежегодник. СПб., 1997. С. 190—192; Ковальчук М.А., Тесля А.А. Указ. соч. С. 16—17.

вать)¹. Установленный таким образом порядок расчета с бывшим владельцем проясняет, какими воззрениями руководствовалось в 1906 г. правительство, заменяя в формуле о собственности из французской революционной «Декларации» 1789 г. «справедливое и предварительное возмещение» на отечественное «справедливое и приличное вознаграждение».

Совет министров, стараясь придавать подобным операциям видимость чуть ли не коммерческой сделки, плодил юридические фикции. Возникшие в 1915 г. в Совете министров разногласия по вопросу об оформлении мер против нежелательных землевладельцев (меньшинство министров предлагало откровенно проводить «возмездную конфискацию») показывают, что правительство стремилось не создать поводов для истолкования своих действий как «простого отобрания земель... по принудительной оценке», то есть «принудительного отчуждения в чистом его виде». Чтобы не появлялось почвы для жалоб, процедуру было решено обставить как всего лишь «присвоение Крестьянскому банку права преимущественной покупки». Банк будет «приобретать» отбираемые земли «по предложенной за них вольным покупщиком цене или по [цене,] определившейся на торгах». Торговая сделка, и ничего больше: собственник продает по цене, принятой покупателем, просто вместо одного покупателя ему уплатит ту же цену другой (на что тут жаловаться?) — Крестьянский банк. Однако если банк усмотрит, по его понятиям, «явно недобросовестное поднятие цены имуществ при добровольной сделке либо на торгах» — он воспользуется издаваемым законом и возьмет эти земли «по их действительной стоимости», а определять ее будет местное отделение самого же Крестьянского банка.

Для того чтобы вся процедура не выглядела как конфискация, ей был придан, таким образом, вид «добровольной сделки или покупки на торгах». Вообще вся операция выпол-

¹ Давыдов А.С. Законы 2 февраля и 13 декабря 1915 г. о ликвидации немецкого землевладения // Право. № 14. 1916. 8 апреля. С. 851—856. Лишь «некрупным» (до 50 десятин) землевладельцам разрешалось выдавать билеты, «имеющие свободное обращение», но на сумму, не превышавшую 20% общего размера выкупа (ОЖСМ 1915. С. 521, 532).

не по-шишковски именовалась «добровольным отчуждением недвижимого имущества» (примерно как в 1861 г. помещики «добровольно» поступились частью своих земель¹), а принуждение рассматривалось как ее вторая фаза; она начиналась по истечении отпущенного собственнику на размышление срока (6—10 месяцев)².

На местах «правоприменительная практика» на этом не останавливалась, шли в ход «турецкие приемы». Ссылаясь на приказ Верховного главнокомандующего³, временный генерал-губернатор в Одессе генерал М.И. Эбелов предписал подчиненным ему начальникам губерний не разрешать никаких сделок по продаже немецких земель в частные руки, а «совершенные уже в отношении продажи земель евреям» — отменить⁴. Тем самым военные власти по своему усмотрению «исправили» уже изданный закон⁵. Со своей стороны

¹ Главноуправляющий землеустройством и земледелием Б.А. Васильчиков припоминал, что в 1906 г. левые в I Думе, обосновывая принудительное отчуждение помещичьих владений «для разрешения аграрного вопроса», имели верное основание ссылаться на прецедент 1861 г., и правительству «трудно было доказывать» их неправоту. Поэтому в тот момент оно предпочло «занять иную позицию» и выдвигало в качестве довода не «юридическую неприменимость» принудительного отчуждения, а «точку зрения нецелесообразности» (*Васильчиков Б.* Воспоминания. М.; Псков, 2003. С. 220).

² ОЖСМ 1915. С. 517—518, 527, 523, 529; ОЖСМ 1917. С. 99: «Русским подданным из германских, австрийских или венгерских выходцев предоставляется в установленный настоящими правилами срок отчудить по добровольным соглашениям свои недвижимые имущества... Не отчужденные в предоставленный для сего срок по добровольным соглашениям... продаются с публичного торга» (ОЖСМ 10 и 20 января 1917 г.), причем, возможно, «и ниже оценки» (ОЖСМ 1915. С. 524). Так же и при ликвидации торгово-промышленных «немецких» предприятий Совет министров считал правильным не придавать «преобладающего значения» тому, «сколько получат за отчуждаемое предприятие акционеры». Важно, чтобы были обеспечены «государственные и общественные интересы» (ОЖСМ 1916. С. 98).

³ В мае 1915 г. верховный главнокомандующий великий князь Николай Николаевич предписал «немедленно приостановить все сделки по продаже земель немецких колонистов в частные руки и отменить совершенные уже продажи евреям» (*Раупах Р.Р.* *Facies hippocratica* (Лик умирающего). СПб., 2007. С. 85—86).

⁴ *Линдеман К.Э.* Указ. соч. С. 29, 99, 326.

⁵ Как отмечал Раупах, 100 тыс. колонистов были высланы из юго-западных губерний и потому личного участия в продаже своих земель принимать не могли. Первенствующее место среди покупателей занял Крестьянский банк. «Скупая земли в 3—4 раза ниже их рыночной

Государственный банк «в тех же целях ускорения ликвидации» нежелательного землевладения предложил своим провинциальным отделениям не выдавать колонистам никаких ссуд под хлеб, а земельным банкам — не присуждать никаких льгот по заложенным им землям. В условиях, когда многие из собственников находились на фронте и не имели возможности внести проценты по ссудам, они по этой причине лишались своих земель, а Крестьянский банк стал на крайне выгодных условиях продавать спекулянтам «образцовые во всех отношениях хозяйства в плодороднейших губерниях и благодатном Крыму», писал Раупах.

Новые нормы нарушают «самые священные основы права», как оно отражено в Основных законах, писал современник-юрист, причиняют владельцам собственности «вред и убытки», да еще и «закрывают путь законного удовлетворения и восстановления попранных прав». Введен «совершенно новый вид отчуждения, не соответствующий установленному в Основных законах и нарушающий их». В целом это — мера репрессивная «не только в отношении к “немецким” землевладельцам, но и в отношении массы не “немцев”, единственная вина которых состоит в том, что они верили в русскую законность и в незыблемость нашего гражданского правоотношения»¹. Р.Р. Раупах обращал внимание на то, что действие закона распространялось не на всех обывателей, а только на крестьян и таких лиц, какие «по быту своему от крестьян не отличаются»; в ином положении оказывались те немцы-дворяне и купцы, кто вовремя управился принять православие либо имел среди членов семьи участвовавшего в войне офицера (но не солдата) или добровольца. В угоду высшему начальству местные власти включали в составляемые ими ликвидационные списки «уже не только немецких колонистов, но и всех вообще крестьян лютеранского вероисповедания с иностранными фамилиями». При этом

стоимости, банк прежде всего удерживал из вырученной суммы выданные им под эти земли ссуды, и так как размеры последних определялись рыночной ценой земли, то владельцы тех земель, которые были заложены, часто не только ничего не получали, но еще и оставались должниками банка, а те, кому что-то все-таки причиталось, могли получить лишь 4,5% годовых.

¹ Давыдов А.С. Указ. соч. С. 851—856.

самые крупные имения, принадлежавшие немецким дворянам, ликвидации не подлежали.

С полным основанием Раупах из всей истории законов о ликвидации и направленности их действия делал заключение, что эти законы «ничего общего ни с опасностью немецкого засилья, ни с интересами русского крестьянина не имели», а мотивы законодателей читались по их чековым книжкам: «Люди, стоявшие у власти, менялись, но аппетиты тех общественных групп, которые захватом корейских лесных концессий уже раз втянули страну в войну с Японией, аппетиты эти оставались все теми же»¹.

Правительство уделяло столь же серьезное внимание и нежелательным собственникам торгово-промышленных предприятий. В ряду мер против «германцев» на протяжении войны применялся секвестр, первоначально понимаемый как временное изъятие предприятия (имения) из рук частных собственников и передача его в управление чиновникам. За месяц с 7 октября по 14 ноября 1914 г. на шести заседаниях² Совет министров рассматривал предложения военных властей о репрессиях против «неприятельских подданных», владевших предприятиями: одни из этих предприятий закрыть до конца войны, другие же, «кои могут быть использованы в военных целях», секвестровать. Совет министров высказался против «насильственных» «огульных» мер в отношении собственности «пребывающих в России мирных подданных» Германии и Австро-Венгрии. Такие меры, «не согласные с общепринятыми международными обычаями», грозили бы «нежелательными последствиями» из-за «неблагоприятного для России впечатления» в нейтральных государствах. Да и невозможно, полагал Совет министров, избежать тяжелых хозяйственных потрясений, если разом остановить деятельность принадлежащих немцам предприятий. Невозможно и практически взять их «в казенное ведение» или передать «в русскую эксплуатацию». Так что приходилось держаться «общего принципа» неприкосновенности «частной и коллективной собственности неприятельских подданных» и

¹ Раупах Р.Р. Указ. соч. С. 85—89.

² ОЖСМ 1914. С. 427—430, 504—512.

«по возможности» не прибегать к секвестру или конфискации.

Но, отказываясь от «огульных» решений, правительство согласилось «пересмотреть... ранее принятый им взгляд на положение неприятельских подданных в России» и наметить «путь дальнейших действий». Министерству торговли и промышленности Совет министров поручил «произвести теперь же всестороннее обследование» германских и австрийских предприятий. На создаваемую специальную междуправительственную комиссию возлагалось также «обсуждение общего вопроса о взятии во временное распоряжение правительства для надобностей военного ведомства заводов, фабрик и иных заведений».

Российской «правовой доктрине» вновь предстояло проявить себя в качестве «реального правотворящего фактора», двинуться к новым горизонтам «по пути разработки юридических институтов»¹. Совет министров поставил задачу подыскать правовые аргументы, позволявшие изобразить намечаемую экспроприацию «немцев» как рядовую меру контроля, применяемую и по отношению ко всем вообще предприятиям: вводилась ссылка на уже действующие правила о взятии во временное распоряжение правительства предприятий, обслуживающих нужды военных ведомств. В этих правилах, появившихся 4 сентября 1914 г., говорилось о заведениях, уклоняющихся от первоочередного исполнения военных и морских заказов, причем иностранные предприятия в этом отношении никак не отделялись от русских. Этот, на всех вообще заводчиков распространенный, контроль был представлен теперь как основание для того, чтобы в каждом отдельном случае (не «огульно») выяснять, «какие именно предприятия неприятельских подданных, признанные подлежащими закрытию», могли бы быть у них отобраны «в порядке правил о взятии во временное распоряжение правительства».

Министры с завистью отметили то «большое впечатление», какое произвело откровенное издание в Англии и Франции «особого закона» о запрете в этих странах «герман-

¹ Ковальчук М.А., Тесля А.А. Указ. соч. С. 155.

ской и австрийской торгово-промышленной деятельности», чего не могло себе позволить российское правительство. Совет министров решился на постепенную ликвидацию лишь торговых, но не промышленных фирм. Приходилось считаться с тем, что предлагаемое ущемление «ограждаемых общими законами гражданских прав германцев и австрийцев» затронет слишком «существенные стороны нашего государственного и экономического быта» и грозит слишком «глубокими потрясениями в хозяйственной жизни страны». Но главное опасение вызывала даже не неустойчивость «хозяйственной жизни», а то, что «огульное колебание принципа неприкосновенности частной собственности... при наличии известных настроений в некоторой части населения» повлечет за собой «неисчислимые последствия в общем ходе государственной жизни»¹. Это напоминание о пугачевщине, высказанное точно в такой же связи еще Мордвиновым, объясняет, почему любые свои посягательства на «священную и неприкосновенную» частную собственность власть трусливо старалась запрятать в оболочку, сотканную из обрывков привычных норм. На эту сторону дела указывали и немецкий эксперт (указы «потрясли понятие собственности и нарушили ясность правосознания!»), и оппозиция: «Вы, которые стоите за принцип священной частной собственности... Вы являетесь разрушителями не только принципа частной собственности, но даже основ права и справедливости», — говорил с думской трибуны в июне 1916 г. А.Ф. Керенский, а социал-демократ добавлял, что эту тему его фракция с удовольствием во всех подробностях разовьет при утверждении чрезвычайного указа Думой². 6 февраля 1917 г. указы о зем-

¹ ОЖСМ 1914. С. 513—518, 620—622; *Дякин В.С.* Первая мировая война и мероприятия по ликвидации так называемого немецкого за-
силья // *Первая мировая война. 1914—1918.* М., 1968. С. 230—231.

² *Линдеман К.Э.* Указ. соч. С. 89. Линдеман рассказал о своей беседе с крестьянами в Орловской губернии. Они «говорили мне, что у [министра внутренних дел] А.Н. Хвостова, близ Ельца, большие земли, а между тем он получает очень хорошее жалованье, и зачем ему эта земля. Вот бы эту землю отдать нам». Линдеману было ясно, что отобрание немецких земель «неизбежно разнуждает народные аппетиты и со временем послужит прецедентом, когда эти аппетиты... будут направлены на поглощение земельных владений других групп русских граждан» (Там же. С. 41, 340).

левладении «неприятельских выходцев» были распространены еще на 10 губерний и областей и несколько уездов.

Не укладывавшаяся в рамки «буржуазного» права кампания против «германской» собственности внешне до последней возможности оформлялась, прикрывалась использованием технических процедур продажных сделок. Как и при «отобрании» земельной собственности, при экспроприации промышленных заведений правительство лицемерно изображало удаление законных владельцев (под угрозой ликвидации) по-шишковски «добровольным» выходом — настолько добровольным, что если они уйдут, то «самые условия, вызвавшие необходимость закрытия сих предприятий, должны почитаться устраненными»¹. В том же духе вся операция именовалась «приобретением ликвидируемого предприятия его совладельцами — русскими подданными».

Тенденция, направленная против собственнических прав нежелательных иностранцев, пробивала себе путь с такой силой, что руководила устремлениями даже тех сановников, которые из практических соображений сопротивлялись расправам с иностранными специалистами и признавали добросовестность работы «германских» фирм на армию и флот. Морской министр Григорович взял под свою защиту двух обвиненных в саботаже инженеров и вообще высказался против репрессий в отношении Всеобщей компании электричества и фирмы «Сименс—Шуккерт». Но тут же представил на рассмотрение правительства ряд общих мер, в том числе: 1) «предложить обществам переработать свои уставы» так, «чтобы и после войны хозяевами дела были безусловно русские участники предприятия, а иностранцы не могли бы иметь возможности направлять деятельность обществ по своему усмотрению», 2) «проекты переработанных таким образом уставов внести на общее собрание акционеров», 3) «если проекты эти не будут одобрены общим собранием акционеров, то наложить на эти общества секвестр»².

¹ ОЖСМ 1915. С. 192.

² РГВИА. Ф. 369. Оп. 16. Д. 204. Л. 14—15 об. Григорович — Горемыкину, 11.I.1916.

В конце 1916 г. и Министерство торговли и промышленности предложило придавать ликвидации «германских» акционерных обществ видимость самореорганизации. Для этого «наличная группа» русских акционеров наделялась правом — «в тех случаях, когда нет никаких данных предполагать сохранение связи русских совладельцев с их компаньонами — подданными враждебных держав» — получить предприятие в свои руки путем устранения из состава акционеров «неприятельских» подданных. Предполагалось, что «наличные» акционеры («неприятельские», естественно, никак не могли оказаться в наличии) проведут «общее собрание», которое примет решение закрыть компанию и передать ее имущество специально создаваемому новому обществу, без участия прежних компаньонов из числа «вражеских» подданных. Такой способ перераспределения собственности и был утвержден Советом министров 10 января и Николаем II 28 января 1917 г.¹

Если сравнить эту процедуру с тем, как было оформлено при Александре III отчуждение Балтийского завода, то сходство очевидно: решение о ликвидации компании принимают сами владельцы, акционеры, так что почвы для последующей тяжбы с казной вовсе не возникает. Но видна и разница. Если при ликвидации компании Балтийского завода преобладание чиновников в составе «акционеров» было достигнуто коммерческим путем, приобретением акций, то теперь нужное решение общего собрания акционеров достигалось на основе, по сути, террористического «регулирования» его состава репрессиями против «германцев» и в условиях, когда нежелательным владельцам было отказано в судебной защите. Еще 9 февраля 1915 г. Сенат принял «беспримерное в юридической летописи современных культурных государств» решение. Вопреки собственным законам и практике (времен Русско-турецкой и Русско-японской войн), вопреки Гаагской конвенции с ее Положением о законах сухопутной

¹ См. *Соболев И.Г.* Борьба с «немецким засильем» в России в годы Первой мировой войны. СПб., 2004. С. 103, 114—115; *Семенова Е.Ю.* Социально-экономические и общественно-политические условия жизни горожан Поволжья в Первую мировую войну (1914 — начало 1918 г.): Сб. документов и материалов. Самара, 2011. С. 432.

войны (1907) Россия официально лишила «неприятельских» собственников права судебной защиты¹.

Если правительство намеревалось взять предприятие себе, ему теперь уже не требовалось предварительно захватить большинство голосов акционеров. Этот акт часто оформлялся как «учреждение особого управления» предприятием, и, чтобы перетряхнуть по своему усмотрению состав его администрации, власть не испытывала нужды доказывать, что объектом воздействия является «неприятельское» заведение. Если хозяева из числа союзнических дельцов возмущались вторжением в свое право распоряжаться собственностью, власть это мало смущало. Совет министров 2 октября 1915 г. разъяснил, что, например, протестуя против якобы намечаемого секвестра «Русского а. о. электрических районных станций», французское посольство, оказывается, плохо разобралось в российских правовых тонкостях. Ни «отобрания» предприятия в казенное управление, ни «полного устранения собственника от заведования» им, как это бывает при секвестре, правительство не намечало. Предполагалось «сохранить наличных членов ныне существующего правления» с «включением в его состав правительственных чинов от заинтересованных ведомств». А значит, французам, бельгийцам, швейцарцам нечего волноваться: нет сомнений, что «имущественные интересы акционеров — подданных дружественных или нейтральных держав — найдут себе надлежащую оценку и достаточно внимательную охрану». Не стоит так уж держаться за именно тот состав правления, какой сформирован самими собственниками. Правительственные члены правления вводятся только для того, чтобы ведомствам быть в курсе дел общества. Их полномочий хватит лишь на то, чтобы приостановить те действия правления, какие они сочтут вредными².

¹ Указ общего собрания Правительствующего Сената о правах на судебную защиту враждебных иностранцев от 9 февраля 1915 г. // Вестник права. 1915. № 17. С. 522—526; *Особое мнение сенатора А.И. Маттея и др.* // Там же. № 18. С. 557—561; *Вормс А.* Решения общего собрания Сената 9 февраля 1915 г. // Там же. № 8. С. 234; *Яблочков Т.* Патриотизм в правосудии // Там же. С. 236; *Астров П.* Война и право // Там же. № 10. С. 313.

² ОЖСМ 1915. С. 418—419.

В российском законодательстве до 1915—1916 гг. отсутствовало разработанное понятие секвестра. Когда с началом войны потребовалось обратить это оружие против «германских» фирм, начались недоразумения, поскольку не были определены ни порядок наложения секвестра, ни его «гражданские последствия» — не было «никаких указаний о силе договоров, имеющихся у предприятий, об отношениях секвестраторов к правлению и другим органам управления предприятием, о вознаграждении и пр.». Межведомственное совещание, занимавшееся выработкой мер против германских и австрийских фирм, нашло, что имеющиеся старые нормы о секвестре (в Положении о местностях, объявленных состоящими на военном положении) страдают «крайней недостаточностью и неопределенностью». Они изданы были «в то время, когда, собственно, не имелось в виду... применение таковых (норм о секвестре. — В. П.) к предприятиям торгово-промышленного характера». К маю 1915 г. Министерство земледелия, на которое возлагалось заведование отобранной собственностью, подготовило «проект общих положений» о заведовании «секвестрованными имуществами, принадлежащими подданным воюющих с Россией государств», и он прошел шлифовку в совещании при Министерстве юстиции с учетом пожеланий торгово-промышленных организаций¹. Но практика опережала законодателей и заставляла пересматривать заготовленные проекты.

Ширившийся произвол затрагивал интересы не только «неприятельских» предпринимателей, но и «своих», и это особенно проявилось с созданием Особого совещания при военном министре («майское Особое совещание по обороне»; положение утверждено Николаем II 7 июня 1915 г.). Особое совещание пользовалось правом секвестровать предприятия, если их хозяева, кто бы они ни были, «по каким бы то ни было причинам» отказывались «от принятия или исполнения» военных заказов или вообще проявляли «неподчинение требованиям» военного министра. На эти предприятия теперь можно было ставить своих управляющих.

¹ РГИА. Ф. 1276. Оп. 19. Д. 1102. Л. 10 об., 22 об. Доклад Министерства торговли и промышленности в Совет министров, 30.IV.1915.

4 июля 1915 г. Особое совещание по обороне обсудило вопрос, что делать с секвестрованными предприятиями, и пришло к заключению, что их можно передавать в распоряжение тех общественных организаций и частных лиц, какие будут об этом просить. Возникало, однако, опасение, что отобранное имущество попадет в руки «не заслуживающих доверия лиц и организаций». Признав, что нужен специальный закон, определяющий порядок таких действий, совещание решило просить главноуправляющего землеустройством и земледелием А.В. Кривошеина по соглашению с министром торговли и промышленности подготовить законопроект о порядке управления секвестрованными предприятиями¹.

На заседаниях Совета министров Кривошеин оценивал предоставленное военным властям право секвестра как мощное средство воздействия на предпринимателей, но рассматривал невнятность существующих формулировок как некое их преимущество и тормозил окончание подготовки детализированных норм. Получив от Особого совещания по обороне просьбу-задание о выработке законопроекта, он 18 июля 1915 г. ответил военному министру Поливанову, что, по его мнению, в новом законе «не представляется надобности», достаточно и того, что уже сказано в Правилах о военном положении. А сказано в них было, что, во-первых, секвестрованные имущества «передаются в заведование учреждений государственных имуществ» (то есть в ведомство Кривошеина) и, во-вторых, при управлении отнятыми у владельцев предприятиями «отнюдь не может быть» целью «извлечение наибольшего дохода», чего, естественно, добивались бы от предприятий их владельцы. Казенное управление должно было обеспечить «лишь правильное и целесообразное использование их в интересах государственных»².

Не ожидая при такой позиции Кривошеина скорого появления законопроекта, Военное министерство при переработке положения об Особом совещании по обороне (утв. 17 августа 1915 г.) внесло изменения в статью о секвестре, затем еще уточнив ряд ее пунктов. Прежде всего отпало

¹ ЖОСО 1915. С. 106, 107.

² РГВИА. Ф. 369. Оп. 5. Д. 1. Л. 36 и об.

ограничение, связанное с поводом для наложения секвестра. Исчезло прямое указание на злоумышленное поведение владельца, уклоняющегося от исполнения военных заказов, а 3 февраля 1916 г. царь утвердил изменение соответствующей статьи положения: в качестве повода теперь были названы «действия или упущения, грозящие интересам государственной обороны». Объясняя смысл произведенного усовершенствования, комиссия, готовившая пересмотр положения, указывала, что прибегать к секвестру придется более широко, и «чаще всего» «в случаях быть может и не преступных и не направленных против общественного порядка», но так или иначе «нарушающих интересы государственной обороны»¹.

Впрочем, председатель Особого совещания по обороне и помимо секвестра имел доступ к распоряжению собственностью промышленников. Он мог по своему усмотрению «устранять от службы» директоров, членов правлений, управляющих и заменять их другими лицами. Когда же обнаружилась «неполнота» этого пункта (п. 4 ст. 10) положения об Особом совещании, то военный министр потребовал добавить себе права: а) и на вакантные должности ставить своих людей и вводить сверхкомплектно, даже если нет вакансий; б) создавать вакантные места, устраняя целиком (или частично) «правления, советы, наблюдательные комитеты и другие органы администрации». И учреждать новые должности, «специально, сверх установленного их числа». Ожидаемый характер их деятельности был виден из того, что в) назначенные военным министром лица «за действия свои не отвечают перед собственником предприятия, в которое они назначены», а если навредят ему, то г) отвечать будут не в суде, а «в должностном порядке». Произведенные таким образом улучшения в положении об Особом совещании по обороне 22 декабря 1915 г. одобрил Совет министров, и царь утвердил их 16 января 1916 г.²

Такого рода развитие правовой мысли сказалось и при подготовке закона о секвестре, проходившей одновременно. Под влиянием «поступающих с мест сведений» Криво-

¹ РГВИА. Ф. 369. Оп. 1. Д. 155. Л. 43 об.; Д. 157. Л. 38.

² ОЖСМ 1915. С. 592—593.

шеину тоже пришлось признать, перед самой отставкой, что старые Правила о военном положении создают «на практике немаловажные затруднения», потому что в этих правилах не разработаны «определения о правах и обязанностях заведующих секвестрованными имуществами учреждений»¹. Своеобразную сводку тех пробелов, которые до издания закона 12 января 1916 г. имелись в законодательстве и сковывали действия чиновников, назначаемых в предприятия правительством, сделал А.Н. Крылов, сам активно проявивший себя в этой роли в 1916 г. Составляя 3 ноября 1915 г. перечень уязвимых мест в статусе «секвестраторов» в тот момент, Крылов исходил из признания основополагающего факта: секвестрованное предприятие, переведенное под управление чиновников, тем не менее оставалось частной собственностью его владельцев. Из этого следовало, что чиновники должны были нести бремя ответственности за возможное ущемление имущественных интересов этих частных лиц. Крылов предупреждал в этой связи, что изъять предприятие в казенное управление нельзя без составления передаточного баланса, а этот, в его глазах «совершенно напрасный, несвоевременный, огромный», труд отвлечет силы «наиболее опытного персонала» и вызовет задержку в деятельности предприятия. По окончании же секвестра, с возвращением владельцев, казенная администрация должна быть готова к тому, что выявится какая-либо «нехватка против инвентарей и книг», и тогда в судебном споре чиновникам трудно будет оправдаться. Казенное управление в своей деятельности за время секвестра обязательно будет блюсти имущественные интересы собственников предприятия. В противоречии с этим закон (правила о военном положении) предписывает ему подчинять всю деятельность предприятия не извлечению доходов, соразмеряя издержки с прибылью, а исполнению заданий военных ведомств. Отсюда неизбежность убытков от «нехозяйственных действий» казенного управления. Собственники же будут добиваться возмещения им не только прямых убыт-

¹ РГВИА. Ф. 369. Оп. 1. Д. 156. Л. 126. ОЖСМ «О порядке заведования и управления секвестрованными предприятиями и имуществами», 3.XI, 8 и 29.XII.1915, утв. царем 12.I.1916.

ков, но и потерь «в виде недополучения возможных и законных прибылей»¹.

Закон «О порядке заведования и управления секвестрованными предприятиями и имуществами», подготовленный Кривошеиным и утвержденный царем 12 января 1916 г., не просто отвечал на поставленные Крыловым, практикой вопросы; он открывал новую эпоху во взаимоотношениях власти и предпринимателей. Удалось преодолеть теоретический барьер, установленный догмами римского права: одна и та же вещь якобы не может быть предметом двух прав собственности (*duorum in solidum dominium esse non potest*)².

В новом законе ничего не говорилось о лишении владельцев предприятия права собственности. Но теперь и чиновники, поставленные во главе секвеструемого предприятия, получили «все права собственника», за исключением (частично) третьего из классической триады — права распоряжения. Речь идет об «одной из самых существенных частей понятия о собственности» по ст. 420 Зак[онов] гражд[анских], указывал министр финансов П.Л. Барк³, настолько существенной, — пояснял цивилист, «что если собственник вполне лишен права распоряжения, то тем самым его право собственности устраняется»⁴. Согласно новому закону, чиновники-секвестраторы не могли в полной мере распоряжаться имуществом (исключались отчуждение и залог недвижимости), но такой возможности лишались и прежние владельцы: на их имущество налагалось запрещение. Зато секвестраторы могли позволить себе многое другое. Они могли, «если сие вызывается государственными интересами», — без согласования с отстраненными хозяевами — заключать и расторгать договоры, даже (здесь, правда, вводилось ограничение: «в военное время») изменять «и самое назначение» предприятия. Они становились «не ответственны» перед (прежними) собственниками «за свои распоряжения по хозяйственному заведованию и управлению». Ника-

¹ Крылов А.Н. Воспоминания и очерки. М., 1956. С. 730—735.

² Тютрюмов И.М. Гражданское право. Юрьев, 1922. С. 135.

³ РГВИА. Ф. 369. Оп. 5. Д. 44. Л. 14. Барк — помощнику военного министра Фролову, 21.V.1916.

⁴ Беляцкий С.А. Указ. соч. С. 131.

кого убытка, вызванного этой деятельностью секвестраторов, казна на себя не принимала; вообще отпала их обязанность оберегать имущественные интересы собственника. Так что и возиться с передаточным балансом уже не требовалось. Предстояло учитывать не имущество, переходящее из частного в казенное управление, а лишь расходы самой казны за время секвестра.

Более того, законом был предусмотрен случай, когда казенная администрация будет вести предприятие явно убыточно. На долю действительного собственника теперь выпадало подсчитывать — после снятия секвестра, получив доступ к делопроизводству, — уже понесенные и еще предстоящие убытки (по силе невыгодных для предприятия договоров, которые поназаклучали секвестраторы). Даже осведомляться о ходе дел на предприятии во время казенного управления собственники могли лишь по усмотрению, по доброй воле новых фактических хозяев.

Секвестр создавал дополнительные удобства по сравнению с возможностями казенной администрации, просто назначаемой председателем Особого совещания по обороне. Для секвестраторов отпадала мучительная необходимость «действовать в строгом соответствии с уставом Общества и считаться с обязательствами и договорами, заключенными прежним правлением»¹. Вместе с тем ответственность самих собственников перед третьими лицами не отменялась. По сделанным до наложения секвестра долгам чиновники теперь могли не платить, но, как только владелец получал свое предприятие назад, он получал его со всеми обязательствами, включая еще и те, что возникли за время секвестра и какие собственник сам, возможно, никогда бы на себя не принял.

Как обобщал эту перспективу юрисконсульт Военного министерства, анализируя новый закон², при секвестре личность собственника «совершенно игнорируется». Лицо, поставленное ведомством, распоряжается собственностью

¹ РГВИА. Ф. 369. Оп. 16. Д. 32. Л. 127 об. Журнал Наблюдательной комиссии Особого совещания по обороне № 12, 27.X.1915.

² Там же. Оп. 5. Д. 44. Л. 8—11 (основные положения, выдвинутые юрисконсультom, воспроизведены в цит. письме Барка Фролову); Д. 223. Л. 10—26.

«не только игнорируя» интересы хозяина, но «сплошь да рядом как раз обратно его желаниям и воле», считаясь только с указаниями ведомства. И если высшие интересы требуют «чего-либо, что находилось бы в явном и резком противоречии с интересами собственника, то эти представители, не колеблясь, должны принять меру, как бы убыточна и вредна она для собственника ни была».

С наложением секвестра, по новому закону, «устраняются от управления предприятием» правление, ревизионная комиссия и другие избранные акционерами органы. Но они не упраздняются: «Полномочия их сохраняют силу для представительства интересов акционеров, а также для принятия предприятия по окончании секвестра» (ст. 8). Могло оказаться, что этими своими полномочиями им доведется воспользоваться лишь для того, чтобы по всем правилам оформить теперь уже несостоятельность их предприятия.

Именно такой исход дела имела в виду Наблюдательная комиссия Особого совещания по обороне, а затем и само Особое совещание (заседание 28 октября 1915 г.), предлагая использовать секвестр для предстоящего «приобретения заводов в казну, путем предварительного доведения Общества до несостоятельности». Речь шла об Обществе Путиловских заводов. Особое совещание видело здесь, в принципе, и другую возможность — «признание заводов государственной собственностью в законодательном порядке», то есть по процедуре, описанной в Законах гражданских. Но в случае «объявления Общества несостоятельным» после наложения секвестра казна могла приобрести завод, как то уже было проделано с Балтийским и Александровским заводами, с минимальными затратами — «за сумму, вероятно, лишь незначительно превышающую его задолженность казне» и без отягощения прочими долгами. Это оградило бы казну как будущего владельца завода «от предъявления необоснованных требований» со стороны его частных кредиторов¹. В 1915 г., когда созрел этот замысел в отношении Путиловского завода, исполнить его сразу же оказалось невозможно ввиду несовершенства существовавших правовых

¹ РГВИА. Ф. 369. Оп. 16. Д. 32. Л. 126 об., 128—130. Цит. журнал Наблюдательной комиссии; ЖОСО 1915. С. 376—377.

норм; такая возможность, однако, появилась с изданием упомянутого закона 12 января 1916 г.

В воюющей Франции власть не старалась столь же осмотрительно и пунктуально оформлять себе какие-то новые права в отношении «неприкосновенной» частной собственности. По воспоминаниям военного министра А. Мессими, он в августе 1914 г., пригласив представителей фирм, потребовал подчиняться его указаниям, открыто и прямо пригрозив взять их заводы в казенное управление. В таком случае предприниматели могли, конечно, во имя интересов нации временно лишиться святого — своих прибылей¹, но и только. Подобная буржуазная ограниченность не шла в сравнение с «глубиной русской государственной мысли» (А.И. Солженицын), неторопливо и тщательно готовившей правовую базу для «отобрания» предприятия за бесценок.

Как положение об Особом совещании по обороне, так и специальный общий закон о секвестре, внесенный Кривошеиным и утвержденный царем 12 января 1916 г., уже не замыкались в сфере борьбы с «неприятельскими» интересами, а закон 12 января, по сути, порывал связь секвестра с условиями войны (и военного положения), определяя на перспективу формальные полномочия властей произвольно пользоваться частной собственностью (второй классический принцип) или вовсе ликвидировать ее (третий).

Новый закон, умалчивая о заложенном в нем предвкусении экспроприации, по существу, наращивал именно на этом направлении полномочия правительственных органов. Специалист по гражданскому праву отмечал ранее существовавший «большой недостаток наших законов»: они трактовали только «способ прекращения права собственности *на недвижимость*». Но в чрезвычайных обстоятельствах, да и вообще «в современной жизни... нередко возникает необходимость в экспроприации *предприятий*... Между тем наши гражданские законы не знают экспроприации предприятий». И вот теперь российское гражданское право шагнуло вперед. Начало процедуры отъема было без зазора приложено к догме о неприкосновенности частной собственности. Формаль-

¹ Messimy, *général*. Mes souvenirs. Paris, 1937. P. 326.

но при секвестре дело сводилось к временному отстранению владельцев от управления (как, может быть, готов был действовать и Мессими), причем предприятие оставалось в их собственности. На деле же с помощью усовершенствованного закона о секвестре решалась более радикальная задача — ликвидация частного предприятия, необъявляемая открыто: «Широко практикуется ныне и принудительное управление предприятиями (*секвестр*)... с целью *прекратить, ликвидировать* предприятие (*ликвидация не в чистом ее виде*)». Но это — по существу. Формально же «понятно, что секвестр нельзя смешивать с принудительной ликвидацией как способом прекращения права собственности»¹.

В спорах при выработке правил об управлении секвестрованными предприятиями догматически настроенный тайный советник (директор канцелярии Морского министерства Е.Е. Стеблин-Каменский) обосновывал право государственной власти на вторжение в имущественные права частных лиц достойными подражания примерами из византийской традиции², ссылаясь «на кодекс Юстиниана, Гуго Гроция и пр.». Циничный оппонент низвел эти его теоретические усилия на уровень анекдота, рассказав притчу о маляре, который обидел проститутку, походя мазнув ее кистью. У миро-

¹ *Синайский В.И.* Русское гражданское право. Киев, 1917. Вып. 1. С. 182, 185. Курсив Синайского.

² С точки зрения «древнецерковного учения о собственности», с многочисленными ссылками на тексты «каппадокийских отцов» богослов В.И. Экземплярский доказывал, что «право собственности не может быть рассматриваемо как святыня», иначе произойдет «унижение истинного смысла христианского учения... прямое его извращение». Но и он не решался отрицать неприкосновенность собственности (см.: *Экземплярский В.* Учение древней церкви о собственности и милостыне. Киев, 1910. С. 7, 10, 26—27, 51). Более радикально (в 1905 г.) был настроен либеральный, казалось бы, мыслитель, склоняясь к «решительному и коренному изменению наших представлений о границах права и морали»: «Правосознание нашего времени выше права собственности ставит право человеческой личности и, во имя этого права, во имя человеческого достоинства, во имя свободы, устраняет идею неотчуждаемой собственности, заменяя ее принципом публично-правового регулирования приобретенных прав», — писал П.И. Новгородцев. Но, конечно, и с его точки зрения принудительное отчуждение имущества должно было сопровождаться «необходимым вознаграждением их обладателей» (*Новгородцев П.* Два этюда // Полярная звезда. 1905. 30 дек. № 3. С. 220, 222).

вого судьи возникло затруднение, по какой статье назначить наказание, и ушлый письмоводитель подсказал ему сформулировать состав преступления как «загрязнение мест общественного удовольствия». Мораль заключалась в том, что «если так законы толковать», то и грабительский секвестр «можно подвести под кодекс Юстиниана»¹.

Ведомство торговли и промышленности вначале не предвидело, как далеко продвинется законодательство о секвестре и какие практические удобства сулит его применение. Приступая в середине 1915 г. к созданию своих отраслевых регулирующих комитетов, наделенных репрессивными полномочиями в отношении промышленников (реквизиции, тюремные наказания), оно не сочло в тот момент нужным вооружить их правом секвестра². Но еще до того, как проект закона о секвестре получил пригодный для согласований вид, министр торговли и промышленности В.Н. Шаховской настолько оценил широту новых возможностей, испробованных на «германцах», что поспешил переработать изданные 7 июля правила об отраслевом промышленном комитете. В новом варианте в них центральное место заняли указания на использование секвестра — в дополнение к иным «карательным» методам переподчинения частных фирм правительству. 27 ноября Совет министров, а 17 декабря 1915 г. и царь утвердили эти дополнения к правилам. Отраслевой комитет получил право накладывать секвестр на фабрики «в случае отказа или уклонения» хозяев от исполнения навязываемых им военных заказов и «устанавливать порядок эксплуатации секвестрованных предприятий»³ — все те «права», какими обзавелся и военный министр в качестве председателя Особого совещания по обороне.

Сразу же после издания закона о секвестре 12 января 1916 г. в Министерстве торговли и промышленности состоялось совещание представителей ведомств о мерах в отно-

¹ Крылов А.Н. Указ. соч. С. 232—233.

² ОЖСМ 1915. С. 332—334. ОЖСМ «О некоторых мерах к упорядочению снабжения сырьем хлопчатобумажных и суконных фабрик», 26.VI.1915.

³ Там же. С. 558—560. Те же формулировки — в положении об учреждении Комитета по льняной и джутовой промышленности, утв. царем 27 ноября 1915 г. (СУ. 1915, 12 дек. № 358. Ст. 2702).

шении «германских и австрийских предприятий», созданное вследствие письма двух самых ретивых среди генералов борцов со шпионажем — Н.В. Рузского и М.Д. Бонч-Бруевича — от 5 декабря 1915 г. Представители министерств внутренних дел, юстиции, интендантства и ГАУ добивались на совещании 15 и 20 января 1916 г. либо секвестра, либо назначения в «германские» предприятия особых временных управлений; Канцелярия Военного министерства выступила даже за закрытие их, с ликвидацией после окончания войны. Большинство на совещании не поддержало подобные предложения; применение к таким предприятиям секвестра, по мнению большинства, могло бы «внести нежелательное расстройство в ход правильно налаженного дела», тогда как действительных признаков недобросовестности со стороны хозяев предприятий не обнаружено. Против крутых мер выступили также представители Морского министерства и ГВТУ, министерств финансов, иностранных дел, торговли и промышленности. Как и Григорович, Шаховской соглашался лишь на оказание давления с целью изменить руководящий состав предприятий¹.

По существу, изданный 12 января 1916 г. закон заключал в себе целую программу ломки отношений собственности — такую, что она встревожила даже Шаховского, вовсе не склонного потакать заводчикам. По его словам, секвестр превратился «в чрезвычайно сильное и крайне острое орудие промышленной политики государства». «В той форме, в какой применяется ныне секвестр, — предостерегал Шаховской правительство, — он серьезнейшим образом затра-

¹ РГВИА. Ф. 369. Оп. 16. Д. 204. Л. 21—32. Журнал совещания; Л. 117—120. Проекты письма Шуваева Штюмеру, июнь 1916 г.; Л. 18 об.—20. Шаховской — Штюмеру, 3.II.1916. В черновике письма Шуваева намечалась средняя линия. Он высказался против секвестра «как меры, убивающей частную промышленность» и требующей «от нас расхода значительно большего числа технических и административных сил, каковыми мы не так уже богаты», но за «применение временного управления», как меры «весьма гибкой». К тому же секвестр, являясь мерой временной, «не изымлет предприятий из немецких рук», так что придется после войны «немедленно приступить к полной передаче предприятия в руки казны, а для последнего нужны и громадные финансовые затраты», да и найти столько людей для руководства предприятиями «мы вряд ли способны».

гивает интересы не только лиц, поместивших свои капиталы в секвестрованные предприятия, но и кредиторов этих предприятий» и вреден «для грядущего развития русской промышленности», подрывая ее кредит. Шаховской предлагал «немедленно же приступить к пересмотру закона 12 января 1916 г. ... в целях большего ограждения [интересов] владельцев и кредиторов предприятий»¹.

Как утверждают историки российского права, «каждый кабинет министров Российской империи всегда заботился о благоприятных условиях для иностранных инвестиций в нашу экономику. Эта мысль не оставляла государственных деятелей и во время войны»². И действительно, на первый взгляд стремление Шаховского добиться пересмотра закона 12 января встретило отклик. 27 сентября 1916 г. Совет министров принял постановление «Об изменении действующих правил о порядке заведования и управления секвестрованными предприятиями и имуществами». Журнал Совета министров (утвержден царем 22 октября)³ открывался признанием того, что опыт применения январского закона показал «некоторые его несовершенства, сводившиеся главным образом к недостаточной обеспеченности прав и интересов владельцев и кредиторов». Заканчивался журнал выражением уверенности, что, «конечно», «наложение секвестра не может клониться к разорению предприятия путем возложения на него обязательств, явно для него убыточных».

Но все эти благодушные декларации перечеркивала постановляющая часть. Никакие изменения закона, направленные на смягчение произвола, не прошли. В частности, Совет министров отклонил пункт, обязывавший чиновников составлять передаточную опись имущества: эта мера была сочтена «практически трудно выполнимою, а потому и излишнею». Представитель ведомства юстиции потом об этом сожалел, потому что в большом предприятии, если растащат части оборудования и материалы, то нечем будет

¹ Известия Московского военно-промышленного комитета. 1916. № 19—20. С. 142—143.

² Грищенко А.И., Зиноватный П.С. Энергетическое право России (правовое регулирование электроэнергетики в 1885—1918 гг.). М., 2008. С. 66.

³ ОЖСМ 1916. С. 455—459.

доказать, при возврате предприятия владельцам, что исчезнувшие предметы и материалы пропали до наложения секвестра, а не «в то время, когда собственник был устранен от всякого участия в деле». В ведомстве же финансов считали, что опись собственнику была вовсе ни к чему, «так как он должен доверять правительственному правлению, являющемуся его [собственника] правопреемником»¹.

Не удалось устранить ст. 11 Положения — о порядке расплаты по долгам. Министерство торговли и промышленности думало лишить «секвестраторов» права не платить по долгам, сделанным до секвестра, но против этого восстали представители министерств морского, военного и юстиции, опасавшиеся, что «никаких правительственных субсидий не хватит», чтобы выплатить такие долги. В результате Совет министров нашел, что нельзя допустить «возложение на казну значительных расходов по оплате срочных долговых требований», а потому можно «не платить никаких долгов, образовавшихся до наложения секвестра». Было сведено на нет предложение запретить передачу секвестрованного имущества в аренду третьим лицам. Вообще, что касается «объема прав секвестраторов», то соответствующую статью «Совет министров признал предпочтительным сохранить в действующей ее редакции, в коей указывается, что секвестраторы пользуются по сему управлению всеми правами собственника, за исключением права отчуждения недвижимости или обременения ее залогом или иными вотчинными правами». Фактически, Совет министров отклонил выраженные Шаховским протесты деловых кругов против нового закона.

Добиваясь юридической определенности отношений, Шаховской между тем сам вел дело к колоссальному расширению применения секвестра. Он уже учредил в своем ведомстве наделенные правом секвестра отраслевые комитеты — по делам хлопчатобумажной, суконной, льняной и джутовой, кожевенной промышленности. Подготовлен был и общий законопроект, гласивший, что отрасли промышленности «и торговли», в отношении коих может потребоваться «применение изъясненных мер», «весьма многочисленны и разноо-

¹ РГВИА. Ф. 504. Оп. 2. Д. 1259. Л. 9 об.—16; Ф. 505. Оп. 3. Д. 22. Л. 11—11 об., 10.

бразны», и речь шла не только о предприятиях, снабжавших вооруженные силы, но и об удовлетворявших «существенные нужды населения империи». Законопроект Шаховского «Об упорядочении отдельных отраслей промышленности и торговли» Совет министров утвердил 23 февраля 1916 г.¹

Перекраивая принципиально, в самой основе, законодательство о собственности, правительство не удовлетворилось учреждением «особых правлений» и наложением секвестров. Не было упущено из виду, что много еще остается нежелательных владельцев акций в капитале тех предприятий, какие невозможно подвести под категорию «неприятельских» и поэтому нельзя ликвидировать, но в то же время нецелесообразно секвестровать. Выход из положения вскоре отыскался.

31 января 1917 г. Совет министров принял решение (утверждено царем 8 февраля) о принудительной продаже «неприятельских» акций «без закрытия подлежащих обществ», для чего при Министерстве торговли и промышленности создавался специальный комитет. При продаже акций преимущественное право на их приобретение получала казна, а в случае ее отказа — акционеры предприятия из числа русских, союзных или нейтральных подданных; на оставшуюся часть — с разрешения Комитета — могли рассчитывать «посторонние лица» не из числа акционеров. Вырученные от продажи акций деньги не доставались экспроприируемым «неприятельским» подданным, а поступали до момента заключения мира в особый фонд Государственного банка².

¹ РГВИА. Ф. 369. Оп. 1. Д. 156. Л. 107—108, 112—113, 122; РГИА. Ф. 1276. Оп. 12. Д. 244. Л. 45.

² *Соболев И.Г.* Указ. соч. С. 109; ОЖСМ 1917. С. 183—185. К этой мере было приговорено 86 предприятий (см.: *Дякин В.С.* Первая мировая война. С. 234). На практике за оставшиеся дни существования царского режима такого рода принудительные продажи не состоялись «ни в одном случае» (см.: *И.С.* Имущественные обязательства, возлагаемые Брестским мирным договором на РСФСР // Бюллетень Ликвидационного отдела Наркомторга. 1918. № 3. Сентябрь. С. 6). Но Временное правительство сначала 7 июня 1917 г. фактически подтвердило это постановление, внося в него лишь частичные изменения (в ст. 5—9), а затем 22 июня постановило применить его к «Обществу электрического освещения 1886 г.», неделю спустя — к обществу «Электрическая сила» (*Грищенко А.И., Зиноватный П.С.* Указ. соч. С. 71; СУ. 1917. Отд. 1. № 165. Ст. 904, 976; отд. 2. Ст. 538).

«Судьбу этих денег предполагалось определить впоследствии». Совокупность подобных мер, означавших небывалый поворот в отношении к собственности, оценивается в новейшей литературе как создание «институционально-правового механизма “русификации” и частичной национализации» и «всех необходимых правовых условий для свободной деятельности» предприятий, не хуже чем в Германии или Бельгии¹.

Самим же чиновникам Министерства торговли и промышленности было ясно (и с этим в дальнейшем пришлось считаться Временному правительству), что «преимущественное право», присвоенное «наличным русским, союзным и нейтральным акционерам», означает не что иное, как «совершенно неосновательное обогащение одних акционеров за счет других», необъявленную «конфискацию части имущества неприятельских подданных в пользу других участников общества». После Февраля выяснилось также, что Совет министров в промежутки между 1 июля 1915 г. и 23 октября 1916 г. успел самовольно закрыть ряд иностранных по уставу предприятий, тогда как закон требовал, чтобы прежде было проведено по каждому делу судебное решение; да и при судебном порядке допускалась ликвидация только «неприятельских» по уставу обществ. В результате следовало ожидать немало исков к правительству со стороны иностранных подданных².

¹ Грищенко А.И., Зиноватный П.С. Указ. соч. С. 68, 93, 94. Строго следуя источнику, авторы истолковывают принятое Советом министров решение о «германских» электрических предприятиях как введение «временного управления», равносильное установлению над ними «государственного контроля», однако не скрывают, что на деле готовилась «и последующая ликвидация» и что процесс ликвидации «не остановила даже Февральская революция» (Там же. С. 69, 74, 71).

² ГАРФ. Ф. 6. Оп. 1. Д. 1149. Л. 1—2. Доклад Временному правительству Особого делопроизводства по надзору за торгово-промышленными предприятиями, 11.IV.1917; Д. 1153. Л. 1—2. 9/10 июня Министерство торговли и промышленности предложило Временному правительству решить эту проблему, распространив на ликвидации, проведенные в течение тех 16 месяцев, узаконение от 23 октября 1916 г. Предложение не прошло: министр иностранных дел и председатель Совета министров возразили: «Обратная сила нежелательна. Тут позиция будет слаба»; «Покрывать законополож[ением] — не очень красиво». Проект был возвращен министерству «для дополнительного соображения».

Действия власти, направленные на перераспределение «священной и неприкосновенной частной собственности», разжигали и без того неумные хищнические инстинкты предпринимателей и вносили дополнительные элементы разложения в их среду. С одной стороны, правительству направляли официальные протесты против нарушения прав собственников крупнейшие банки и предпринимательские организации. С другой стороны, те же предприниматели старались сами ничего не упустить в «борьбе за германское наследство». Учредители общества «Электро-Кооператив» Н.И. Гучков, И.Н. Прохоров и Ю.П. Гужон 15 декабря 1916 г. обратились к правительству с прошением, сообщая, что готовы приобрести акции общества «Электропередача» и что с хозяевами его «по этому поводу также состоялось предварительное соглашение». В таком случае москвичи получили бы преобладающий пакет акций на 5,2 млн руб., швейцарцы — пакет на 2,4 млн, «и на такую же сумму осталось бы акций у немецких акционеров». В.С. Дякин рассматривал этот и аналогичные другие проекты как попытки сохранить в замаскированном виде прежнее, немецкое фактическое руководство предприятием¹. В прошении далее говорилось: но «если бы правительство решило изъять акции из немецких рук, мы также готовы приобрести их». Просители рассчитывали, что тогда «вопрос... был бы решен немедленно, без ажиотажа, который, с назначением торгов, кругом него неминуемо разгорится»².

Если допустить, что и это — сомнительное с точки зрения добросовестного делового партнерства — предложение московской группы предпринимателей было сделано пра-

¹ Дякин В.С. Германские капиталы в России. С. 229—230.

² РГВИА. Ф. 369. Оп. 1. Д. 289. Л. 165—166. Подлинник. Аналогичную операцию провернул с московской химико-фармацевтической компанией «Байер» Н.А. Второв. Сначала ГАУ поставило на фабрике «особое правление», затем образовалось новое акционерное общество, учредителями которого выступили русские служащие московской компании. Второвская «Русскокраска» предлагала служащим кредит для выкупа акций и гарантировала, что покроет остаток акций, не разобранный новыми акционерами. Ранее Второв усыплял бдительность прежних владельцев, уверяя их, что не собирается завладеть их предприятием (Петров Ю.А. Московская химическая фабрика «Фридрих Байер», 1883—1917 гг. // Немецкие предприниматели в Москве. М., 1999. С. 205—207).

вительству по договоренности с немецкими собственниками, то придется все же признать, что экспроприаторские меры правительства вынуждали дельцов становиться на путь махинаций, измышлять мошеннические приемы отстаивания своих интересов. Но доминировало стремление представителей московского купечества воспользоваться политической конъюнктурой для устранения конкурентов. «Суд над всем этим произнесет история», — пообещал Линдеман¹.

При обсуждении в конце 1915 г. вопроса о ликвидации «немецкого» землевладения, решая возникшее между министрами разногласие, царь не согласился с теми, кто указывал на «рискованность» предпринятой операции. Земель, говорили ему, ни у немцев, ни у казны не хватит «для удовлетворения всех земельных нужд участников войны», а тем более «вообще нуждающихся в земле крестьян». Но, ступив на этот путь, потом уже будет «трудно найти достаточно обоснованные доводы, чтобы не выйти со временем в этом вопросе за первоначальные его пределы»²; подразумевалось, что не удастся, отобрав землю у немцев, оставить в неприкосновенности помещичью собственность. Раньше, в 1905 г., когда решался вопрос, «допустима ли вообще насильственная экспроприация собственности более обеспеченных граждан государства в пользу малоимущих», то есть об отчуждении помещичьих земель, Николай II твердо встал на защиту «римского права» и законов гражданских: «Частная собственность *должна* оставаться неприкосновенной». Десять лет спустя, когда явился соблазн под орудийный гул прибрать к рукам собственность иностранцев-иноверцев, причем «именно колонистские земли» составят ее «главную и наиболее ценную часть», царь уже не увидел этому препятствий и, видимо, мог бы повторить то, что вырвалось у Витте в 1906 г.: «Какие-то римляне когда-то сказали, что право собственности неприкосновенно, а мы это целых две тысячи лет повторяем, как попугай...»³ Утверждая решение

¹ Линдеман К.Э. Указ. соч. С. 48.

² ОЖСМ 1915. С. 514, 516.

³ Совет министров Российской империи 1905—1906 гг. Документы и материалы. Л., 1990. С. 148, 156; Воспоминания министра народного просвещения графа И.И. Толстого. М., 1997. С. 169—170.

Совета министров о «срочном перемещении земельной собственности» стоимостью «свыше полумиллиарда рублей» с целью произвести «благоприятное впечатление в народном сознании», царь признал «обязательную продажу» и «скорейшую скупку немецких земель» «необходимым и благим делом», объявив, что он ее «вполне одобряет» и «требует приступить к ней немедленно»¹.

Распространенное в литературе представление (телеологическая «жесткая схема»²) о том, что в развитии института частной собственности проявился процесс экономической и социальной модернизации России, сопровождавшийся восприятием «духа римского права»³, укреплением гарантии прав собственников при помощи «состязательного судебного процесса»⁴, нуждается в исправлении. На сложившуюся в пореформенной России и без того неполноценную систему частной собственности обрушивались удары, направленные против всех ее основных устоев — прав владения, пользования, распоряжения. Как показывает история выработки и применения экспроприационных законов, правительство ясно видело, что они расшатывают систему имущественных отношений и не согласуются с устоявшимися в буржуазных обществах порядками. Сознавалась и политическая опасность, порождаемая примерами вторжения власти в отношения собственности — в свою пользу или в интересах особо опекаемых слоев. («Вы, опрокидывающие правосознание русского народа...» — в отчаянии взывал к имперским верхам Ф.И. Родичев, раскрывая объективный

¹ ОЖСМ 1915. С. 200.

² *Большакова О.В.* Власть и политика в России XIX — начала XX века. М., 2008. С. 8, 134—135.

³ *Летяев В.А.* Рецепция римского права в России XIX — начала XX в. Волгоград, 2001. С. 209.

⁴ *Май В.А.* Соч. М., 2010. Т. 1. С. 62. Специалисты, стремящиеся не допустить «принижения успехов русской государственности, достигнутых к 1917 г.», все же находят, что постоянно действующих законов, регламентировавших права и свободы личности, «в дореволюционной России так и не было создано», «ни один из подготовленных... актов о правах и свободах личности законом так и не стал», не была узаконена ни неприкосновенность личности, ни свобода стачек, ни даже свобода совести (*Туманова А.С., Киселев Р.В.* Права человека в правовой мысли и законодательстве Российской империи второй половины XIX — начала XX века. М., 2011. С. 260—261, 255, 237, 254, 239).

смысл узаконенного произвола¹.) Сознание опасности побуждало законодательный аппарат всемерно маскировать сущность своей деятельности, придавая нарушению «отвлеченных понятий» о собственности вид последовательного развития привычных, общепринятых правил, хотя серьезного значения для успокоения общественных настроений эти ухищрения не могли иметь.

...Много раньше фабричный инспектор А.К. Клепиков обратил внимание на бессознательно исповедуемые рабочими идеи «государственного социализма». Рабочие «самого консервативного образа мыслей», «задолго до всяких забастовок» высказывали убеждение, что «фабрикант не имеет права закрывать свою фабрику», а «если он плохо ведет свое дело, фабрика отбирается в казну»². Но начиналось не с этого.

В 1755 г. Липецкий, Козминский и Боринский заводы, принадлежавшие Адмиралтейству и изготовлявшие оружие для флота, армии и крепостей, были отданы князю П.И. Репнину. Вскоре работные люди стали волноваться и заявлять, что «хотят отбыть от вечного владения князя Репнина» и вернуться в казну — «желают быть при оных заводах как прежде бывали казенными». Они ссылались при этом не только на злоупотребления князя при использовании их труда, но и на важное государственное значение заводов и волю Петра Великого. Переубедить работных людей не удалось ни уговорами, ни поркой, ни применением войск. На протяжении девяти лет они раз за разом останавливали заводы, посылали челобитчиков к Петру III и Екатерине II. Императрица 18 июля 1765 г. повелела своим сановникам разобраться: «1) полезно ли, чтоб заводы были в партикулярных руках, или лучше им 2) быть в казенном содержании», и в 1769 г. репинские заводы были возвращены в казну³. После изъятия в 1764 г. в казну металлургических заводов графа А.П. Шува-

¹ СОГД III/3. СПб. 1910. Ч. 4. Стб. 378, 379.

² Гвоздев С. Записки фабричного инспектора (из наблюдений и практики в период 1894—1908 гг.). М., 1911. С. 215—216.

³ Рубинштейн Н.Л. Крестьянское движение в России во второй половине XVIII в. // Вопросы истории. 1956. № 11; Недосекин В.И. Работные люди Липецких мануфактур в XVIII в. // Вопросы генезиса капитализма в России: Сб. ст. Л., 1960. С. 153, 157.

лова власть пообещала впредь всех, кто проявит неудовольствие или выкажет стремление к непослушанию, «немедленно брать под караул и бить нещадно или отсылать по начальству для более серьезного наказания»¹. Еще раньше, в 1703 г., передать свои заводы в казну были вынуждены иностранные заводчики — также после упорной борьбы с работниками-крестьянами, сопровождавшейся командированием воинских команд².

К середине 1916 г. наступил момент, когда массам рабочих на военных предприятиях империи еще казалось, что власть с ними заодно, что общую задачу борьбы с германцами она ставит превыше чьих-либо частных интересов. Подавление лояльных по отношению к правительству возмущений под лозунгами национализации военных предприятий вызвало кризис умонастроений в рабочей среде. Со своей стороны, начальство в ходе борьбы с подобными стачками убедилось в том, что помешать осознанию рабочими реальных противоречий их положения уже не получается никакими способами, а в иных случаях этому невольно содействовала и сама власть. Мало того что газеты освещали скандалы, связанные с Путиловским заводом, а также грабительской наживой тульских и прочих поставщиков «военных припасов»; мало того что озлобленные путиловские рабочие рассылали своих делегатов по заводам империи — само правительство рассеивало опытных организаторов стачечной борьбы из Петрограда по важнейшим военным предприятиям страны.

После того как с переходом Путиловского завода в казенное управление патриархальная справедливость как будто утвердилась в центре недовольства, изъятых зачинщиков поддерживали в дисциплинарном батальоне, где их пороли, а затем они были отправлены на фронт. Но вскоре ГАУ потребовало этих мастеровых назад, к станкам, но подальше от

¹ *Белявский М.Т.* Накануне «Наказа» Екатерины II // *Правительственная политика и классовая борьба в период абсолютизма*. Куйбышев, 1985. С. 39.

² *Сербина К.Н.* Борьба крестьян с заводовладельцами во второй половине XVII в. // *Крестьянство и классовая борьба в феодальной России* / Труды Ленинградского отделения Института истории. Л., 1967. С. 322.

Питера — на Ижевский оружейный и сталелитейный завод. Всего за 1915—1916 гг. туда из разных воинских частей, «с позиций», «часть из них даже раненые», прибыли 8447 «нижних чинов» — рабочих с Путиловского и Обуховского заводов. Летом 1916 г. первые партии путиловцев, «участвовавших в последней забастовке», по 20—30 человек, еще только поступали в Ижевск — на казенный завод, к заботливому начальству. Но они, как сообщал в Департамент полиции помощник начальника завода, уже тогда «открыто высказывали свое недовольство существующими в Ижевском заводе расценками заработной платы» и «стали подстрекать своих товарищей к беспорядкам на почве дороговизны предметов первой необходимости». По заключению местного полицмейстера, «коренные жители Ижевского завода, так энергично работавшие до прибытия петроградских рабочих, вряд ли бы сами решились» на протест. Плохо устроенные на новом месте, «получая суточную заработную плату в ограниченном количестве», прикомандированные питерские рабочие, по выражению помощника начальника Ижевского завода, «стали безобразить»; полиция с ними не справлялась, городские в таких случаях прятались, приходилось вызывать патруль. После беспорядков, произведенных 22 и 28 июля 1916 г., было учреждено дневное и ночное дежурство военно-полицейских патрулей, «главные же зачинщики июльских беспорядков отправлены в действующую армию, а часть из них отдана под суд». Но пришлось и заработную плату повысить и улучшить жилищные условия. Казалось, «вновь прибывшие рабочие, а равно и старые, теперь никакой преступной деятельности не проявляют». К сентябрю 1916 г. из 27 332 рабочих Ижевского завода «мобилизованных и запасных» насчитывалось 20 100, «в том числе 778 человек путиловцев и 165 обуховцев»¹.

Оставшиеся питерские рабочие «своим разнузданным поведением и своеволием продолжали дурно влиять на нравственную сторону остальных заводских рабочих и даже жителей поселка», отмечало ГЖУ. В конце января 1917 г.

¹ *Ижевск*. Документы и материалы. 1760—2010. Ижевск, 2010. С. 318—319, 326, 836. Донесение в Департамент полиции, октябрь 1916 г.; Рапорт полицмейстера Ижевского завода вятскому губернатору, 1.III.1917.

из Ижевска в Петроград, к начальнику ГАУ, рабочие направили «депутацию с ходатайством об увеличении заработной платы», и присланный Маниковским генерал пообещал это сделать. «Вернувшаяся из Петрограда депутация рабочих на собраниях, которые были в Ижевском заводе 1, 8 и 12 февраля, сообщила рабочим о настроении рабочих масс Петрограда, окрасив это настроение в оппозиционном к правительству духе». Когда генерал уехал и настало время получки за первую половину февраля, рабочие увидели, что администрация их обманула, и начались забастовки: 14—16 февраля в отдельных мастерских, а с 17-го встал не только Ижевский завод (и был закрыт), но и частные оружейные фабрики, где тоже шла успешная агитация.

Телеграммами Маниковскому рабочие просили прислать комиссию для расследования действий заводского начальства. Агитаторам удавалось «настраивать рабочих все враждебнее и враждебнее к высшей и низшей администрации». Маниковский пообещал комиссию прислать, но действия заводского начальства одобрил; об иммунитете казенных заведений от революционной заразы едва ли он уже вспоминал. В Ижевск для содействия полиции прибыли роты вооруженных солдат. Опять искали зачинщиков, шли обыски и аресты; вечером 20 февраля «началась отправка в г. Казань в распоряжение штаба военного округа партий зачинщиков и рабочих беспокойного характера, главным образом путиловцев». Репрессии произвели на рабочих ожидаемое действие, и на 27 февраля начальник завода наметил пустить завод¹. Но это был уже февраль 1917 г.

¹ *Ижевск*. Документы и материалы. С. 321—323. Рапорт помощника начальника Вятского ГЖУ, 23.ІІ.1917. Прослеживается связь событий, начавшихся на Путиловском заводе 17—18 февраля, с движением на казенном трубочном заводе в Самаре. Местная полиция еще утром 15 февраля получила агентурные сведения о том, что рабочие этого завода и железнодорожного депо готовятся к выступлению 16 или 17 февраля по сигналу (условная телеграмма) из Петрограда. В их план входило выдвинуть экономические требования, а когда они получают отказ, то выйти на улицу с лозунгом «Долой войну!», причем рабочие заблуждались, думая, что самарский гарнизон уже распропагандирован и не будет подавлять беспорядки (намечался погром «спекулянтов») (Семенова Е.Ю. Указ. соч. С. 203).

МЕСТО В МИРЕ

(Вместо послесловия)

В память участника войны врезался неожиданно прозвучавший диалог. «Ночью, на опустелом дворе брошенной хаты, я, засыпая, слышу, как прапорщик Мещеряков говорит: “Знаете, Гуль, что на войне для меня страшнее всего? Что такая масса людей, такие чудовищные силы заняты ведь совершенно непроизводительным трудом”. Я смертельно хочу спать, не вслушиваюсь, не понимаю, что говорит Мещеряков. “Вы, Мещеряков, экономист?” — слышу голос Ивановского. “Экономист... а что?” — “Сразу видно”»¹. Осознание опасного, губительного влияния, оказываемого милитаризацией экономики на развитие страны, иногда посещало и умы высших сановников. Сам Маниковский в то время, когда составлялся план военно-экономической диктатуры, 6 июня 1916 г., делился своими сомнениями с Барсуковым: «...Все это вместе взятое, особенно *металл* и *транспорт* — не дают возможности использовать даже существующее и вновь прибывающее оборудование. И я с ужасом думаю, что же будут делать те 15 новых заводов, которые мы строим сейчас и часть которых начнет вступать в производство еще в этом году. Я был уверен, что ими-то я окончательно и разрешу задачу...»² При обсуждении проекта бюджета на 1917 г. ведавшие финансами министры заявляли, что намеченное

¹ Гуль Р. Конь Рыжий. Нью-Йорк, 1952. С. 55.

² РГВИА. Ф. 234. Оп. 1. Д. 17. Л. 6.

«чрезмерное развитие операций» по программе развертывания военных производств ведет к банкротству казны из-за больших платежей процентов по займам и вообще грозит «крупными бедствиями». Неизбежен рост дороговизны, а она «является у нас главнейшею причиною неустройств тыла армии. Участвуя в создании этой дороговизны, — предупредил Барк, — казенные учреждения и заведения участвуют, таким образом, в подготовке такого экономического состояния в стране, какое может иметь для нее крайне нежелательные последствия». Военный министр Шуваев и его помощник Фролов вовсе не оспаривали эти дежурные рассуждения, а, наоборот, признавали, что «в принципе» они «вполне» разделяют высказанные опасения. Когда же дело дошло до практического решения, министр финансов сообщил, что с его стороны нет препятствий «к своевременному предоставлению в распоряжение военного ведомства необходимых ему средств»¹.

Правительство сознавало, что даже в условиях войны, которая еще неизвестно сколько продлится, невозможно отказываться от удовлетворения насущных жизненных потребностей и надо предвидеть еще объем затрат, связанных с ликвидацией ее последствий. Иной подход угрожал бы «правильно понимаемым интересам страны» и «подрывом материального благосостояния населения»; подъема благосостояния не получится «без создания новых ценностей путем развития производительных сил»².

По-своему понимало те же перспективы военное ведомство. В программном докладе ГАУ подчеркнуто, что после войны казне «предстоят колоссальные ассигнования на культурные потребности государства, *столь жестоко урезаемые в настоящее время*». Вывод из этого сделан тот, что с постройкой заводов нужно спешить, пока идет война, потому что, когда наступит мир, «тогда денег для новых заводов уже не дадут»³. Как признавал Смысловский, идея,

¹ РГВИА. Ф. 2000. Оп. 2. Д. 2456. Л. 261 и об. Журнал совещания трех министров, 28.VIII.1916.

² ОЖСМ 1916. С. 271—273. Журнал от 17 июня, утвержден царем 15 июля 1916 г.

³ ВПР. Т. 1. С. 602.

положенная в основу программы, «недостаточно была освещена с точки зрения ее посильности для средств государства в мирное время»: новые заводы, «не имеющие созидательных прямых целей», даже когда они вовсе не работают, «требуют расходов на их содержание», устаревают, «приходят в неисправный вид». Намеченное развитие военной промышленности «вряд ли для нас посильно», если учесть «общее развитие наших производительных и финансовых сил и средств» вследствие ряда «исторически сложившихся экономических условий»¹.

Правительство предписывало ограничить «в пределах крайней возможности» строительство, «пределами крайней необходимости» — «капитальный и обыкновенный ремонт», сократить выдачу чиновникам «премий и других подобных выдач»; «увеличение же кредитов, обусловливаемое повышением окладов содержания служащих, вовсе не может быть допускаемо»². Но «крайняя возможность» могла выглядеть по-разному. Особенно спешно и успешно происходило повышение различных поощрительных премий и жалованья офицерам и генералам, занятым строительством новых заводов.

А пока «геополитические» мечты и устремления опирались на изношенное, не получающее ремонта оборудование по преимуществу старых заводов, с их цехами в виде деревянных бараков, с источниками энергии в виде водяных колес, столичных арсеналов, откуда рабочих, в разгар войны, приходилось отпускать на летние полевые работы; телеги использовались для подвоза «артиллерийских тяжестей», «навигационный период» — для связи по рекам с имперскими путями сообщения в глубине страны. В.Г. Федоров, командированный в Англию добывать оружие, в октябре 1915 г. побывал в промышленном центре страны — Шеффилде, Честерфилде, Лейчестере. «В течение нескольких часов курьерский поезд, делавший сто километров в час, пересекал фабричные районы... мчал нас все дальше и дальше мимо заводских зданий, фабричных корпусов, мимо рабочих поселков». «Мысль невольно обращалась к тому,

¹ Смысловский Е. Артиллерийское снабжение. С. 188, 177—178.

² ОЖСМ 1916. С. 273.

что я много раз видел из окна вагона, проезжая по необъятным просторам России. Нескончаемой лентой тянулись поля, леса, долины, реки, бедные деревушки, одинокие церкви... Занесенные сугробами деревни и дремлющие заснеженные леса...»¹

Оставляя в стороне приятно волнующие данные о действительно значительном росте специальных производств, наблюдавшемся в годы войны, приходится — в согласии с реальностью достигнутого — признать, что русская военная промышленность, ее главнейшие в стране заводы не произвели чуда. В состязании с передовыми державами не оправдалась надежда на спасительное действие щедринского старозаветного политэкономического принципа «йён доста-а-нит». «Теперь, через 2,5 года войны, имеется ясное свидетельство о правильности принятого решения по заказу пороха в Америке и Японии, — с видимым удовлетворением констатировал обвиненный за всю артиллерию Кузьмин-Караваев в показаниях в январе 1917 г. — 50 процентов расходуемого в боях пороха ныне получается из-за границы, почти исключительно от тех заводов, которые поставили производство нашего пороха по моим заказам в сентябре 1914 года»². Также и в снабжении фронта винтовками Россия смогла обеспечить себя лишь наполовину. Для самостоятельного производства тяжелой артиллерии база почти отсутствовала. Сколько могла дать русская механическая промышленность массовых видов артиллерии и снарядов, остается неизвестным, потому что предельный объем такого рода продукции устанавливала другая отрасль военного хозяйства — металлургия. Получаемого металла могло хватить либо на те или иные снаряды, либо на те или иные пушки, либо на железнодорожные рельсы; приходилось что-то из этого выбирать.

При всем стремлении ослабить убедительность представлений об отсталости российской экономики военного времени, Н. Стоун пришел к выводу, что нельзя списать все провалы на нераспорядительность сухомлиновской администрации: важнее «то, что являлось в действительности

¹ Федоров В.Г. В поисках оружия. М., 1964. С. 146—147.

² ВПР. С. 652.

основной проблемой, — проблема хозяйственного развития. Пушки и корабли, — пишет Стоун, — нельзя построить без предварительных больших инвестиций», размер мощных расходов, вызываемых военными приготовлениями, зависел от степени отсталости экономики¹. Но действительно, само состояние экономики испытывало на себе действие идей, владевших умами правителей, влияние их представлений о пределах допустимого произвола в отношении собственников стратегически важных производств, а также и в отношении рабочих, занятых изготовлением вооружений. Особое правосознание верхов, основанное на иррациональной вере в самобытные устои народной и государственной жизни, ускоренно «прогрессируя» в условиях войны, расшатывало не только хозяйство империи, но и способность трудового населения переносить наглое попрание его интересов и достоинства.

За полгода до гибели правительство признавало, что не располагает для ведения войны «достаточно развитой промышленностью»². При международных сравнениях обычные в наше время указания на то, что Россия по уровню промышленного развития находилась недалеко от Франции, плохо согласуются с теми данными, которые характеризуют способность французской индустрии снабжать и свою и русскую армию вооружением и боеприпасами. Признавая за военной промышленностью роль критерия для оценки внутреннего состояния любой воюющей страны, придется приложить его и к России; при этом многое может сказать о хозяйственных силах империи сопоставление с тем, каковы были результаты военного напряжения Франции.

В одном только захваченном противником районе Брие французы в 1914 г. потеряли 83% добычи железной руды, свыше 60% производства чугуна, стали и угля, 45% электроэнергии. Тем не менее к концу первого года войны французская армия была оснащена «лучше любой другой союз-

¹ Stone N. The Eastern Front. P. 12—14, 29. Джоунс это противоречие, появившееся у Стоуна, не воспринимает и более последовательно отрицает существенную роль экономической отсталости вообще и финансовой слабости (Jones D.R. Imperial Russia's Forces at War. P. 265).

² ОЖСМ 1916. С. 430.

ной армии»; она уже не испытывала недостатка в винтовках, патронах, полевых орудиях и снарядах к ним, хотя не имела излишка в орудиях и винтовках. Франция производила больше артиллерии и боеприпасов, чем Англия, снабжала ее Экспедиционный корпус орудиями и танками, большей частью самолетов, $\frac{4}{5}$ снарядов. Американские войска, прибывшие в 1917 г. в Европу, использовали против немцев 4194 орудия. В основном (3532 ствола) это были орудия, изготовленные на французских заводах, так же как 4874 из 6364 самолетов. Потеряв 85 из 170 доменных печей, 48 из 164 мартенов, 53 из 100 конверторов, 104 прокатных стана и т. д., Франция заново создавала промышленность чугуна и стали; часть угля и железа поступала из Англии. На удерживаемой территории французы удвоили количество металлургических печей и тиглей, на 75% увеличили количество электроплавильных печей, и эта страна «почти чудесным образом» превратилась в «арсенал Антанты». К середине 1915 г. французская артиллерия располагала почти таким же количеством легких орудий, как русская, но сверх того имела 3538 тяжелых орудий (в 1916 г. 3376), промышленность выпускала в начале 1916 г. 148 тысяч 75-мм снарядов в день¹.

В России на территории, не затронутой непосредственно военными действиями, было сосредоточено $\frac{4}{5}$ промышленного производства². Но из Франции Россия получала жизненно важную часть вооружения и боеприпасов, и русско-

¹ Зайончковский А. Мировая война 1914—1918 гг. М., 1938. Т. 2. С. 12, 42; Емец В.А. Указ. соч. С. 196—204; Бентковский И.И. Восстановление промышленности, путей сообщения и общих условий жизни в опустошенных войной областях Франции // Техничко-экономический вестник. 1921. Т. 2. № 1. С. 99; Doughty R.A. Op. cit. P. 35, 115, 175, 255—256, 511, 505; Horn M. Britain, France, and the Financing of the First World War. Montreal; London, 2002. P. 85; Hardach G. The First World War. Berkeley; Los Angeles, 1977. P. 87—88; McNeill W.H. Op. cit. P. 372; Stevenson D. French Strategy on the Western Front, 1914—1918 // Great War, Total War. Washington; Cambridge U.P., 2000. P. 297; Gatrell P. Poor Russia, Poor Show. P. 239; Hautcoeur P.-C. Was the Great War a Watershed? The Economic of WWI in France // The Economics of World War I. Cambridge U.P., 2005. P. 173; Strachan H. Op. cit. P. 1049—1051.

² Шигалин Г.И. Военная экономика в Первую мировую войну. М., 1956. С. 147—148; Предпринимательство и предприниматели России от истоков до начала XX века. М., 1997. С. 56.

му правительству приходилось вымаливать у союзника, например, тяжелую артиллерию (хотя бы старую!), боеприпасы, винтовки, самолеты, моторы, паровозы и деньги. Сверх небольшого внутреннего российского производства «все авиационное имущество можно было получать только из Франции»¹. Присвоенное России, по литературной традиции, место пятой промышленной державы мира плохо служит для оценки достигнутой степени развития страны: состояние военного снабжения раскрывает условность, относительность используемых критериев.

Неудовлетворенные исходом войны русские военные деятели усматривали одну из причин своих неудач в нежелании Франции оказать союзнику действенную помощь: на просьбу поделиться снарядами, выпускаемыми французами со своих заводов, «...мы получили отказ, — писал генерал М.А. Свечин. — У них не оказалось той жертвенности, которую проявили мы в начале войны», спасая Париж неподготовленным наступлением в Восточной Пруссии. «Лишь в 1916 г. французское правительство дало нам разрешение покупать небольшой процент продукции завода в Крезе». И брали дорого². Память подвела старого генерала и прислушавшихся к его свидетельству историков. Патриотическая газета в 1916 г. с восхищением описывала состоявшуюся в Париже церемонию награждения георгиевскими медалями французских рабочих. «Завод этот, на котором работают 6000 рабочих, изготовляющих снаряды для России, был специально выстроен по случаю войны в очень непродолжительный срок и считается во Франции последним словом технических усовершенствований... На заводе имеется огромная мастерская в 10 тысяч кв. метров... Мастерская блещет чистотою, залита светом и прекрасно вентилируется... Небольшие электрические автомобили бесшумно двигаются по мастерской, принимая снаряды и отвозя их прямо в железнодорожные вагоны, подходящие к самому заводу». Генерал Жилинский, проводивший на-

¹ Игнатъев А.А. Указ. соч. С. 412.

² Свечин М. Записки старого генерала о былом. Ницца, 1964. С. 110. Цит. по: *Первая мировая война: историографические мифы и историческая память*. Кн. 3. С. 119.

граждение французских рабочих по поручению Николая II, посетил с этой целью и еще пять снарядных заводов, везде его встречали с цветами, овациями¹.

«Французское правительство имело возможность оказать России несравненно большую помощь»; «к началу 1917 г. диспропорция в военно-техническом отношении между русской и англо-французской армиями достигла самых больших масштабов с начала войны», — констатировали историки. Союзники предоставляли русской армии «главным образом стрелковое вооружение и лишь минимальное количество артиллерии, боеприпасов и современного вида вооружений, якобы менее необходимых в условиях Восточного фронта», они «держали Россию в области вооружений на голодном пайке, в то время как их собственные армии были богато оснащены военной техникой»². В подобных многочисленных констатациях советской историографии получили отражение обиды царских генералов и сановников, почему-то полагавших, что союзники свою собственную «живую силу» не должны были беречь больше, чем царь — «наше несравненное доблестное и безропотное воинство»³. Позицию командования в этом вопросе ясно изложил на совещании 1 апреля 1916 г. в Могилеве, под председательством «Верховного Вождя», Алексеев. По его заключению, «французы во время Верденской операции ограничиваются лишь короткими контрударами», и в этом «более всего играет роль стремление не нести больших потерь и сохранить иссякающий людской запас». Такая тактика нам чужда. «Мы, при всей необходимости беречь людской материал, не должны руководствоваться такими соображениями: энергичный и удачно нанесенный контрудар может дать нам свободу маневрирования вне проволочных препятствий»⁴.

¹ *Милость* Государя Императора рабочим французских заводов // Земщина. 1916. 18 июня.

² *Емец В.А.* Указ. соч. С. 342, 340, 354; *Игнатъев А.В.* Русско-английские отношения накануне Октябрьской революции. С. 77; *Сидоров А.Л.* Экономическое положение России. С. 309.

³ Дневники императора Николая II. 1894—1918. М., 2013. Т. 2. Ч. 2. С. 83.

⁴ РГВИА. Ф. 2003. Оп. 2. Д. 1017. Л. 73 об.

Объяснимая эмоционально, обида на союзников, в сущности, должна была быть обращена этими деятелями на самих себя. На них лежала ответственность за вступление в войну, не имея для этого ресурсов, сознавая негодную, провальную подготовку собственной промышленности. С учетом этой стороны дела, выдвигаемые вовне обвинения в недостаточной чуткости к нуждам России были направлены, в сущности, на самооправдание (ту же задачу пропаганда наспех решала также преданием позору Сухомлинова и Кузьмина-Караваева, повешением С.Н. Мясоедова), перекалывание тяжелого морально-политического груза на зловредного соратника-конкурента. Исторически и психологически это непонимание стремления союзников вооружить прежде всего их собственные войска объяснимо: сама романовская военщина готова была решать свои «исторические» задачи, не считаясь с отсутствием материальных ресурсов и ценой любых жертв, бросая в бой пехоту с дубинами вместо ружей.

«У них так, а у нас так», — говорил о французах Жилинский, объясняя меньший комплект снарядов в русской артиллерии¹. Однако в окопах действительность, истинное положение вещей осознавались острее. Получив в конце 1914 г. директиву расходовать в день не более одного снаряда на орудие, командир артиллерийской бригады сразу догадался, к чему это приведет. «Нет, Борис Николаевич... — говорил генерал П.М. Волкобой, — наш солдат нам этого не простит. Нас, офицеров, всех зарежут, будет такая революция, какой еще мир не видал!.. Мы все погибнем в ужаснейшем бунте». В августе 1917 г. он стал свидетелем расправы солдат над другими офицерами и сам едва уцелел. На его глазах были убиты комиссар фронта (Ф.Ф. Линде), начальник дивизии и командир полка. Волкобой, «почтенный старик, с седой бородой... “дедушка”, как звали его солдаты... убежал в землянку, плакал и умолял пощадить... Солдаты со смехом выволокли его из землянки, посадили в автомобиль и... отвезли в штаб его корпуса»².

¹ Игнатъев А.А. Указ. соч. С. 338.

² Сергеевский Б.Н. Указ. соч. С. 159—161; Краснов П.Н. На внутреннем фронте // Архив русской революции. [Берлин, 1921]. Т. 1. С. 111—112.

К 1917 г., когда для Российской империи фактически заканчивалось ее участие в «великой» войне, страна пришла с экономикой, максимально приспособленной для работы на фронт, что было достигнуто ценой не только приложенных властью и «общественными» организациями усилий, но и, прежде всего, высшего трудового и морального напряжения народа. Этих усилий и напряжения не хватило для того, чтобы империя устояла в состязании с другими «великими» державами. Главным материальным итогом оказалось беспрецедентное уничтожение и без того небогатых хозяйственных ресурсов, предопределившее состояние небывалой разрухи на годы вперед.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

а.о. — акционерное общество.

ВВФ — Военно-воздушный флот.

вел. кн. — великий князь.

ВПК — военно-промышленные комитеты.

ВПр — История создания и развития оборонно-промышленного комплекса России и СССР. 1900—1963. Документы и материалы. Военная промышленность России в начале XX века (1900—1917). М., 2004. Т. 1.

врид — временно исполняющий (исправляющий) должность.

ГАРФ — Государственный архив Российской Федерации.

ГАУ — Главное артиллерийское управление Военного министерства.

ГВТУ — Главное военно-техническое управление Военного министерства.

ГЖУ — губернское жандармское управление.

ГУГШ — Главное управление Генерального штаба.

ГПИБ — Государственная публичная историческая библиотека.

ДБК IV/5 — Доклады Бюджетной комиссии Государственной думы (Созыв IV. Сессия 5-я).

дм — дюйм, дюймовый.

ЖОСО 1915 — Журналы Особого совещания по обороне государства. 1915 год. М., 1975; ЖОСО 1916 — то же. 1916 год. М., 1977; ЖОСО 1917 — то же. 1917 год. М., 1978.

КВМ — Канцелярия Военного министерства.

лин. — линейный.

л. с. — лошадиных сил.

МГШ — Морской генеральный штаб.

МПС — Министерство путей сообщения.

НИОР РГБ — Научно-исследовательский отдел рукописей Российской государственной библиотеки.

ОЖСМ 1908 — Особые журналы Совета министров царской России. 1908 год. М., 1988; ОЖСМ 1909 — то же. М., 2000;

- ОЖСМ 1910 — то же. М., 2001; ОЖСМ 1911 — то же. М., 2002; ОЖСМ 1912 — то же. М., 2004; ОЖСМ 1913 — то же. М., 2005; ОЖСМ 1914 — то же. М., 2006.
- ОЗГД — Объяснительная записка по смете Горного департамента.
- ПОЗ — Петроградский оружейный завод.
- Прил. — Приложение.
- РАО — Императорское Русское автомобильное общество.
- РАОАЗ — Русское акционерное общество артиллерийских заводов.
- РГВИА — Российский государственный военно-исторический архив.
- РГИА — Российский государственный исторический архив.
- СВП — История создания и развития оборонно-промышленного комплекса России и СССР. 1900—1963. Документы и материалы. Советское военно-промышленное производство (1918—1926). М., 2005. Т. 2.
- СГО — Совет государственной обороны.
сек. — секундный.
- СОГД III/2 — Государственная дума (Созыв III/Сессия 2-я). Стенографические отчеты.
- СОГС — Государственный совет. Стенографические отчеты.
- СОЗ — Сестрорецкий оружейный завод.
- СУ — Собрание узаконений и распоряжений правительства.
- ТАОН — Тяжелая артиллерия особого назначения.
т-во — товарищество.
- ТОЗ — Тульский оружейный завод.
- Упарт — Управление полевого генерал-инспектора артиллерии.
- ЦВПК — Центральный военно-промышленный комитет.
- Энциклопедия — Россия в Первой мировой войне. 1914—1918: Энциклопедия: В 3 т. М., 2014.
- ЭПР — Экономическое положение России накануне Великой Октябрьской социалистической революции: Документы и материалы. М.; Л., 1957. Ч. 1, 2.
- dlib.rsl.ru/01003391035 — Электронная библиотека Российской государственной библиотеки.

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН

- Абаза А.А. 323
 Адамов В.В. 19
 Адо В.И. 293
 Айрапетов О.Р. 23, 280, 283, 284
 Александр I 311
 Александр II 34, 308, 320, 325
 Александр III 321, 338
 Александр Михайлович, вел. кн. 205, 206
 Алексеев М.В. 65, 141, 155, 268, 369
 Алексеева Е.Д. 157
 Альбицкий В.И. 231
 Амиркулиев Г.Д. 232
 Апшенеке Э. 252
 Астров П.И. 339
 Афанасенко И.Д. 32
 Афанасьев Л.И. 120
 Ахт Г.В. 179, 184
 Ашурков В.Н. 84
 Б. 307
 Бабичев Д.С. 102, 111, 132, 151, 297
 Баданов В.Г. 239
 Балинский П.И. 78, 79, 80
 Барановский П.В. 121
 Барк П.Л. 58, 78, 80, 89, 158, 254, 344, 345, 363
 Баркер Ф. 77
 Барсуков Е.З. 47, 84, 87, 127, 129, 130, 139, 156, 158, 169—171, 173, 256, 257, 288, 362
 Бас И.Л. 21
 Басаков В.П. 235
 Басов Н.П. 66, 143
 Бастракова М.С. 192
 Баумгарт К.К. 190
 Бахметев Б.А. 105
 Бахрах А.М. 179, 180, 192—195, 197, 201, 216
 Безобразов В.М. 60
 Белаш Е.Ю. 22, 156
 Белявский М.Т. 359
 Беляев М.А. 60, 63—66, 88—90, 117, 133, 137, 155, 158
 Беляцкий С.А. 317, 344
 Бенгуерель Л.Л. 184
 Бентковский И.И. 367
 Берберова Н.Н. 292
 Бердяев Н.А. 42, 303, 304
 Бескровный Л.Г. 57, 173
 Бестужев И.В. 20
 Биндзейль 184
 Биркеланд К. 223—225
 Битков А.А. 76, 77
 Бобрицкий 233
 Бовыкин В.И. 20, 49, 270, 309
 Богатко Н.И. 270
 Бодров А.В. 158, 169, 172
 Боженкова М.И. 284
 Бокарев Ю.П. 26
 Большакова О.В. 357
 Бонвеч Б. 113, 255
 Бонч-Бруевич М.Д. 350
 Бастракова М.С. 192
 Бородин Л.И. 15

- Бострем И.Ф. 179
 Бош К. 223, 238
 Брейтерман А.Д. 123
 Бромлей, бр. 16
 Брусилов А.А. 174, 271
 Бужинский И.М. 218
 Булатов В.В. 81, 251, 284
 Булдаков В.П. 21, 301
 Бунсен М. 295
 Бухарин Н.И. 12, 31, 41
 Быков О.Н. 20

 Вайнштейн А.Л. 25—28, 31, 32
 Ванков С.Н. 84, 134, 147, 157, 172, 190, 253, 299
 Варун-Секрет С.Т. 138
 Васильчиков Б.А. 332
 Венецианов М.С. 311, 313
 Вернадский В.И. 35
 Вернандер А.П. 50, 77—79, 231, 251, 252
 Вильямс Х. 296
 Виноградов В.Н. 23
 Виноградов П.В. 99, 158, 169, 172
 Виноградов С.Е. 111
 Витте С.Ю. 35, 294, 325, 326, 356
 Витторф Н.Н. 221
 Волковой П.М. 370
 Волков Е.Н. 202, 205, 206, 209, 210, 212, 213, 215
 Волобуев П.В. 18
 Волосатов Е.М. 144, 145
 Вольф Н.Б. 193
 Вормс А.Э. 339
 Воробьев Н.Я. 13
 Воронкова С.В. 113, 243, 249, 250, 252, 261
 Воронцов А.Р. 311
 Восторгов И.И., прот. 302
 Второв Н.А. 147, 355
 Вудс 103
 Вуколов С.П. 221
 Вышинский А.Я. 109
 Вышнеградский А.И. 235
 Вяткин М.П. 56

 Габер Ф. 223, 234, 238, 241
 Гаврилов Л.М. 155
 Гагарин А.Г. 209, 212

 Ганелин Р.Ш. 8, 10, 15
 Гарафутдинов Р.А. 146
 Гарднер Д.Д. 204
 Гарин Н.П. 96, 104
 Гвоздев С. см. Клепиков А.К.
 Гербер П. 184
 Гермониус Э.К. 87, 88, 111, 146, 212
 Гертель 184
 Герцик-Полубенский К.С. 177, 183
 Гершун А.Л. 177, 180, 188, 189, 192, 193, 197
 Гибер фон Грейфенфельс В.И. 142
 Гиндин И.Ф. 318, 319, 323, 324, 326
 Гинсберг А.Д. 176, 182
 Глебов Б.Д. 283
 Гнатюк О.Л. 33
 Голеевский Н.Л. 256, 295
 Голлербах Е.А. 303
 Головин Н.Н. 23, 60, 126, 127, 155, 278
 Головнин А.В. 34
 Голубев И.Я. 116
 Гольберг Я.М. 256, 258, 260
 Гончаров В.А. 220
 Горбов А.И. 220, 221, 223—225, 228—230, 236, 239
 Горемыкин И.Л. 79, 273, 294, 337
 Гребенщиков И.В. 201, 202, 205
 Грезер 184
 Грей Э. 255, 294
 Грейг С.А. 318
 Григорович Д.П. 263
 Григорович И.К. 58, 187, 337, 350
 Григорьев, полк. 170
 Грищенко А.И. 351, 353, 354
 Гросс Ф.Х. 193
 Гроций Гуго 348
 Груев Д.С. 104
 Грум-Гржимайло В.Е. 200, 209
 Гужон Ю.П. 355
 Гуль Р.Б. 362
 Гуревич С.Л. 215
 Гурко Вас.И. 106, 140, 155, 156, 159, 271
 Гурко Вл.И. 15, 125
 Гучков А.И. 277, 284
 Гучков Н.И. 355
 Гэттрелл П. 11, 13, 37, 309

- Давыдов А.С. 331, 333
 Давыдов В.Ф. 253
 Данилов Е.А. 251, 252
 Данилов Н.А. 50
 Данилов О.Ю. 22, 23
 Демин В.Н. 176
 Деревянченко А.А. 259
 Джоунс Д. 24, 37—39, 125, 242, 366
 Дмитриев А.В. 123
 Дмитриев А.Л. 26
 Дмитриев И.С. 128, 138, 220
 Дружинин Н.М. 43
 Дубницкий А.Г. 85
 Дузь П.Д. 18, 264, 265
 Дунаевский Г.С. 104
 Дымман В.Л. 143
 Дымша М.П. 234
 Дякин В.С. 19, 294, 309, 336, 353, 355
 Евтеева П.М. 192
 Екатерина II 274, 358, 359
 Емец В.А. 67, 272, 367, 369
 Епанчин Н.А. 125
 Ефимов Ю.Д. 120, 122, 245
 Жилинский Я.Г. 48, 246, 266, 368, 370
 Жоффр Ж. 117
 Жук А.В. 70, 135
 Жуков А.Ю. 239
 Жуковский Г.Ю. 196, 198, 200—202, 206, 212, 215
 Жуковский Н.И. 101
 Забудский Г.А. 221, 227—230, 233, 235, 236, 238
 Загорулько М.М. 81
 Задтлер А. 184
 Зайончковский А.М. 47, 48, 62, 143, 367
 Залесский С.А. 136, 165
 Залюбовский А.П. 64, 66, 67, 72, 74—76, 81, 85, 86, 88, 90, 92—98, 100—105, 114, 116, 117, 121, 129, 132, 145, 146, 149, 278
 Звегинцов А.И. 47
 Земцов Б.Н. 305
 Зенгер В.В. 233, 235
 Зиноватный П.С. 351, 353, 354
 Зомбарт В. 7
 Зонтов И.М. 122
 Зыбин С.А. 120, 122
 Иванов В.М. 235
 Иванов Н.И. 180, 181, 189, 193, 217
 Иванов Ф.А. 165
 Ивановский 362
 Игнатъев А.А. 60, 117, 135, 155, 169, 171, 172, 191, 203, 204, 211, 217, 368, 370
 Игнатъев А.В. 112, 294, 369
 Игнатъев П.Н. 198, 209, 216
 Иконников В.С. 312
 Ионичев Н.П. 249
 Иоффе А.Е. 134, 169
 Ипатьев В.Н. 221, 223
 Исаченко В.В. 317
 Калеп Ф.Г. 266, 267
 Калинин Л.Д., прот. 302
 Канинский Г.Г. 246, 247, 259
 Карачан П.П. 138
 Кафенгауз Л.Б. 29—31, 40, 41
 Качалов Н.Н. 197, 199—202, 204, 205, 216, 218
 Кейль 184
 Керенский А.Ф. 336
 Керсновский А.А. 277
 Кинг Дж. 7, 66, 140, 264
 Кинд В.А. 136
 Кирилец С.В. 246, 247, 259
 Киселев Р.В. 357
 Китченер Г. 294, 295, 297
 Клепиков А.К. (Гвоздев С.) 358
 Клименко К.И. 250
 Клод Ж. 241
 Кнепфмахер Г. 184, 185
 Коваленко Д.А. 126
 Ковальченко И.Д. 26, 43
 Ковальчук М.А. 312, 330, 335
 Коковцов В.Н. 35
 Колосов А.К. 241
 Колуэлл Ч. 295
 Колчак А.В. 23
 Колчак В.И. 321, 323
 Комягин Д.Л. 42
 Коновалова А.В. 15
 Кононков А.Ф. 177, 183, 200, 210, 218, 219

- Конотопов М.В. 260
 Константин Николаевич, вел. кн. 320
 Кораблев Н.А. 239
 Корзухин И.А. 212
 Корицкий Э.Б. 7
 Коро Г.Ф. 177, 188
 Королев А.А. 118, 120
 Корольков А.Л. 182, 184, 185, 189, 196, 230
 Коротков Д.С. 67
 Косторниченко В.Н. 81
 Кострикова Е.Г. 36
 Котельников В.Р. 267
 Котляревский С.А. 34
 Кочешков Г.Н. 259
 Кравченко Г.С. 11, 12
 Краснов П.Н. 370
 Крестовников Г.А. 243
 Кривошеин А.В. 58, 259, 273, 341—344, 347
 Кривошеин Г.Г. 260, 261
 Кротт И.И. 258
 Крупина Т.Д. 133
 Крылов А.Н. 343, 344, 349
 Крымов А.М. 289
 Кувшинов В.А. 260
 Кудрявцев С.Г. 319, 321
 Кузнец С.А. 25, 27, 28
 Кузьмин-Караваев Д.Д. 48, 61, 63, 114, 116, 117, 123, 231, 285, 365, 370
 Кузьминский В.В. 64, 79
 Кузык Б.Н. 12, 33
 Кулешов С.В. 244
 Куликов С.В. 292
 Кулиш В.М. 20
 Кун М.А. 87—89
 Купер Дж. 243, 244
 Курихин О.В. 243
 Курицын И.С. 311
 Курнаков Н.С. 201, 221
 Куропаткин А.Н. 139, 140
 Кутузов В.В. 155
 Лаверычев В.Я. 320
 Лебедев В.А. 16, 261
 Левитский А.С. 56
 Лемке М.К. 288
 Ленин В.И. 19
 Леонтьев К.Н. 32
 Летяев В.А. 244, 357
 Лехович В.А. 63, 89, 96, 116, 169, 173, 256, 257
 Ливен Д. 36
 Лизунов П.В. 16
 Линде Ф.Ф. 370
 Линдеман К.Э. 329, 330, 332, 336, 356
 Литвиненко Д.В. 92
 Литуев В.Н. 309
 Личутин Вл. 32
 Лодыженский И.Н. 78, 214
 Лойко О.А. 184—186, 212
 Лопухин Б.В. 294
 Лукашевич С.В. 47
 Лукомский А.С. 64, 78, 80, 93, 101, 121, 168, 208, 233, 235, 252, 256, 276
 Лукьянов П.М. 241
 Львов Г.Е. 289—292
 Льюис Р. 243, 244
 Люксембург Р. 28
 Ляндрес С. 289
 Маевский И.В. 24
 Макаров А.А. 329
 Маклаков Н.А. 294
 Макнил У.Х. 38
 Макушев А.А. 198
 Малахов Г.В. 85, 108, 267
 Малинина Т.А. 197
 Малыгина А.А. 158, 169, 172
 Мамин Я.В. 259
 Маниковский А.А. 53, 67, 81, 84, 86, 89—96, 100, 104, 112, 117—121, 124, 125, 127—130, 132, 134, 135, 138, 139, 145, 146, 152, 153, 155—160, 164—167, 169—174, 181, 185, 207—210, 212, 214, 236, 240, 261, 274—279, 281, 283—285, 287—293, 296, 298, 300, 361, 362
 Маннергейм К.Г. 60
 Маркевич А.М. 9, 27—32, 36, 41
 Марков Н.Е. 49, 130, 276, 280, 281, 283, 284, 303
 Маркс К. 12, 27

- Маслов П.П. 12, 31, 41
 Маттель А.И. 339
 Матюнин А.Г. 174
 Мау В.А. 357
 Меершедт-Гюллесем И.В. 145
 Меллер А.П. 179, 192, 197
 Мелуа А.И. 193
 Мельгунов С.П. 289—292
 Мельников С.Л. 71
 Меньшиков М.О. 33—35
 Мессими А. 347, 348
 Мещеряков, прап. 362
 Миллер В.И. 19, 42
 Милнер А. 105, 111
 Милюков П.Н. 58, 304, 315
 Минаков А.Ю. 312
 Минц И.И. 277, 284
 Минц М.М. 20
 Минц Н.М. 70
 Миронов Б.Н. 22, 23, 301
 Миронов П.В. 88
 Мительман М.И. 283
 Миткевич В.Ф. 221, 224, 228—230, 236, 240
 Михаил Михайлович, вел. кн. 78
 Михайлов А.В. 85, 108, 267
 Михайлов В.С. 53, 66, 80, 84, 91, 98—101, 115, 116, 145—147, 153, 154, 168, 169, 179, 182, 195, 218, 239
 Михельсон А.А. 89, 212
 Монтэгу Э.С. 255
 Морган Дж.П. 92, 94, 102, 106, 226
 Мордвинов Н.С. 311, 312, 320, 336
 Морей Дж. 218
 Мошенский С.З. 15
 Мультиатули П.В. 289, 301
 Мухин М.Ю. 264
 Мышлаевский А.З. 130, 138
 Мясоедов С.Н. 370
 Наполеон I 313
 Нахтигаль Р. 239
 Недосекин В.И. 358
 Неклюдов Е.Г. 165
 Нелипович С.Г. 61, 123
 Нетесин Ю.Н. 16
 Нечаев-Мальцов Ю.С. 198
 Нечволодов П.П. 114
 Николаев А.М. 94
 Николай II 20, 33, 45, 51, 55, 63, 65, 74, 77, 85, 89, 115, 117, 139, 140, 181, 203, 205, 210, 246, 288, 289, 294, 295, 299, 325, 328, 338, 340, 356, 369
 Николай Николаевич, вел. кн. 272, 285, 290, 332
 Никонов В.А. 21—24, 40, 280, 284, 289, 292, 301, 304
 Нинциева Г.В. 7
 Новгородцев П.И. 348
 Новосильцев Л.Н. 289
 Нольде Б.Э. 23
 Оболенский Д.А. 314, 315
 Оболенский Н.Д. 194
 Обручев Н.А. 116
 Обручев Н.Н. 321, 323
 Обухов П.М. 319, 322
 Ольденбург С.С. 304
 Орлов А.В. 216
 Орлов М.Н. 150, 152
 Осиновский А.Н. 177, 183, 200, 210, 218, 219
 Оствальд В. 241
 Островский А.В. 25, 106
 Оськин М.В. 22
 Отто 184
 Ошарин А.В. 54, 178, 179, 181, 197
 Павлов А.В. 136
 Павлов А.Ю. 156
 Павловский М.Е. 161—163, 168
 Пайпс Р. 308
 Палицын Ф.Ф. 160, 171
 Парра-Мантуа Н. и Э. 16, 203, 204
 Перепелкин Я.Н. 192, 193
 Петр I 358
 Петр III 358
 Петр Николаевич, вел. кн. 221
 Петров Н.П. 137
 Петров Ю.А. 262, 355
 Петровский Г.Т. 199
 Петровский Н.И. 168, 211, 217
 Печаткин К.П. 237
 Пивоваров Ю.С. 23
 Пискотин М.И. 260

- Платонов О.А. 301
 Плеве П.А. 65
 Плеханов Г.В. 304
 Погребинский А.П. 24, 25
 Покровский А.С. 262
 Покровский Н.Н. 74, 132, 146,
 151, 152, 239, 240, 255, 297
 Поливанов А.А. 81, 88, 89, 117,
 167, 202, 205—209, 213, 227,
 236, 247, 252, 260, 275, 280,
 285, 288, 307, 341
 Полнер Т.И. 290, 291
 Половцевы 233
 Половцов А.А. 323
 Поморцев М.М. 180
 Понафидин Н.Е. 121
 Поплавский Ю.И. 145
 Попов П.А. 148, 151
 Поршнева О.С. 306
 Посошков И.Т. 32
 Потапов Н.М. 240
 Поткина И.В. 309, 310
 Правилова Е.А. 330
 Прохоров И.Н. 355
 Птицын В.В. 85, 108, 267
 Пуанкаре Р. 204
 Пузырев И.П. 244
 Путилов А.И. 233
 Путилов Н.И. 319
 Пушин Н.А. 201, 204

 Радлов Ф.Л. 235
 Радфорд Г.С. 101
 Раппепорт М.Л. 306
 Ратнер П.И. 233
 Раупах Р.Р. 332—334
 Рдултовский В.И. 144, 153, 154
 Редигер А.Ф. 54, 55, 180, 181, 192
 Рейтерн М.Х. 34, 318
 Рейхель А.Н. 177, 179, 180
 Репнин П.И. 358
 Рид К. 24, 36
 Ристе У. 232
 Родзянко М.В. 155, 273
 Родионов Н.А. 72, 279
 Родичев Ф.И. 357
 Рождественский Д.С. 177, 190,
 201, 202, 205, 211, 218, 219
 Розенберг У. 307, 308

 Розенфельд Я.С. 250
 Рубец А.Д. 243
 Рубинштейн Н.Л. 358
 Рубцов П.П. 221
 Рузский Н.В. 140, 175, 350
 Румянцев Е.Д. 146
 Рябая С.А. 47
 Рябушинские 112, 252, 260—262
 Рябушинский П.П. 260

 Сабуров П.А. 35
 Савич Н.В. 81
 Садаков М.А. 70
 Садовничий В.А. 241
 Сазонов С.Д. 294
 Санборн Дж. 277
 Сапожников А.В. 85, 86, 90, 91,
 93, 94, 97, 100, 101, 160, 221,
 224, 228—231, 234
 Сапрыкин Д.Л. 197
 Свечин М.А. 368
 Свицерский В.А. 204
 Свириденко Ю.П. 244
 Семенников В.П. 137
 Семенов-Тянь-Шанский В.П. 40
 Семенова Е.Ю. 338, 361
 Сенин А.С. 276
 Сеньявский А.С. 301
 Сербина К.Н. 359
 Сергеевский Б.Н. 125, 370
 Сергей Михайлович, вел. кн. 46,
 48—50, 63, 78, 82, 84, 87, 89,
 106, 138, 140, 144, 169, 173,
 174, 271, 272, 285, 287
 Серебренников И.И. 270
 Сидоров А.Л. 8, 13, 17, 18, 38—40,
 57, 66, 90, 108—111, 113, 118,
 121, 126, 131, 135, 158, 159,
 169—172, 238, 242, 263, 264,
 273, 295, 296, 369
 Сикорский И.И. 263
 Симчера В.М. 270
 Синайский В.И. 348
 Скубневский В.А. 270
 Сломинская Е.В. 216
 Сломницкий Крейцбергер 222
 Слонимский А.Г. 21
 Сметанин С.И. 244, 260
 Смирнов А.И. 122

- Смирнов С.А. 289—292
Смирнова Ю.Б. 260
Смит М.Н. 110
Смысловский Е.К. 11, 12, 78, 97,
115, 124—126, 159, 272, 293, 296,
363, 364
Соболев Г.Л. 330
Соболев Д.А. 263, 267—269
Соболев И.Г. 338, 353
Соколов А.К. 126
Соколов Ю.В. 156
Солженицын А.И. 347
Солодовников П.Г. 164, 165, 167,
168, 284
Сондерс Д. 8
Сорокин В.Н. 265, 266
Сотников М.А. 83, 108
Станиславская А.М. 20
Старииков Н.В. 301
Стеблин-Каменский Е.Е. 348
Стожаров А.И. 200, 201, 205, 206,
209, 216—218
Столыпин П.А. 327, 329
Стоун Н. 7, 9, 23—25, 31, 38, 39,
108—113, 123—125, 140, 238,
242, 264, 365, 366
Строгонов В.И. 248
Струве П.Б. 7, 26, 33, 42
Струмилин С.Г. 109—111, 113
Стречен Х. 38, 126
Сухов В.А. 61, 82, 84—86, 94, 107
Сухомятинов В.А. 17, 46, 49, 50, 54,
58, 61, 76—78, 80, 84, 114, 126,
144, 181, 194, 231, 233, 235,
245, 246, 273, 370
Такман Б. 8
Тарнке Б.Ф. 205
Тарновский К.Н. 13, 18, 38, 40,
112, 137, 270, 273
Таубе М.А. 294
Тер-Асатуров Д.Г. 94
Тесля А.А. 312, 330, 335
Тимашев С.И. 14, 165
Тиме И.А. 199
Тимофеев Д.В. 311, 313, 314
Тимрот А.К. 76, 77
Тиханович-Савицкий Н.Н. 297
Тищенко В.В. 199
Тищенко В.Е. 197, 199, 201, 241
Ткачев В.М. 247
Токарский М.А. 225—227, 236—238
Толстой И.И. 356
Тома А. 172
Торпан Н.И. 16
Третьяков П.П. 85
Трофимова Е.В. 220
Туган-Барановский В.Л. 75
Туманова А.С. 357
Тютрюмов И.М. 310, 344
Тютюкин С.В. 305
Уильямс Ст. 310
Улуныан Ар.А. 20
Ульянский А.Г. 283
Унтербергер П.Ф. 233
Уортман Р. 308, 309
Урибес-Санчес Э. 129, 220
Утин Я.И. 80
Уткин А.И. 38, 59, 109, 242
Федоров В.Г. 86, 107, 150, 364, 365
Федоров С.И. 94, 95, 104
Федосеев С.Л. 84, 127
Федулин А.А. 244
Филатов Н.М. 185, 186
Философов П.С. 192, 198
Фийшер Э. 185, 186
Фомичев А.М. 67
Фонштейн Н.И. 257, 258
Фредер Ф.А. 225
Фредерикс В.Б. 192, 194, 195, 206,
215
Фрейберг С.И. 189, 211
Форд Г. 261
Фролов П.А. 89, 118, 158, 286, 297,
298, 344, 345, 363
Харитонов П.А. 80
Харрисон М. 9, 27—32, 36, 37, 41
Хатисов А.И. 289—292
Хатунцев С.П. 93
Хауман Х. 38, 39
Хвостов А.Н. 336
Хеймсон (Хаймсон) Л. 307, 308
Хиггс Р. 28, 29, 31
Холквист П. 7
Хошимура Ш. 12

- Храбров Н.М. 94—96
Хрулев Д.С. 235
Хрулев С.С. 41
- Цейтлин М.А. 197, 205
Циглер А.Н. 64, 93
Цирель С.В. 307
Цукерман Ф. 91, 103
- Чарновский Н.Ф. 133
Череп-Спиридович А.И. 40
Чернушевич Л.Н. 244, 245
Чичибабин А.Е. 192
Чуднов Г.М. 83, 108
- Шамбаров В.Е. 242
Шапиро А.Л. 54
Шаров П.В. 245, 255
Шателен М.А. 225
Шаховской В.Н. 254, 260, 349—353
Шацилло К.Ф. 18—20, 27, 36, 42, 45, 47, 50, 53, 58, 62
Шевырев А.П. 35, 324
Шелохаев В.В. 304
Шепелев А.Н. 259
Шепелев Л.Е. 328
Шестаков И.А. 323
Шетов В.Х. 7
Шигалин Г.И. 12, 367
Шильцев Е.А. 262, 268
Ширшов В.П. 244
Шишкин В.Ф. 303
Шишков А.С. 311, 312, 314, 318, 320
Шляхтинский К.В. 244, 250
Шпан К.К. 178
Шпотов Б.М. 261
Шредер И.Ф. 221, 230
Штоф А.А. 177
Штраус В. 252
Штюмер Б.В. 136, 288, 298, 350
Шуваев Д.С. 87—89, 95, 96, 133, 155, 172, 175, 213, 215, 286, 307, 350, 363
Шувалов А.П. 358, 359
Шугуров Л.М. 244, 246, 247, 250, 257, 262
Шумилов Е.Ф. 67, 69
Шумкин Г.Н. 136
- Шагин Э.М. 23, 24, 30, 242, 244
Щегловитов И.Г. 294
- Эбелов М.И. 332
Эверт А.Е. 139, 140, 174, 175
Эдельгауз Г.Е. 43
Эйде С. 223—226, 236
Экземплярский В.И. 348
Экштейн Г. 28
Экштут С.А. 302
Энгельс Ф. 12, 27
- Юрге В.Ф. 183
Юргенс Б.А. 226, 229, 239
Юстиниан 348, 349
- Яблочков Т.М. 339
Якимович А.А. 45, 64, 223
Яковлев М.Н. 107
Яковлев Н.Н. 8, 25
Янушкевич Н.Н. 61, 272, 273, 285, 296
Яхимович З.П. 19, 20, 42
Яхонтов А.Н. 273, 298
- Beaver D.R. 31
Bonwetsch B. 113, 255
Brian E. 307
Broadberry St. 37
Brose E.D. 31
- Clark Chr. 59
Crutwell C.R.M.F. 49, 60
- De Groot G.J. 8, 31
Derry T.K. 226
Doughty R.A. 295, 367
- French D. 47
Fuller C. 59
- Gatrell P. 11, 37, 309, 367
Girault R. 16
Gourko B. 156, 159
Grünhut C.S. 313
- Hardach G. 367
Harrison M. 37
Haumann H. 38, 39, 109, 277

- Hautcoeur P. 367
 Heimson (Haimson) L. 307
 Higgs R. 28
 Higham R. 24
 Holquist P. 7
 Horn M. 367
 I.S. 353
 Jones D.R. 24, 37—39, 124, 126,
 169, 242, 277, 366
 Joslin D. 8, 191
 Keegan J. 7, 67, 140, 264
 Kitchener H. 295
 Kuznets S. 25, 27, 28
 Lieven D. 36
 Lyandres S. 289
 MacLeod K. 191, 219
 MacLeod R. 191, 219
 McMeekin S. 295
 McNeill W.H. 38, 367
 Marge G.T. 253
 Mauersberg H. 231
 Messimy A. 347
 Morey G.W. 218
 Müller S.O. 20
 Murray W. 268
 Neilson K. 105, 112, 118, 295, 296
 Parra-Mantois 16
 Pascal P. 159
 Read Chr. 24, 36
 Rielage D.C. 94, 96, 99, 100, 102,
 103, 105, 106
 Sambrook St. 219
 Sapelli G. 307
 Saunders D. 9
 Showalter D.E. 24
 Simkins P. 295
 Soroka M. 61
 Stevenson D. 49, 297, 367
 Stone N. 7, 31, 38, 61, 67, 109, 113,
 124, 126, 140, 169, 238, 242,
 264, 277, 366
 Strachan H. 38, 47, 48, 124, 126,
 128, 297, 367
 Vitarbo G. 266
 Wildman A.K. 57
 Williams M.E.W. 188
 Winter J.M. 8
 Wortman R. 308
 Zuckerman F.S. 21, 91, 94, 99, 103,
 104

СОДЕРЖАНИЕ

От автора	5
1. Производство вооружения как проблема в литературе и обществе	11
2. В предвоенной гонке	44
3. Развитие военной промышленности в 1914—1917 гг.	60
Производство винтовок	60
Трёхлинейные патроны	114
Борьба со «снарядным голодом»	123
Трубки, взрыватели	141
Орудийная промышленность	155
4. Новые военные производства	176
Оптические приборы	176
Оптическое стекло	191
Связанный азот из воздуха	220
Автомобили	242
Самолеты и двигатели	263
Прочее	269
5. Политическое содержание военно-промышленной программы царизма	272
«Коммерческая тайна» артиллерийского снабжения	272
Генерал Маниковский и немецкие диверсанты	287
От войны к войне	293
6. Рабочий вопрос и «опрокинутое правосознание»	306
Место в мире (<i>Вместо заключения</i>)	362
Список сокращений	372
Указатель имен	374

Поликарпов Владимир Васильевич
РУССКАЯ ВОЕННО-
ПРОМЫШЛЕННАЯ ПОЛИТИКА
1914—1917

**Государственные задачи
и частные интересы**

Ответственный редактор *Л.И. Глебовская*
Художественный редактор *Е.Ю. Шурлапова*
Технический редактор *Н.В. Травкина*
Корректор *О.А. Левина*

Подписано в печать 26.05.2015.
Формат 84×108¹/₃₂. Бумага офсетная. Гарнитура «Ньютон».
Печать офсетная. Усл. печ. л. 20,16. Уч.-изд. л. 18,34.
Тираж 2 000 экз. Заказ № 4332.

ЗАО «Издательство Центрполиграф»
111024, Москва, 1-я ул. Энтузиастов, 15
E-MAIL: CNPOL@CNPOL.RU

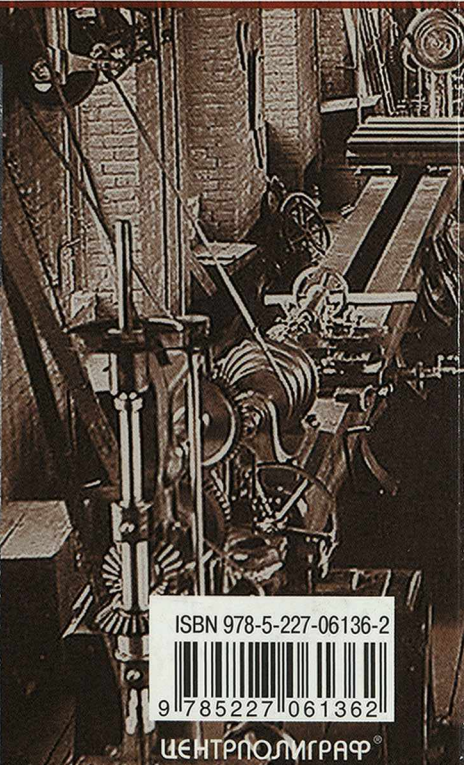
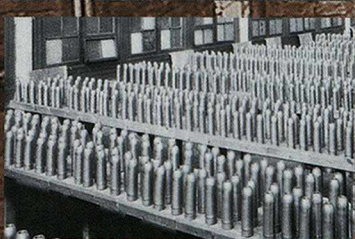
WWW.CENTROPOLIGRAF.RU

Отпечатано в АО «Первая Образцовая типография»,
филиал «УЛЬЯНОВСКИЙ ДОМ ПЕЧАТИ». 432980, г. Ульяновск, ул. Гончарова, 14

Состояние военной промышленности может служить показателем уровня экономического и культурного развития страны. Насколько успешно Российская империя снабжала свою армию винтовками, орудиями, боеприпасами? Чем были вызваны провалы в этой области? В какой мере удавалось возместить недостающее союзническими поставками? Поиск ответа на эти вопросы до сих пор является исследовательской задачей. Требуется отделить точно установленные данные, обоснованные источниками факты от надуманных построений, проследить реальную судьбу крупных замыслов и проектов, взаимодействие государственных структур и независимой от власти общественной инициативы. Развитие военной промышленности рассматривается в книге в связи с политическими и стратегическими решениями, в свете духовных традиций русской монархии.

2012058609

ISBN 978-5-227-06136-2

9 785227 061362

ЦЕНТРОЛИГРАФ®